Годъ 2-й. Кн. VII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1890, № 4.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.
1890.

Печатать разрѣшается. Москва, 23 декабря, 1890 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, профессоръ

Д. Анучинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

и Н. П. Кондаковъ: Русскія древности въ памятникахъ искусства, в. III. *В. Н. Сторожева* (190).—Губернскія архивныя коммиссіи (Рязанская, Орловская, Саратовская, Нижегородская, Таврическая, Тамбовская, Тверская). *Его же* (195).—Л. Ѳ. Змѣевъ: Былое врачебной Россіи, кн. 1. *Н. Я.* (197). — Georg Staehr: Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen des russischen Artels. I. *Н. Х.* (197). — Georg Böhling: Aus Nordrussischen Dörfern. *В. К—аго* (200). — П. Іорданъ: Сборникъ свѣдѣній по географіи и статистикѣ Эстляндской губ. *Н. Х.* (201). — Памятная книжка Ковенской губ. на 1890 г., состав. К. П. Гуковскимъ. *Е. Л.* (203). — Краткое описаніе Ковенской губ., сост. К. П. Гуковскимъ. *В. Х.* (203). — Б. А. Фридманъ: Юридическія возэрѣнія и обычаи крестьянъ с.-зап. края, преимущественно Ковенской губ., *Н. Х.* (204). — Памятн. книжка Гродненской губ. на 1890 г., *Е. Л.* (205). — Списокъ землевладѣній въ Гродненской губ., сост. П. Диковымъ., *Н. Я.* (206). — Адресъ-календарь Витебской губ. на 1890 годъ и Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Витеб. Губерн. Стат. Комитета за 1889 г. *Его-же* (206). — Сборникъ Херсонскаго земства, №№ 5, 6, 7. (208).—В. К. Магницкій: Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ у., Казанск. губерн., *В. К—аго* (208). — Е. Т. Соловьевъ: Гражданское право. Очерки народн. юридич. быта, в. I., *Н. Х.* (209). — 1. Матеріалы по статистикѣ Вятск. губ., т. V (Нолинск. у.), т. VI (Елабужскій у.). 2. Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губ., в. I. *Его-же* (211). — Извѣстія Императ. Томскаго Университета, I. *Его-же* (212). — Сибирскій сборникъ, вып. I, *Ал. И—скаго* (213). — Памятная книжка Енисейской губ. за 1890 г. *В. Х.* (214). — Н. В. Латкинъ: Красноярскій округъ, Енисейской г., *Н. Х.* (215). — Обзоръ Якутской области за 1888 годъ. *Его-же* (215). — Бар. П. К. Усларъ: Этнографія Кавказа. Языкознаніе. IV: Лакскій языкъ, *В. Миллера* (216). — R. von Erckert: Der Kaukasus und seine Völker. *А. Хах—ова* (218).—Jules Leclercq: Du Caucase aux monts Altai. *Его-же* (218). ·Gabriel Bonvalot: Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. *Его-же* (219).—Ed. de Kovalevsky: Les Kourdes et les Jésides ou les adorateurs du Démon.—*ница* (219). — Smithsonian Institution, 1889. *В. М—ра* (220).—Paolo Riccardi: Pregiudizi e superstizioni del popolo Modenese. *Н. Я.* (221).

ОЧЕРКИ КИРСАНОВСКАГО УѢЗДА
ТАМБОВСКОЙ ГУВ.
III.[1]

Продолжая наши очерки, мы бросимъ взглядъ на семейные обычаи, особенно свадебные; это выяснитъ намъ отчасти болѣе интимную жизнь Кирсановскаго крестьянина и положеніе женщины въ семьѣ.

Вступленіе въ бракъ крестьяне вообще считаютъ необходимостью, обязательною для каждаго сколько нибудь домовитаго человѣка. Исключенія бываютъ крайне рѣдки, и то лишь вслѣдствіе неимѣнія средствъ для того, чтобы справить свадьбу и прокормить семью, а также въ случаѣ неспособности къ работѣ. На холостыхъ смотрятъ неодобрительно; по ихъ адресу часто сыплются насмѣшки: „ходитъ неженатый, точно быкъ", „точно вѣтеръ въ полѣ ходитъ" и т. п. Но изъ этихъ насмѣшекъ еще не видно, чтобы безбрачіе считалось прямо предосудительнымъ, и будущая судьба безбрачныхъ на томъ свѣтѣ не характеризуется никакими особыми повѣрьями или разсказами. Между жителями есть немного невѣнчанныхъ; такое сожительство уже не только преслѣдуется насмѣшками, но и считается преступнымъ, караемымъ Богомъ. Лица, допускающіе наряду съ законнымъ бракомъ незаконное сожительство, положительно презираются, хотя особыхъ способовъ посрамленія соперниковъ, какъ это бываетъ въ другихъ

---

[1]) См. „Этн. Об." VI, 62.

мѣстахъ, здѣсь не существуетъ. Причиною такихъ незаконныхъ союзовъ бываютъ главнымъ образомъ браки противъ воли.

По воззрѣнію крестьянъ каждой деревни, всякая порядочная дѣвушка должна выйти замужъ, и чѣмъ раньше, напр. 16 лѣтъ, тѣмъ лучше: значитъ, по убѣжденію всѣхъ, ея качества были такъ хороши, что ей даже не дали возможности „поневѣститься", какъ это обыкновенно продолжается до 18—19 лѣтъ. Дѣвушка лѣтъ 20-ти считается засидѣвшеюся; ея, по возможности, избѣгаютъ женихи и берутъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Сказать, что главнымъ качествомъ дѣвушки, имѣющимъ вліяніе на скорое замужество, является нравственное поведеніе, было-бы ошибочно. Правда, когда-то на смѣлую, задорную дѣвушку, не стѣснявшуюся въ обращеніи съ мужчинами, смотрѣли непріязненно; но съ теченіемъ времени, когда въ деревню проникли нравы фабрично-городскіе, принесенные нѣкоторыми жителями изъ другихъ „цивилизованныхъ" мѣстъ, взглядъ этотъ въ значительной степени ослабился, и украшеніе дѣвушки—нравственность—потеряло прежнюю цѣну. Времена патріархальныя прошли безвозвратно. Въ другихъ мѣстахъ, какъ мы знаемъ, напр. въ дер. Потѣшкѣ и окрестныхъ селеніяхъ Колѣнской вол., Аткарскаго уѣзд., Саратовской губ., каждая невѣста оцѣнивается количествомъ и качествомъ ея любовниковъ: чѣмъ больше и лучше она имѣла или имѣетъ связей, тѣмъ, слѣдовательно, она больше имѣетъ качествъ, завидныхъ для постороннихъ. Такую невѣсту берутъ скоро и охотно. Въ Кирсановскомъ уѣздѣ подобные примѣры рѣдки; по большей части все-же вольное поведеніе считается немного зазорнымъ. Я говорю „немного" потому, что этотъ недостатокъ мало препятствуетъ браку. Главныя достоинства невѣсты, почти повсемѣстно, заключаются въ достаткѣ ея родителей и ея физической силѣ, дородности, отчасти, пожалуй, и красотѣ. Словомъ, невѣста оцѣнивается, какъ рабочая сила, какъ будущій помощникъ въ дѣлѣ веденія хозяйства мужа. Если дѣвка исправно работаетъ въ полѣ, ворочаетъ кули не хуже любого мужика, ей прощаются всѣ остальные недостатки. Часто случается, что гулящей дѣвкѣ

озорники ребята какимъ-нибудь образомъ доказываютъ ея нравственное паденіе: тайно мажутъ ворота ея родителей, отрѣзываютъ косы, публично избиваютъ, изрѣзываютъ въ клочки платье и проч., но на все это смотрятъ сквозь пальцы. Изобличенія эти рѣдко наказываются, чаще всего начинается перебранкою оскорбленныхъ родителей и кончается мировою съ выпивкой.

Безбрачными остаются по неволѣ дѣвушки, имѣющія природные физическіе недостатки. Матеріальное благосостояніе отца дѣвушки играетъ не маловажную роль; и дочь богатаго мужика, какъ-бы ни была она дурна, можетъ разсчитывать на болѣе скорое замужество, чѣмъ дочь бѣдныхъ родителей.

Обреченіе на безбрачіе бываетъ двухъ родовъ: родителями по случаю болѣзни дочери, а послѣднею — изъ-за нежеланія нести тяжелую работу. Близость монастырей и проѣзды монахинь имѣютъ въ этомъ случаѣ громадное вліяніе: дѣвушку соблазняетъ перспектива замѣнить свою домашнюю, черную работу возможностью ничего не дѣлать, въ волю поспать, сладко поѣсть и попить. Къ давшей обѣтъ безбрачія семья относится нехорошо, называя ее „ханжою", и всегда попрекаетъ. Объясняется это тѣмъ, что такая дѣвушка, называемая „черничкою", мало работаетъ, больше проводитъ время за молитвою и занимается хожденіемъ за пожертвованіями, а къ старости лѣтъ будетъ лишнимъ ртомъ для семьи. Пока жива мать, дѣвушка обыкновенно живетъ въ родной семьѣ, а по ея смерти чаще всего прогоняется и поступаетъ куда-нибудь въ услуженіе. Иногда онѣ выходятъ замужъ, причемъ кладка отъ жениха требуется тоже и за нихъ.

Въ дѣлахъ брачныхъ большое значеніе приписывается судьбѣ: „кому наречено на комъ жениться, отъ нея не уйдешь: значитъ, такъ на роду написано",—говорятъ крестьяне. Хотя для сватовства и посылается особый человѣкъ къ извѣстной невѣстѣ, но потомъ, если и получитъ отказъ, не смущается, помня правило: если не судьба, значитъ, и не сойдется.

Для узнанія суженаго, дѣвушки прибѣгаютъ къ гаданіямъ на святкахъ и передъ Новымъ годомъ. Одинъ изъ способовъ га-

данія состоитъ въ томъ, что часовъ въ 11 ночи дѣвушка выходитъ на свой дворъ, снимаетъ поясъ, называемый „покромкою“, свертываетъ его въ клубокъ, перекидываетъ черезъ ворота на улицу и затѣмъ смотритъ: направленіе, по которому упалъ поясъ, указываетъ на мѣстопребываніе жениха; при этомъ узнается и качество: если хорошій конецъ покромки упалъ по направленію къ улицѣ — значитъ женихъ хорошій, а другой конецъ, плохой — дурной. Другой способъ слѣдующій: кидается со двора черезъ ворота снятый съ ноги башмакъ, или лапоть; если онъ упадетъ верхней стороной — женихъ пьяница, нижней—скупой, бокомъ—ничего не значитъ. Третій способъ: ночью, когда семья, собираясь ужинать, положитъ ложки на столъ, дѣвушка беретъ свѣчу и спички, идетъ на дворъ въ овечій хлѣвъ, называемый „котухомъ“, ловитъ первую попавшуюся овцу и затѣмъ, зажегши свѣчу, смотритъ: бѣлая овца—бѣлолицый женихъ, черная—черномазый, пестрая—рябой. Четвертый и послѣдній способъ: берется стаканъ, наливается водою, и съ нимъ подходятъ къ окну чужой избы; если тамъ въ это время заговорятъ о водкѣ—женихъ пьяница, о дѣлѣ—работящій.

О дарованіи желаннаго жениха и невѣсты молятся Пресвятой Богородицѣ, Николаю угоднику и Михаилу архангелу, какъ самымъ почитаемымъ въ средѣ крестьянъ святымъ.

Въ бракъ вступаютъ обыкновенно въ возрастѣ: мужчины—19, а женщины — 17 лѣтъ. Причиною такого относительно ранняго брака служитъ, по обыкновенію, желаніе получить въ домъ работницу. Противниковъ раннихъ браковъ бываетъ мало; если же кто скажетъ что-нибудь противъ, ему отвѣтятъ: „была бы здорова, а въ зубы узнавать лѣта не полѣземъ“. Если пожелаютъ женить даже раньше срока, положеннаго по закону, хоть на полгода, то обыкновенно дается 5 р. лишнихъ священнику, а онъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи передъ архіереемъ. Такъ какъ мѣстное населеніе состоитъ исключительно изъ православнаго (раскольниковъ и сектантовъ вовсе нѣтъ), то заключенія браковъ въ слишкомъ раннемъ возрастѣ, отъ 11 до 15 лѣтъ, какъ это бываетъ у неправо-

славныхъ, здѣсь не случается. Соотвѣтствіе въ лѣтахъ теперь обыкновенно соблюдается. Вступаютъ въ бракъ сыновья и дочери по старшинству. Случаевъ засватыванія съ младенчества не было. Если крестьянинъ, принимая сироту, нарекаетъ ее невѣстою своего сына, бракъ почти всегда совершается, хотя договоръ воспитателя для сироты необязателенъ. Неотдавать дѣвушку замужъ, пока она не пробудетъ извѣстное число лѣтъ въ работницахъ, а равно по другимъ причинамъ, обычая нѣтъ. Устарѣвшія дѣвушки называются богомолками и сидѣлками, а иногда по отношенію къ нимъ говорятъ: „ни Богу свѣча, ни черту кочерга". Бракъ находятъ возможнымъ до 60 лѣтъ, но это уже крайность.

Невѣсту жениху указываютъ родители—таковъ ужъ обычай, и потому безъ увѣдомленія ихъ, исключительно по взаимному соглашенію, женихъ и невѣста въ бракъ не вступаютъ и никакихъ залоговъ другъ-другу не даютъ. Принято кое-гдѣ „просватывать" дѣтей лѣтъ за 6 до положеннаго закономъ возраста; въ этомъ случаѣ родители нареченныхъ по праздникамъ ежегодно собираются вмѣстѣ и гуляютъ, нареченные также играютъ вмѣстѣ. Голосъ матери, при выборѣ невѣстки всегда имѣетъ первенствующее значеніе; дѣло отца лишь уговориться о количествѣ кладки и денежныхъ расходовъ. На сторонѣ, въ солдатахъ и заработкахъ, крестьяне никогда не женятся, а приходятъ для этой цѣли домой. Очень часто бываетъ, что родители безъ вѣдома жениха, находящагося гдѣ нибудь на заработкахъ, усватываютъ ему невѣсту, а потомъ приведутъ его, женятъ, дадутъ пожить съ молодой дня три и опять отправляютъ на работу одного, оставляя невѣстку у себя; въ свою очередь, и родители дѣвушки не спрашиваютъ ея мнѣнія, рѣшая вопросъ по своему усмотрѣнію.

Большинство браковъ такимъ образомъ бываетъ по принужденію, что́ имѣетъ пагубное вліяніе на семейную жизнь и матеріальный бытъ. Мѣстное общество къ дѣламъ брачнымъ не имѣетъ никакого отношенія: его принужденія, согласія, воздѣйствія на родителей, помощи бѣднымъ невѣстамъ или извлеченія собственной выгоды, хотя бы въ видѣ задержанія

свадебнаго поѣзда до полученія угощенія водкой,—никогда не бываетъ.

Родители пользуются широкимъ правомъ самосуда надъ дѣтьми: не ограничиваясь самовольной расправой на дому, родитель вызываетъ сына въ мѣстную сельскую расправу, гдѣ его наказываютъ розгами. Часто лишаютъ дѣтей наслѣдства. Бѣжавшихъ изъ дому для вступленія въ бракъ бываетъ очень мало, и потому, для подобнаго рода проступка, въ мѣстномъ кодексѣ обычаевъ не имѣется никакого указанія. Служащіе у хозяевъ работники позволенія вступать въ бракъ не спрашиваютъ ни у властей, ни у хозяевъ.

Отъ жениха и невѣсты требуется, по обыкновенію, какъ преимущественное качество—здоровье и способность къ работѣ, а затѣмъ ужъ обращается нѣкоторое вниманіе и на внѣшность. Красотою называется у мужчинъ—высокій ростъ, сила, ловкость, кудри, преимущественно бѣлокурые, бѣлое лицо; а у женщинъ—средній ростъ, длинныя косы, бѣлое и румяное лицо, средняя полнота и вообще правильное физическое развитіе.

Подробные осмотры невѣсты рѣдки; родители освѣдомляются лишь о матеріальномъ положеніи будущаго свата, о наружныхъ свойствахъ жениха и невѣсты, и затѣмъ ужъ начинается сватовство. Спеціальныхъ свахъ не имѣется.

Браки бываютъ лишь между одинаковыми по состоянію; исключенія рѣдки. Сватаютъ и играютъ свадьбы всегда осенью. Случаются „засылы" невѣстиной родни къ болѣе богатому жениху, но подобныя предложенія обыкновенно отвергаются съ презрѣніемъ. Сватовству всегда предшествуетъ семейный совѣтъ, состоящій изъ отца, матери, старшихъ дѣтей и кумовьевъ. Совѣтъ происходитъ такимъ образомъ: отецъ собираетъ всѣхъ въ домъ, садится съ ними за столъ, накрытый скатертью съ положенными на немъ хлѣбомъ и солоницею, и ведетъ къ нимъ такую рѣчь: „Собралъ я васъ, мои милые, думу думать, дѣло порѣшить. Есть у насъ, вы знаете, паренекъ Ванька и ужъ на возрастѣ — 15 годъ пошелъ; пора подумать хозяйку ему найти, а старухѣ — помощницу. Какъ

вы думаете, и гдѣ дѣвку найти?“ Послѣ этого подаютъ мнѣнія остальные. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то дѣло рѣшается старшими: дядею, крестнымъ, вотчимомъ, мачехою, братомъ, воспитателемъ и даже, за отсутствіемъ таковыхъ, ближайшимъ сосѣдомъ-старикомъ. Когда разрѣшатъ вопросъ о невѣстѣ, назначаютъ сваху изъ ближайшихъ родственницъ и посылаютъ узнать въ извѣстный домъ; та придетъ одна, переговоритъ, узнаетъ о согласіи, суммѣ кладки, и если условія подходящія, то отецъ съ матерью и кумовьями даютъ знать о времени своего прибытія, покупаютъ четверть водки и ѣдутъ съ нею. Тутъ они предварительно подтвердятъ условія, переданныя свахою, затѣмъ выпьютъ водку, привезенную жениховымъ отцомъ, и посмотрятъ невѣсту. Невѣста придетъ изъ котуха (клѣти): поклонится, получитъ въ подарокъ отъ жениховой матери половину пирога, пару яблокъ или фунтъ кренделей и уйдетъ на прежнее мѣсто. На радостяхъ ея отецъ ставитъ тогда свою четверть водки; когда ее выпьютъ, всѣ гости поѣдутъ къ жениху, гдѣ идетъ та же церемонія съ угощеніемъ, при чемъ также показывается изъ клѣти женихъ и получаетъ въ подарокъ крендели или что-нибудь въ этомъ родѣ. Дѣвушки при этомъ не присутствуютъ. Съ этого времени брачный договоръ считается заключеннымъ, хотя между сватаньемъ и свадьбою проходитъ иногда отъ 2 до 6 лѣтъ.

Во время сватовства, сваты, безъ участія женщинъ, торгуются не только относительно расходовъ на угощенія, подарки и прочія издержки, но и о кладкѣ денежной, которую обязанъ отдать отецъ жениха отцу невѣсты до вѣнца; изъ нея покупается невѣстѣ нѣкоторое платье, подарки гостямъ и производится расходъ на гулянье. Вообще невѣстиному отцу мало приходится прикладывать своихъ денегъ: онъ обходится почти кладкою. При заключеніи брака, даритъ лишь невѣстина родня женихову кусками обыкновеннаго, простого, грубаго холста, размѣромъ въ $^1/_4$ арш. Женихъ подарковъ невѣстѣ и ея родственникамъ вовсе не дѣлаетъ. Если выходитъ замужъ вдова, обсуждается вопросъ о ея дѣтяхъ отъ перваго мужа, о ея имуществѣ и податяхъ на ней тяготѣю-

щихъ. При выходѣ въ другую деревню, не берется никакихъ выводныхъ денегъ.

Предбрачныя и брачныя условія заключаются словесно, письменныхъ не бываетъ. На случай неисполненія предбрачнаго договора, виновникъ его нарушенія обязывается извѣстной неустойкой; въ обезпеченіе дается залогъ, судя по состоянію, отъ 3 до 10 руб. Отъ брака могутъ отказываться лишь по болѣзни или замѣченному предосудительному поведенію жениха или невѣсты; въ другихъ случаяхъ, отказъ считается уже незаконнымъ, и виновный платитъ обиженному, по соглашенію или черезъ посредство суда, извѣстные убытки, но другому наказанію не подвергается.

Народъ при заключеніи брака приписываетъ большое значеніе свадебному пиру, но не настолько, чтобы допускать вступленіе въ сожительство послѣ пира до вѣнчанія или раздѣльную жизнь повѣнчанныхъ до свадебнаго пира.

Главные распорядители на свадебномъ пиру бываютъ: дружко, полудоржа, свожатый и зазывальщикъ; приглашаются они до сговора по общему соглашенію сватовъ. Обязанности ихъ заключаются въ слѣдующемъ: дружко подноситъ водку и угощаетъ гостей, полудоржа рѣжетъ подаваемыя на столъ блюда, свожатый наблюдаетъ за порядкомъ на пиру и въ поѣздѣ, вывозитъ своевременно и въ цѣлости всѣ сундуки и добро невѣсты въ домъ жениха, а зазывальщикъ заблаговременно приглашаетъ на пиръ гостей къ жениху. Знаковъ отличія они не носятъ и обязанности свои слагаютъ на третій день послѣ вѣнчанія. Братъ невѣсты не играетъ никакой роли въ обрядѣ. Зазывальщикъ ѣздитъ по домамъ на лошади и приглашаетъ гостей такимъ образомъ: „желаетъ васъ Ѳома Еремѣевичъ пожаловать къ нему съ конемъ, съ сѣдломъ, съ хлѣбомъ-солью. Пожалуйста, не оставьте!“ Въ день вѣнчанія дружко приходитъ въ домъ жениха, гдѣ уже соберутся гости, и говоритъ его отцу: „благословите, Ѳома Еремѣевичъ, меня за вашимъ сыномъ сходить, изготовить къ вѣнцу“. Отецъ говоритъ: „Богъ благословитъ“. Дружко уходитъ, отыскиваетъ въ клѣти совсѣмъ одѣтаго жениха, ведетъ и приговариваетъ

на каждомъ порогѣ: „во имя Отца и Сына“. Полудоржа слѣдуетъ за нимъ. Жениха заводятъ за столъ съ перваго конца и усаживаютъ въ переднемъ углу; онъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ другими, а затѣмъ его выводятъ изъ-за стола и становятъ въ углу. Дружко говоритъ отцу: „сумѣли вы вспоитъ, вскормить, сумѣйте благословить въ святую церковь проводить. Вамъ виднѣе передъ святымъ крестомъ и святымъ евангеліемъ“. Благословляютъ образомъ и отправляются всѣмъ поѣздомъ къ невѣстѣ. Тамъ женихъ слѣзаетъ, становится у окна, а невѣста начинаетъ кричать къ своимъ подругамъ: „подумайте, подружки, подумайте обо мнѣ, кто пріѣхалъ ко мнѣ! Куда я улечу, куда я скроюсь?“ Послѣ этихъ словъ женихъ входитъ въ домъ, а невѣста скрывается за особо-устроенной занавѣсью, состоящею изъ простой дерюги. Дружко ее выводитъ и сажаетъ за стомъ, гдѣ ее окружаютъ старухи и дѣвушки. Женихъ даетъ каждой изъ нихъ по копѣйкѣ, и онѣ уступаютъ мѣсто жениху рядомъ съ невѣстой. Послѣ благословенія родителями пары, закусываютъ и затѣмъ ѣдутъ въ церковь: женихъ и невѣста въ разныхъ телѣгахъ, а гости—какъ попало. Никакихъ вооруженныхъ схватокъ и сопротивленій при уходѣ невѣсты изъ родительскаго дома не бываетъ. Головной уборъ не выкупается и вообще невѣстѣ съ этого времени никакихъ подарковъ не дѣлается. Послѣ вѣнчанія женихъ и невѣста называются молодыми. Изъ церкви ѣдутъ прежнею дорогою.

По возвращеніи молодыхъ изъ церкви, ихъ минутъ на 20 посадятъ за столъ, и затѣмъ ведутъ въ холодную клѣть. Полудоржа кладетъ на постель подушку, ударяетъ по ней крестообразно четыре раза имѣющимся въ рукахъ кнутомъ, потомъ схватываетъ молодую въ охапку и кладетъ; молодой ложится самъ. Брачная постель устраивается въ холодномъ помѣщеніи во всякое время года. Минутъ черезъ пять, тѣ же лица поднимаютъ ихъ и ведутъ на пиръ, гдѣ они все время сидятъ рядомъ, понурившись, и только успѣваютъ вставать во весь ростъ и кланяться каждому выпивающему гостю въ поясъ, да подслащать угощенія поцѣлуями на требованіе

пьяной толпы. Дѣвушки, сдавъ до вѣнца невѣсту въ ея домѣ, на свадебномъ пиру ужъ не присутствуютъ. Для скрытія потери невинности невѣста ни къ какимъ хитростямъ не прибѣгаетъ и полагается лишь на великодушіе молодого, который можетъ солгать родственникамъ. Подобное обстоятельство дѣлается извѣстнымъ только ближайшимъ родственникамъ, при коихъ родители жениха, выпивая рюмку, опрокидываютъ ее вверхъ дномъ; тогда какъ въ противномъ случаѣ остатокъ водки, въ знакъ торжества, выплескиваютъ въ потолокъ; другихъ обрядовъ посрамленія не существуетъ. Свекровь, между прочимъ, побранитъ, постыдитъ невѣстку, а та помолчитъ и поплачетъ. Ни побоевъ, ни штрафовъ, ни церковнаго покаянія не бываетъ. Точно также и обрядовъ чествованія цѣломудренной, кромѣ описаннаго, не совершается. Если молодой окажется неспособнымъ къ брачному общенію, то обращаются къ ворожкѣ, которая что-нибудь пошепчетъ и за это возьметъ пудъ или два муки. Неспособность объясняется колдовствомъ: злой врагъ околдовалъ молодыхъ, когда они шли изъ церкви, въ дверяхъ или на брачной постели. Брачныя отношенія запрещаются до истеченія трехъ дней послѣ свадьбы. Дѣлается это изъ религіознаго побужденія: когда на третій день молодые пойдутъ въ домъ къ отцу молодой, тамъ зажигается передъ иконою свѣча, передъ которою молятся, и затѣмъ размѣщаются закусывать. Но немногіе молодые выполняютъ это правило трехдневнаго воздержанія.

По воззрѣніямъ народнымъ, можно вступать въ бракъ не болѣе 3 разъ, но все таки даже ко второму браку бездѣтнаго крестьянина относятся несочувственно, говоря: „баловство это; вторая жена—не хозяйка, а сосѣдка“. Другое дѣло, если женится второй разъ человѣкъ, имѣющій на рукахъ маленькихъ дѣтей и хозяйство; ему извиняется бракъ необходимостью имѣть въ домѣ работницу и няньку для дѣтей; поэтому вдовцы, имѣющіе взрослыхъ дѣтей, рѣдко женятся. При этомъ нѣтъ наблюдаемаго въ иныхъ мѣстахъ обычая, дозволяющаго только два раза жениться на дѣвушкахъ, а въ третій разъ лишь на вдовѣ. Въ новый бракъ можно вступать лишь по

истеченіи 6-ти недѣль со времени смерти супруга; срокъ этотъ полагается потому, что, по мнѣнію крестьянъ, втеченіе этого времени, душа покойнаго бродитъ на землѣ и невидимо пребываетъ въ прежнемъ своемъ домѣ. До истеченія этого срока, вдовы изъ дома свекра не выходятъ. Свадьба вдовца отличается совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ церемоній, положенныхъ у вѣнчающихся первый разъ.

Случая формальнаго развода на моей памяти не было ни одного; фактическое разлученіе—расходъ все-таки существуетъ подъ вліяніемъ дурного обращенія мужа, его пьянства и происходящаго вслѣдствіе того разстройства въ хозяйствѣ, а также вслѣдствіе распутства. Но волостные суды ни въ какомъ случаѣ не выдаютъ женѣ, безъ согласія мужа, отдѣльнаго вида на жительство. Хотя бы мужъ и не былъ способенъ къ брачному сожитію, свидѣтельству онъ не подвергается никакому, а жена остается при немъ и продолжаетъ нести всѣ труды по управленію домашнимъ хозяйствомъ. Если жена ведетъ себя безнравственно, мужъ не отпускаетъ ее отъ себя, а лишь наказываетъ при каждомъ обнаруженномъ случаѣ невѣрности. Добровольныя соглашенія вести раздѣльную жизнь бываютъ иногда между пожилыми, но при этомъ мужъ не обязывается давать женѣ пропитаніе, и никакихъ актовъ объ условіяхъ расхода не составляется. При добровольномъ разлученіи, жена беретъ съ собою только одно свое платье, все же остальное ея имущество остается у мужа; а при самовольномъ расходѣ, чѣмъ бы ни былъ онъ вызванъ, что удастся женѣ украдкою перетащить, то у ней и остается. Дѣти, рожденныя во время совмѣстнаго сожительства, всегда остаются у мужа, а послѣ расхода—у матери.

Изъ сказаннаго нами выше уже отчасти выяснился между прочимъ вопросъ о положеніи современной женщины въ семьѣ отца и мужа. Но мы считаемъ не лишнимъ въ заключеніе сказать объ этомъ еще нѣсколько словъ.

Главнымъ факторомъ и въ этомъ вопросѣ является матеріальная сторона. Дѣвушка, выходящая замужъ изъ зажиточнаго дома, беретъ съ собою къ мужу, кромѣ платья, нѣсколько

овецъ и корову; доходъ съ нихъ она употребляетъ на свои потребности, безъ всякаго контроля со стороны мужа; его согласія она спрашиваетъ лишь при продажѣ прежняго приданаго. Впрочемъ, продавать отцовское приданое мало находится охотницъ: семья мужа, заставляя молодую работать, не считаетъ себя обязанною покупать ей даже платья и другія принадлежности костюма; все это она должна добывать сама, гдѣ хочетъ, и потому, если она отчуждаетъ свою доходную статью, напр., овецъ, шерсть съ которыхъ могла продавать, то ей приходится носить старое, истрепанное платье. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ с. Осиновыхъ Гаяхъ, гдѣ этотъ обычай, главнымъ образомъ, и существуетъ, многія жены имѣютъ даже свою недвижимую собственность — землю, отъ 3-хъ до 18-ти десятинъ, и самолично расходуютъ получаемый съ нея доходъ. Мужъ рѣдко вмѣшивается въ ея распоряженія, развѣ только посовѣтуетъ, что сдѣлать. Замѣчено, что если гдѣ мужъ мало стѣсняетъ свободу жены въ расходованіи ея дохода, тамъ жена съ теченіемъ времени передаетъ въ распоряженіе мужа все свое хозяйство. Зато въ распоряженіи личностью жены существуетъ пока еще неограниченный, деспотическій произволъ мужа. Когда онъ бьетъ жену, хотя бы публично, то хотя соберется цѣлая толпа, никто не вступится въ ея защиту, въ силу общаго сознанія: „мужъ — глава, что хочетъ, то и дѣлаетъ, хоть повѣситъ“. При расправахъ мужа не имѣютъ права вступаться даже близкіе родственники. Истязанія случаются рѣдко, но зато бываютъ поражающія своимъ звѣрствомъ, напр. въ такомъ родѣ: запрягается лошадь въ телѣжку, рядомъ съ нею привязывается жена за косу и затѣмъ погоняется кнутомъ наравнѣ съ лошадью, бѣгущею полною рысью, а мужъ сидитъ въ телѣжкѣ; или еще: обнаженная до-нага женщина привязывается къ столбу въ избѣ, иногда головою внизъ, а мужъ поретъ ее кнутомъ. Если подобныя возмутительныя расправы рѣдко кончаются смертью, то только благодаря удивительно выносливой и крѣпкой натурѣ деревенской женщины. Въ судъ онѣ мало обращаются, хорошо зная, что тамъ не будетъ за-

щиты: такъ высоко стоитъ въ глазахъ народа право мужа. Бывали случаи, когда жены являлись въ волостной судъ, но тамъ ихъ жалобы оканчивались для нихъ крайне печально: явившiйся въ засѣданiе мужъ, безъ всякихъ объясненiй и церемонiй, давалъ женѣ пощечину, схватывалъ ее за косу и волокомъ тащилъ изъ присутствiя домой, гдѣ вновь начиналъ „учить уму-разуму“. При такихъ условiяхъ, въ семьѣ настаетъ полный разладъ, оканчивающiйся разводомъ, или вѣрнѣе „расходомъ“, который, какъ я сказалъ выше, никакими формальностями не обставляется. Въ случаѣ замѣченной невѣрности жены, напримѣръ, мужъ прямо выталкиваетъ невѣрную половину изъ дома безъ всякаго имущества и прекращаетъ съ нею всякую связь; иногда она уходитъ безъ шума и скандала, причемъ мужъ выдаетъ ей расписку такого содержанiя: „я, нижеподписавшiйся, выдалъ женѣ расписку въ томъ, что даю ей полную волю: гдѣ она хочетъ, тамъ и живетъ, а ко мнѣ пусть не приходитъ, и касаться другъ друга мы не должны“. „Разводная“ подписывается ими, а также свидѣтелями, и часто свидѣтельствуется старостою съ приложенiемъ казенной печати. Послѣднiй способъ болѣе современный и составляетъ отголосокъ фабричныхъ порядковъ.

Упадокъ нравственности и усиленiе предпочтенiя всѣхъ другихъ качествъ и побужденiй деньгамъ много способствуетъ въ послѣднее время такимъ домашнимъ разводамъ. Встрѣтить живущихъ врознь супруговъ теперь не рѣдкость не только у насъ, но и въ окрестности. Я, напр., знаю забавный случай въ Софьинской волости, Аткарскаго уѣзда. Приходитъ ко мнѣ мужикъ и жалуется, что управляющiй имѣнiемъ недалеко отъ его селенiя, взявъ къ себѣ *въ аренду* его жену, срокомъ на 12 лѣтъ, обязался за нее выплачивать ежегодно по 6 руб.; первые 6 лѣтъ онъ платилъ исправно, иногда даже прибавлялъ натурою, а теперь выдачу субсидiи прекратилъ уже около 2 лѣтъ; поэтому онъ просилъ взыскать за 2 года 12 руб. Разумѣется, это курьезное требованiе не было удовлетворено, но провѣрить справедливость жалобы мужика я имѣлъ возможность на мѣстѣ. Кажется, что ему потомъ все-

таки выдали субсидію, и онъ опять успокоился. Встрѣтивъ подобный случай, я спросилъ мужика о причинахъ столь страннаго распоряженія женою, обратившеюся въ доходную статью.

— А на кой лядъ она мнѣ нужна?—отвѣтилъ онъ.—Стала гулять, не слушать, бѣгать, я и махнулъ рукою. Теперь, по крайности, ея управитель платитъ 6 руб. въ годъ: за нихъ я куплю себѣ и рубаху, и порты, пожалуй и на сапоги выгадаю.

— Какія-же у тебя,—спрашиваю я,—понудительныя мѣры принимаются къ уплатѣ?

— Бучка. Разъ она пріѣхала въ церковь въ колясвѣ, въ шляпкѣ. Я, по выходѣ, подкараулилъ, сцапалъ ее, изорвалъ все платье и отпустилъ. А онъ мнѣ въ то время задолжалъ; послѣ вразъ отдалъ.

Другой случай, не менѣе курьезный, имѣлъ мѣсто въ с. Осиновыхъ-Гаяхъ лѣтъ 15 тому назадъ. У одного богатаго крестьянина жена была некрасивая, а у бѣднаго—хорошенькая. Первый напоилъ послѣдняго пьянымъ, пообѣщалъ денежную помощь, и въ одинъ прекрасный день они помѣнялись женами; прожили съ ними по двое сутокъ, а затѣмъ размѣнялись и разошлись; сосѣди только посмѣялись.

На незаконное сожительство народъ смотритъ двояко, причемъ принимается во вниманіе опять-таки степень обезпеченія виновнаго средствами и рабочими силами. Если крестьянинъ имѣетъ въ семьѣ женщину, безразлично—чья она жена, его или сына, ему не простятъ принятія въ домъ посторонней женщины и будутъ срамить на каждомъ шагу. Наоборотъ, когда вдовый домохозяинъ, не имѣющій никого, заводитъ постороннюю женщину, на послѣднюю взглядъ является совершенно другой; ее считаютъ честной женщиной, иногда равноправной замужней, домосѣдкою. Подобный обычай особенно развитъ въ с. Градскомъ Уметѣ и дер. Ивановкѣ (Горбачи тожъ) Кирсановскаго уѣзда. Мнѣ встрѣтилось нѣсколько такихъ паръ въ довольно преклонномъ возрастѣ, отъ 50 до 60 лѣтъ. На ихъ сожительство смотрятъ, какъ на необходи-

мость для поддержанія хозяйства. Правда, нерѣдко въ сужденіяхъ о нихъ звучитъ иронія, но все же снисходительная. „Безъ бабы мужику ни въ какую жисть нельзя обойтись, а если тамъ что между ними творится, про то Богу отвѣтять". Такое сожительство встрѣчается долговременное, въ видѣ брака, хотя не сопрозождается никакими предварительными церемоніями, ни формальными условіями. Передъ водвореніемъ въ домъ, эта домосѣдка, именуемая крестьянами „жиличкою", иногда приноситъ съ собою не мало имущества. Союзы эти не освящаются, большею частью, за неимѣніемъ средствъ уплатить священнику за вѣнчаніе, такъ какъ плата нерѣдко достигаетъ 20 руб. Пока граждански сошедшаяся пара накопитъ такую сумму денегъ, она подчасъ успѣетъ весь вѣкъ скоротать и умереть. Но когда входитъ въ домъ богатая жиличка, случаются злоупотребленія. Въ одномъ селѣ, Аткарскаго уѣзда, одна старуха-вдова, перешедши въ домъ къ старому вдовцу, привела съ собою нѣсколько лошадей, коровъ и т. п. скота. Старикъ воспользовался довѣріемъ своей подруги, распродалъ весь скотъ и вырученныя отъ продажи деньги положилъ къ себѣ въ карманъ, а старуху прогналъ. Она потомъ по всему селу ходила съ жалобой, но ничего не добилась. Крестьяне отнеслись къ ней враждебно, потому что нашли ихъ союзъ—союзомъ блуда, а не рабочей силы, сплотившейся вмѣстѣ для общей работы. Но на дѣтей, рожденныхъ отъ незаконныхъ союзовъ, крестьяне смотрятъ во всякомъ случаѣ съ презрѣніемъ.

Особое положеніе въ крестьянскомъ быту занимаетъ еще одинъ родъ женщинъ, такъ называемыхъ черничекъ. Онѣ находятся въ большомъ количествѣ въ Кирсановскомъ уѣздѣ, особенно въ селахъ: Оржевкѣ, Колажѣ, Кобякахъ, Скачихѣ, Вышенкѣ, Балыклеѣ, Пересыпкинѣ. О нихъ скажемъ лишь вообще, что ихъ жизнь далеко не пользуется одобреніемъ со стороны крестьянъ.

Не распространяясь болѣе объ этихъ исключительныхъ явленіяхъ, мы можемъ сказать вообще, что деревенская женщина въ крестьянской семьѣ, сравнительно съ прежнимъ бы-

томъ, теперь находится въ лучшемъ положеніи въ отношеніи личной свободы. Правда, не безъ борьбы досталась ей эта воля, но все-таки существованіе послѣдней—фактъ несомнѣнный. Зато съ грустью приходится отмѣтить другой далеко не радостный фактъ—сильно расшатывающее семейныя основы паденіе нравственности среди современныхъ деревенскихъ женщинъ.

IV.

Не безъинтересную часть въ области юродическихъ взглядовъ и отношеній крестьянъ между собою составляетъ для изслѣдователя наемъ имущественный и личный, на которомъ мы и остановимся здѣсь.

Большое село Осиновые Гаи, которое я на этотъ разъ главнымъ образомъ имѣю въ виду, какъ довольно типичное, прежде было государственнымъ, а теперь его жители перечислены въ разрядъ крестьянъ собственниковъ, начавшихъ выкупать свой земельный надѣлъ съ 1887 года. Населено оно исключительно великоруссами, которые занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ; иногда уходятъ изъ селенія въ заработки на лѣто и на годъ (большею частью, въ имѣніе А. Н. Сатиной, при с. Кензарѣ, Перексино-Гавриловской волости, верстъ за 100); другими же отхожими промыслами не занимаются.

Предметомъ найма у крестьянъ бываетъ имущество: пахатная земля и рѣже молотилки и амбары. Сѣнокосовъ въ этой мѣстности почти вовсе нѣтъ, рыбныхъ ловель, судовъ—тоже, мірскія же пастбища не сдаются, а служатъ для своихъ стадъ. Снимать въ аренду гумна, мельницы и отдавать для работы или приплода скотъ нѣтъ обычая. У кого нѣтъ своего гумна, что впрочемъ бываетъ рѣдко, тотъ проситъ дозволенія своего сосѣда убрать хоть на части его гумна свой хлѣбъ. Снимается исполу и за взносъ податей лишь земля, но при этомъ условія бываютъ трехъ видовъ.

Первое: исполу снимаются земли у помѣщиковъ, не желающихъ лично заниматься уборкой или не имѣющихъ на это

средствъ, подъ одинъ яровой посѣвъ овса, проса или гречихи. Сниматель на свой счетъ пашетъ и боронуетъ землю, сѣетъ её своими сѣменами, а затѣмъ коситъ, убираетъ, молотитъ и свозитъ зерно въ указанное мѣсто; затѣмъ ужъ владѣлецъ земли отчисляетъ ему половину убраннаго зерна и тѣмъ кончаются всѣ разсчеты. Иногда, кромѣ производства уборки, арендаторъ-крестьянинъ приплачиваетъ помѣщику отъ 2 до 3 руб. за десятину; это бываетъ при посѣвахъ овсяныхъ, ибо эти сѣмена дешевле остальныхъ яровыхъ хлѣбовъ.

Второе: при понужденіи мѣстнымъ начальствомъ къ уплатѣ повинностей, крестьянинъ, не имѣющій средствъ, вынуждается сдавать въ арѐнду свой душевой надѣлъ посѣва на два за такую сумму, какой окажется достаточно для уплаты податей.

Третье: сдается въ аренду, до новыхъ передѣловъ, лѣтъ на шесть, вся душевая земля крестьянина, за что съемщикъ обязывается: 1) ежегодно платить за него всѣ повинности, окладные сборы, причитающіеся въ годъ, среднимъ числомъ рублей около девяти на душу, и неокладные, какъ-то: на пожарные и ночные караулы и др., кромѣ того несетъ повинности натуральныя: по заведенной ранѣе очереди отправляетъ втеченіе года безплатныя должности сотскаго, десятскаго, сборщика податей, сборщика пастушьихъ денегъ и др., выѣзжаетъ на сутки дежурить съ лошадью у пожарнаго обоза, расчищаетъ зимою снѣгъ на нѣкоторыхъ общественныхъ проѣздныхъ дорогахъ и т. п.; 2) уплатить при заключеніи условія единовременно хозяину земли 25 руб. деньгами.

На съемъ земли заключаются письменныя условія; особыхъ условій и договоровъ, кромѣ поименованныхъ, въ нихъ нѣтъ. При обнаруженіи негодности нанятаго предмета, договоръ нарушается. Случаевъ перенайма никогда не было; но право на это предоставляется по личному предварительному или даже впослѣдствіи данному согласію договаривающихся сторонъ, изъ коихъ одна, нарушившая часть договора, вознаграждаетъ это представленіемъ обиженному извѣстныхъ выгодъ.

Наймодавецъ можетъ отобрать обратно сданное въ аренду имущество только въ томъ случаѣ, если наниматель нару-

шилъ какія либо условія по договору. Если, допустимъ, произведена порча и не послѣдуетъ добровольнаго соглашенія, первый отыскиваетъ съ послѣдняго убытки судомъ. Обычай заключать на всякій хозяйственный оборотъ особый письменный договоръ получилъ недавно широкое распространеніе, когда проникли въ деревню крючкодѣйства, развиваемыя въ большой степени различными выгнанными изъ службы сельскими писарями, за шкалики водки готовыми писать прошенія, куда угодно.

При нарушеніи договора наймодавцемъ, за отсутствіемъ мирового соглашенія, мѣстнымъ волостнымъ судомъ расчисляется сумма убытковъ, понесенныхъ нанимателемъ, которая по постановленіи рѣшенія и взыскивается.

Случается, сдаютъ землю одновременно двумъ лицамъ и съ обоихъ получаютъ деньги. Въ этомъ случаѣ, если юридическія доказательства, т. е. письменныя условія, у обоихъ обиженныхъ равны, право пользованія предоставляется тому, кто снялъ впередъ, а другой или получаетъ обратно деньги, или, что чаще всего, получаетъ то же право владѣнія землею, по окончаніи срока пользованія ею перваго съемщика. Если-же который изъ нихъ снималъ „на совѣсть", безъ условія, то не получаетъ снятой земли, и возвращеніе денегъ предоставляется тоже „совѣсти" наймодавца.

Плата, въ большинствѣ примѣровъ, производится при самомъ заключеніи договора; разсрочиваются лишь небольшія суммы и то рѣдко. Наниматель, отказавшійся отъ договора ранѣе условленнаго срока, лишается отданныхъ впередъ денегъ. Если является желаніе возобновить договоръ, объ этомъ прежній арендаторъ входитъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ за 2—3 мѣсяца до срока.

При личномъ наймѣ, договоръ совершается отъ имени старшаго члена семьи, отпускающаго работника—отца, старшаго брата или нераздѣльнаго дяди; наемъ безъ ихъ согласія даже совершеннолѣтняго считается ничтожнымъ. Этого порядка придерживаются всѣ наниматели, для которыхъ отпускъ въ наемъ работника его семьею представляетъ гарантію въ

исправной службѣ, ибо старшій членъ семьи, въ случаѣ смерти, болѣзни или ухода нанятаго, обязывается поставить на мѣсто его другого или возмѣстить деньгами всѣ причиненные хозяину убытки; поэтому договоры подобнаго рода считаются обязательными для всего потомства работника. Ясное дѣло, нарушеніе договора, совершеннаго старшимъ членомъ семьи, какъ вполнѣ дѣйствительнаго, влечетъ за собою, какъ выше объяснено, его имущественную отвѣтственность.

Предѣльный срокъ найма, освященный дѣдовскими обычаями, установленъ годовой, нанимаются и на лѣто; поденно и помѣсячно крестьяне не нанимаютъ. По окончаніи срока, вновь обсуждается вопросъ о степени полезности работника, цѣновой его стоимости и срокъ новаго найма и платы. Обыкновенно договоры совершаются письменные, бываютъ и словесные, заключаемые при одномъ или двухъ сосѣдяхъ, но рѣдко. Особыхъ книжекъ для записыванія договоровъ о наймѣ у сельскихъ властей не имѣется.

Порядокъ найма бываетъ таковъ. Когда обѣ стороны, сошедшись вмѣстѣ, сговорятся въ условіяхъ, то бьютъ другъ друга по рукамъ, затѣмъ снимаютъ шапки, крестятся и идутъ къ новому хозяину; тамъ послѣдній даетъ въ задатокъ рубль или два и всѣ пьютъ могарычи, причемъ за 1-ю рюмкою говоритъ хозяинъ: „ну, дай тебѣ Богъ владѣть моими деньгами, а мнѣ—твоими трудами“, а работникъ выражается наоборотъ. Водка покупается пополамъ хозяиномъ и батракомъ, по пословицѣ: „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“. Съ этого момента договоръ считается заключеннымъ. Иногда въ задатокъ берется болѣе половины условленной суммы на уплату податей. Вообще сроки назначаются по взаимному соглашенію. Обыкновенная рабочая плата заключается въ деньгахъ и содержаніи въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ годъ при хозяйской одеждѣ—25 р., при своей 35 р.; въ лѣто въ первомъ случаѣ—20 р., во второмъ—30 р. Зима цѣнится лишь въ 5 рублей. Обязательство давать работнику одежду и обувь бываетъ чаще всѣхъ другихъ видовъ найма; пища всегда на счетъ хозяина. Особый посѣвъ хлѣба въ пользу работника,

какъ дополненіе къ денежной платѣ, или опредѣленная доля въ прибыли, никогда не вносятся въ условія.

Хозяинъ относится къ батраку, какъ къ рабочей силѣ и только, хотя униженіямъ не подвергаетъ и имѣетъ съ нимъ общій столъ. Впрочемъ къ батраку, долго живущему, относятся ужъ нѣсколько иначе; съ нимъ и совѣтуются и вообще считаютъ почти за члена семьи.

Взаимныя нарушенія договоровъ и обманы стали часты. Хозяинъ прибѣгаетъ къ этому средству иногда потому, что хозяйство начинаетъ приходить въ упадокъ, и держать лишняго человѣка составляетъ извѣстное бремя, а работникъ уходитъ нерѣдко изъ-за лѣни или каприза, не говоря ужъ о серьезныхъ причинахъ ухода, какъ напр. дурное обращеніе хозяина. Наниматель съ своей стороны считаетъ въ правѣ отказать рабочему ранѣе срока за его грубость или плохое выполне ніе работы. Въ этомъ случаѣ онъ не лишается права получить забранные впередъ деньги, а если увольненіе послѣдовало единственно по его капризу, ничѣмъ не мотивированному, то лишается этого права. Самъ рабочій вообще не вправѣ покинуть хозяина только за то, что тотъ заставляетъ его усиленно работать да обращается жестоко. Безъ усиленной работы служащаго, хозяинъ держать его не станетъ; а жестокость понятіе слишкомъ растяжимое, чтобы опредѣлить для него извѣстную мѣрку. За нанесеніе рабочему побоевъ, хозяинъ подвергается, если это докажется на волостномъ судѣ, большею частью штрафу въ пользу мірскихъ суммъ въ размѣрѣ отъ одного до трехъ рублей. Словесное оскорбленіе вовсе не наказывается; взаимно рабочій, за ругательства и грубость по отношенію къ хозяину къ отвѣтственности не привлекается.

Если рабочій не радѣетъ, но можно надѣяться на его исправленіе, то наниматель лишь побранитъ его. За прогульный день рабочій отживаетъ лишній день. Заставить работать въ праздничный день вполнѣ зависитъ отъ воли хозяина. Ни болѣзнь, ни слабость здоровья отъ исполненія принятыхъ обязанностей не освобождаютъ, и въ этомъ случаѣ рабо-

чій, по выздоровленіи, обязывается отработать: за лѣтній день—три зимнихъ, за зимній—половину лѣтняго, а въ то-же время года—равное количество времени. За наемъ къ другому лицу рабочій, не выполнившій условія, ранѣе приговаривался волостнымъ судомъ къ наказанію розгами, а теперь подвергается аресту отъ 1 до 7 дней.

Нанявшійся можетъ передать исполненіе договора другому лицу, но лишь по предварительному соглашенію съ хозяиномъ. Случая найма новаго работника за счетъ самовольно ушедшаго никогда не бываетъ: всегда хозяинъ платитъ свои деньги; зато замѣна рабочаго другимъ членомъ семейства встрѣчается очень часто. Когда хозяинъ не соглашается принять обратно рабочаго, нарушившаго договоръ, разсчетъ производится по той цѣнѣ, какая существовала во время нарушенія договора, такимъ же образомъ, какъ возмѣщается время болѣзни.

Сроки лѣтней службы нанятаго опредѣляются съ Егорьева дня по 1 октября, годовой—съ заговинъ, 14 ноября.

Скажемъ теперь подробнѣе о нѣкоторыхъ видахъ личнаго найма въ отдѣльности.

Жнецовъ нанимаютъ копѣекъ по 40 за копну, имѣющую 40 снопов. Молотильщики за извѣстную часть намолоченнаго хлѣба не нанимаются, а только за деньги.

Пчеловодство стало падать, и потому особыхъ хранителей-пчеловодовъ нанимаютъ рѣдко, лишь въ томъ случаѣ, если у хозяина нѣтъ никакого старика—родственника. Въ пчеловоды приглашаются старики лишь на время ройки пчелъ, недѣли за 2 до Петрова дня, на мѣсяцъ или немного больше, судя по обширности пасѣки, рубля за 3—4 за все время на готовомъ пропитаніи. Мукомолы мѣстные производятъ помолъ сами, а особыхъ мельниковъ не нанимаютъ.

Прорубщики никѣмъ не выбираются; каждый изъ нихъ, по своему желанію, устраиваетъ прорубь на льду и за это взимаетъ плату копѣекъ по 5—10 со двора, пользующагося водою изъ проруби. Просфирня выбирается по просьбѣ и жалованья получаетъ 20 руб. отъ церкви.

Ночные сторожа, за совершенныя у жителей во время ихъ охраненія кражи, имущественной отвѣтственности не несутъ; они подвергаются, по постановленію ближайшаго сельскаго начальства, лишь дисциплинарному взысканію въ видѣ нѣсколькихъ сутокъ ареста въ „холодной", а подчасъ и тѣлесному наказанію со стороны ретиваго блюстителя порядка.

Наемъ рекрутовъ въ былое время былъ большою тягостью для населенія: самому плохому, забулдыжному охотнику нужно было заплатить 300—400 рублей наличными деньгами, а хорошему—2000—3000 руб.; кромѣ того, наниматели обязывались изготовить ко дню пріема хорошую одежду, а во все время его военной службы—кормить, одѣвать, и обувать всю его семью. Охотникъ нанимался за годъ до пріема; все это время онъ пилъ, гулялъ и буянилъ за счетъ хозяина, которому при томъ не оказывалось никакого почтенія, напротивъ онъ всегда поносился самыми непристойными словами. Охотнику подавай и водку, и гармонику, и всякія пряности и удовольствія безпрекословно; иначе онъ, сколько-бы ни принесъ убытку своими кутежами, бралъ шапку въ охапку и уходилъ къ другому.

Другихъ видовъ личнаго найма въ данной мѣстности не имѣется, кромѣ описанныхъ, да еще найма пастуха для скота.

Скотъ каждаго домохозяина дѣлится на извѣстныя группы, называемыя „чередами"; чередою, напр., называется 1 корова, телокъ, или же 5 свиней, 5 овецъ, т. е. 5 свиней или 5 овецъ равняются 1 коровѣ, а одна свинья (овца) составляетъ пятую часть череды. Жеребятъ держатъ вмѣстѣ съ лошадьми на дворахъ, и потому особый пастухъ имъ никогда не нанимается.

Каждая сотня душъ въ селѣ нанимаетъ пастуховъ: одного—для коровъ и свиней, другого—для овецъ. Договоръ производится всѣми домохозяевами на улицѣ, подъ открытымъ небомъ и не сопровождается никакими обрядами. Сроки пастьбы при этомъ не только не назначаются, но даже не поминаются; они заведены изстари и извѣстны каждому изъ договаривающихся: отъ снѣга до снѣга, т. е. съ Егорья и до Покрова. Плату, называемую „пастушное", пастухи получаютъ по 45 к. съ наличной череды и кромѣ того пользуются за время службы

содержаніемъ поочередно по одному дню съ каждой череды въ домѣ: если въ послѣднемъ двѣ череды — должны кормить два дня, и т. д.; независимо отъ этого, они четыре раза въ лѣто, а именно передъ выгономъ, въ день Іоанна Богослова весенняго, Іоанна Богослова осенняго и на Рождество, собираютъ съ крестьянъ по пирогу, по чашкѣ соли и по парѣ или по двѣ яицъ. Между прочимъ, на Рождество, до сбора хлѣба, во время заутрени, пастухъ беретъ мѣру овса обходитъ съ нею всѣ дворы и въ каждомъ домѣ, поздравивъ съ праздникомъ, вынетъ изъ мѣры горсть овса, посыплетъ ею образа и скажетъ: „быки да телицы, кудрявыя хвостицы, въ третій—хозяину на здоровье“. Платежъ производится наличными деньгами, собираемыми весною и осенью съ каждаго дома, безъ особой раскладки, по числу чередъ, особо выбираемымъ сборщикомъ, который ужъ самъ производитъ всѣ разсчеты съ пастухами. Вознагражденіе натурой, овцами и др. скотомъ за всю сумму или отдачей извѣстной части приплода, не принято. Другихъ правъ, въ родѣ ѣзды на крестьянскихъ лошадяхъ, полученія доли при дѣлежѣ шерсти и пользованія молокомъ отъ пасомаго стада также не предоставляется. Зато принято за правило, что если скотина будетъ пастись и не все лѣто, то плата за нее все-таки взимается полностью. Случаевъ отказа отъ уплаты пастушнаго не бываетъ; если же кто-нибудь вздумалъ бы это сдѣлать, то его скотъ не принимается въ стадо.

Вся обязанность пастуха заключается въ охраненіи стада и выборѣ хорошаго корма на данномъ пространствѣ пастбища. Рано утромъ онъ выгоняетъ скотъ изъ села, гдѣ каждый дворъ выпускаетъ его изъ клѣтей; вечеромъ же онъ только догоняетъ до начала своей части селенія, а ужъ тамъ скотъ расходится самъ и загоняется домой хозяйками. Трубить въ рогъ, играть пѣсни на рожкѣ и проч. не принято. Аттрибутомъ власти и значенія пастуха является одинъ длинный кнутъ.

За своевольныя отлучки и загулы пастухъ получаетъ отъ крестьянъ только выговоръ; зато за утерянную, утонувшую,

испорченную, зарѣзанную волкомъ и вообще пропавшую скотину онъ подвергается имущественной отвѣтственности въ половинной части стоимости — „грѣхъ пополамъ". При потравахъ всецѣло отвѣтствуетъ пастухъ, и только тогда, когда онъ представитъ несомнѣнныя доказательства невозможности предотвратить случившееся несчастье, онъ освобождается отъ взысканія. Къ чести нашихъ пастуховъ однако нужно сказать, что случаи пропажи вообще рѣдки. Если утерянная скотина отыскивается внѣ сельскаго поля, то половина расходовъ, какіе будутъ сдѣланы, обращается на пастуха.

При наймѣ пастуховъ, по возможности, избѣгаютъ дряхлыхъ стариковъ, пришлыхъ, бездомныхъ и мальчиковъ, ибо они не гарантируютъ цѣлости стада ни лично, ни имущественно; поэтому предпочтительно приглашаютъ тѣхъ, кто ужъ нѣсколько лѣтъ пасъ, пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ извѣстный навыкъ и имѣетъ хоть небольшое хозяйство.

Пастухъ для овецъ помощника не имѣетъ, или же нанимаетъ за свой счетъ подпаска-мальчика, цѣною за 8 р. въ лѣто, который наравнѣ съ своимъ принципаломъ, пользуется готовымъ содержаніемъ отъ населенія. Въ подпаски берутъ обыкновенно неспособнаго къ физической, черной работѣ; ему поручается пастьба однихъ свиней подъ наблюденіемъ главнаго пастуха, который стережетъ коровъ. Обращеніе пастуха съ подпаскомъ не отличается особенною гуманностью: побои и брань заурядны.

При наймѣ пастуха тоже происходитъ рукобитіе и могарычи по полведра съ пастуха и крестьянъ, причемъ дается и задатокъ рубля три. Передъ выгономъ никакого особаго торжества, въ родѣ молебна и т. п., не производится.

Особой касты, чѣмъ либо отличающейся отъ крестьянъ, про которую существовали бы особыя поговорки, прибаутки, разсказы и повѣрья о колдовствѣ, союзѣ съ лѣшимъ и т. п.— пастухи здѣсь не составляютъ.

В. Бондаренко.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ БѢЛОРУССА О НЕЧИСТОЙ СИЛѢ.

(По матеріаламъ, собраннымъ въ Минск. и Борис. уу. Минской г.).

„Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“.... Такою, дѣйствительно, является Бѣлоруссія въ безконечныхъ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ и поговоркахъ. Страна знаменитаго въ свое время кудесника Всеслава, Бѣлоруссія и по-нынѣ осталась страной таинственныхъ чародѣевъ, полумиѳическихъ, сохранившихся отъ сѣдой старины язычества, обрядовъ, суевѣрій, своеобразныхъ пѣсенъ и легендъ. Историческія событія не убили въ бѣлоруссѣ его поэзіи, не поработили его духа, а только наложили на него отпечатокъ тихой грусти и сообщили движеніямъ какую-то робкую нерѣшительность. Взглядъ на природу, съ которой столько приходилось и приходится бороться бѣлоруссу въ его трудовой жизни, нагляднѣе всего позволяетъ видѣть въ немъ того же славянина, который нѣкогда въ дебряхъ лѣсныхъ или на высокой горѣ приносилъ жертвы разрушителю Перуну и доброму Велесу: природа безсознательно является у него олицетвореніемъ борьбы двухъ началъ добра и зла, свѣта и тьмы, вреда и пользы.

Древне-славянскія понятія о добрыхъ, покровительствующихъ божествахъ мало-по-малу слились, подъ вліяніемъ христіанства, въ одно понятіе о верховномъ существѣ, Богѣ, и выразителяхъ его воли святыхъ; но вѣра въ злыя силы природы, которыми, по мнѣнію бѣлорусса, населены и жилища, и лѣса, и воды, которыя сопровождаютъ каждый шагъ его,

по-прежнему сильна, и бѣлоруссъ олицетворяетъ ихъ въ образахъ чертей, домовыхъ, лѣшихъ и водяныхъ. Причиной этого олицетворенія служатъ, прежде всего, его стремленіе видѣть повсюду таинственность, участіе невидимой силы, и, сообразно съ этимъ, дѣлать свои выводы и объясненія; много поводовъ даютъ также и тѣ неблагопріятныя явленія и случайности, которыхъ онъ своимъ умомъ объяснить не можетъ и вопросъ о которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хочетъ оставить нерѣшеннымъ. Суевѣрная мысль подсказываетъ рѣшеніе вопроса участіемъ врага человѣческаго рода, чорта, и вотъ, въ умѣ бѣлорусса простое становится таинственнымъ, объяснимое—непроницаемымъ, неизвѣстное—ужаснымъ и чудеснымъ. Отсюда—полные для бѣлорусса загадочнаго смысла разсказы о „нечистыхъ", „пóгани", „сатанѣ", которыми полна Бѣлоруссія и которые яснѣе всего выражаютъ взглядъ бѣлорусса на нечистую силу.

Подъ „нечистью", „пóганью" бѣлоруссъ разумѣетъ вообще всякое проявленіе бѣсовской силы, при чемъ понятіе о чортѣ, какъ началѣ всего злого въ природѣ, не смѣшивается съ понятіемъ о подвластныхъ ему силахъ—домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалкахъ, — живущихъ исключительно на землѣ, тогда какъ самъ чортъ, сатана, можетъ пребывать и на землѣ, и на „тымъ свѣтѣ" [1]). Главная цѣль всѣхъ его побужденій состоитъ въ изысканіи средствъ, какъ бы совратить христіанъ къ дурнымъ поступкамъ, рѣчамъ и мыслямъ, чтобы, такимъ образомъ, лишить ихъ души небеснаго блаженства и сдѣлать жертвами „пекла". Были люди, говорятъ крестьяне, и теперь еще есть, только мало, которые видѣли чорта, даже говорили съ нимъ; по разсказамъ послѣднихъ чортъ является безобразнымъ существомъ съ хвостомъ „у трилокки", съ козлиными рогами и ногами, а иногда въ видѣ господина

---

[1]) Необходимо замѣтить, что въ народной передачѣ легендъ словомъ „чортъ" характеризуются всѣ виды нечисти, домовые, лѣшіе и пр., тогда какъ эти категоріи строго различаются, что доказывается выраженіями: „чортъ, што у водѣ сядить", „нячистикъ, што па лясóхъ скаче" и др.

во фракѣ и шляпѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ цилиндрѣ, имѣющаго только козлиныя ноги съ копытами. Это заставляетъ чорта, по возможности, прятать нижнюю половину своего туловища. Его, впрочемъ, можно иногда видѣть во время сильнаго вихря въ поднявшейся пыли, если плюнуть три раза и сказать; „чортъ, чортъ, покажи хвостъ!“ Тогда можно замѣтить вертящагося и производящаго вихрь „нечистика“ въ облакѣ пыли; только и тутъ долго смотрѣть на него нельзя, „бо ёнъ“, по наружному мнѣнію, „причепитца да тябе и можа схапить, штобъ занести дѣтямъ на забаву“. Онъ непремѣнно присутствуетъ на каждой свадьбѣ (по разсказамъ же нѣкоторыхъ, онъ является на свадьбу по насылкѣ чародѣя, „вѣдзьмака“) и старается всѣми мѣрами препятствовать выѣзду жениха и невѣсты въ церковь: невидимкой держитъ лошадь, которая дрожитъ, переступаетъ съ ноги на ногу, часто „обмираетъ“,—словомъ, мѣшаетъ поѣзжанамъ двинуться до тѣхъ поръ, пока не окрестятъ пространства передъ лошадью и не переведутъ повода съ одной стороны хомута на другую. Этимъ не кончаются свадебныя проказы нечистаго. По пути въ церковь онъ можетъ перебѣжать дорогу черными зайцемъ, волкомъ, и это всегда предвѣщаетъ несчастье. По возвращеніи молодыхъ изъ церкви любимою забавою „нечистика“ служитъ ссора и драка мужиковъ между собою. Для этого, по его наущенію, „вѣдзьмакъ“ подсаживается къ компаніи мужиковъ и пьетъ съ ними водку изъ одной рюмки. „Бывае, говорилъ одинъ крестьянинъ, што мужики на васэлли сами падярутца, яцъ упъютца, ну ихъ паложуть спать, а на заутра яны и помнють, што зъ ими было, препрашають одинъ аднаго и узноу гуляють, а кали чортъ падвяде, дакъ и пабъютца крапчѣй и на заутра ничога не помнють, толька голова у ихъ надтабалить“. Вообще, говорятъ мужики, чортъ бываетъ вездѣ, гдѣ только есть водка: на гульняхъ, на игрыщахъ, на васэлли, на рынкахъ. Между прочимъ, сохранилась интересная легенда о томъ, какъ чортъ бабамъ платки продавалъ. На одной ярмаркѣ (кермашъ) видятъ бабы—ходитъ какой-то чорный москаль и предлагаетъ почти задаромъ красные

платки. Многія бабы польстились на дешевизну и нарядились въ обновки. Но когда въ ближайшій праздникъ онѣ въ этомъ нарядѣ отправились въ церковь, то при входѣ почувствовали, что какая-то невидимая сила держитъ и не пускаетъ ихъ туда. Нѣкоторыя, несмотря на это, сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, но вдругъ упали въ страшныхъ конвульсіяхъ на полъ, и когда ихъ вынесли изъ церкви, онѣ сдѣлались косноязычными, начали богохульствовать и плеваться съ пѣною у рта. Наконецъ, пришелъ священникъ, приказалъ снять и сжечь въ полѣ купленные платки, а самъ началъ читать надъ ними молитвы и кропить св. водой. Однѣ изъ бѣсновавшихся отошли, а другія таки и умерли „бэзъ споведи и причащейня, бо нячистикъ недапустіу". Въ дерев. Губеничахъ (Мин. у.) былъ, по словамъ тамошнихъ крестьянъ, такой случай очень и очень недавно. Къ одной крестьянкѣ-вдовѣ явился человѣкъ съ „дротяной", т. е., проволочной бородой, назвался богомъ, бесѣдовалъ съ нею нѣкоторое время и обѣщалъ придти завтра. Крестьянка, ошеломленная и удивленная, обрадовалась посѣщенію бога, къ назначенному времени прибрала все въ хатѣ и надѣла на столъ освященную скатерть. Въ обѣщанное время явился этотъ загадочный человѣкъ, но едва, сѣвъ на лавку, облокотился на столъ, какъ вскочилъ и началъ трясти руками словно обжогъ ихъ. Моментально загорѣлась скатерть, отъ нея изба; прибѣжавшій народъ едва успѣлъ спасти обезумѣвшую отъ ужаса женщину, а человѣкъ, назвавшійся богомъ, такъ и исчезъ неизвѣстно куда. Съ тѣхъ поръ, несмотря на всѣ леченія и заговоры, осталась несчастная женщина сумасшедшей: безъ умолку кричитъ, что у нея радость на сердцѣ, что у нея богъ былъ и т. п., кричитъ и хохочетъ до истерики, руками же рветъ, что ни попадется, преимущественно платье, словно канву выдергиваетъ.... Часто чортъ наводитъ на мужиковъ „затямненне вочу", когда ищутъ что-либо и не могутъ найти въ то время, какъ искомый предметъ у нихъ предъ глазами. Вообще, каждая пропажа считается дѣломъ чорта, если нѣтъ, конечно причинъ предполагать существованія воровъ. На этомъ основаніи въ нѣкото-

рыхъ мѣстностяхъ сохранился обычай, извѣстный подъ названіемъ „чорту бороду вязать". Именно, потерявшіе что-либо нагибаются къ землѣ, захватываютъ пучокъ травы, за неимѣніемъ ея (зимой, напр.) сѣна, и стараются завязать его въ узелъ; при этомъ приговариваютъ три раза: „чортъ, чортъ, аддай згубу (потерю)!" Одинъ крестьянинъ увѣрялъ, что однажды чортъ водилъ его по полю, а онъ и упирался, и круги „вѣдзьмяные" дѣлалъ палкой,—ничего не помогало. „Кабъ я еще пьяны быу, ну, дакъ самъ ня вѣріу бы, а то у весь день а ни кропли и мѣисцовость знаёмая". Наконецъ, онъ началъ читать Zdrowas Marya, тогда чортъ оставилъ его въ покоѣ, и онъ почувствовалъ, словно какая-то тяжесть свалилась съ него, и потъ лилъ ручьемъ, „кабъ яму такъ у пекли горача было!..." Самъ чортъ, однако, можетъ быть хорошимъ мужемъ и семьяниномъ. Существуетъ убѣжденіе, что женится онъ на одной изъ вѣдьмъ послѣ праздника Крещенія и во время его свадьбы бываетъ сильная вьюга. „Вѣтрикъ нячистику васэлле гнѣвае", говорятъ крестьяне въ покрещенскую вьюгу. Жена его живетъ на высокой горѣ, куда люди не могутъ забраться, и чортъ носитъ ей, въ видѣ лакомства, волчьи ягоды, а накануне Ивана Купалы приноситъ цвѣтокъ папороти, сорвавъ который, чортъ оставляетъ на кустѣ знакъ своей руки—синій огонекъ, не гаснущій всю эту ночь. Этотъ-то огонекъ и есть вѣрный признакъ клада, зарытаго вблизи нечистикомъ въ вознагражденіе землѣ за папоротный цвѣтокъ [1]). Что дѣлаетъ вѣдьма, чортова жена, съ этимъ цвѣткомъ, неизвѣстно: можетъ быть, онъ служитъ ей простымъ украшеніемъ, но можетъ быть также, съ нимъ связывалось какое-нибудь таинственное значеніе, исчезнувшее теперь изъ народной памяти. Большое колебаніе замѣчается въ отвѣтахъ крестьянъ на вопросы о томъ, постоянно ли живетъ жена сатаны на горѣ, не летаетъ ли она по бѣлому свѣту, не опускается ли верхомъ на помелѣ въ трубу дома, гдѣ прежде жила, и т. п. Точныхъ указаній на это, по неимѣнію данныхъ, я не могу

[1]) Заплатіу, якъ чортъ за попороть. Пословица.

сдѣлать. По нѣкоторымъ разсказамъ у чорта есть дѣти, которымъ строго отведены области ихъ дѣйствій, —это домовые (домовики), лѣшіе (лѣсовики), водяные (водяники) и русалки (купалки, водяницы). Поэтому-то, рожденныя отъ брака съ вѣдьмою, обитательницей земли, дѣти чортовы живутъ исключительно на землѣ и не заглядываютъ въ „пекло". Каждый домъ, по народному повѣрью, имѣетъ своего домоваго, каждое, болѣе-менѣе значительное, озеро или рѣка имѣетъ своего водянаго и русалокъ; обширная роща, густой, дремучій лѣсъ—служатъ обиталищемъ своего отдѣльнаго лѣшаго. Чѣмъ гуще и обширнѣе лѣсъ, тѣмъ страшнѣе его лѣсовикъ, чѣмъ глубже озеро или шире болото, тѣмъ грознѣе живущій въ немъ водяникъ и наоборотъ. Это особенно рельефно выступаетъ въ брани бѣлорусовъ между собою; такъ одинъ говоритъ: „Чортъ ты съ Тукалаускаго болота!", а другой отвѣчаетъ ему: „Съ Тукалаускаго еще ничóго, а ось чаму ты не хвалисься, што ты зъ Гарѣлаго? Гэта горшъ". Оба болота, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи, но Горѣлое болото гораздо больше, опаснѣе Туколовскаго, стало быть, и нечистая сила перваго даетъ болѣе себя чувствовать, чѣмъ послѣдняго. По другимъ источникамъ, домовые, лѣшіе и пр. происходятъ отъ людей, совершившихъ тяжкое преступленіе, или погибшихъ безъ надежды на Бога, безъ креста на шеѣ и т. п. Наконецъ, третье объясненіе ихъ происхожденія мы находимъ въ одной легендѣ. Изъ нея мы узнаемъ, что они раньше были „янгалы", т. е. ангелы, но со старшимъ своимъ во главѣ захотѣли лишить Бога небеснаго владычества, за что Богъ поразилъ ихъ громами, „перунами", и они полетѣли на землю. Одни попали въ болото, и остались тамъ, другіе застряли въ лѣсахъ, третьи упали возлѣ жилищъ человѣческихъ. На вопросъ, давно ли они произошли и какой имѣютъ видъ, получались, большею частью, неопредѣленные отвѣты вродѣ того, что „они адъ сатворення были на балатохъ и лясохъ", что сами спрашиваемые не видѣли, видѣли ихъ знакомые, родные, по словамъ которыхъ, они являются то человѣкообразными существами,

то въ видѣ людей со свиными головами и хвостомъ (домовые часто являются двойниками хозяевъ), то въ образѣ женщинъ съ распущенными волосами (купалки) или различныхъ звѣрей: собакъ, кошекъ и проч. Словомъ способны принимать всевозможные виды. Они боятся солнечнаго свѣта, боятся Божьяго дня и рѣдко днемъ замѣтно ихъ участіе въ дѣлахъ человѣческихъ, зато подъ прикрытіемъ ночнаго мрака выходятъ домовые, лѣшіе начинаютъ обходить свои владѣнія, водяные и русалки выплываютъ на поверхность воды... Собираясь говорить о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и проч., въ отдѣльности, считаю умѣстнымъ подчеркнуть тотъ фактъ, что распространеніе легендъ того или другаго рода въ различныхъ мѣстностяхъ связано съ географическими и физическими условіями страны; такъ что, напримѣръ, въ Виленской и сѣверной части Минской губерніи болѣе распространены легенды о домовыхъ и лѣшихъ и менѣе—о водяныхъ и русалкахъ, тогда какъ въ южной части Минской губерніи, въ уѣздахъ Пинскомъ и Рѣчицкомъ, наоборотъ: чаще въ разсказахъ фигурируютъ „болотный дидко", „водяникъ", „купалка", чѣмъ домовой „хатній дидко" или лѣсовой. Очевидно, большую роль играютъ здѣсь занятія жителей. Домовые ближе всего стоятъ къ крестьянамъ, участвуютъ въ главнѣйшихъ отправленіяхъ домашней жизни, поэтому представленіе о нихъ яснѣе и разсказовъ гораздо больше. Дневнымъ мѣстопребываніемъ домоваго служитъ печь, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „подпечекъ", откуда они выходятъ съ наступленіемъ ночи. Впрочемъ, они живутъ вездѣ, гдѣ есть печь: въ сушильняхъ, въ баняхъ и проч. О домовыхъ, живущихъ внѣ дома, мало говорятъ; большая часть разсказовъ группируется возлѣ домашняго нечистика. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяйки на ночь чисто метутъ хаты, потому что, по ихъ вѣрованію, является ангелъ-хранитель и невидимо присутствуетъ тамъ всю ночь до зари, охраняя сонъ наработавшихся за день крестьянъ и дѣтей отъ проказъ домоваго. Если же хата остается на ночь невыметенной, то ангелъ не посѣтитъ ее и домовой безпрепятственно начинаетъ шалить, оборачиватъ скамьи, столы,

набрасывается на спящихъ и душитъ ихъ. Присутствіе ангела мѣшаетъ домовому выбраться изъ своего убѣжища и, согласно мнѣнію многихъ крестьянъ, заставляетъ его заблаговременно выходить изъ избы и возвращаться послѣ оставленія хаты ангеломъ. Внѣ дома онъ переноситъ область своихъ дѣйствій, преимущественно, въ конюшню, чиститъ любимыхъ имъ лошадей, заплетаетъ имъ гривы, но чаще гоняетъ и мучитъ ихъ. Въ частности, о домовыхъ я слышалъ слѣдующее. У одного крестьянина сталъ домовой къ лошади приходить и мучить ее каждую ночь. Является на утро хозяинъ, а лошадь вся мокрая отъ усталости. Начали сторожить ее по ночамъ, ничего не видѣли, замѣтили только, что лошадь всю ночь ржала и переступала съ ноги на ногу. Вотъ по совѣту сосѣдей вывелъ ее хозяинъ ночью въ поле, сломалъ одногодній осиновый прутъ и сталъ бить ее, приговаривая „разъ". Черезъ нѣкоторое время лошадь взмылилась и со спины ея свалился корчъ, при паденіи превратившійся въ чернаго зайца, который также быстро и скрылся изъ виду. Это и былъ домовой. Съ тѣхъ поръ пересталъ мучить коня. „Дамавы мучить, привожу разсказъ старухи-крестьянки, ня тольки кони, але й каровы. Якъ приде нячистикъ да каторой да и начне ѣздить усю ночь, а на вутро карова макрутэнькая, у росѣ. Съ тыхъ поръ яна сохне, але даютъ рады: щиплютъ казельчики и гэтымъ мыють, грамницу на шею привязуютъ, рѣзиты [1]) вѣшають у воротахъ". Въ деревнѣ Загорье (Минскаго у.) мнѣ удалось слышать интересный разсказъ о томъ, какъ домовой останавливаетъ ростъ деревьевъ. Однажды вечеромъ было замѣчено, что въ саду стоитъ „черный и страшный" домовой и держитъ молодую яблоньку, обнявъ и навалившись на нее. Яблонька жалобно зашумѣла листьями, и яблоки падали на землю. Видѣніе продолжалось недолго: домовой исчезъ. На слѣдующую ночь повторилось то же самое.

[1]) Два большихъ равныхъ полуобруча, обтянутые сѣткой, соединенные и свободно вращающіеся на діаметрѣ. Въ нихъ носятъ сѣно зимой изъ сарая въ хлѣвъ для корма скота.

И съ тѣхъ поръ, повѣствуетъ легенда, яблонька перестала расти и приносить плоды, тогда какъ ея однолѣтки черезъ извѣстный промежутокъ времени сдѣлались рослыми, красивыми деревьями. Кто-то посовѣтовалъ освятить 6-го августа вмѣстѣ съ прочими плодами и вѣтвь этой яблони, зарыть ее возлѣ, у корней, и вбить накрестъ, наклонно къ дереву четыре кола, чтобы отнять у домоваго возможность подойти. Сдѣлали такъ, и дѣйствительно, яблоня поправилась и стала снова приносить плоды. Такимъ образомъ и у людей есть средства бороться съ нечистью: то извѣстная молитва, то какое-нибудь во-время сказанное слово, церковный обрядъ или освященный вѣками обычай, — могутъ разрѣшать бѣсовскія чары и дѣлать безвредными всѣ ухищренія нечистыхъ.

Не всегда, однако, домовой враждебенъ людямъ. Слѣдующій разсказъ показываетъ, что онъ иногда оказываетъ услуги тѣмъ, которые „знаются съ нимъ“,—не крестятся, въ церковь не ходятъ, не постятъ, словомъ, продали душу чорту. У одного такого крестьянина былъ работникъ, который удивлялся, какимъ образомъ изъ нѣсколькихъ копъ [1]) ячменя обмолачивается столько, что некуда дѣвать его: всего въ амбаръ невозможно перетаскать. И подумалъ батракъ: тутъ что-то неладно, — помогаетъ либо домовой, либо вѣдьма. Однажды ночью отправился онъ на гумно, притаился за токомъ и началъ ждать. Ждалъ-ждалъ, наконецъ, видитъ — идетъ „осетной“ [2]) домовой, неся семь мѣшковъ на спинѣ, и хозяинъ вышелъ ему навстрѣчу. Поздоровались они, высыпалъ „нечистикъ“ ячмень въ токъ и опять пошелъ за мѣшками. Это продолжалось всю ночь, до пѣтуховъ. Работникъ былъ парень набожный: лишь только запѣлъ пѣтухъ, онъ перекрестился самъ и перекрестилъ и домъ, и токъ, и ячмень... И въ такую, говорится въ разсказѣ, должно быть, роковую минуту перекрестилъ, что мгновенно начался пожаръ, сначала въ току, затѣмъ въ домѣ, уничтожившій все до основанія.

---

[1]) Копа—60 снопамъ.

[2]) Т. е. живушій въ осети. Осеть—овинъ.

И хозяинъ, и домовой сгорѣли; о послѣднемъ сказано, „што ёнъ надто христа (креста) и агня баитца“.

Многочисленны, разнообразны и легенды о лѣшихъ. Ихъ происхожденіе, впрочемъ, весьма понятно. Поздняя пора, застигшая крестьянина въ густомъ и дремучемъ лѣсу, шумъ деревьевъ, крикъ ночной птицы или вой звѣря, наконецъ, просто какая-нибудь случайность въ дорогѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, конечно, не могло не подѣйствовать на склонный къ суевѣрію умъ бѣлорусса и не навести на мысль о страшномъ существѣ, сбивающимъ его съ пути и пугающимъ своимъ крикомъ. Подъ впечатлѣніемъ ужаса является представленіе о внѣшнемъ видѣ этого страшнаго существа, лѣсовика, о его необычайной величинѣ и силѣ, а завтра уже сложившійся грозный образъ передается блуждавшимъ въ лѣсу крестьяниномъ его домашнимъ, сосѣдямъ, запечатлѣвается въ ихъ памяти, и самый разсказъ о ночномъ непроисшествіи получаетъ въ ихъ устахъ форму чудесной легенды о грозномъ дѣдушкѣ-лѣсовикѣ. Легенда эта передается изъ устъ въ уста, дополняется фантазіей, сравнивается съ прежде слышаннымъ и, такимъ образомъ, дѣлается достояніемъ народной памяти. Ѣхалъ ночью, говорится въ одной изъ такихъ легендъ, крестьянинъ дремучимъ лѣсомъ изъ одной деревни въ другую. Было это поздней осенью, ночь была тихая, но темная. Вдругъ лошадь остановилась и не двигалась съ мѣста, несмотря на всѣ понуканія. Ужъ не лѣшій ли, подумалось мужичку. Слѣзъ онъ съ телѣги, подошелъ къ лошади и видитъ, что какая-то громадная рука, покрытая мхомъ, высунулась изъ непроницаемой чащи и держитъ коня подъ уздцы. Растерявшійся крестьянинъ зналъ, что въ подобныхъ случаяхъ нужно перекреститься три раза, и хотѣлъ это сдѣлать, но руки, какъ плети, безпомощно висѣли и не могли никакъ подняться. Внезапно, въ сторонѣ раздались ужасные, нечеловѣческіе звуки, свистъ и вой, зашатались деревья, и огромный лѣсовикъ со звѣздами вмѣсто очей вышелъ на дорогу... Бѣдный крестьянинъ упалъ въ обморокъ и не помнилъ ничего больше. На другой день его нашли полумертвымъ, долго лечили бабы

отваромъ земли изъ-подъ трехъ подворотенъ, и когда онъ оправился, то разсказалъ, что съ нимъ было. Лошади же нигдѣ не оказалось, рѣшили, что ее взялъ для себя сердитый дѣдъ — лѣсовикъ, „а може й воръ украу; бо й гэта бывае, тольки ёнъ зъ гэстаго коня корысти ня буде мѣть, нѣ ужо, бо нячистикъ тримау". И въ другихъ, подобныхъ разсказахъ о лѣшемъ, онъ является тѣмъ же ужаснымъ существомъ громаднаго роста съ необычайно сильнымъ голосомъ съ ярко блещущими очами. Встрѣча съ нимъ оканчивается, обыкновенно, только испугомъ, но бывали случаи, когда лѣшій бросался на человѣка и душилъ его. И до послѣдняго времени, если послышится въ ночной тишинѣ жалобные крики рыси, напоминающіе плачъ ребенка, бѣлоруссъ непремѣнно скажетъ, что, можетъ быть, это рысь кричитъ, а можетъ быть также и грѣшная душа покойнаго бродитъ по лѣсу и напоминаетъ роднымъ о молитвѣ за умершаго безъ покаянія... Иные, впрочемъ, объясняютъ доносящійся изъ лѣса ночью плачъ ребенка уловкою лѣшаго, чтобы завлечь заблудившагося путника въ трясину и защекотать его тамъ. Нѣсколько иной характеръ носитъ разсказъ о лѣсовикѣ крестьянки, Анны Сороки. Тутъ лѣсовикъ не позволяетъ даже въѣхать въ лѣсъ и даетъ себя замѣтить совершенно инымъ образомъ, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ. Привожу ея подлинныя слова: „Ѣхала я зъ Минска, одна, заѣхала ужо за Паперню (село Минскаго у. въ 12 в. отъ Минска), а было гэто ноччу, такая ночъ мѣсячная, усе далеко видать. Ѣду я полемъ, тольки пирадъ самымъ лѣсомъ—гляжу, ажно нѣйки тѣнь бяжитъ за колесами па дарозѣ. Никóга-ничога нема, а тѣнь бяжить. Я и догадалася, што гэто нячистикъ лясавы. Думаю сабѣ: што зъ гэтаго буде. Тольки гэты тѣнь бѣгъ-бѣгъ, забѣгъ, якъ у лѣсъ треба уѣзжать, упeрадъ коня и стау, и конь стау. Я и христилася, я и мадлитвы читала,—ничога! Мусить не попала на такую мадлитву, што адъ такихъ нячистикоу. Ажъ до свѣта стаяла тамъ, спужалася,—нехай Богъ крыя! Прыѣхала я дамоу, — ужо ладны день быу; кажу, што са мной было, ажъ и люди кажуть, што гэто бывае, навэтъ на тымъ самымъ

мѣйсцы зъ нашимъ Маркомъ таки злучай быу". Оба приведенные разсказа прекрасно иллюстрируютъ представленія бѣлоруссовъ о внѣшнемъ видѣ лѣшаго, первый — въ родной сферѣ—въ лѣсу, второй въ области, чуждой ему — въ полѣ. Въ лѣсу, говорятъ крестьяне, онъ такъ же великъ, какъ самыя высокія деревья; онъ человѣкообразенъ, но можетъ кричать какъ птица, выть, какъ звѣри и плакать, какъ ребенокъ... Но это только въ лѣсу: едва онъ выходитъ изъ лѣсу, какъ всѣ эти видимые грозные аттрибуты исчезаютъ и о присутствіи его можно замѣтить только по огромной тѣни, и то, если ночь свѣтлая, какъ въ послѣднемъ разсказѣ. У лѣшихъ есть жены, лѣшихи, имѣющія видъ обыкновенныхъ женщинъ съ распущенными волосами, въ которые вплетены зеленыя вѣтви. Это — души загубленныхъ лѣшимъ дѣвушекъ, которыя прокляты были родителями или подняли на нихъ руку. По ночамъ онѣ „хитаютца", т. е., качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, а на день вмѣстѣ съ лѣшими уходятъ подъ землю, гдѣ живутъ въ „палацѣ",—дворцѣ. Часто лѣсовики завлекаютъ неосторожнаго охотника въ глубь лѣса, подражая крику птицы, пугаютъ его тамъ, мѣшаютъ ему стрѣлять по дичи, отводятъ выстрѣлъ въ другую сторону и, нерѣдко случается, губятъ охотника въ трясинѣ мучительной и медленной смертью. Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ распространиться о томъ, что, въ свою очередь, дѣлаютъ охотники для разрушенія враждебныхъ замысловъ лѣсовика или въ предупрежденіе ихъ; но и тутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, бываютъ случаи полной солидарности человѣка съ нечистью. По мнѣнію бѣлорусса, средства для этого существуютъ, ихъ даже очень много, надо только знать ихъ и умѣть ими воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Достойно замѣчанія, что и здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о вмѣшательствѣ нечисти въ человѣческія дѣла, большое значеніе имѣетъ заговоръ, произнесенный „вѣдзьмакомъ" или просто старымъ опытнымъ охотникомъ, надъ ружьемъ, надъ пулями, дробью и т. п.

Сравнительно рѣже въ сѣверной части Минской губерніи, какъ въ мѣстности, преимущественно, лѣсистой, встрѣчаются

легенды о нечистой силѣ рѣкъ и озеръ, водяникахъ и русалкахъ (по мѣстному, водяницахъ, купалкахъ), и тѣ, впрочемъ, отходятъ въ область забвенія... О водяныхъ разсказываютъ, что они любятъ жить возлѣ мельницъ, подъ шлюзами, и въ омутахъ рѣкъ, что берутъ къ себѣ, т. е., топятъ понравившихся имъ людей, особенно, не перекрестившихся при погруженіи въ воду. Мужчины становятся такими же водяными, а женщины—русалками. О послѣднихъ говорятъ, что очень часто это бываютъ проклятыя родителями дѣвушки, не заслужившія при жизни прощенія. Неминуемо, вѣритъ народъ, должны утонуть тѣ, которыя купаются въ праздникъ, когда вода должна отдыхать, или послѣ солнечнаго заката. Говорятъ, будто водяные обзаводятся семьей,—жены ихъ—русалки, они имѣютъ дѣтей, такихъ же нечистей, какъ сами. Именно, наканунѣ праздника Крещенія крестьяне оборачиваютъ возки и сани, потому что въ это время приходятъ водяные за ними, чтобы вывезти своихъ дѣтей, могущихъ погибнуть отъ погруженія креста въ воду, на весь слѣдующій день, пока освященная вода не унесется теченіемъ. Опрокинутыхъ же саней водяной почему-то не смѣетъ взять. Въ ночь на Ивана Купалу выплываютъ изъ глубины водяные направляются къ мельницамъ, шалятъ тамъ, вертятъ колеса, открываютъ шлюзы... Перемолотая въ эту ночь мука имѣетъ глубокое и таинственное значеніе для бѣлорусса: хлѣбъ изъ этой муки, освященный въ церкви, впродолженіе года сохраняетъ ту силу, что съѣвшій кусокъ его не можетъ утонуть. По общераспространенному мнѣнію, мельники знаются съ водяными и пользуются ихъ услугами для успѣшнаго веденія своего дѣла и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходима помощь сверхъестественной силы, напримѣръ, при отысканіи вора, при заговорѣ, при исцѣленіи и проч. Подуетъ мельникъ на воду, пошепчетъ ему одному извѣстныя слова,—и дѣло сдѣлано, желаніе выполнено. Сношенія же съ нечистыми отнимаютъ у мельника возможность погибнуть отъ воды: именно, мельники никогда не тонутъ. Многіе рыбаки тоже призываютъ его въ видахъ удачнаго лова. Словомъ, онъ полный хозяинъ

водянаго царства. Русалки, имѣющія видъ то красивыхъ, то безобразныхъ женщинъ, выходятъ на берегъ, заплетаютъ свѣтящіеся въ темнотѣ волосы, плетутъ и украшаютъ головы вѣнками. Въ это время опасно являться одному на берегъ рѣки или озера; особенно, если видны движущіеся огоньки и слышна тоскливая пѣсня. Заманятъ онѣ смѣльчака игрой безчисленныхъ огней, увлекутъ неотразимой силой печальной пѣсни, и онъ безвозвратно погибнетъ въ болотной трясинѣ или въ глубинѣ темныхъ водъ. На предсмертные крики его жестокія обитательницы водянаго царства будутъ отвѣчать злымъ хохотомъ, и снова польется печальная пѣсня, звеня надъ водой и гулко замирая вдали. Всю ночь, до зари звучатъ ихъ пѣсни, смѣшиваясь со звуками пѣсенъ молодыхъ парней и дѣвушекъ; на горахъ еще во многихъ мѣстахъ и понынѣ горятъ костры, завиваются вѣнки и дѣвушки думаютъ о своемъ суженомъ, или въ пѣснѣ разсказываютъ про купалку, которая—говоря словами этой же пѣсни

Йшла гарой, гарой,
Закрыуши вочки рукой, рукой.
Стаять люди и дивютца,
Иде купалка и сваритца:
— Охъ, вы хлопцы-малойчики,
Охъ, вы дзѣуки удáлыя!
Ти вы купалки ня видѣли,
Ти вы тьвяточкоу не щипали,
Ти вы вяночкоу не вязали,
Ти вы тыхъ вяночкоу на галоуки не ускладали?..

Таковы главные виды нечистой силы по представленіямъ бѣлорусса. Рядомъ съ ними существуетъ нѣчто вродѣ посредниковъ, какъ я уже упоминалъ, между людьми и злыми таинственными существами, есть цѣлый классъ знахарей, знахарокъ, по мѣстному—вѣдьмаковъ и вѣдьмъ. Въ ихъ чудодѣйственную власть слѣпо вѣритъ мѣстное населеніе, заискиваетъ въ нихъ, обращается за совѣтомъ, за помощью,

за исцѣленіемъ. Замѣчательно, что крестьяне убѣждены въ томъ, что силу свою вѣдуны эти черпаютъ изъ сношеній съ нечистью, заранѣе обрекающіе свою душу на адскія муки,— „чорту душу продау, говорятъ они: за тое на гэтымъ свѣтѣ буде ему дóбра“, и не придаютъ никакого значенія тому, что и сами они пользуются тою же силой, обращаясь къ помощи дѣда и бабки, какъ они называютъ ихъ, боясь даже произносить страшныя слова „вѣдзьмакъ“, „вѣдзьма“. Отъ нихъ, по мнѣнію бѣлорусса, зависитъ урожай или неурожай того или другого крестьянина, болѣзнь или выздровленіе, благосостояніе скота и часто даже перемѣна погоды. Въ программу даннаго очерка не входитъ разсмотрѣніе тѣхъ средствъ, которыми ловко пользуются эти жрецы подпольной силы для внушенія къ себѣ страха и довѣрія наивныхъ поселянъ, но для характеристики я приведу одинъ, случайно ставшій извѣстнымъ мнѣ заговоръ, который даетъ въ высшей степени ясное понятіе о ихъ компетенціи. Употребляется этотъ заговоръ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „вѣдзьмакъ“, замышляющій зло противъ кого-либо, идетъ на поле его, усѣянное рожью, и начинаетъ заламывать стебли, приговаривая: „А усякая балѣсть приступися и да яго, урага маго, и да жаны зъ дѣтками и да дому яго́; усякая бѣда злучися и зъ имъ, урагомъ маимъ, и съ скатинкой яго; и ня будя яму́ ни урожаю, ни прибытку. Адступися, Божа, адъ яго и Аніóлы— стру́жи [1]). Нехай яго черная смерть задяре и душа яго у пекли будя“. Обрядъ этотъ, такъ и называемый „заломомъ“, распространенъ по всей Бѣлоруссіи, но употребляется онъ рѣдко, потому что рѣшиться употребить его можетъ только человѣкъ, продавшій душу дьяволу и твердо вѣрящій въ силу заговора. Какъ же не бояться суевѣрному бѣлоруссу вѣдуна или вѣдуньи, когда въ ихъ власти находятся такія странныя средства, какъ же не задабривать ихъ? А это задабриванье ввидѣ приношеній и угощеній и уваженіе, смѣшанное со страхомъ, дѣлаютъ то, что такъ называемымъ чаровникамъ

---

1) Ангелы-хранители.

привольно живется въ невѣжественной средѣ: въ этомъ-то и кроется главная причина, почему и понынѣ почти въ каждомъ селѣ живетъ дѣдъ или бабка, обладающіе сверхъ-естественными свойствами.

Существуетъ много легендъ о чудесной власти чаровниковъ. Между прочимъ, они могутъ по своему желанію превращать людей въ волковъ или, какъ ихъ называютъ, въ „воукулáкъ". Было, разсказываетъ одна такая легенда, два человѣка въ деревнѣ: одинъ чаровникъ, а другой добрый. Вотъ чаровникъ, не поладивъ съ послѣднимъ, превратилъ его въ волка и сдѣлалъ это на три года. Днемъ онъ былъ волкъ, а ночью снова дѣлался человѣкомъ. Принимая на день волчьи свойства, забѣгалъ онъ къ пастухамъ и хваталъ овецъ. Но и волкомъ онъ имѣлъ одну особенность,—именно, онъ былъ подпоясанъ тѣмъ-же поясомъ, который былъ на немъ въ моментъ превращенія. Схватилъ онъ однажды овцу въ загонѣ и хотѣлъ перепрыгнуть съ нею черезъ заборъ; во время прыжка вдругъ лопнулъ поясъ, и онъ, благодаря этому, раньше срока и уже навсегда сдѣлался человѣкомъ. Другая легенда, которую я привожу въ томъ же видѣ, какъ довелось ее слышать, еще нагляднѣе указываетъ на зависимость между вѣдунами и населеніемъ. „Ѣхали молодые да шлюбу (т. е. къ вѣнцу), говоритъ она, а при дарозѣ была мельница и мельникъ быу чараувикъ. Маладые ня злѣзли и не пакланилися яму, ёнъ и каже: ну будете-жъ вы цѣлы вѣкъ бѣгать и кланятца! У той часъ павылетала уся асыстэнція: маладые, дружки, закóсникъ, маршáлакъ и сватъ, уся дружина, и абярнулася воуками и пабѣгла, але яны ужо не зрабилися людьми николи".... Вовкулаку, впрочемъ, легко отличить отъ обыкновеннаго волка: у него вокругъ шеи бѣлая полоска, глаза человѣчьи и воетъ онъ не поволчьи, а словно стонетъ и плачетъ...

На этомъ позволяю себѣ окончить мой бѣглый очеркъ представленій о нечистой силѣ бѣлорусса сѣверной части Минской губерніи. Съ незначительными варіаціями они, болѣе или менѣе, общи для всей Бѣлоруссіи. Несомнѣнно одно,

что будете ли наблюдать бѣлоруссовъ въ этой мѣстности, болѣе глухой и потому представляющей для этнографа-любителя большій интересъ, заберетесь ли въ еле доступные углы нашего Полѣсья, гдѣ полѣшукъ себя и человѣкомъ не считаетъ, и по всему обширному пространству Бѣлоруссіи, если вы вслушаетесь въ полныя своеобразной поэзіи пѣсни, вникнете въ духъ бѣлорусскихъ сказокъ и чудесныхъ легендъ, глазами бѣлорусса посмотрите на міръ Божій,—тогда вамъ станетъ понятно его міровоззрѣніе, сдѣлаются объяснимы его повѣрья и вы придете относительно Бѣлоруссіи къ тому же выводу, которымъ я началъ настоящую статью:

Тамъ—чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ...

Е. А. Ляцкій.

ОЧЕРКИ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ВОТЯКОВЪ.

VI [1]).

Если мы обратимъ вниманіе на случаи, когда вотяки прибѣгаютъ съ мольбами къ умилостивленію и помощи своихъ покойниковъ, то мы будемъ имѣть еще одно основаніе къ подтвержденію высказаннаго въ предшествовавшей главѣ предположенія о связи почитанія Воршуда съ культомъ предковъ.

Вотяки молятся своимъ покойникамъ, какъ мнѣ приходилось наблюдать и слышать, въ слѣдующихъ случаяхъ [2]):

1) около праздниковъ Покрова и Пасхи;

2) передъ косьбою;

3) передъ посѣвомъ;

4) въ случаѣ болѣзни, когда тунò (ворожéцъ) опредѣлитъ эту болѣзнь наказаніемъ покойниковъ;

---

[1]) См. „Этн. Об.“ V, 58.

[2]) Проф. Смирновъ, говоря о жертвоприношеніяхъ покойникамъ, характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „нѣтъ мало-мальски выходящаго изъ обыденной жизни предпріятія, по случаю котораго вотякъ не счелъ бы нужнымъ задобрить умершихъ предковъ подачками“ (Изв. Каз. Об. Арх. Ист. и Этн., т. VIII, в. 2. стр. 188). Перечисляя затѣмъ случаи этихъ подачекъ, онъ указываетъ такіе, которые мнѣ не приходилось наблюдать, но которые весьма интересны для характеристики поклоненія покойникамъ. Эти случаи слѣдующіе: 1) везущіе невѣсту у каждыхъ встрѣчающихся полевыхъ воротъ бросаютъ кусочки хлѣба съ просьбою благословенія у умершихъ; 2) выстроивъ конюшню, вотякъ первымъ дѣломъ торопится принести въ ней жертву предкамъ.

5) по воскресеньямъ, когда пекутъ табани (лепешки);

6) при отъѣздѣ въ гости;

7) при пропажѣ чего-либо изъ семейнаго имущества;

8) при неудачной варкѣ кумышки;

9) вышедшая замужъ дочь, по смерти своихъ родителей, привозитъ въ свою родную деревню голову и ноги коровы, принося ихъ въ жертву покойнымъ.

Такимъ образомъ, въ пяти случаяхъ (2, 3, 4, 5, 6) событія, вызывающія необходимость моленія Воршуду, какъ это было указано въ гл. V, вызываютъ также и необходимость моленія покойникамъ. Если же мы обратимся къ сравненію всѣхъ остальныхъ случаевъ, вызывающихъ жертвоприношенія, какъ Воршуду, такъ равно и покойникамъ, то мы прійдемъ къ заключенію, что всѣ эти случаи являются событіями, тѣсно связанными съ имущественнымъ и нравственнымъ благоденствіемъ данной семьи.

Вслѣдствіе этой связи въ почитаніи Воршуда и покойниковъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію почитанія покойниковъ. Красною нитью проходитъ черезъ всю жизнь вотяка его трепетъ по отношенію къ обитателямъ загробнаго міра.

„Старики, не преслѣдуйте насъ, не дѣлайте сорнымъ нашъ хлѣбъ, не загоняйте въ овраги нашей скотины!“ таковы постоянныя мольбы несчастнаго вотяка къ своимъ покойникамъ.

Обширная область подземнаго міра населена безпокойными *кулемартьое* (мертвыми), которые постоянно требуютъ себѣ пищи, заботъ, а въ случаѣ неполученія послѣднихъ они жестоко мстятъ, разрушая на каждомъ шагу благосостояніе вотяка [1]). Естественно, что забота о покойникахъ, о доставленіи

---

[1]) Всего страшнѣе для вотяка покойникъ-колдунъ, котораго называютъ убиромъ. Въ с. Юскахъ мною записанъ слѣдущій разсказъ, касающійся названнаго духа: Убиръ днемъ лежитъ въ могилѣ, а ночью выходитъ портить людей. Выходитъ такой убиръ изъ норъ, существующихъ въ его могилѣ и имѣющихъ форму сусликовыхъ. Убиромъ дѣлается умершій колдунъ. Однажды нѣкій колдунъ передъ смертью сказалъ своей женѣ, чтобы она ночью, послѣ того какъ онъ умретъ, убралась изъ дома, иначе ее растерзаютъ или заколдуютъ его товарищи,

имъ пищи, иногда и одежды, лежитъ на тѣхъ изъ оставшихся въ живыхъ, которые наиболѣе близки каждому данному покойнику. Вотъ почему на обязанности потомковъ лежитъ память и забота о своихъ предкахъ. Эта обязанность ясно выражается въ словахъ молитвы, гдѣ говорится: „поминаемъ васъ, отецъ, мать, дядя... и *всѣ остальные, которыхъ помнимъ и не помнимъ*...“ При существованіи этой обязанности потомковъ заботиться о счастіи своихъ предковъ, находящихся въ загробномъ мірѣ, рождается тѣсная связь между первыми и послѣдними, основанная не только на слѣпомъ страхѣ передъ грозными родителями, но и заключающая въ себѣ нѣкоторое нравственное начало. Вотъ почему нерѣдко встрѣчаемъ мы въ молитвахъ, обращенныхъ къ покойнымъ родственникамъ, просьбу охранять живыхъ (само собою разумѣется, исключительно родныхъ), спасать ихъ отъ навѣтовъ злыхъ людей, отъ вражескаго глаза, однимъ словомъ, всѣ тѣ мольбы, которыя вотякъ возноситъ и къ своимъ верховнымъ богамъ, между прочимъ Мудору и Воршуду.

Рельефно рисуется отношеніе вотяка къ своимъ покойникамъ въ слѣдующихъ словахъ молитвъ, записанныхъ мною въ деревняхъ Вамъѣ, Н. Сентягѣ и Нылгѣ:

„Старики, дурно намъ не дѣлайте. Пусть удается намъ хлѣбъ и питье [1]). Чѣмъ вы не довольны нами? Гуся ли вамъ нужно, утку ли? Требуйте: мы ни отъ чего не отказываемся, не споримъ съ вами. Мы не знаемъ, что вамъ нужно. Кто васъ знаетъ, что̀ вы просите? Пусть же теперь (при принесеніи жертвы) удается нашъ хлѣбъ и наше питье“.

которые прибѣгутъ тотчасъ же послѣ его смерти. Жена не послушалась и послѣ смерти ея мужа-колдуна осталась въ той же избѣ, гдѣ лежало его тѣло. Вдругъ въ полночь въ избу являются два колдуна покойника, товарищи умершаго, и самъ умершій, съ распростертыми руками и скрежеща зубами, поднимается со стола и бросается на свою жену. „Зачѣмъ ты не ушла отсюда,—говоритъ онъ ей,—вѣдь я предупреждалъ тебя, что я долженъ буду растерзать или заколдовать тебя“. Лишь усердная молитва Богу спасла бѣдную женщину.

1) Эта молитва читается при поминаніи покойныхъ родныхъ, совершаемомъ въ случаѣ неудачной варки кумышки.

„Хорошую дорогу намъ дайте для питья и ѣды, чтобы мы съ людьми не рассорились и чтобы мы любезно и цѣлуясь ѣли и пили“,—молитъ вотякъ своихъ покойниковъ, отправляясь въ гости и бросая имъ по лѣвую руку своей дороги кусокъ хлѣба.

„Отецъ, мать, насъ не забывайте: мы васъ не забываемъ, табанями потчуемъ“,—такъ говорятъ вотяки, бросая своимъ родителямъ при печеніи табаней кусокъ этой лепешки.

„Поминаемъ васъ,—молятся иногда вотяки при совершеніи общихъ поминокъ,—желаемъ, чтобы все приносимое попало въ вашъ ротъ. Сыновей и дочерей нашихъ не вводите въ искушеніе. Скотину въ овраги и болота не роняйте, звѣрямъ хищнымъ не давайте. Сильнымъ вѣтрамъ не давайте путать нашъ хлѣбъ, Отъ пожаровъ сохраняйте насъ, отъ урочливыхъ глазъ, отъ дурныхъ слуховъ сохраняйте. Итакъ, ѣшьте, насыщайтесь и уходите къ своимъ товарищамъ“.

На основаніи этихъ молитвъ мы можемъ сказать слѣдующее:

1) вотяки считаютъ своею обязанностью поддерживать загробное существованіе своихъ умершихъ родственниковъ, подъ понятіе которыхъ подходятъ всѣ вообще предки, какъ мы можемъ заключить изъ слѣдующихъ словъ молитвы: „*Всѣ родные, которыхъ я помню и не помню*, не мѣшайте...“.

2) Если послѣдствіемъ забвенія покойниковъ родными будетъ месть со стороны первыхъ, то она считается вполнѣ заслуженной и законной.

3) Покойники имѣютъ право требовать совершенія опредѣленныхъ жертвъ, отъ принесенія которыхъ вотяки не отказываются.

4) Покойники могутъ оказывать благотворное вліяніе на имущественное и нравственное положеніе семьи.

Вотяки вѣруютъ въ то, что умершіе ведутъ совершенно такую же жизнь; мало того, насколько можно судить по одной изъ молитвъ, приводимой г. Верещагинымъ (1), вотяки представляютъ себѣ своихъ умершихъ, имѣющими и за гро-

бомъ тотъ же внѣшій видъ, какой имѣютъ живые люди. „Жертву свою берите *въ руки и ноги*...“,—говоритъ эта молитва.

Покойники нуждаются въ той же пищѣ и одеждѣ, одержимы тѣми же страстями и желаніями, что и живые люди. Весьма характеренъ въ этомъ случаѣ слѣдующій случай, бывшій лѣтомъ 1887 года въ одномъ изъ селъ Сарапульскаго уѣзда. Умершему мальчику были положены въ гробъ тѣ книги, по которымъ онъ занимался въ сельской школѣ. Родители этого мальчика на вопросъ учителя о цѣли этого уничтоженія казеннаго добра простодушно оправдывались указаніемъ на необходимость покойному на томъ свѣтѣ книгъ для продолженія своего ученья. То обстоятельство, что, по воззрѣніямъ вотяковъ, каждый умершій продолжаетъ свои земныя занятія, работая надъ привычными ему предметами подтверждается слѣдующимъ повѣрьемъ. Обыкновенно, если пропадетъ корова или лошадь, и пропажа долго не находится, предполагаютъ, что этихъ животныхъ утащили покойники. „Если лошадь пропадетъ, говорили вотяки, то виноватъ мужчина покойникъ если же пропадетъ корова, виновница женщина покойница“. И въ томъ и въ другомъ случаѣ обѣщается [1]) корова или лошадь. Само собою разумѣется, что обѣщаніе дается въ виду того, что пропажа животнаго указываетъ на нужду въ немъ покойника. Человѣческая природа послѣдняго сказывается и въ тѣхъ случаяхъ, когда во время поминокъ покойника приглашаютъ париться въ баню. „Вечеромъ во время поминокъ, говорили мнѣ вотяки, иногда топятъ баню и приглашаютъ туда покойниковъ: „айда, старики, въ баню, париться будемъ, мойтесь, очищайтесь“. Наконецъ, весьма рельефно сказывается человѣческая природа покойниковъ въ тѣхъ пожеланіяхъ умершимъ парнямъ и дѣвушкамъ пожениться на томъ свѣтѣ, о которыхъ говоритъ пр. Смирновъ, ссылаясь на г. Буха.

---

[1]) Должно замѣтить, что вотяку часто приходится ограничиваться въ каждый данный моментъ лишь обѣщаніемъ жертвы, въ противномъ случаѣ ему пришлось бы при требовательности божествъ совершенно разориться. Божества, по большей части, довольствуются обѣщаніями.

Снискивая себѣ пропитаніе, духи умершихъ блуждаютъ и, вѣроятно, во время этихъ блужданій они производятъ надъ людьми тѣ преслѣдованія, противъ которыхъ вотяки въ молитвахъ, обращенныхъ къ покойникамъ, говорятъ: „на томъ свѣтѣ живи хорошо, *сзади и спереди не хватай, не гоняйся*“(2).

Выше было указано, какъ на естественное слѣдствіе этихъ преслѣдованій, на обязанность родственниковъ заботиться о своихъ покойникахъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что и за гробомъ не прерываются родственныя связи; по крайней мѣрѣ, г. Верещагинъ (3) говоритъ: „большая часть ихъ (вотяковъ) держится такого мнѣнія, что на томъ свѣтѣ души людей одного колѣна живутъ вмѣстѣ, составляя какъ бы одну общую семью, во главѣ которой находится патріархъ или родоначальникъ племени. Если кто жилъ на землѣ не мирно, былъ сварливъ, буянъ, тотъ не будетъ принятъ въ общую семью, подъ главенство патріарха“. Нами записанъ слѣдующій обрядъ при погребеніи, также указывающій на совмѣстную загробную жизнь родственниковъ. Когда умершаго одѣнутъ, то обыкновенно въ головахъ его ставятъ стулъ, на который кладутъ берестяную коробку. Въ нее бросаютъ яйца и говорятъ, перечисляя всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ родныхъ: „принимайте теперь въ товарищи этого умершаго“.

Связь покойныхъ предковъ съ потомками выражается въ вѣрованіи нѣкоторыхъ ватяковъ въ то, что душа новорожденному дается предками. Внѣшнее выраженіе это вѣрованіе нашло себѣ въ обычаѣ обращаться при тяжелыхъ родахъ съ молитвою къ предкамъ. Сознаніе родственной связи между предками и потомками сказывается и въ слѣдующей молитвѣ, приводимой от. Миропольскимъ (4): „прежде поѣшь, а потомъ уходи, *да не далеко*; береги нашъ домъ, сохраняй скотину“.

Обязанность поддержанія потомками загробнаго существованія предковъ можетъ быть отчасти объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что первые обязаны своимъ имущественнымъ благосостояніемъ послѣднимъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣдующее. Существуетъ обычай, по которому, какъ выше было упомянуто, всякая вышедшая за-

мужъ вотячка обязана принести по смерти ея родителей въ жертву имъ голову и ноги коровы. Одинъ вотякъ мотивировалъ мнѣ названное жертвоприношеніе тѣмъ, что вышедшая замужъ получила приданое изъ своей прежней семьи и въ благодарность за это должна почтить своихъ родителей.

Въ настоящее время многочисленныя большія семьи распадаются на болѣе мелкія единицы, на малыя семьи. Каждая изъ этихъ малыхъ семей обращается съ мольбами къ покойникамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты ея исключительные интересы но бываютъ случаи, когда и интересы другой малой семьи, родственной первой, могутъ вызвать необходимость совмѣстной молитвы всѣхъ малыхъ семей, связанныхъ между собою узами родства. „Когда не удается варка кумышки, разсказывали мнѣ вотяки, необходима молитва покойникамъ. Но совершать эту молитву безъ полнаго *бöльяка* [1]) нельзя (т. е. должны присутствовать всѣ родственники, хотя бы и живущіе въ различныхъ семьяхъ). Каждый изъ присутствующихъ долженъ поминать своихъ покойниковъ, потому что, можетъ быть, кто либо изъ умершихъ въ бöльякѣ препятствуетъ варкѣ". Само собою разумѣется, что далеко не всѣ вотяки придерживаются этого обычая моленія всѣмъ бöльякомъ въ случаѣ неудачной варки кумышки: многіе ограничиваютъ это моленіе тѣснымъ семейнымъ кругомъ, иногда даже одними женщинами; но тѣмъ не менѣе этотъ обычай имѣетъ для насъ значеніе, свидѣтельствуя о томъ, что въ народѣ еще живетъ сознаніе связи всѣхъ кровныхъ родственниковъ и ряда предшествующихъ имъ поколѣній, ушедшихъ отъ нихъ въ загробный міръ и ожидающихъ ихъ къ себѣ.

У вотяковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сарапульскаго у. существуетъ слѣдующее преданіе о происхожденіи поминокъ. „Сначала не поминали покойниковъ. Но вотъ одинъ человѣкъ, по имени Агышъ, однажды увидѣлъ покойниковъ во снѣ. Покойники, явившіеся ему во снѣ, грозились. Вскорѣ послѣ этого нѣкоторые изъ его семьи заболѣли. Онъ удивился этому

---

[1]) О значеніи *бöльяка* см. „Этн. Об." IV, 217—8.

ВОТЯЦКІЙ РОДОВОЙ ШАЛАШЪ-МОЛЕЛЬНЯ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Кº въ Москвѣ.

ТИПЫ САРАПУЛЬСКИХЪ ВОТЯКОВЪ.

совпаденію своего сна съ постигшимъ его несчастіемъ и зарѣзалъ своимъ покойникамъ овцу. Тогда больнымъ сразу стало легче, и Агышъ понялъ, что покойники могутъ насылать и добро и зло". Необходимость совершенія поминокъ покойнику, явившемуся во снѣ, сознается и въ настоящее время. „Иногда тѣни умершихъ,—пишетъ г. Бухъ (5),—приходятъ въ свое прежнее жилище и являются во снѣ своимъ родственникамъ. Тогда весь домъ озабочивается тотчасъ же принести явившемуся жертву, въ противномъ случаѣ послѣдуетъ наказаніе покойника, который немедленно нанесетъ болѣзнь".

Такимъ образомъ мы видимъ, что и до сихъ поръ живетъ въ вотякахъ сознаніе обязанности поддерживать загробную жизнь своихъ предковъ. Главнымъ образомъ, эта обязанность выражается въ кормленіи покойниковъ, совершаемомъ въ случаяхъ, указанныхъ въ началѣ настоящей главы. Но порою покойники получаютъ и одежду и деньги, получаютъ домашнихъ животныхъ не только для пищи, но и для другихъ надобностей. Подтвержденіемъ послѣдняго обстоятельства можетъ служить вышеуказанный обычай обѣщать въ случаѣ пропажи коровы или лошади покойнику-мущинѣ лошадь, а покойницѣ корову. Очевидно, что въ этомъ случаѣ они получаютъ животныхъ не для пищи. Одеждою и нѣкоторыми предметами домашняго обихода покойникъ снабжается во время похоронъ [1]. „Чтобъ ты не терпѣлъ тамъ нужды, вотъ тебѣ", говоритъ вотякъ, кладя въ гробъ тотъ или другой предметъ домашняго обихода. Бываютъ случаи, когда и долго спустя послѣ похоронъ жертвуютъ покойникамъ холстъ на платье и деньги. Напримѣръ, это иногда дѣлаютъ во время вышеуказаннаго жертвоприношенія дочери своимъ покойнымъ родителямъ. Но по большей части заботы о покойныхъ сводятся къ ихъ кормленію. Пища, потребляемая ими совершенно та же, что употребляется и живыми людьми: хлѣбъ, говядина, масло; пьютъ покойники пиво, кумышку, водку.

---

[1] Срав. мою статью въ Сборникѣ мат. по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ Этногр. Музеѣ, подъ редакціею пр. В. Ѳ. Миллера.

Въ литературѣ о вотякахъ есть указанія на то, что въ прежнее время приносились покойникамъ человѣческія жертвы. „О поминкахъ у вотяковъ, пишетъ г-жа Фуксъ (6), есть слѣдующее преданіе. Они говорятъ, будто въ старые годы, т. е. еще до покоренія ихъ, совершались осеннія поминки другимъ, ужаснымъ образомъ: поминки были всегда въ одной избѣ, у самаго старшаго и добрѣйшаго старика въ деревнѣ, и, по окончаніи поминокъ, старикъ добровольно отдавалъ себя на жертву.... Его убивали и хоронили всею деревнею, какъ праведника...... Заколоть на поминкахъ человѣка въ древнія времена считалось самымъ священнымъ обрядомъ. Наканунѣ совершенія этой ужасной жертвы ничего въ продолженіе дня не ѣли и проводили цѣлый день на молитвѣ, не говоря между собою ни слова"... [1]). Между прочимъ г-жа Фуксъ, сопоставляя вотяцкія названія дней недѣли (вторникъ—кымепалъ, т. е. сухой или постный день, и среда—вирнепелъ, т. е. кровавый день), приходитъ къ заключенію, что эти названія являются переживаніями человѣческихъ жертвъ вовремя поминокъ, переживаніемъ того обряда, къ которому надо было приготовляться постомъ и молитвою. Мнѣ кажется, что слѣдующій обычай, носящій названіе *пель-сіонъ* (ядѣніе ушей), о которомъ говоритъ г. Верещагинъ (7), можетъ быть также причисленъ къ переживанію человѣческихъ жертвоприношеній во время поминокъ. Обычай этотъ заключается въ слѣдующемъ. На недѣлѣ Рождества Христова дѣти ходятъ по домамъ и собираютъ говядину, къ которой потомъ прибавляютъ различные другіе припасы. Затѣмъ дѣти провизію и дрова кладутъ въ корытообразныя съ полозьями *лубянки* и приглашаютъ съ собою какого-нибудь старика изъ деревни, съ которымъ во главѣ отправляются въ ближайшій лѣсъ, гдѣ варятъ кашу и грѣютъ въ чайникѣ кумышку. Этими яствами дѣти, всѣ до одного,

[1]) Кромѣ этого разсказа г-жи Фуксъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ предкамъ у вотяковъ, въ литературѣ существуетъ упоминаніе объ этомъ же вопросѣ у г. Максимова (Библ. для чтенія, 1855 г.), относительно котораго мы вполнѣ согласны съ пр. Смирновымъ, что онъ въ подробностяхъ напоминаетъ вышеуказанное сообщеніе г-жи Фуксъ.

угощаютъ старика, который принимаетъ угощеніе, бормоча обратившись лицомъ къ ели, „принявъ на себя роль жреца", молитвенныя слова, а именно: „остэ... козьма.... сябось".... Наконецъ, начинается общая трапеза, по окончаніи которой вещи накладываются на одну лубянку, а на другую ложится старикъ. Дѣти съ крикомъ и съ шумомъ везутъ эти двѣ лубянки. Обрядъ пель-сіон'а заканчивается тѣмъ, что дѣти, „не расходясь по домамъ, берутъ по палочкѣ и начинаютъ обрядъ изгнанія Чера (болѣзни)". Самый характеръ всего обряда, окончаніе его изгнаніемъ изъ домовъ селенія болѣзней (вспомнимъ, что насылать ихъ имѣютъ власть души умершихъ), наконецъ, то значеніе, которое имѣютъ въ этомъ обрядѣ лубянки,—все это даетъ возможность считать обычай „пель-сіонъ" за переживаніе человѣческой жертвы покойникамъ. Особое значеніе лубянки въ вышеприведенномъ обычаѣ я основываю на томъ, что вотяки обыкновенно обмываютъ своихъ умершихъ на лубкахъ; есть даже особое выраженіе для обозначенія нѣкоторыхъ жертвоприношеній покойникамъ: *кур. вил виро*—кровавая жертва на лубкахъ.

Является вопросъ о цѣли человѣческаго жертвоприношенія. Тогда какъ всѣ остальныя кровныя жертвы идутъ покойникамъ въ пищу, человѣческая жертва могла служить пищею, конечно, лишь въ эпоху каннибализма. Но нѣтъ необходимости, чтобы съ исчезновеніемъ этой эпохи человѣческія жертвоприношенія либо совершенно прекратились, либо остались въ качествѣ переживаній Онѣ и по миновеніи этой суровой эпохи могутъ имѣть свой raison d'etre. Вѣдь загробнымъ жителямъ, по мнѣнію людей, поклоняющихся имъ, нужны слуги, помощники, работники, - вотъ причина, почему имъ должны быть пріятны человѣческія жертвоприношенія и послѣ того, какъ они стали съ отвращеніемъ относиться къ человѣческому мясу. Отсюда мы можемъ заключить, что въ эпоху процвѣтанія человѣческихъ жертвоприношеній покойникамъ убивались на пользу послѣднихъ не одни старики, но и люди молодые. Наблюденіе надъ вѣрованіями вотяковъ г. Филимонова, который указываетъ на увѣренность вотяковъ и черемиссовъ

въ томъ, что ихъ умершіе родственники могутъ уводить къ себѣ не только скотъ, но и живыхъ людей, свидѣтельствуетъ также о переживаніи обычая человѣческихъ жертвоприношеній.

Само собою разумѣется, что въ настоящее время обычай жертвовать умершимъ людей окончательно исчезъ, но весьма возможно, что именно этотъ обычай оставилъ свои слѣды на извѣстномъ обычаѣ Глазовскихъ вотяковъ вѣшать на деревьяхъ куклы, имѣющія форму людей, что, засвидѣтельствовано покойнымъ Первухинымъ [1]).

Такимъ образомъ *въ настоящее время* умершіе предки, снабженные при ихъ погребеніи одеждою и нѣкоторыми предметами изъ домашняго обихода въ опредѣленныхъ случаяхъ пользуются пищею и иногда, очень рѣдко получаютъ лоскутки матеріи и деньги.

Кто же изъ членовъ семьи принимаетъ участіе въ совершеніи поминокъ? И не бываетъ ли такихъ случаевъ, когда поминки совершаются не исключительно родственниками, но и болѣе обширнымъ союзомъ лицъ? Относительно послѣдняго вопроса должно замѣтить что по большей части осенью и весною собираются жители цѣлой деревни и совершаютъ общее жертвоприношеніе покойникамъ, отдавая умершимъ старикамъ лошадь, а умершимъ старухамъ корову. Должно замѣтить, что этотъ вопросъ объ общественныхъ поминкахъ весьма мало разработанъ въ литературѣ о вотякахъ. Изъ личныхъ же разспросовъ вотяковъ мнѣ также не удалось добыть опредѣленныхъ свѣдѣній по этому вопросу. Весьма интересенъ, напримѣръ, тотъ фактъ, какимъ образомъ совершаются общественныя поминки въ деревняхъ, населенныхъ нѣсколькими племенами: каждымъ ли племенемъ отдѣльно, или всѣми вмѣстѣ. На основаніи отвѣтовъ вотяковъ въ с. Юскахъ на вопросы по этому поводу можно предполагать, что въ этомъ обширномъ селеніи общественныя поминки совершаются нѣсколькими отдѣльными группами, хотя эти группы и не составлены изъ лицъ, свя-

1) См. „Этн. Обозр.“, IV.

занныхъ единствомъ племенного происхожденія и въ основаніи ихъ положено разстояніе мѣстожительства членовъ одной группы отъ другой. „Ходимъ на общіе поминки", говорили Юскинцы, къ тому, кто ближе живетъ, а потому, если неволя заставитъ, то можно пойти на такія поминки и къ другому племени. Хорошая совмѣстная жизнь имѣетъ въ этомъ отношеніи главное значеніе. Вотъ, напримѣръ, недавно одинъ вотякъ убилъ человѣка, такъ его теперь не будутъ принимать въ свое общество, развѣ жена его будетъ въ состояніи сблизиться съ обществомъ". Тамъ же мнѣ говорили, что эти поминки по группамъ возникли лишь въ недавнее время, тогда какъ прежде, когда лучше родился хлѣбъ, совершали осенью и весною поминки всею деревнею. Въ деревнѣ Пунмѣ мнѣ передавали, что осенью тамъ приносятъ въ жертву покойникамъ овцу близкіе сосѣди и вся деревня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мнѣ говорили, что весною и осенью поминки совершаются всѣмъ бőльякомъ, подразумѣвая въ этомъ случаѣ подъ бőльякомъ всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ данному племени и живущихъ въ данной деревнѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ разнорѣчивы свѣдѣнія по этому вопросу даже для такого маленькаго района, какъ южная часть Сарапульскаго уѣзда. Надо надѣяться, что дальнѣйшія изслѣдованія освѣтятъ этотъ мало разработанный вопросъ, имѣющій весьма важное значеніе для характеристики почитанія вотяками своихъ покойниковъ.

Въ поминкахъ, совершаемыхъ отдѣльными семьями, участвуютъ всѣ члены этой семьи, и лишь иногда, какъ было указано выше, приглашается бőльякъ. Нѣкоторое несогласіе между вотяками существуетъ по вопросу о томъ, какихъ покойниковъ и гдѣ поминаетъ пріемный сынъ. Приведемъ, какъ одно изъ авторитетныхъ мнѣній, соображеніе Юскинскаго туно́, который говорилъ, что пріемный сынъ, участвуя въ поминкахъ принявшей его семьи, поминаетъ и своихъ кровныхъ родныхъ [1]). Дѣвушки обыкновенно не участвуютъ въ по-

[1]) По словамъ Буха, въ окрестностяхъ Ижевскаго завода замужнихъ женщинъ не допускаютъ до участія въ общественныхъ жертвоприно-

миновеніи, такъ какъ онѣ уйдутъ впослѣдствіи въ другую семью. Относительно женщинъ скажемъ, что по нашимъ наблюденіямъ онѣ по большей части участвуютъ въ семейныхъ поминкахъ. Весьма характерны слѣдующія слова одного Пунемскаго вотяка. На мой вопросъ, почему жена его не участвовала въ поминкахъ, происходившихъ передъ началомъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, онъ отвѣчалъ: „она недавно взята въ домъ". Такимъ образомъ, право на участіе не отрицается, но требуется болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ домѣ, подъ покровительствомъ пенатовъ данной семьи.

Описаній поминокъ въ литературѣ о вотякахъ существуетъ большое количество и всѣ они въ общихъ чертахъ сходны. Мы возьмемъ одно изъ описаній, составленныхъ авторомъ, который имѣлъ случай наблюдать бытъ вотяковъ около 40 лѣтъ тому назадъ, именно описаніе г-жи Фуксъ, такъ какъ это описаніе вполнѣ правильно передаетъ намъ картину совершенія поминокъ. Затѣмъ, мы дополнимъ слова г-жи Фуксъ описаніемъ поминокъ у г. Островскаго, писавшаго черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ г-жи Фуксъ, а также собственными свѣдѣніями, сообщенными намъ Сарапульскими вотяками.

„Поминовеніе совершается или одною семьею", говоритъ г-жа Фуксъ, „или, чаще, родными и знакомыми. Обрядъ начинается старшимъ въ семьѣ; онъ подходитъ къ наполненной чашкѣ, отламываетъ по кусочку отъ всякаго положеннаго туда кушанья, называя покойниковъ по имени и желая имъ спокойствія въ могилѣ, откусываетъ по одному разу отъ каждаго куска, а остальное бросаетъ въ пустую чашку. За нимъ дѣлаютъ то-же самое и всѣ другіе" (9).

шеніяхъ предкамъ. Указываемъ, подобно пр. Смирнову, на отсутствіе женщинъ и при моленіяхъ Кереметю. Послѣднее обстоятельство, вопреки мнѣнію почтеннаго профессора, мы ставимъ въ связь съ высказанными нами выше соображеніями о культѣ Кереметя. Не является ли это недопущеніе женщинъ при жертвоприношеніяхъ ему послѣдствіемъ того, что этотъ культъ въ своемъ основаніи имѣетъ связь съ почитаніемъ предковъ?

Островскій описываетъ поминки слѣдующимъ образомъ: „На приступкѣ *у печки* ставится корыто, и въ память каждаго умершаго родственника усердный вотякъ прилѣпляетъ къ корыту восковую зажженную свѣчку. Въ передней части избы накрывается столъ, на которомъ ставятъ различныя яства, пиво и кумышку. Каждый изъ присутствующихъ, подходя къ столу, пьетъ и ѣстъ, а остатки долженъ выливать или класть въ корыто" (10)...

Поминки, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать, совершались описаннымъ образомъ, причемъ поминающій, кладя въ чашку ѣду и питье, перечислялъ имена своихъ родственниковъ (поминаютъ обыкновенно всѣхъ тѣхъ, которые по своему возрасту могли говорить, такимъ образомъ младенцевъ не поминаютъ). Принесеніе кровной жертвы совершается такимъ же образомъ, какъ всякое другое жертвоприношеніе, причемъ, конечно, молитвы обращаются къ покойникамъ, называемымъ обыкновенно въ молитвахъ „стариками".

Иногда участіе лицъ въ поминкахъ семейныхъ, чаще общественныхъ, нѣсколько варіируется противъ вышеописаннаго. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда поминки продолжаются болѣе или менѣе долгое время. Тутъ поминающіе должны заботиться о томъ, чтобы покойникамъ, пришедшимъ на пиршество, не было скучно, чтобы они не ушли голодными. Для достиженія перваго необходимо гулять съ невидимо присутствующими покойниками. „Айда, пойдемте гулять со стариками",--говорятъ иногда пирующіе. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ вотяковъ, втеченіе поминокъ около каждаго изъ пирующихъ находится его сверстникъ покойникъ, который при жизни относился къ нему лучше, чѣмъ къ другимъ, и уходъ и угожденіе этому сверстнику составляютъ прямую обязанность тѣхъ, при которыхъ онъ присутствуетъ. По вѣрованіямъ вотяковъ, все, что дѣлаетъ живой человѣкъ, повторяетъ и его сверстникъ покойникъ; поэтому, и чѣмъ веселѣе пирующій, тѣмъ веселѣе его спутникъ, чѣмъ сытѣе пирующій, тѣмъ сытѣе его спутникъ... Вотъ почему во время поминокъ должно ѣсть возможно болѣе,

не то, пожалуй, покойники уйдутъ голодными; вотъ почему во время поминокъ нельзя работать, не то, пожалуй, покойникъ разсердится, что его не веселятъ и заставляютъ работать, и накажетъ чѣмъ-нибудь.

По окончаніи поминокъ начинаются проводы покойниковъ, совершаемые слѣдующимъ образомъ. Берутъ старый лапоть, въ который кладутся перья, пухъ и уголь съ огнемъ. Этотъ лапоть уноситъ за околицу одинъ изъ мущинъ. Унося его, онъ дуетъ на уголь, произнося слѣдующую молитву: „Старики, ѣшьте, пейте, да уходите отсюда; кто намъ завистникъ, того съ собой уведите; враговъ нашихъ, колдуновъ, съ собой уведите“. Бросавшій лапоть по возвращеніи не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова до тѣхъ поръ, пока не вытретъ руки золою, взятою изъ печки. Вслѣдствіе того, что покойники совершаютъ все то же, что дѣлаютъ пирующіе, не должно передъ проводами спать, въ противномъ случаѣ можетъ также заснуть и остаться въ избѣ тотъ покойникъ, который во время пира былъ вмѣстѣ съ уснувшимъ.

Переходимъ къ описанію двухъ частныхъ видовъ моленій покойникамъ.

Осенью въ дер. Пироговѣ рѣжутъ пѣтуха покойникамъ на каждой полосѣ передъ посѣвомъ озимаго. Рѣзать идетъ старшій и, оставивъ въ полѣ кровь, приноситъ пѣтуха обратно домой, и тамъ его варятъ. Въ полѣ же зарываются затѣмъ кости этого пѣтуха, причемъ произносятся слѣдующія слова: „Отдаемъ вамъ съ головою, съ ногами и съ костями, принимайте же“!.

Почти повсемѣстно совершаются поминки, называющіяся *съро-пъдо* (голова и ноги) и уже упомянутыя мною выше; это тотъ случай, когда дочь жертвуетъ своимъ покойнымъ родителямъ голову и ноги коровы, вѣроятно, символизирующія собою всю корову. Совершаются эти поминки слѣдующимъ образомъ: Каждая замужняя женщина должна принести своимъ покойнымъ родителямъ жертву, съ этою цѣлью она ѣдетъ въ свою дѣвичью семью, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одна, безъ мужа, и везетъ съ собою голову и ноги коровы. Жертвопри-

ношеніе совершаетъ старшій въ дѣвичьей семьѣ жертвовательницы; на эти поминки иногда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собирается бо̀льякъ дѣвичьей семьи. Ночью привезенное кладутъ въ кузовъ, причемъ всѣ присутствующіе, ставъ на колѣни, кладутъ туда же, кто холста, кто денегъ, кто пищи, приговаривая при этомъ: „Въ нуждѣ пусть не живутъ, пусть не нуждаются въ деньгахъ". Этотъ кузовъ въ полночь отвозится всѣми присутствующими на телѣгѣ съ колокольцами въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ въ иныхъ мѣстностяхъ его вѣшаютъ на дерево, а въ другихъ мѣстностяхъ просто бросаютъ. Всю дорогу распѣваются слѣдующія слова: „отецъ, братъ, дядя, мать (смотря по родству съ поющимъ), охраняйте насъ, оставшихся въ живыхъ, охраняйте отъ враговъ нашихъ, скотину отъ животныхъ, хлѣбъ уродите, не дѣлайте намъ дурного! Мы кончили, теперь вотъ и корову вамъ привезли".

Должно замѣтить, что это не единственное поминовеніе въ лѣсу, совершаемое вотяками. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ г. Кошурниковъ (11): „Справивъ поминки, вотяки ѣдутъ семьями въ лѣсъ и поминаютъ усопшихъ подъ елями и соснами. Здѣсь въ общихъ чертахъ поминовеніе совершается тѣмъ же порядкомъ (обыкновеннымъ), только снѣди и кумышка закапываются уже въ землю, и затѣмъ начинаются вызыванія любимыхъ усопшихъ, причитанія и жалобы на горькую долю". Близко подходитъ къ этому описанію фактъ, передаваемый г. Брызгаловымъ (12), который разсказываетъ о жертвоприношеніи предковъ въ кереметѣ, (священной рощѣ), причемъ и въ этомъ случаѣ самая жертва закапывается въ землю.

Мнѣ кажется, что мы имѣемъ право причислить эти два свѣдѣнія къ тѣмъ доводамъ, которые были высказаны при указаніи на существованіе нѣкоторой связи между культомъ керемети и поклоненіемъ божествамъ, домашнимъ геніямъ.

Кратко резюмируя все сказанное въ настоящей главѣ, мы можемъ сказать, что вотякъ смотритъ на покойниковъ родственниковъ, на покойныхъ предковъ, какъ на грозныхъ геніевъ своей семьи, стоящихъ на стражѣ его благосостоянія,

но требующихъ к себѣ постояннаго благоугожденія, почтительности и заботъ. И предки и потомки живутъ одною жизнью и взаимно связаны другъ съ другомъ обязанностью поддерживать другъ друга.

Мы начали настоящую главу съ указанія на аналогію между случаями, вызывающими необходимость жертвоприношеній Воршуду и покойникамъ мы можемъ кончить ее указаніемъ на то, что какъ Воршудъ является грозно-требовательнымъ геніемъ данной семьи, все существованіе, и счастье, и спокойствіе которой зависятъ отъ этого божества, подобно этому и предки являются грозно-требовательными геніями той же семьи, благосостояніе и счастіе которой зависитъ отъ нихъ такъ-же, какъ и отъ Воршуда. Эта связь между покойными предками и Воршудомъ, повидимому, сознается самими вотяками. По крайней мѣрѣ, только сознаніемъ этой связи можетъ быть объяснена молитва приводимая г. Верещагинымъ (13), читаемая при переносѣ Воршуда изъ старой куалы въ новую: „Благослови, Воршудъ! иди за нами на новое мѣсто! не гнѣвайтесь, старики умершіе!",—говоритъ эта молитва.

Такимъ образомъ, признавъ связь между культомъ Воршуда и культомъ покойниковъ, мы можемъ сказать, что культъ домашняго очага и культъ покойныхъ родственниковъ, взаимно дополняя другъ друга, составляютъ одно неразрывное поклоненіе ряду прежнихъ поколѣній.

VII.

Въ предшествовавшихъ главахъ мы разсматривали тѣ вопросы о религіозныхъ представленіяхъ вотяковъ, которые наиболѣе разработаны въ этнографической литературѣ объ этомъ племени и болѣе отчетливо рисуются уму вотяка. Переходимъ теперь къ вѣрованіямъ, олицетворяющимъ предметы окружающаго міра.

Эта область вѣрованій хотя и является существенной частью религіознаго міровоззрѣнія вотяка, но, къ сожалѣнію, она наименѣе изслѣдована въ литературѣ и, какъ мы

убѣдились на опытѣ, наименѣе поддается изслѣдованію посредствомъ личныхъ разспросовъ у вотяковъ. Насколько незначительны, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи, свѣдѣнія, имѣющіяся въ литературѣ, можно судить по тому, что въ изслѣдованіи пр. Смирнова, гдѣ авторъ воспользовался всей литературой, посвященной антропоморфнымъ духамъ дома, водъ, полей, лѣсовъ, вѣтровъ, огня, земли, неба, солнца, луны, всѣмъ этимъ духамъ посвящено лишь 11 страницъ текста. Если же мы обратимъ вниманіе на имена авторовъ, которыхъ преимущественно цитируетъ на этихъ страницахъ И. Н. Смирновъ, то мы увидимъ, что онъ пользуется почти исключительно трудами гг. Верещагина и Первухина. Чѣмъ же объяснить то, что изъ всей литературы можно воспользоваться (и прибавимъ: вполнѣ основательно) для изученія названной области религіи вотяковъ трудами лишь двухъ выше названныхъ авторовъ? Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ стоитъ въ тѣсной связи съ указанной мною трудностью добыванія интересныхъ и имѣющихъ значеніе для изученія свѣдѣній въ этой области. Гг. Верещагинъ и Первухинъ [1]) принадлежатъ къ числу тѣхъ изслѣдователей, которые постоянно живутъ среди вотяковъ, постоянно входятъ съ ними въ сношенія, постоянно имѣютъ случай непосредственно наблюдать бытъ вотяка. При такомъ непрерывномъ общеніи они, конечно, имѣютъ возможность пріобрѣсти довѣріе вотяка, смягчить его подозрительность и скрытность и, такимъ образомъ, получить доступъ въ тотъ міръ, въ которомъ вотякъ проводитъ свою обыденную жизнь.

Пр. Смирновъ замѣчаетъ, что „лучшій матеріалъ для изученія вышеуказанныхъ духовъ природы заключается въ народномъ эпосѣ". Мы совершенно согласны съ уважаемымъ этнографомъ, но прибавимъ, что лишь тогда данныя, сообщаемыя произведеніями эпоса, будутъ имѣть значеніе для

---

1) Къ несчастію Первухинъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1889 г. скончался. (См. его некрологъ въ *Этн. Обозр.* кн. IV) Тяжелую утрату понесла съ кончиною даровитаго труженика русская этнографія.

возсозданія картины вѣрованій вотяковъ въ окружающіе ихъ предметы обыденной жизни, когда эти произведенія народнаго духа будутъ провѣрены либо современными вѣрованіями, либо переживаніями древнихъ вѣрованій [1]).

Въ виду всего вышесказаннаго я не считаю возможнымъ дать полной картины вѣрованій вотяковъ въ окружающіе ихъ предметы видимаго міра, а потому ограничусь лишь краткою характеристикою этихъ вѣрованій, дополнивъ ее свѣдѣніями, добытыми мною у Сарапульскихъ вотяковъ.

Окружающія явленія природы дѣйствуютъ доминирующимъ образомъ на безпомощнаго вотяка. Ярко свѣтитъ солнце, и представляется вотяку, что оно покушается на неприкосновенность его глазъ; дуетъ сильный вѣтеръ: это божество вѣтра сердится и хочетъ сорвать крышу съ лачуги, разнести плетень огорода, порою, стремится унести съ собою и человѣка; грозно шумитъ лѣсъ: это владыка лѣса ходитъ въ немъ, и не попадайся ему на глаза, несчастный вотякъ. И повсюду, куда ни обернешься, каждый предметъ видимаго міра является не бездушнымъ существомъ, а грозною силою, способною вытребовать себѣ отъ вотяка жертву. Должно замѣтить, что, въ настоящее время, вотякъ пришелъ уже къ признанію божества независимаго отъ внѣшней оболочки предмета, къ признанію владыки даннаго предмета, но не такъ было въ древнее время. Пр. Смирновъ указываетъ на сохранившіеся слѣды того, что въ древнее время вотякъ придавалъ значеніе самой оболочкѣ предмета,—слѣды того, что

[1]) Считая возможнымъ ограничиться лишь однимъ указаніемъ эпоса, пр. Смирновъ впадаетъ въ ошибку, называя въ числѣ вотяцкихъ божествъ Шуда (олицетворенное счастье). Въ доказательство существованія этого духа, И. Н. Смирновъ приводитъ сказку о счастливомъ и несчастливомъ братьяхъ, записанную г. Потанинымъ. Не говоря уже о томъ, что весьма мало основаній считать эту сказку чисто вотяцкой (въ виду того, что и у великоруссовъ и другихъ народностей существуютъ подобныя же сказки), мы ни въ одномъ изъ вѣрованій вотяковъ, по крайней мѣрѣ извѣстныхъ, не находимъ подтвержденія существованію названнаго духа въ вотяцкомъ сонмѣ божествъ.

грубый фетишизмъ царилъ тогда въ вѣрованіяхъ вотяка.

Такъ какъ олицетвореніе предметовъ видимаго міра нашло себѣ рельефное выраженіе въ вѣрованіи въ такъ называемое божество Тöлъ-Перя, то мы и остановимся на разсмотрѣніи свѣдѣній объ этомъ грозномъ духѣ, сказавъ впередъ нѣсколько словъ о его собратьяхъ—другихъ Пери. Всѣ свѣдѣнія объ этихъ духахъ сообщаются нами на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ разспросовъ Сарапульскихъ вотяковъ.

У каждаго божества есть слуга, называемый Пери, который служитъ повелителю, исполняя его порученія. Бываютъ случаи, когда этому Пери, служителю высшаго божества, необходима жертва. Такъ, напримѣръ, Пери Гидъ утисю (конюшенный духъ) необходимо приносить жертвы, чтобы онъ, въ противномъ случаѣ, не сломалъ крыши, не раздавилъ бы скотины и т. п. При приносѣ пріемнымъ сыномъ во дворъ своего пріемнаго отца родного Воршуда необходимо задобрить Пери, такъ сказать, туземнаго Воршуда, чтобы тотъ ужился съ Пери вновь приведеннаго Воршуда. Нѣкоторымъ божествамъ эти Пери передаютъ приносимыя жертвы. Такъ, напримѣръ, при совершеніи жертвоприношенія Вожо молятся: „Вожо-Пери, бери эту жертву, приносимую мною. Пусть Вожо приметъ въ жертву эту козу“.

Но Пери бываетъ не только духомъ, служащимъ другому божеству. Повидимому, есть такіе виды этихъ духовъ, которые являются, по мнѣнію вотяковъ, самостоятельными божествами. Въ дер. Н. Сентягѣ мнѣ называли слѣдующихъ Пери: 1) Булыкъ-Пери; его вліяніе на человѣка сказывается при болѣзняхъ опухоли; 2) Вувылъ-Пери—насылаетъ болѣзни на водѣ; 3) Сюрезъ-Пери—насылаетъ внезапныя болѣзни въ дорогѣ: 4) Пунтъ-Пери—насылаетъ головную боль и рвоту; 5) Йозви-Пери—онъ опредѣляетъ на мѣсто человѣческіе суставы; 6) Хузирси-Пери—хранитель домашняго скота; 7) Бакчаутись-Пери—онъ является хранителемъ огородовъ, даетъ изобиліе овощамъ, сохраняетъ ихъ отъ вѣтровъ, отъ червей.

Всѣ эти духи считаются братьями, и всѣмъ имъ въ случаѣ наступленія болѣзни приносится въ жертву утка. Но не

смотря на утвержденіе вотяковъ, что перечисленные Пери являются самостоятельными божествами, а не духами—слугами, мы считаемъ это несомнѣннымъ лишь для Бакча-утись-Пери, божества огородовъ, тогда какъ остальные, весьма возможно, лишь помощники божествъ, насылающихъ болѣзни; что же касается до Кузирси-Пери, то весьма возможно, что онъ лишь тотъ помощникъ Гидъ-утися (конюшенный духъ), о которомъ было выше говорено. Къ числу Пери, самостоятельныхъ божествъ, повидимому принадлежитъ также Тöлъ-Пери. Пр. Смирновъ пишетъ о немъ слѣдующее: „намъ посчастливилось найти матеріалы, въ которыхъ природа Тылъ (Тöлъ)-Пери обнаружилась съ такой же ясностью, какъ и природа вышеописанныхъ муртовъ (различныхъ мелкихъ божествъ)... Въ воображеніи Бирскихъ вотяковъ Тылъ-Пери рисуется въ тѣхъ же очертаніяхъ, какъ и другіе стихійные духи. Тылъ-Пери или Дау-Пери имѣютъ человѣкообразную природу: они живутъ подъ землей въ роскошныхъ домахъ и похищаютъ себѣ въ жены земныхъ женщинъ. Они отличаются громадной силой, но человѣкъ можетъ, напившись особаго питья, бороться съ Тылъ-Пери и даже побѣждать ихъ. О приближеніи Тылъ-Пери свидѣтельствуютъ черныя тучи (14). Этотъ Тылъ-Пери, или, какъ его называли мнѣ его вотяки, Тöлъ, Тöлчилъ-Пери, является духомъ вихря, все сокрушающаго на своемъ пути. Одинъ изъ записанныхъ мною разсказовъ вполнѣ подтверждаетъ констатированное И. Н. Смирновымъ мнѣніе Бирскихъ вотяковъ о томъ, что это божество „похищаетъ себѣ въ жены земныхъ женщинъ“ и, имѣя человѣкообразную природу, живетъ въ подземельяхъ.

„Разъ шли по полю три дѣвушки“, говорили юскинскіе вотяки, „этихъ дѣвушекъ вдругъ подхватилъ Тöлъ-Пери и привелъ ихъ въ подземелье съ цѣлью жениться на нихъ. На выручку ихъ согласился выйти изъ ихъ родного села лишь одинъ солдатъ, который, спустившись въ подземелье, пронскалъ дѣвушекъ трое сутокъ, пока, наконецъ, не высвободилъ несчастныхъ дѣвушекъ; во время своихъ поисковъ этотъ солдатъ вынужденъ былъ убить трехъ Тöлъ-Пери“. Послѣднее об-

стоятельство т. е. совмѣстное сожительство нѣсколькихъ Тӧлъ-Пери подтверждается также слѣдующимъ разсказомъ, записаннымъ мною въ дер. Пунемѣ. „Одинъ человѣкъ ѣздилъ продавать *овесъ*, вдругъ навстрѣчу ему идетъ смерть. Тогда путникъ схватилъ свой топоръ и бросилъ его въ смерть; топоръ исчезъ въ воздухѣ. Вотъ и пріѣзжаетъ этотъ человѣкъ въ деревню, гдѣ останавливается ночевать; вошелъ путникъ въ избу, сѣлъ за ужинъ и видитъ, что противъ печки сидитъ сѣдой старикъ. „Зачѣмъ ты въ нашихъ ребятъ топоромъ бросалъ", говоритъ этотъ старикъ, обращаясь къ путнику: „ладно еще, что не попалъ, а то, вѣдь, повредить могъ бы". —„Я, отвѣчалъ путникъ, вашихъ ребятъ не видалъ".—„Какъ такъ не видалъ", вскрикнулъ старикъ и, вынувъ топоръ, подалъ его пріѣзжему. „Твой это топоръ? Знай же, что ты кидалъ въ Тӧлъ-Пери, въ моего сына". Тогда стало ясно путнику, куда онъ заѣхалъ, и понялъ онъ, что Тӧлъ-Пери живутъ, подобно людямъ, деревнями, вѣроятно, вслѣдствіе того, что покушеніе на Тӧлъ-Пери причинило ему вредъ, тогда какъ вышеописанное было безъ вредныхъ послѣдствій; но въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, слышанномъ мною въ той же деревнѣ Пунемѣ, Тӧлъ-Пери отнесся нѣсколько строже къ своему оскорбителю.

„Одинъ человѣкъ пошелъ въ лѣсъ ставить капканы для зайцевъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, идетъ на него Тӧлъ-Пери: кружитъ и свѣту не видитъ. Мужикъ испугался и бросилъ въ него ножикомъ, который и пропалъ въ воздухѣ. Возвращаясь домой, мужикъ зашелъ въ кабакъ и видитъ какого то старика. „Зайдемъ, я тебя попотчую", предлагаетъ старикъ. Зашли, выпили четверть, другую — старикъ дѣйствительно угостилъ его. Когда они вышли изъ кабака, то старикъ внезапно обратился въ Тӧлъ-Пери, схватилъ мужика и понесъ его домой, въ его домъ, гдѣ снесъ всѣ крыши и все разломалъ. „Я сдѣлалъ тебѣ это зло, потому что ты бросилъ въ меня ножомъ и ранилъ меня въ то время, когда я помчался, чтобы загнать въ твою западню зайцевъ". Черезъ нѣсколько времени встрѣтилъ мужикъ прежняго старика на базарѣ.

„Здраствуй, Тöлъ Пери“, говоритъ ему мужикъ.—„Какъ это ты меня узналъ“? спрашиваетъ у него старикъ.—„Да ты, вѣдь, потчевалъ меня въ кабакѣ“. — „Который же глазъ у тебя узнаетъ меня?“—„Правый“.—„Ну, такъ, вотъ тебѣ“, сказалъ Тöлъ-Пери, вырвалъ у мужика глазъ и скрылся изъ виду. Такъ и остался мужикъ безъ глаза.

Итакъ, на основаніи всего вышеуказаннаго о Пери, мы видимъ, что нѣкоторые изъ этихъ духовъ являются слугами другихъ высшихъ божествъ, нѣкоторые же изъ нихъ являются самостоятельными божествами, имѣющими свою особую природу и покровительствующими, охраняющими человѣка, а въ случаѣ оскорбленія мстящими ему. И тотъ и другой видъ Пери требуетъ себѣ жертвы, которою постоянно является утка.

Тотъ фактъ, что Тöлъ-Пери множество и что они ведутъ такую же жизнь, какъ и люди, относится не только къ божеству вихря, но также и къ нѣкоторымъ другимъ духамъ, напримѣръ, къ лѣшему, водяному, ниже мы увидимъ, что многіе злые духи ведутъ такой же образъ жизни; это, какъ мнѣ кажется, можетъ быть объяснено тѣмъ, что вотякъ въ своемъ стремленіи олицетворять предметы окружающаго міра не обобщаетъ этого олицетворенія на всѣ одинаковые предметы и не создаетъ такимъ образомъ владыкъ цѣлой стихійной области, но ограничивается лишь той мѣстностью, гдѣ онъ самъ живетъ. Вотъ почему у лѣса, воды, огорода, дома одной мѣстности владыки одни, тогда какъ у тѣхъ же предметовъ другой мѣстности другіе владыки. Отсюда ихъ множественность.

Большинство свѣдѣній, имѣющихся о всевозможныхъ духахъ, рисуютъ вамъ ихъ жизнь совершенно такою же, какую ведутъ люди на землѣ; они плодятся, питаются, веселятся совершенно такъ же, какъ и смирные люди, къ которымъ они относятся то грозно, то мило, словомъ руководствуясь въ этомъ случаѣ, по большей части, поведеніемъ самыхъ людей и лишь изрѣдка относятся они грозно къ людямъ въ силу своей злой природы. Въ виду соображеній,

ВОТЯЦКАЯ ИЗБА.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

ВОТЯКЪ ПѢВЕЦЪ-МУЗЫКАНТЪ СЪ ГУСЛЯМИ.

высказанныхъ въ началѣ главы перехожу прямо къ изложенію данныхъ о природѣ отдѣльныхъ божествъ, владыкъ окружающаго вотяка міра.

Весьма естественно, что свѣтила небесныя и явленія неба приковали къ себѣ вниманіе вотяка, и вотъ въ миѳологіи вотяковъ мы видимъ двухъ богинь, по названію которыхъ можно судить, что онѣ, какъ полагаютъ вотяки, дали жизнь солнцу и грому. Это Шунды Мумы и Гудыри Мумы, матери солнца и грома. Культъ ихъ въ настоящее время весьма неразвитъ и онѣ, повидимому, совершенно забываются народомъ и постепенно сливаются со святыми, чтимыми православною церковью, къ которой уже давно принадлежатъ вотяки. По крайней мѣрѣ, мнѣ приходилось слышать въ Сарапульскомъ уѣздѣ смѣшеніе Гудыри Мумы и св. Ильи Пророка. Въ настоящее время вотяки помнятъ объ обѣихъ названныхъ богиняхъ крайне мало. О Шунды Мумы намъ удалось узнать лишь то, что ей молятся въ случаяхъ глазныхъ болѣзней и приносятъ въ жертву утку. Относительно Гудыри Мумы г. Бухъ говоритъ, что во время полевыхъ жертвоприношеній ей закапываютъ овцу и просятъ ее избавить народъ отъ непогоды (15).

О матери солнца еще въ прошломъ столѣтіи Рычковъ писалъ слѣдующее:

„Вторая богиня называется Шунду-Мумы и есть матерь солнца. Ее молятъ во время оспы и другихъ болѣзней, на дѣтяхъ ихъ случающихся. Всеобщее празднество установлено для нея въ день Святыя Пасхи, и жертва, ей приносимая, есть пшеничный хлѣбъ и сваренная изъ ячменныхъ крупъ каша. Вотяки, въ деревняхъ живущіе, отправляютъ сіе празднество такимъ образомъ: избравъ въ полѣ или въ лѣсу какое нибудь чистое мѣсто, сходятся на разсвѣтѣ дня всѣ, какъ мужескій, такъ и женскій полъ, а старшій изъ ихъ общества пріемлетъ хлѣбъ и чашу, кашею наполненную, въ руки свои, потомъ падаютъ на колѣна и, смотря на солнце, вопіютъ: „Мати Солнца, спаси отъ болѣзни дѣтей нашихъ!“. Выговоривъ сіи молитвы, приклоняются лицами къ землѣ, а послѣ, возставъ, ядятъ всѣ вмѣстѣ жертвенную пищу“ (16).

Разъ существуютъ матери извѣстныхъ предметовъ, то, логика требуетъ, должны *существовать* и ихъ дѣти. Такимъ образомъ, разъ существуютъ Шунды Мумы и Гудыри Мумы должны быть въ вѣрованіяхъ вотяковъ и олицетворенія солнца и грома. И дѣйствительно, есть сказки, въ которыхъ говорится о солнцѣ, о его сестрахъ. Такимъ образомъ, мы могли бы дополнить указанный до сихъ поръ сонмъ божествъ духами солнца, но мы не дѣлаемъ этого въ виду того, что нѣтъ ни одного даннаго въ числѣ извѣстныхъ въ литературѣ вотяцкихъ вѣрованій или ихъ переживаній, которое подтверждало бы существованіе названныхъ духовъ.

Такимъ образомъ, вотъ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя намъ извѣстны объ олицетвореніи небесныхъ свѣтилъ. Объ олицетвореніи неба и земли говорилось въ 3-й главѣ нашей работы.

Переходя къ разсмотрѣнію духовъ, окружающихъ вотяка предметовъ на землѣ, мы приведемъ слова пр. Смирнова, указывающаго на тѣсную связь религіознаго міровоззрѣнія съ природою.

„Казанскіе вотяки говорили о. Миропольскому, что въ старину въ лѣсахъ было много разныхъ духовъ, но перевелись лѣса, перевелись и духи. Слова своихъ казанскихъ родичей могли бы подтвердить вятскіе вотяки, окруженные до сихъ поръ еще дремучими лѣсами. Въ ихъ лѣсахъ живутъ Искалъныдъ Мурты, Палэсъ Мурты, Кузьпинэ Мурты, Курри-баба, Калмыкъ-кышно...“ (17). На описаніи отдѣльныхъ изъ этихъ духовъ мы не будемъ останавливаться въ виду краткости свѣдѣній о нихъ.

Сведя всѣ имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о владыкѣ лѣса Нюлезъ Муртѣ и владыкѣ воды Ву Муртѣ, И. Н. Смирновъ оттѣнилъ сходство ихъ жизни и ихъ потребностей съ жизнью и потребностями смертнаго человѣка. Въ дополненіе къ имѣющимся въ литературѣ даннымъ о культѣ Нюлезъ Мурта могу сообщить слѣдующій разсказъ.

Однажды въ Купанчи уй (ночь), въ ночь на 24 іюня, одинъ человѣкъ пошелъ въ лѣсъ за цвѣтами папоротника, каковые

цвѣты обладаютъ свойствомъ дѣлать человѣка невидимымъ. Вотъ, подошелъ этотъ человѣкъ къ папоротникамъ, очертилъ себя кругомъ и ждетъ. Когда настала полночь, то на него вдругъ со всѣхъ сторонъ полетѣли головешки, деревья стали падать, и вокругъ него вдругъ появились какія-то одноглазыя, безногія существа. Тѣмъ не менѣе, человѣкъ этотъ досталъ зацвѣтшій папоротникъ, дождался пѣнія пѣтуховъ и радостный отправился изъ лѣса. Какъ только онъ вышелъ на дорогу, на встрѣчу ему катитъ тройка, изъ которой выходитъ человѣкъ, одѣтый бариномъ, и грозно требуетъ цвѣтокъ папоротника обратно, но настойчивость барина превозмогла и вотякъ отдалъ ему цвѣтокъ. Какъ только онъ сдѣлалъ это, исчезла и тройка и баринъ. Это былъ самъ Нюлезъ Муртъ. Считаемъ небезъинтереснымъ указать на слѣдующій обычай жертвоприношеній Нюлезъ Мурту, о которомъ говорили намъ въ с. Юскахъ. Тамъ охотники обыкновенно приносятъ въ жертву лѣсному владыкѣ украденное животное, прося не пугать ихъ и дать имъ дичи. Иногда охотники сплетаютъ для него громаднѣйшіе лапти и вѣшаютъ ихъ на дерево.

Подобно духамъ солнца, воды и лѣса семьями живутъ и обладаютъ многими свойствами человѣка духи домашнихъ жилищъ, носящіе различныя названія, смотря по тому, какія части жилища вотяка они охраняютъ: Корка-Кузё—домовой. Гидъ утись—духъ конюшни, Обинь Муртъ—духъ овина, Мынчо Муртъ—банный духъ. Первые два, по большей части, духи добрые, тогда какъ съ послѣдними двумя человѣкъ не всегда живетъ въ ладу. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ свѣдѣнія крайне скудны.

„Домовой есть духъ", пишетъ отецъ Миропольскій о казанскихъ вотякахъ, „сохраняющій весь домъ и устраняющій все худое отъ него. Онъ почти никому не является, а если онъ явится, то это будетъ значить, что умираетъ кто нибудь, или будетъ какое нибудь большое несчастіе въ домѣ. Является онъ въ образѣ домохозяина, такъ что нельзя отличить его отъ хозяина дома. Хлѣвный (духъ) хранитъ только скотину, кормитъ ее, прогоняетъ отъ нея чужого хлѣвнаго, который

приходитъ иногда воровать кормъ для своей скотины; ходитъ онъ тоже въ образѣ человѣка" (18).

Мною записанъ слѣдующій обрядъ, совершаемый при переходѣ на жительство въ новый домъ и нѣсколько дополняющій имѣющіяся свѣдѣнія о культѣ домового. Когда выстроятъ домъ, то вся семья собирается въ его конюшнѣ, куда сгоняютъ весь скотъ. Тамъ приносится въ жертву бѣлый баранъ, который ѣсть могутъ лишь семейные. Затѣмъ приглашаютъ туно. Этотъ послѣдній съ саблей въ рукѣ или съ косою обходитъ вокругъ всей новой усадьбы и произноситъ слѣдующее заклинаніе:

„Благословенный, [1]) есть въ этомъ скотскомъ дворѣ скотина всякой масти. Эту скотину пускай не видитъ Албасты. Когда онъ вздумаетъ вредить скотинѣ, пусть подъ руку ему попадается раскаленное желѣзо и раскаленные камни. Найдя вмѣсто скотины это раскаленное желѣзо и раскаленные камни, вмѣсто лошади пусть онъ сядетъ на сухую палку и ѣздитъ на ней верхомъ... Фу, проклятый, убирайся!". Послѣ этихъ заклинаній туно трижды стрѣляетъ: въ конюшнѣ, во дворѣ и въ избѣ. Существуетъ также обычай, что при переходѣ въ новый домъ старшій изъ мужчинъ приглашаетъ съ собою домового, „охраняющаго мужчинъ", старшая изъ женщинъ приглашаетъ домового, „охраняющаго женщинъ".

Закончимъ нашу статью указаніемъ на то, что всѣ вышеуказанные духи относятся злобно къ человѣку по большей части лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ вызвалъ ихъ на это своимъ поведеніемъ, но есть цѣлый рядъ божествъ, являющихся по самой природѣ своей злыми, и эти духи преслѣдуютъ вотяка на каждомъ шагу.

Нижеслѣдующій разсказъ, записанный мною въ дер. Парсь Гуртѣ, показываетъ, что природа этихъ злыхъ духовъ, шайтановъ, похожа на природу божествъ, о которыхъ мы говорили, что и ихъ жизнь подобна жизни простыхъ смертныхъ.

Жила встарину женщина, очень искусная повитуха.

---

[1]) Смыслъ этого заклинанія намъ не могли объяснить.

Однажды приходятъ къ ней двое неизвѣстныхъ мущинъ и говорятъ ей: „пойдемъ съ нами, у насъ женщина рожаетъ, очень мучится; если тебѣ удастся разрѣшить ее отъ бремени, то мы отпотчуемъ тебя на славу и отплотимъ. Она согласилась. Вотъ вышли всѣ трое изъ дому, и когда дошли до гумна, то мужчины говорятъ повитухѣ: „мы чувствуемъ, что на тебѣ надѣтъ крестъ, сними его". Какъ только она сняла крестъ и повѣсила его на колышекъ, ее подхватили на руки ея спутники и понесли съ собою такъ скоро, что ничего не стало видно, ничего нельзя было разобрать. Наконецъ, прилетѣли въ избушку, находившуюся въ лѣсу. Въ этой избушкѣ и лежала женщина, мучившаяся родами. Спутники оставили повитуху въ избѣ, а сами скрылись, но передъ тѣмъ какъ скрыться, они прикоснулись къ жидкости, находившейся у порога. Это увидѣла повитуха, которая принялась за дѣло и окончила его благополучно. Окончивъ дѣло, она полюбопытствовала взглянуть на жидкость и также прикоснулась къ ней. Какъ только она это сдѣлала, то сейчасъ же обернулась къ окну и увидѣла, что лѣсъ исчезъ, а на мѣстѣ его стоитъ цѣлая деревня и улица, полная народомъ. Народъ ходитъ и приговариваетъ: „фу, фу, человѣкомъ пахнетъ". Въ это же время къ повитухѣ подошли двое мужчинъ, принесшихъ ее сюда, дали ей боченокъ золота и быстро унесли на прежнее мѣсто. Это были шайтаны".

Шайтаны это тѣ духи, передъ которыми трепещетъ вотякъ. Мы вполнѣ согласны съ г. Бухомъ, что этимъ именемъ обозначается не какой-либо опредѣленный видъ божествъ, а цѣлая совокупность самыхъ разнообразныхъ видовъ демоновъ, бѣсовъ, божковъ.

На разсмотрѣнiи всѣхъ этихъ духовъ мы не станемъ останавливаться, какъ не останавливались на разсмотрѣнiи многихъ добрыхъ божковъ вотяка. И причина одна и та же: недостаточность какъ печатныхъ, такъ и нашихъ свѣдѣнiй по вопросамъ демонологiи вотяковъ.

Литературѣ о вотякахъ за послѣднiе годы посчастливилось. Обширныя изслѣдованiя Верещагина, Первухина, Смирнова

дали массу новыхъ фактовъ, освѣтили многія темныя стороны жизни этого народа, но еще много работы остается для того чтобы создать полную картину жизни и міровоззрѣнія вотяка. И одною изъ тѣхъ сторонъ этого міровоззрѣнія, гдѣ нужны еще обширные матеріалы, является сторона, затронутая въ настоящей главѣ. Лишь съ накопленіемъ ихъ можно будетъ освѣтить эту область духовной жизни вотяка, полной загадокъ и непонятныхъ чудесъ.

Примѣчанія. 1) Верещагинъ. Вотяки. Сосновск. Края, стр. 59. 2) Смирновъ, стр. 181. 3) Верещагинъ. Вот. Сарап. уѣзда, стр. 73. 4) Миропольскій стр. 366. 5) Buch. 144. 6) Сѣверная Пчела 1844 г. № 160 (перепечатано изъ Казан. Губ. Вѣдом.). 7) Верещагинъ Вот. Сарап. уѣзда, стр. 104, 105. 3) Смирновъ стр. 105. 9) Фуксъ. Вотяки Казанской губерніи. Сѣверная Пчела 1844 г. № 166 (перепечатано изъ Каз. Г. В.). 10) Островскій, стр. 40. 11) Кошурниковъ стр. 31. 12) Вят. Губ. Вѣд. 1885. № 36. 13) Верещагинъ Вот. Сарап. уѣзда, 93. 14) Смирновъ, стр. 202. 15) Buch. s. 130. 16) Рычковъ Дн. Зап. 158 17) Смирновъ, стр. 198. 18) Миропольскій, 353.

Петръ Богаевскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ МАЛОРУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ЛЕГЕНДЪ [1]).

Малорусскія легенды, возникшія, какъ мы сказали, на почвѣ религіозныхъ преданій и апокрифическихъ сказаній, составляютъ нерѣдко просто краткій пересказъ послѣднихъ или же передѣлку ихъ, иногда съ нравоучительною цѣлью, для объясненія тѣхъ или другихъ явленій мѣстной жизни. Часто легенда заключаетъ въ себѣ общеупотребительные, встрѣчающіеся въ сказкахъ, эпическіе обороты и выраженія, а нерѣдко переходитъ прямо въ народную сказку и даже шутку. Въ послѣднемъ случаѣ народный юморъ сохраняетъ свою естественную грубость въ языкѣ и въ формѣ выраженія.

Великія историческія событія и лица во всѣ времена вызывали и вызываютъ въ народѣ массу разнообразныхъ сказаній тенденціознаго и анекдотическаго характера; ознакомленіе съ подобнаго рода распространенными въ народѣ разсказами дѣлается обязательнымъ для лицъ, желающихъ вполнѣ изучить или хотя бы только слегка очертить современное народное міросозерцаніе. Эти сказанія съ фактической стороны могутъ быть совершенно ложны, но тѣмъ не менѣе они чрезъ это не теряютъ вполнѣ своего значенія и сохра-

---

1) См. „Этногр. Обозр." V, 142.

няютъ извѣстную цѣнность, потому что въ нихъ непремѣнно заключаются слѣды взглядовъ народа на характеръ описываемыхъ событій и лицъ и всегда отражаются интересы народа и духъ его.

Съ такой точки зрѣнія мы смотримъ и на излагаемые ниже разсказы, собранные нами въ Купянскомъ уѣздѣ.

Такъ, въ числѣ легендарныхъ сказаній, ходящихъ въ названномъ уѣздѣ, встрѣчаются и такія, въ которыхъ можно найти указанія на религіозныя и вообще культурныя связи древней Руси съ юго-востокомъ Европы: Византіей, Сербіей, Болгаріей. Отголоски нашихъ древнихъ культурно-историческихъ связей съ славянскимъ югомъ мы видимъ, между прочимъ, въ разсказѣ о томъ, какъ Христосъ съ апостоломъ Петромъ поле пахалъ. Разсказъ этотъ напоминаетъ намъ внесенное въ старинные индексы отреченныхъ книгъ и приписываемое Іереміи, попу Болгарскому, сказаніе о томъ, какъ Іисусъ Христосъ плугомъ поле пахалъ. Что сюжетъ этого разсказа не есть произведеніе фантазіи малорусскаго разсказчика, это подтверждается также и широко распространенною, не въ одной только Малороссіи, „посыпальницею", которую крестьянскіе мальчишки декламируютъ у насъ на Новый годъ, при посыпаніи хозяевъ и хаты зернами ржи, пшеницы, ячменя и гороху. Въ г. Купянскѣ при этомъ обыкновенно говорятъ: „На счастье, на здоровье та на Новый годъ! Роды, Боже, жито, пшеныцю и всяку пашныцю!" а затѣмъ прибавляютъ:

А въ поли, поли самъ плужокъ хóде,
А за тымъ плужкомъ самъ Господь ходе,
Святый Петро погоняе.
Богородыця ісгы носыла.
Ісгы носыла, Бога просыла:
— Зароды, Боже, жито, пшеныцю,
Жито, пшеныцю, всяку пашныцю!

Такъ говорится въ „посыпальницѣ". Въ разсказѣ же повѣствуется слѣдующее: „Идуть разъ Сусъ Христосъ и святый Петро полемъ, дывлятця — сошка стоить. Сусъ Христосъ и

и ка́жы Петрови: „запрягайся ты въ оглобли, а я буду плужыты“. Отъ воны оралы, оралы (пахали) и заспорылы, — Спасытель ка́жы, шо Ёму ва̀жче (тяжелѣй), а Петро, шо ёму. Прыйшовъ мужыкъ; Спасытель и Петро пытають ёго, кому ва́жче: чы тому, хто тягне, чы тому, шо пхае? Мужыкъ и говóрить: „у мéны шкапынка поганéнька, такъ я все попыхаю сошку.“—„Бачъ!“, сказавъ Спасытель: „мыни ва́жче!“[1])

Такимъ образомъ, въ этомъ разсказѣ ап. Петръ исполняетъ обязанности не „погоныча“, какъ говорится въ „посыпальницѣ“, а работаетъ за лошадь; но основа „посыпальницы“ и разсказа одна и та же: и тамъ и здѣсь Христосъ съ ап. Петромъ пашутъ поле, какъ въ той болгарской „баснѣ“, что попъ Іеремія „солгалъ“. Правда, въ посыпальницѣ священныя лица выведены для того, чтобы сообщить хозяину радость обѣщаніемъ ему хорошаго урожая хлѣбовъ, такъ какъ поле, вспаханное самимъ Господомъ съ ап. Петромъ, при ходатайствѣ Божіей Матери объ урожаѣ, полагается, не можетъ быть безплоднымъ; а въ разсказѣ мы встрѣчаемся съ опредѣленной тенденціей. Но тѣмъ не менѣе сюжетъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же.

Чей трудъ тяжелѣе, управляющаго или управляемаго?

---

[1]) Сюжетъ о паханіи Христа и апостоловъ былъ уже затронутъ мелькомъ въ „Этногр. Обозр.“ (VI, 10). Для библіографіи вопроса считаемъ умѣстнымъ сообщить здѣсь слѣдующія указанія, могущія быть полезными изслѣдователямъ: *Тихонравовъ*, Памятн. отреченной рус. литер., II, 5—10. *Ягичъ*, Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku, kn. IX, Zagr. 1868 (текстъ апокрифа по кирилловской рукоп. 1520 г.). *Веселовскій*, Разысканія въ обл. р. дух. ст., VI — X, 113. *М. И. Соколовъ*, Матер. и зам. по старин. литер. I (М. 1888), 21, 75, 80, 97, 108, 109, 114, 116, 121, 125, 126, 168. *Сумцовъ*, Очерки исторіи ю.-рус. апокр. сказаній и пѣсенъ. Кіевъ, 1888 (изъ „Кіев. Стар.“ 1887), стр. 80, 81. *Пыпинъ*, Ист. слав. литер. I, 81, 83, 84. *Васильевскій*, Рус.-визант. отрывки, „Журн. Мин. Н. Пр.“ 1877, янв., 53, 71. *Иречекъ*, Ист. болгаръ, перев. Бруна и Палаузова, Одес. 1878, 230. *Ягичъ*, Исторія сербско-хорватской литер. Казань, 1871, стр. 101. *Потебня*, Объясн. малор. и сродн. нар. пѣс. II, 105. *Чубинскій*, Труды I, 85 и др. *Головацкій*, Пѣсни, II. 8, 14 — 17, 245 и пр. (см. у Потебни). *Шейнъ*, Бѣлор. нар. пѣс., 48 *Kolberg*, Lud. V, 236.

Ред.

Вотъ какой важный соціальный вопросъ получаетъ, на нашъ взглядъ, авторитетное рѣшеніе въ приведенномъ выше разсказѣ, рѣшеніе, такъ сказать, наглядное, произнесенное представителемъ мускульной, рабочей силы — мужикомъ, и подтвержденное высшимъ авторитетомъ. Пререканія между рабочимъ и хозяиномъ, между исполнителемъ и руководителемъ, между представителемъ физической силы и представителемъ умственной объ относительной тяжести ихъ труда въ нашемъ сказаніи окончательно разрѣшены: руководящей идеѣ отведено принадлежащее ей по праву первое мѣсто въ общественной жизни.

Если приведенный разсказъ составленъ, по нашему мнѣнію, съ опредѣленной тенденціей по вопросу общественной важности, то въ слѣдующихъ разсказахъ мы находимъ лишь иллюстраціи къ евангельскимъ темамъ: любите враги ваша, просите и дастся вамъ и т. п.

„Сусъ Хрыстосъ и святый Петро ходылы по зымли. Разъ воны проходылы мымо одноі слободы, а у ти слободи жывъ такый чоловикъ, шо ны було у ёго хлиба: старый поівъ, а новый ще бувъ у поли зеленый, — ёго нылзя було косыты. Уже пройшовъ и празныкъ св. Петра, а хлибъ ны поспивъ. До празныка св. Петра хлибъ должынъ поспиты, а воно вышло ны такъ. Отъ той чоловикъ и дума: пройшовъ празныкъ св. Петра, а хлибъ ще зеленый, у мене ничого іс付ы. Я рощытувавъ, шо съ Петра можна новый хлибъ істы, а винъ, бачъ, ще зеленый. Возьму бычъ, пиду по полю чи не найду де св. Петра". И дѣйствительно, по разсказу, мужикъ будто бы встрѣтилъ св. Петра и наказалъ его, „шобъ винъ знавъ, якъ распоряжаця урожаямы..." „Отъ разъ Сусъ Хрыстосъ и св. Петро идуть пóлымъ и побачылы пшыныцю ще зелену, но тико (только) гарну (хорошую): уродылась здорово. Св. Петро и каже: „ахъ ця и пшыныця гарна!" — Э, святый Петре, це пшыныця того чоловика, шо тебе бывъ,—сказавъ Хрыстосъ. Св. Петро упьеть (опять) и каже:„ Господы! давай на неи градъ нашлемъ."—Давай,—сказавъ Господь, а самъ пишовъ до того чоловика, шо бывъ Петра, и сказавъ ёму:„продай, чоловиче,

на пни свою пшыныцю кому-ныбудь багатому: іи градъ выбье“. Той чоловикъ те и зробывъ. Пошовъ градъ и выбывъ пшыныцю. Святому Петру не терпыця, и поклыкавъ Хрыста на пшыныцю подывыця. Прышлы на ныву, а пшыныця вся выбыта. Св. Петро и ка́же: „Отакъ цёму чоловикови и треба, шобъ винъ ны бывся!“ Хрыстосъ и ка́же: „Э, св. Петре, цей чоловикъ догадався, шо ёму буде ха́лыпа (бѣда) отъ тебе, и продавъ другому пшыныцю, и ёму тыперъ убытку ныма ныякого.—„Одродымъ, Боже, цю пшыныцю“, сказавъ св. Петро. Хрыстосъ согласывся и упьеть пишовъ и сказавъ тому чоловикови, шобъ винъ одкупывъ назадъ свою пшыныцю. Той чоловикъ одкупывъ, и пшыныця стала ще гарниша, чымъ була́ упередъ. Петро про це нычого нызнавъ. Отъ Хрыстосъ и св. Петро идуть полымъ, пшыныця уже поко́сына була; дывляця: у того чоловика, шо бывъ Петра, у два ряды копы стоять и пшыныця сама луччя на все поле. Св. Петро и ка́же: „Дай, Господы, такъ: якъ стане винъ возыты пшыныцю, шобъ зъ воза получывъ тико по одни мирци“.—„Такъ и буде“, сказавъ Господь, а Самъ пишовъ до того чоловика и каже ёму: „Святый Петро сырдытый на тебе и поробывъ такъ, шо зъ твоеи пшеныци зъ воза буде получаця одна мирка зерна; такъ ты, якъ будышъ возыты, на визъ клады по десять снопивъ, и будышъ пры молотьби зъ ныхъ получаты по мирци зерна. А якъ будышъ браты на визъ по тры копы, то все равно одну мирку зъ ныхъ намолотышъ!“ Той чоловикъ такъ и зробывъ. Пырывизъ до дому пшыныцю и намолотывъ хлиба страсть багато. Отъ св. Петро узнавъ про те и каже: „У того чоловика, шо мене бывъ, зерна багато зъ пшыныци,—нехай же, якъ буде істы зъ того зерна хлибъ, шобъ удавывся первымъ кускомъ!“ Хрыстосъ пишовъ до того чоловика и каже: „Гляды жъ ты, якъ начнешъ хлибъ пыкты, то первого куска ны іжъ: хто ёго істыме (съѣстъ), той и удавыця; а возьмы та первый кусокъ дай св. Петрови, другый кусокъ мини. Самъ ны нысы, а то тебе узнае св. Петро, а лучче пошлы сыномъ“. Той чоловикъ такъ и зробывъ. Дило було у ныдилю ранкомъ, и сынъ того чоловика давъ мылостыни

св. Петру и Хрысту. Петро и каже: „істы хочыця!“ Хрыстосъ и каже: „та іжъ“. Св. Петро тико укусывъ—удавывся, упавъ и прямо кончаецця. А якъ пройшло, Хрыстосъ усе ёму росказавъ, якъ треба зъ врагамы поступаты. Тоди св. Петро и сказавъ: „Боже, це правда: шо другому жалаешъ, то и самъ обрящешъ“ [1]). (Хуторъ Маліевъ. Отъ учит. М. Нетребы).

Въ Малороссіи пшеница созрѣваетъ не раньше половины іюля, а въ нашемъ разсказѣ мужикъ говоритъ, что она должна поспѣвать къ Петрову дню. Такое требованіе мужика, идущее въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, ясно, на нашъ взглядъ, говоритъ, что этотъ разсказъ получилъ свое начало въ болѣе южныхъ, чѣмъ Малороссія, странахъ. Въ Купянскомъ уѣздѣ при окончаніи жатвы жита (ржи) „завязываютъ бороду Ильѣ“, а при окончаніи уборки пшеницы „завязываютъ бороду Спасу“, то есть, въ первомъ случаѣ оставляютъ на нивѣ и закручиваютъ послѣдній кустикъ ржи, а во второмъ — пшеницы. Названія, даваемыя этимъ послѣднимъ кустикамъ ржи и пшеницы, показываютъ, что уборка ржи обыкновенно кончалась, да и теперь большею частью кончается, къ 20 іюля, ко дню прор. Иліи, а уборка пшеницы— къ 1 августа. Вообще, изъ того, что въ малорусскихъ легендарныхъ сказаніяхъ объ ап. Петрѣ онъ нерѣдко является распорядителемъ или покровителемъ урожая хлѣбовъ и притомъ преимущественно пшеницы, мы выводимъ заключеніе о южномъ происхожденіи таковыхъ сказаній. А что въ подобныхъ сказаніяхъ иногда имя Петра замѣщается именемъ Ильи,— это, какъ намъ кажется, служитъ лишь въ пользу нашего предположенія о захожденіи къ намъ этихъ легендъ съ юго-востока Европы.

Значеніе упомянутыхъ священныхъ лицъ для земледѣлія, по народнымъ понятіямъ, затрогивается и въ слѣдующемъ раз-

[1]) Сравн. *Садовникова*, „Сказ. и пред. Самар. края“, №№ 91 и 92; *Аѳанасьева*, „Нар. рус. легенды“. 39; *Иваницкаго*, „Матеріалы по этногр. Вологод. г.“—въ Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи, подъ ред. Н. Н. Харузина, вып. II, стр. 218. (Труды Этногр. Отдѣла И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., т. XI. в. 1).

сказѣ, имѣющемъ впрочемъ и другую тенденцію нравоучительнаго, благочестиваго характера. „Почалы люды сѣйбу. И пишовъ Богъ съ св. Петромъ по поляхъ. Идуть воны по ныви багача, а винъ робе на чотырехъ парахъ воливъ и земля у нёго гарна. Богъ и св. Петро пидойшлы и просять напытьця; а багатый каже: „хиба вы не бачыты, шо я чотырмя парамы роблю,—мини не стане и ихъ напоить, а я буду васъ поить!“ А св. Петро каже: добра земля у тебе, чоловиче! Якъ Богъ дасть, гарный хлибъ уроде“.—Така земля, шо и безъ Бога знаю, шо гарно уроде,—отвитывъ багачъ. Пишлы воны не пывши дàли. А дàли нива убогого: земля плоха и робе винъ одною парою благыхъ волыкивъ. Богъ и св. Петро и просять: „дай, чоловиче добрый, напытьця!“ — Бижить, люды добри, до воза, тамъ шо въ кубышци é, то й ваше.—„Э, чоловиче, яка у тебе земля плоха“, каже св. Петро: „а колы Богъ дасть, то и на такій земли гарный хлибъ уроде“.—Правда, отвича бидный: колы Богъ дасть на мою долю, то и на цій земли гарный хлибъ вроде. Посіявъ бидный, посіявъ и багатый. Прыйшлы жныва. У багатого ничого не вродыло, тилко (только) черезъ усе поле якъ два слида; а у бидного гарный хлибъ вродывсь. Багатый прыйшовъ до бидного и пытае, чого то у нёго такій гарный хлибъ на плохій земли,—а у мене, каже, земля гарна, а хлиба нема, тилко черезъ усе поле два слида.—Ото того, отвитывъ бидный, шо тутъ Богъ и св. Петро ходылы, и черезъ твое поле воны пройшлы. — „Не знавъ я, шо тутъ Богъ ходывъ“, — сказавъ багатый: „а то я-бъ имъ усе поле зволочывъ, шобъ усюде уродыло“. Въ слободѣ Радьковскіе Пески этотъ разсказъ заканчивается такъ: „Прыіхавъ багатый мужикъ подывитьця на пшыныцю и бàчы (видитъ): де Спасытыль походывъ, тамъ гарна пшыныця, а де ны походывъ, тамъ плоха, и говóрыть: „якъ бы знавъ, скризь бы ёго поволочывъ“. Де ны взявся выхоръ и такъ выволочывъ мужыка, шо той чуть жывый остався“.

Къ тому же циклу принадлежитъ извѣстное сказаніе о колосѣ[1]). Купянскіе крестьяне говорятъ, что въ старину колосья

[1]) См. объ этомъ „Этногр. Обозр.“, VI, 11—12, и VII, смѣсь.

хлѣбныхъ злаковъ начинались у самой земли, и что поэтому хлѣба нельзя было ни косить, ни жать, а подрѣзывали колосья, чтобы не растерять зерна, шиломъ при самой землѣ; теперешняя же величина хлѣбнаго колоса составляетъ только „собачью долю“. При этомъ, впрочемъ, можно въ дополненіе услышать, что все это „було колысь, за царя Панька, якъ зымля була тонка: якъ плугомъ поорешъ, то й воды въ чырывыкъ набырешъ, а якъ пáлцымъ прокóлышъ, то воливъ булó напóишъ“. Уменьшеніе величины хлѣбнаго колоса произошло вслѣдствіе оскверненія святости хлѣба женщиной. Въ г. Купянскѣ говорятъ объ этомъ такъ: Однажды Спаситель съ ап. Петромъ зашли въ видѣ странниковъ въ домъ къ одной женщинѣ и попросили у нея милостыни. Хозяйка въ то время пекла блины. Въ отвѣтъ на просьбу странниковъ она бросила имъ блинъ, предварительно отерши имъ слѣды, оставленные ея ребенкомъ на лавкѣ. Странники вышли въ поле, и Христосъ, возмущенный поруганіемъ хлѣба, сталъ счищать съ колоса зерна снизу вверхъ. Видя это, хозяйская собака начала выть, и ап. Петръ упросилъ своего Учителя сжалиться хотя надъ собакой и оставить на стеблѣ часть колоса съ зерномъ на долю собаки. Въ сл. Тарасовкѣ объ этомъ разсказывается слѣдующее: „Разъ въ жныва Богъ и св. Петро ходылы старцямы по нывахъ и пидойшлы до одніи жынкы и попрохалы хлиба, а вона на ныхъ якъ крыкне; „ишь куды забылысь прохаты!“ Выхватыла изъ-пидъ дытыны кусокъ хлиба и дала имъ. Богъ узявъ той шматóкъ, сховавъ у торбу та нагнувся къ колоску и давай ёго облузоваты. Собака лыжыть пидъ возомъ и дывыця. Якъ побачыла, шо уже мало колоска зосталось, и почала выть; тоди Богъ и оставывъ колоска вершка на два. Св. Петро и пытае: „на шо ты, Господы, облузовавъ колосокъ?“—На то, шобъ люды не спысывылысь, — одвича Богъ: я бъ ёго и весь облузовавъ, та оставывъ тилко на собачью долю. Съ тій поры люды и сталы съ хлиба збыраты собачью долю; а впередъ колосья було одъ самого корня, а не такъ, якъ теперъ тилко вершка въ два“.

По малорусскимъ народнымъ сказаніямъ св. Петръ, въ

противоположность Спасителю, является представителемъ земного начала и съ трудомъ усвояетъ идею загробнаго возмездія; его понятію и чувству какъ будто болѣе доступны представленія о земной справедливости и правдѣ, а поэтому онъ, при столкновеніяхъ своихъ съ людьми, готовъ тотчасъ наказывать порочныхъ и награждать добродѣтельныхъ. Не видя же со стороны своего божественнаго Учителя немедленнаго исполненія своихъ быстрыхъ рѣшеній, ап. Петръ нерѣдко вступаетъ съ Нимъ въ пререканія и только путемъ наглядныхъ примѣровъ и опыта доходитъ до сознанія идеи высшей справедливости.

Ходилъ по землѣ Іисусъ Христосъ съ ап. Петромъ. Подошли Они къ рѣкѣ и хотѣли перебраться на другую сторону рѣки, а лодки нѣтъ. Ѣдетъ богатый мужикъ на четырехъ парахъ сильныхъ воловъ. Они и просятъ его перевезти ихъ черезъ рѣку на ту сторону. Взглянулъ на нихъ мужикъ, видитъ, что бѣдные странники, и не захотѣлъ взять ихъ перевезти. „Буду еще съ вами возиться,“ сказалъ онъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ бѣдный мужичекъ на одной парѣ плохенькихъ воликовъ; Христосъ и ап. Петръ обратились къ нему съ тою же просьбою. „Садитесь, люди добрые, надо какъ-нибудь перевезти Васъ,—авось, Богъ дастъ, переѣдемъ,“ сказалъ мужичекъ и благополучно перевезъ ихъ черезъ рѣку. Поблагодарили мужичка странники и пошли своей дорогой. Идутъ и говорятъ о томъ, что вотъ, молъ, богатый мужикъ на четырехъ парахъ и то не захотѣлъ перевезти ихъ, а бѣдный и на одной, да перевезъ. Христосъ прибавилъ: „да, у бѣднаго одна пара воликовъ, но и та должна сдохнуть“. — Зачѣмъ же такъ?— воскликнулъ ап. Петръ: лучше пусть у богатаго сдохнутъ!— „Нѣтъ,“ говоритъ Господь: „такая ужъ его доля“. Идутъ дальше. Нашелъ ап. Петръ бочку денегъ, выкатилъ на дорогу, гдѣ долженъ былъ проѣзжать бѣдный: пусть, молъ, онъ возьметъ ее; но бѣдный проѣхалъ мимо, даже не взглянулъ на нее. Тою же дорогою ѣхалъ и богатый; онъ уже издали замѣтилъ бочку, подъѣхалъ, открылъ и, увидѣвши, что тамъ деньги, взялъ ее себѣ. А Господь съ Петромъ идутъ дальше, и захотѣлось имъ

пить. Дошли до глубокаго яра (оврага), а въ яру криница. Ап. Петръ отправился къ криницѣ набрать воды. Заглянулъ въ нее, а тамъ и воды не видно: однѣ жабы, и рта нельзя омочить. Смотритъ, вдали виднѣется другой яръ. Господь говоритъ: „иди къ тому яру, тамъ вѣрно вода есть". Петръ пошелъ, куда указалъ ему Господь, и нашелъ въ томъ яру воду чистую, свѣжую, свѣтлую, а вокругъ такіе прекрасные цвѣты, что, напившись воды, онъ невольно остановился, любуясь красотою мѣста. Постоявши, какъ ему казалось, съ минуту, ап. Петръ возвратился назадъ и въ восторгѣ говоритъ Господу: „Господи, тамъ такъ хорошо, такъ хорошо, что я не могъ сразу уйти оттуда, а остановился и полюбовался съ минуту". А Господь ему: „не одну минуту ты простоялъ тамъ, а три года. Знай: эта хорошая вода приготовлена тому человѣку, что перевезъ насъ, а та съ жабами тому богачу, что не захотѣлъ исполнить нашей просьбы. Ап. Петръ сперва не повѣрилъ, что онъ пробылъ у колодца три года; но когда они пришли въ село, то убѣдился въ томъ, что дѣйствительно пробылъ тамъ три года, а не одну минуту, какъ ему казалось[1]). (Сл. Тарасовка. Сообщила уч. В. Н. Свѣтъ).

Вопросамъ о предопредѣленіи, судьбѣ, счастьѣ и долѣ вообще отведено значительное мѣсто въ легендарныхъ сказаніяхъ объ ап. Петрѣ. Разсказъ о Маркѣ-богатомъ принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ въ Малороссіи сказаній подобнаго рода и представляетъ множество мѣстныхъ варіантовъ. Вотъ одинъ варіантъ, записанный въ г. Купянскѣ.

„Въ никоторомъ государстви, не въ нашемъ царстви, жывъ Марко-багатый и жыла одна бидная вдова. Марко-багатый знався зъ вельможамы та панамы, а чорты служылы ему замисть робитныкивъ. Разъ захотилось Марку-багатому прынять у себе Господа со святымъ Петромъ. Це дило робы-

---

[1]) Въ сборникѣ *М. Драгоманова* приведенъ (стр. 118—119) подобный же разсказъ, записанный въ Буковинѣ. Въ легендахъ *Аѳанасьева* (стр. 5—15, сравн. тамъ же стр. XXIII—XXVI) есть два варіанта этой легенды; одинъ изъ нихъ малорусскій (Васильк. у., Кіев. г.).

лося, якъ Господь ходывъ по земли. Позвавъ Марко-багатый ихъ до себе у гости. Господь каже: „гараздъ, прыйдемо“. И прыказавъ Марко-багатый высыпать двиръ пискомъ, одчыныты ворота, розстелыты сукна, ковры и поставыты сторожу. А самъ назвавъ любымыхъ гостей и жде Бога. Идуть два старця, а сторожа у воритъ: „куды вы идете? мы ждемъ Бога и св. Петра: идитъ на други ворота!“ Воны и пишлы, де имъ сказано. Прыйшлы до Марка-багатаго, а винъ прыказавъ заперты ихъ въ скотный сарай. Заперлы ихъ, а Господь дунувъ—двери видчынылысь. Господь и св Петро вышлы и опьять идуть до Марка, а винъ прыказавъ заперты ихъ въ свынушныкъ. Господь дунувъ—двери видчынылысь. Воны вышлы зъ свынушныка и зновъ прышлы до Марка-багатого и просять ёго пустыть переночуваты. „Идитъ соби на слободу, тамъ жыве бидна вдова, у неи завсегда старци ночують, и вы тамъ переночуете, а у мене нема для васъ миста: я жду Бога и св. Петра“,—сказавъ Марко-багатый и пишовъ до своихъ любезныхъ гостей. Вдова приняла Господа и св. Петра, дала имъ повечеряты и уложыла ихъ спаты у хати, а сама лягла у комори. Передъ ранкомъ родыла вдова сына. Ангелъ явывся къ Господу и пытаеця: „отъ бидна вдова родыла сына, чымъ ёго дарыты?“ А Господь сказавъ: багатого мужыка Марка усе имѣніе на пожитъ ёму. Отъ по тій страни пройшовъ сей слухъ, и той мужыкъ, Марко-багатый, узнавъ и поихавъ до вдовыци, шобъ того младенця взять за сына, та и купывъ ёго у вдовыци, та и поихавъ додому. А тоди була зыма. Винъ выихавъ изъ слободы та въ лисъ, та и закопавъ, забывъ въ пынёкъ того младенця снигомъ, а тоди поихавъ дальше тай каже: „теперъ винъ ны поползуеця моимъ багатствомъ!“ Тымъ лисомъ ихалы краснорядци, а то дытя сыдыть на пынечку та и граиця, а кругомъ ёго травка зеленіе, цвиты цвитуть. А ти краснорядци остановылысь и кажуть: „це нове удывленіе, шо на двори зыма, а дытя посередъ снигу граиця и цвиты цвитуть!“ Ну, узялы воны ту дытыну тай прывызлы въ городъ и объявылы начальству. И взявъ одынъ чоловикъ іи выглядиты, и выросъ малчыкъ

Пройшовъ опьять слухъ, шо найшлы дытыну въ лиси. Поихавъ Марко-багатый шукаты того юношу. И найшовъ винъ того малчыка, а малчыкъ уже выросъ. И начавъ багачъ уговорюваты ёго хазяина: „въ мене, каже, симья малесынька, а è пры чымъ жыты, а въ васъ есть свои диты.“ Хазяинъ пытае малчыка, чы хоче винъ до багача поступыты, а той малчикъ кажыть: „мини де ны жыты та вся треба робыты.“ Ну, той багачъ кажыть: „я напышу тоби письмо и дамъ грошей на станціи, тутъ ты проідышъ тры станціи.“ Той юноша взявъ пысьмо, а въ томъ пысьми було напысано: „жына моя мыла, ны дожыдай, покы я прыіду, а стребы того, шо я тоби посылаю“. Ну, той юноша проіхавъ уже одну и другу станціи, а на третью повстричався тому юноши старыкъ и пытаеця: „куды ідышъ?“ А малчыкъ кажыть: „я и самъ ны знаю, куды я іду“. А старикъ говóрыть: „у тебе есть пысьмо?“ Малчыкъ говóрыть: есть.—„А покажы!“ Малчыкъ показавъ. Старыкъ тико подывывся и оддавъ назадъ. Прыіхавъ малчыкъ на мисто и спрашиваеть: „де хазяйка?“ Ёму показалы хазяйку, и винъ оддавъ те пысьмо хазяйци. Хазяйка почытала, почытала пысьмо, та и зачала съ попамы ладнаты. Пишла маты стараця, а дочка зачала къ винцю собираця. Ну, повинчали ихъ и пиднялы пиръ на весь міръ и покинчалы свальбу. Сплять молоди писля свальбы, а батько прыіхавъ и пишовъ сичасъ до хазяйки и спрашуетъ: „де ты дила того юношу?“ —Де дила? Сплять. А винъ узявъ себе за голову и говóрыть: „що це ты здилала?“—Що! на, почитай свое пысьмо: шо ты напысавъ, то я и здилала! „Ну, ныхай уже такъ будыть!“ На другый день зачавъ казаты Марко-багатый: „колы ты сынъ мій, такъ шобъ ты все хазяйство осматрювавъ: де шо робыця моимы робитныкамы, во всихъ заводахъ и винокурняхъ!“ И ще мисто указавъ, шобъ те мисто пораньше осмотривъ, якъ устаныть до свита. А то мисто таке, що винъ тамъ занимався съ чортамы. Прыказавъ Марко-багатый чортамъ: „якъ хто прыйдеть ночью, такъ вы непрыминно озьмитъ ёго тутъ“. Прыйшовъ юноша до жынки, а вона и пытаеця: „що тоби батько казавъ?“—Казавъ, шобъ

я рано уставъ и то мисто осмотривъ. А жынка кажыть: эге! Отъ полягалы спаты. Довго ны довго спалы, а винъ и схватывся уставаты; жына ны пустыла ёго. А Марко-багатый исхватывся ночью та и побигъ въ те мисто, яке ёму указувавъ, а ёго самого чорты ухватылы та и началы душыты. А винъ кажыть: „я—Марко-багатый, я—Марко-багатый!" А воны кажуть: „хто прыйдеть ночью, того и быритъ,—ты самъ намъ такъ приказувавъ". Задушылы чорты Марка-багатого, а молодый юноша оставсся на багачовомъ мисти.—Якъ Господь сказавъ, такъ и зробылося".

Въ другомъ пересказѣ, записанномъ въ слоб. Ново-Николаевкѣ, Марко-богачъ, узнавши, что все богатство его предназначено чужому ребенку, покупаетъ этого младенца и бросаетъ его въ море. Дитя, однако, не тонетъ, а, плавая на волнахъ, играетъ золотымъ яблочкомъ. Рыбаки, видя это, берутъ его и затѣмъ продаютъ купцамъ. Марко покупаетъ его у купцовъ за возъ золота и вторично бросаетъ въ море, засмоливъ предварительно въ бочкѣ. Бочку выбрасываетъ на берегъ вблизи монастыря; монахи берутъ къ себѣ мальчика и воспитываютъ его. Марко покупаетъ его у монаховъ за двѣ бочки золота и посылаетъ съ письмомъ къ женѣ своей. Оканчивается исторія такъ же, какъ и въ приведенномъ выше разсказѣ, только не черти душатъ Марка-богача, а работники вбрасываютъ его въ котелъ съ кипяткомъ [1]).

„Одъ смерты и конемъ ны втычешь". Эту пословицу говорятъ въ заключеніе слѣдующаго разсказа, записаннаго въ с. Тарасовкѣ.

„Разъ св. Петро пасъ овець. Отогнавъ винъ ихъ до воды, а самъ пишовъ на дорогу и сивъ. Сыдыть, пидходе до нёго убогій съ торбою, шо ходывъ Хрыста-рады прохавъ. Поздоровкавсь съ св. Петромъ, сивъ рядомъ, вынувъ зъ торбы шматокъ хлиба, переломывъ и подавъ половыну св. Петру, а дру-

---

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ*, Нар. рус. легенды, стр. XXVI и Нар. рус. сказки, I, стр. 61—70, II, стр. 121—128. *Чубинскій*, т. 2, стр. 341, № 88; *Драгомановъ*, 329; *Романовъ*, Сказки №№: 81, 82 и 83).

гу самъ ставъ іс635ы. Зъілы, а св. Петро и каже: „Ты подилывсь зо мною шматкомъ хлиба, а я тоби дамъ за те зилья такого, шобъ ты смерть бачывъ, и будь ты ликаремъ: колы смерть побачышъ у головахъ, то хворому умырать, а колы—у ногахъ, одужаеть. Якъ побачышъ смерть у головахъ, ты и переверны, де була голова, ногамы,—винъ и одужае". Бидный подякувавъ св. Петру, узявъ те зилья и пишовъ. Прыйшовъ винъ у слободу, зайшовъ въ одну хату Хрыста-рады просыть, а у тій хати хазяинъ хворый лыжытъ. Глянувъ убогій на хворого и уздривъ смерть въ головахъ, и каже хазяйци: „твій хозяинъ умре, а я бъ ёго выличывъ". Та ёму въ ногы, просе: шо хочъ беры, тилько вылична. Узявъ винъ и положывъ хворого головою, де булы ногы. Хворый одужавъ. Бувъ винъ чоловикъ багатый, то и давъ ликарю багато грошей. И пройшла слава про того ликаря, усюде сталы ёго клыкать, и люды въ тій сторони уси сталы одужувать, до кого той ликарь прыходывъ, и ставъ винъ багатый. Отъ смерть ёму и каже: „ты вже забагативъ, бильшъ не дохторуй, а то якъ ще такъ зробышъ,—самъ умрешъ". А ликарь дума: не буде сёго дила, шобъ я вмеръ: я побачу, якъ смерть до мене итыметь (придетъ), и утычу. Ось у одного багача захворала дочка; послалы за тымъ ликаремъ. Прыйшовъ, глянувъ, а смерть въ коловахъ стоить; винъ и сказавъ, шо та дивка помре. Батько ставъ кланяця: шо хочъ беры, а выличы дочку. Жаль ёму стало грошей теряты,—узявъ и перевернувъ дивку ногамы, де була голова. Дивка и одужала. Багато грошей взявъ ликарь и пишовъ додому. Прыйшовъ, сховавъ ти грошы, глядь—смерть бля (около) хаты ходе. Винъ заразъ взявъ коня и пидкувавъ гакамы (шипами) назадъ, сивъ и поіхавъ одъ смерты утикать, и дума: смерть побижыть по слиду, а слидъ иде назадъ. Іхавъ, іхавъ и заіхавъ въ лисъ; а въ лису уздривъ два чоловика—яму копають. Винъ ихъ и пытае: „на шо це вы, добри люды, яму копаете?"—Не знаемъ, одвичають ёму: велино намъ копаты, бачъ, тутъ буде умерлый, такъ ёго заховаемъ. Вставъ ликарь съ коня та заразъ и вмеръ, прямо въ яму упавъ, тамъ ёго и заховалы".

Если св. Юрію молятся объ охраненіи стадъ отъ волковъ, то иногда ему же приписываютъ власть надъ урожаемъ хлѣбовъ, говоря, что „св. Юрій по полю ходыть, хлибъ родыть". Если объ ап. Петрѣ говорятъ, что „св. Петро пасе овець", то, съ другой стороны, ему же дается власть надъ волками. Такимъ образомъ наши крестьяне придаютъ и св. Юрію и ап. Петру пастырскій характеръ, изображая ихъ покровителями и пастырями то стадъ скота, то стай волковъ. Съ такимъ характеромъ покровителя и повелителя волковъ выводится ап. Петръ въ слѣдующемъ, сообщенномъ намъ изъ слободы Тарасовки, разсказѣ на вышеуказанную тему, что отъ судьбы своей не уйдешь.

„Тры парубкы пишлы у лисъ. Довго ходылы по лису и сустрилы велыку стаю вовкивъ. Побачылы тихъ вовкивъ, злякалысь та тикать. Два побиглы до дому, а одынъ не вспивъ и злизъ на дуба; злизъ и дывыця, шо ти вовкы робыты муть. Иде св. Петро. Прыйшовъ до вовкивъ, а воны до нёго, якъ диты, лащуця. Потимъ начавъ св. Петро кашу варыть. Наварывъ, поблагословывъ и почалы істы. Наілысь, а воно вже смеркаця стало, и св. Петро почавъ указувать, шо якому вовку уворовать за ничь и зъісты: тому указавъ вивцю, тому корову, а тому свыню. А межъ тымы вовкамы бувъ одынъ крывый, ёго и промынувъ св. Петро; а винъ и пытае: „А мыни шо?"—А тоби? тоби того, шо на дуби! одвитывъ св. Петро. Парубокъ це якъ почувъ, такъ и скипивъ. Пишовъ св. Петро; розійшлысь и вовкы, кому куды указано, а крывый полизъ на дуба до хлопця. Лизе, лизе—ныякъ не злизе; мабуть бувъ не голодный, уморывся и пишовъ геть. Парубокъ тоди мерши (скорѣе) зъ дуба та скоришъ додому. Прыйшовъ и росказавъ домашнимъ, шо зъ нымъ було, та такъ злякавсь, шо боиця и изъ хаты выйты, шобъ вовкъ не зъивъ. Разъ выйшовъ увечери, а на нёго свыня якась чудна якъ кынулась, — насылу одбывсь; а свыня була крыва: то той вовкъ пидходывъ свынею. Такъ винъ, той хлопець, ще бильшъ ставъ бояця и до самого литку не выходывъ изъ хаты. У жныва сталы снопы возыты; сосида и просе, шобъ той парубокъ зъіздывъ по сно-

пы. Винъ було не хотивъ, а люды сталы сміяця: „хиба ты одынъ поідышъ? Мы будемо тебе берыгты. Хиба ты не знаешъ, шо, якъ Богъ не дасть, такъ вовкъ не зъість, а колы Богъ схоче, то вовкъ и на пичъ скоче!" Запригъ и поіхавъ той парубокъ по снопы. Наклалы, ідуть назадъ, глядь - иде по полю дивка, така гарна, така гарна, тилько крыва. Той парубокъ схотивъ блыжче на неи подывыця, покынувъ визъ и пійшовъ до неи. Тилко пидходе, а то ны дивка, а вовкъ,—кинувся и зъівъ ёго".

Въ сл. Нижней Дуванкѣ слышали мы объ этомъ иной разсказъ. Остановились на ночлегъ чумаки около лѣса, наварили каши, поужинали и собираются спать. А дѣло было лѣтомъ. И захотѣлось одному изъ нихъ посмотрѣть, какъ „волки разбѣгаются". Пошелъ этотъ чумакъ въ лѣсъ, взобрался на дерево съ краю поляны, сидитъ и ждетъ. Смерклось. Идетъ по лѣсу старикъ и за нимъ стая волковъ. Вышелъ на поляну и остановился подъ тѣмъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ чумакъ. Волки стали по-очереди подходить къ старику, а онъ говорилъ каждому изъ нихъ, что̀ ему слѣдуетъ въ эту ночь съѣсть: одному волку назначилъ гуся, другому поросенка, третьему жеребенка — всѣмъ назначилъ, и они разбѣжались. Старикъ собрался уходить, какъ тащится на поляну хромой волкъ. Подходитъ и говоритъ старику: „а мнѣ-то что ѣсть?" „А вонъ того, что на деревѣ",—сказалъ, уходя, старикъ. Волкъ и легъ подъ деревомъ. Чумакъ, видя бѣду неминучую, сталъ кричать, звать товарищей; тѣ прибѣжали, отогнали волка и отвели перепуганнаго товарища въ таборъ. Проситъ чумакъ своихъ пріятелей спасти его отъ смерти, боится ложиться спать. Уговорили его лечь посерединѣ между товарищами Просыпаются на разсвѣтѣ, а отъ того чумака одни лишь сапоги.

Имѣя въ виду дать возможность сдѣлать на основаніи собранныхъ нами матеріаловъ хотя бы самый легкій очеркъ отраженія малорусскаго міросозерцанія въ легендарныхъ сказаніяхъ объ ап. Петрѣ, мы не можемъ обойти тѣхъ народныхъ разсказовъ, въ которыхъ болѣе или менѣе ярко высту-

паютъ характерныя, по взгляду малоросса, черты представителей нѣкоторыхъ профессій, сословій.

Страсть ко лжи, по словамъ малорусскихъ сказаній, сильно развита у военныхъ и у цыганъ. При этомъ самолюбіе и честь заставляютъ военнаго упорно стоять за разъ сказанную ложь, хотя бы такое упорство грозило имъ опасностію потерять даже жизнь. Однако, деньги оказываются сильнѣе и самолюбія и чести, такъ что только деньги однѣ въ силахъ заставить сознаться во лжи. Что касается цыганъ, то страсть ихъ ко лжи малороссъ объясняетъ тѣмъ, что цыганамъ лгать не грѣхъ, что лгать разрѣшилъ имъ самъ Богъ.

„Разъ св. Петро іхавъ до Бога за прыказомъ. Встритывъ ёго цыганъ и пытáи: „куды ты, св. Петро, ідышъ?“—До Бога.— „Чого?“—Пытаты, кому чымъ жыты. „Такъ ты тамъ, батьку, и за мены промовся“. Св. Петро пообищався та й забувъ. Тежъ похторылось и въ другій разъ. Въ третій разъ цыганъ уже взявъ у Петра стремено на случай, якъ забуды, то спомны, якъ буды на коня сидаты. Такъ и случылось: св. Петро ставъ на коня сидаты и спомнывъ про цыгана и пытаи у Бога, якъ жыты цыганамъ. Богъ и сказавъ: „шо знавъ, кажы: не знаю; шо чувъ, кажы: не чувъ; шо бачывъ, кажы: не бачывъ; шо бравъ, кажы: не бравъ“. Святый Петро встритывъ цыгана и говорыть ёму: „шо знаешъ, кажы: не знаю“, и т. д. „Виддай же теперъ мое стремено“.— Яке?— „Серебряне“.—Не знаю.—„Та ты жъ у мены ёго взявъ“.—Ни, ій-Богу не бравъ! Съ тихъ пиръ цыганамъ и стало не грихъ божытьця“. (Сл. Радьковскіе Пески, отъ уч. Д. Калинина).

„Разъ Сусъ Хрыстосъ и св. Петро подружылысь зъ цыганомъ. Отъ воны, якъ подружылысь, то пишлы по свиту. Разъ такъ имъ прыйшлось, шо істы ничого було; отъ воны и послалы цыгана въ одну хату просыты хлиба. Тамъ пыклы пырыпичкы и спыталы цыгана: „стико (сколько) васъ чоловикъ?“—Тры,—сказавъ цыганъ. Воны и далы ёму тры пырыпичкы, а винъ выйшовъ зъ хаты и одну заразъ изъивъ, а дви понисъ до товарышивъ. Хрыстосъ пытае цыгана: „стико тоби

далы пырыпичокъ?" — Дви, — сказавъ цыганъ. А Богъ каже: „ны обманюй! ты свою изъивъ".—Ей-Богу-жъ, я ны іивъ! Тоди Хрыстосъ подилывъ ти дви пырыпичкы ривно на трёхъ, и закусылы. Значыть, цыганъ при Богови начавъ моталыжнычаты, потому то воны и теперъ таки моталычы и воры. (Хуторъ Маліевъ. Отъ уч. М. Нетребы).

Идутъ Богъ и ап. Петръ. Догоняетъ ихъ солдатъ съ сумкой за плечами и спрашиваетъ: „куда идете, добрые люди?"— Идемъ на заработки,—отвѣчаетъ Господь. „Такъ возьмите и меня съ собой", - говоритъ солдатъ, — „хочу и я заработать денегъ, чтобы было чѣмъ помочь роднымъ". Господь согласился принять солдата въ товарищи. и вотъ пошли они втроемъ далѣе. Дорогой солдатъ и говоритъ Господу: „вотъ вы приняли меня къ себѣ въ товарищи, но я не знаю, кто вы такіе". Господь сказалъ ему на это: „я—мудрецъ, а товарищъ мой — хитрецъ", Цѣлый день шли, нигдѣ не останавливались, а когда насталъ вечеръ, они остановилось ночевать въ полѣ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ они остановились, паслось стадо овецъ. Мудрецъ велѣлъ хитрецу пойти къ пастухамъ и взять у нихъ изъ этого стада барана. Когда хитрецъ принесъ барана, мудрецъ сказалъ солдату: „ну, служивый, мы съ хитрецомъ пойдемъ пройдемся по полямъ, посмотримъ хлѣба, а ты пока приготовь ужинъ. Если насъ долго не будетъ, то ты можешь поужинать и безъ насъ, только сердца не ѣшь, а оставь намъ. Мудрецъ съ хитрецомъ ушли, а солдатъ остался, набралъ сѣна изъ стоявшаго вблизи стога, развелъ огонь и началъ готовить ужинъ. Но вотъ уже и ужинъ готовъ, а товарищей нѣтъ и не видно. Солдатъ расположился ужинать одинъ; ужинаетъ, да думаетъ: зачѣмъ это велѣли они оставить для нихъ сердце, развѣ оно вкуснѣе всего? Съѣмъ-ка я его самъ, а имъ скажу, что у этого барана сердца не было. Такъ онъ и сдѣлалъ. Возвратились мудрецъ съ хитрецомъ, и мудрецъ говоритъ солдату: „а давай ка намъ, служивый, сердце, мы будемъ ужинать". Солдатъ отвѣчаетъ: „ну, братцы, 25 лѣтъ я прослужилъ въ полку, много перерѣзалъ тамъ за это время и быковъ и овецъ, и всѣ они были съ

сердцемъ, а вотъ тутъ такъ штука! у сегодняшняго барана не оказалось сердца: баранъ—и безъ сердца! Мудрецъ ничего на это не сказалъ солдату, а хитрецъ произнесъ только: эге!— и легли они спать. На другой день всѣ трое встали рано утромъ и пошли вмѣстѣ далѣе. Пришлось имъ переходить черезъ рѣку. Мудрецъ и хитрецъ идутъ себѣ по водѣ, какъ по сушѣ, и солдатъ туда же было за ними, да не выгораетъ: пришлось брести по водѣ, а рѣка чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ глубже. Мудрецъ обратился къ солдату и спрашиваетъ его: „ты сердце съѣлъ?"—Нѣтъ,—отвѣчаетъ солдатъ,—у барана не было сердца. Идутъ, а вода хватаетъ солдату уже до горла. „Ты съѣлъ сердце?"—снова спрашиваетъ мудрецъ.— Ей-Богу нѣтъ!—говоритъ солдатъ, почти захлебываясь. Такъ солдатъ и утонулъ бы, не сознавшись, еслибы мудрецъ не взялъ его за руку и не вывелъ на берегъ. Вышедши на берегъ, находятъ они мѣшокъ съ деньгами. Мудрецъ взялъ эти деньги и началъ дѣлить ихъ на четыре части. Солдатъ, видя это, говоритъ: „зачѣмъ же ты дѣлишь на четыре части, вѣдь насъ трое?"—Я потому дѣлю на четыре части,—отвѣчалъ ему мудрецъ,—что двѣ части долженъ получить тотъ, кто съѣлъ сердце.—„Я съѣлъ сердце",—сказалъ солдатъ,—„значитъ, я долженъ получить двѣ части". Тогда мудрецъ отдалъ солдату двѣ части. Послѣ этого пошли они къ одному помѣщику и нанялись молотить хлѣбъ. Мудрецъ велѣлъ хитрецу взлѣзть на скирдъ и сбрасывать снопы. Хитрецъ посбрасывалъ снопы со всѣхъ скирдовъ, а мудрецъ взялъ огня и зажегъ эти снопы. Но огонь не уничтожилъ совсѣмъ сноповъ, а вымолотилъ изъ нихъ зерна, а солома снова была сложена въ скирды. Мудрецъ получилъ за молотьбу деньги по договору, отдалъ ихъ всѣ солдату и сказалъ ему: „теперь ты съ деньгами, иди домой, да только смотри: не берись молотить хлѣба такъ, какъ мы здѣсь молотили!" Пришелъ солдатъ домой съ деньгами, зажилъ на славу, да только не надолго: захотѣлось ему увеличить свой капиталъ легкой молотьбой. Нашелъ себѣ товарища и, пренебрегая совѣтомъ мудреца, нанялся къ одному помѣщику перемолотить у него весь хлѣбъ. Тоже велѣлъ сво-

ему товарищу посбрасывать со скирдовъ всѣ снопы, а самъ зажегъ ихъ. Такъ какъ все до тла сгорѣло, то солдату пришлось чувствительно поплатиться за свое корыстолюбіе [1]). (Сл. Араповка. Сообщ. уч. М. Скубакъ).

По другому разсказу на ту же тему, ап. Петръ съ солдатомъ заходятъ на ночлегъ къ старухѣ; она даритъ имъ козу. Ап. Петръ предлагаетъ солдату зарѣзать козу на ужинъ, ужинать самому, а для него оставить только сердце. Солдатъ съѣдаетъ сердце и увѣряетъ ап. Петра, что у козы не было сердца. На другой день, при переходѣ черезъ рѣку, Петръ спасаетъ тонущаго солдата, но все-таки не можетъ заставить его сознаться въ томъ, что сердце съѣлъ онъ. Далѣе слѣдуетъ исцѣленіе ап. Петромъ больной дѣвицы, дочери богатаго человѣка, полученіе отъ него большихъ денегъ и дѣлежъ ихъ Петромъ на три части. Солдатъ сознается въ виду полученія двухъ частей, и разсказъ кончается неудачнымъ лѣченіемъ больной самимъ солдатомъ [2]).

Хотя въ слѣдующемъ разсказѣ объ испытаніи священника Богомъ и не упоминается ап. Петръ, но такъ какъ этотъ разсказъ по своей темѣ относится къ серіи сказаній о хожденіи Бога съ апосталами по землѣ, то мы и приводимъ его здѣсь, имѣя особенно въ виду сказочные въ немъ пріемы при изложеніи эпизодовъ испытанія.

Въ одномъ селѣ жилъ жадный къ деньгамъ священникъ. Къ нему пришелъ Господь и сказалъ: „пойдемъ на Донъ". Священникъ говоритъ: пойдемъ. Господь говоритъ: „ты тутъ собирайся, и я пойду тоже приготовляться". Господь не бралъ въ дорогу хлѣба, кромѣ пяти просфоръ, а священникъ набралъ себѣ много сухарей. Вышли они изъ дому рано, прошли довольно: ужъ солнце высоконько. Господь и говоритъ: „давай завтракать".—Еще рано, пойдемъ дальше. Въ степи они позавтракали. Вотъ они идутъ и идутъ, солнце ужъ на полудни. Гос-

[1]) Ср. *Аѳанасьева*. Народ. рус. легенды, стр. 3: Чудесная молотьба. *Драгоманова*, 127.

[2]) Ср. *Аѳанасьева*, ibid, 19. *Драгоманова*, 125—128.

подь и говоритъ: „давай обѣдать".—Давай,—отвѣчаетъ священникъ:—но только отчего это ты не взялъ себѣ хлѣба? Господь вынулъ изъ кармана просфору, переломилъ ее на двое и подалъ одну половину священнику. Тотъ съѣлъ эту половину и наѣлся, да и думаетъ: какой однако хорошій у него хлѣбъ! Съѣлъ кусочекъ и сытъ. Взялъ да и укралъ у Бога одну просфору. Господь спрашиваетъ его: „не бралъ ли ты у меня просфоры?—Нѣтъ, не бралъ. Пошли они далѣе; подходятъ къ большому, непроходимому лѣсу. Господь и говоритъ священнику: „какъ намъ итти, прямо черезъ лѣсъ или обойдемъ?"—Черезъ лѣсъ. Вотъ они поднялись вверхъ на облако и дошли по воздуху надъ середину лѣса. Господь опять спрашиваетъ: „не бралъ ли ты просфоры?"—Не бралъ. —„Смотри: не признáешься, такъ упадешь!" Священникъ свое твердитъ: нѣтъ, я не бралъ. Перешли они по воздуху лѣсъ, спустились на землю, идутъ, а передъ ними широкое, глубокое море. Господь спрашиваетъ: „не бралъ ли ты просфоры?"— Нѣтъ, не бралъ.—„Куда же мы пойдемъ, кругомъ или черезъ море?"—Черезъ море. Вотъ они взошли на облако и дошли надъ середину моря. Господь и говоритъ: „признайся, ты взялъ просфору? А какъ не признаешься, такъ упадешь въ море и утонешь." Священникъ отвѣчалъ: нѣтъ, я не бралъ. Перешли они по воздуху море, спустились на землю и идутъ. Стоитъ на дорогѣ большой домъ, ни пройти, ни проѣхать. Господь снова спрашиваетъ священника: „не бралъ ли ты у меня просфоры? Какъ не признаешься, такъ не перейдешь этого дома!"—Нѣтъ, не бралъ. Ну, перешли они и этотъ домъ и пошли къ одному богачу, а у этого богача была при смерти дочь. Богачъ спросилъ: „не можете ли вы вылѣчить моей дочери?" Господь взялъ больную за руку, и она тотчасъ выздоровѣла. Панъ подвелъ ихъ къ сундуку, въ которомъ были деньги, отперъ его и говоритъ: „берите, сколько хотите". Священникъ наполнилъ деньгами карманы, насыпалъ ихъ въ калоши, а Господь стоитъ да только на него смотритъ. Панъ повелъ ихъ, гдѣ было у него золото; подвелъ къ золоту и говоритъ: „берите, сколько хотите, золота".

Священникъ ну выбрасывать изъ каршановъ и калошъ деньги и брать золото; набралъ, на силу идетъ. Вышли они за городъ, Господь говоритъ священнику: „давай же дѣлиться".— Чего жъ ты самъ себѣ не бралъ?—сказалъ священникъ, но все-таки высыпалъ все золото. Господь раздѣлилъ это золото на три равныя части и говоритъ: „кто взялъ у меня просфору, тому третья и первая часть".—„Я взялъ просфору,— сказалъ священникъ. Господь отдалъ ему все золото и они разошлись. (Сл. Преображенная. Сообщилъ крест. П. Бувалецъ [1]).

Въ заключеніе приведемъ двѣ такъ называемыя „побрехеньки", также связанныхъ съ хожденіемъ Бога и святыхъ по землѣ.

1) „Чого на хахлу чортова голова?" „Чортова твоя голова" или „чортова на тоби голова"—такими словами не рѣдко встрѣчаетъ малороссъ своего провинившагося взрослаго сына, когда тотъ сдѣлаетъ что-нибудь невпопадъ, не такъ, какъ приказывалъ отецъ, или когда причинитъ какой-нибудь ущербъ хозяйству. Не можетъ ли служить поясненіемъ къ этому слѣдующій анекдотъ?

„Господь съ св. Петромъ ходыли по земли. Разъ идуть воны мымо очерету, а въ очерети крыкъ. Господь и пославъ Петра узнаты, чого тамъ крычать. Св. Петро вернувсь и каже: „тамъ чортъ съ хахломъ былысь, такъ я помырывъ ихъ: головы имъ знявъ", Господь сказавъ: „бодай тебе, якый ты сердытый! Пиды-жъ заразъ понадивай имъ головы". Сказавъ це, самъ пишовъ дальше. Св. Петро вернувся та мерщій попавъ чортову голову и надивъ на хахла, а хахлову на чорта. Съ тыхъ поръ и стала на хахлу чортова голова" (Сл. Кабанья. Сообщ. уч. П. Марусовъ [2]).

---

[1]) Срв. *Чубинскаго*, т. I., стр. 156—159; *Афанасьева*, Нар. рус. легенды, стр. 15—23; *Драгоманова*, 403.

[2]) Въ одномъ изъ выпусковъ издаваемой въ Прагѣ Обществомъ „Slavia" серіи подъ общимъ названіемъ „Sbirky prostonárodní", именно въ небольшой книжечкѣ, озаглавленной: *Národní pohádky a pověsti*, на стр. 139, подъ № 41 находимъ аналогичный разсказъ Roubovaná bába, который считаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ виду малоизвѣстности у насъ этого изданія. „Когда Іисусъ съ св. Петромъ ходили по свѣту, они уви-

2) „Де взялысь хахлы и москали?“ Ще на свити не було хахливъ и москаливъ, отъ Богъ и пославъ Петра и Павла на те мисто, де теперъ Москва. Воны прыйшлы на мисто и сталы робыть—Петро хахливъ, а Павло москаливъ. Петро робывъ хахливъ зъ пшынышного тиста, а Павло—москаливъ зъ рудои глыны: отымъ (потому) то воны и руди. Наробылы и поставлялы на сонци сушыты. Петро и каже: „ходимъ, брате, Павле, до ричкы рукы мыты“. А Павло отвича: „иды, Петре, самъ, а я свои руки и такъ обитру“.—„Ну, якъ шо не пидешъ, такъ поглядай же, шобъ шо не случылось зъ нашымъ народомъ“. Павло добре знавъ, шо ёго людей нишо не троне, — пишовъ у холодокъ тай лигъ спаты. Де взялась собака и давай нюхаты ихъ; зáразъ понюхала хахливъ, розибрала, шо воны изъ тиста, и давай істы. Прыходе одъ рички Петро, глядь—ажъ москали стоять, хахливъ нема. Колы дывеця, ажъ собака пидняла ногу на груды москаля, а зъ грудей стала глына на пузо збигаты. Оттого москали сталы пузати. Тоди Петро якъ розженеця сразу, якъ ухвате собаку за хвистъ, а та собака якъ попре по поляхъ на Украину. Петро якъ учысте іи палюгою по ребрахъ, а вона якъ плыгне черезъ ярóкъ,—та й ставъ тамъ хахлацкій хуторокъ. Тутъ Петро и оставcя, а собака заховався у лободу и образовавъ тамъ

дѣли однажды близъ дороги бабу въ дракѣ съ чертомъ. Такъ какъ Христосъ не могъ потерпѣть такого безпорядка на землѣ, то сказалъ св. Петру: „Смотри, какъ тамъ дерутся эти двое безбожниковъ. Иди и разними ихъ“. Св. Петръ выслушалъ и исполнилъ приказаніе; но не успѣлъ онъ вернуться къ Христу, какъ они опять схватились. Петръ по приказанію Христа снова разнялъ ихъ спокойно Но они въ третій разъ сцѣпились, и тогда Петръ, вернувшись, чтобы ихъ разогнать, до такой степени разсердился, что выхватилъ мечъ и отрубилъ обоимъ головы. Эта поспѣшность Петра не понравилась Христу, и Онъ упрекалъ Петра за то, что тотъ не послушался его приказанія. „Теперь иди и приложи къ каждому трупу его голову, и онѣ снова прирастутъ“. Св. Петръ пошелъ, но второпяхъ перемѣшалъ головы и присадилъ черту бабью голову, а бабѣ—чертову. Съ тѣхъ поръ баба въ дружбѣ съ чертомъ, такъ что гдѣ онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать, туда бабу посылаетъ.

Ред.

цилу слободу. Съ тыхъ поръ сталы хахлы жыты по хуторахъ та по слободахъ. (*Сл. Круглякова Г. Б—въ*) [1].

Въ хуторѣ Маліевѣ о происхожденіи „хахловъ" и „москалей" говорятъ слѣдующее: „Ишовъ по полю Хрыстосъ и св. Петро, а на встричу имъ іде поіздъ свальбы. Пьяни люды началы насмихаця зъ ныхъ. Первый чоловикъ начавъ крыныця и казаты Хрысту и Петру: „Чого вы, бродягы, хóдыты тутъ? Вы должны занимаця хлибопашествомъ, а ны ходыты бизъ дила по свиту!" Святый Петро и каже Хрысту потыхеньку: „цёму чоловикови буты хахломъ—хлиборобомъ: винъ викъ буде хлибъ робыты". Хрыстосъ и каже: „робы зъ нымъ, шо тоби угодно" [2]). Другый пьяный чоловикъ у насмишку крычыть: Чого вы хóдыты тутъ; бачъ чырывикивъ ныма: вамъ бы тико лапти плысты, а те ходыты тутъ по чужыхъ свайбахъ!" Св. Петро й каже: „а цёму чоловикови буты москалемъ, и винъ буде лапти плысты и въ лаптяхъ ходыты". Третій чоловикъ не може вже и слова сказаты, якъ закрычыть: ве! Св. Петро и каже: „цёму буты медведемъ" [3]). Съ тыхъ поръ зъ первого, шо крычавъ на Хрыста та на св. Петра, сталы хахлы, зъ другого — москали, зъ третёго — медведи".

П. И.

---

[1]) Ср. легенды о происх. народностей и сословій въ *Эти Обозр. VI*, 139; относительно собаки ср. *Драгоманова* стр. 1.

[2]) Срв. наказаніе женщинъ въ запад.-славянской легендѣ, приведенной въ перев. съ нѣм. *Аѳанасьевымъ* (Нар. р. лег., стр. XXII).

[3]) Срв. *Этн. Обозр.* IV, 100—115; VI, 143—144 и 221.

ЦЫГАНЕ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.

(*По архивнымъ документамъ*).

Народъ, извѣстный у насъ подъ именемъ цыганъ, носитъ въ историческихъ документахъ и въ живомъ языкѣ разныхъ народовъ массу названій: почти среди каждаго народа и въ каждой странѣ существуетъ особое для него прозвище, иногда даже не одно [1]). Сами же цыгане никогда не называютъ себя этими именами; у нихъ существуютъ свои собственныя, а именно самое распространенное — *Rom* (что̀ въ переводѣ означаетъ—мужъ, мужчина), *Romni* (жена, женщина), множеств. число - *Roma*; отсюда *romano*—цыганскій; *romnitschel*—цыганскій народъ; *romane tschave*—дѣти Рома, цыгане. Другое имя—*Sinte* или *Sinde*, которое изслѣдователи приводятъ въ связь съ именемъ рѣки Sindhu (Индъ) или съ племенемъ Sindi (въ передней Индіи); наконецъ, цыгане очень часто называютъ себя *Kali*, т. е. черные, отличая себя этимъ отъ бѣлыхъ—европейцевъ. Всѣхъ не-цыганъ они называютъ общимъ именемъ *gadžo* т. е. купецъ, крестьянинъ, особа, человѣкъ и проч. (множеств. число *gadže*), хотя у нихъ существуютъ и другія спеціальныя названія для отдѣльныхъ странъ и народовъ [2]).

У цыганъ нѣтъ ни историческихъ памятниковъ, ни историческихъ преданій, и только живой языкъ остается свидѣтелемъ ихъ исторической жизни. Поттъ и Миклошичъ [3]), изу-

[1]) См. *Паткановa* „Цыганы" (С.-пб. 1887 г.), стр. 17,18. [2]) См. *Патканова*, ib., 18. 19. [3]) D-r *Pott*. Die Zigeuner in Europa und Asien. Halle,

чивши нарѣчія цыганъ, установивили тотъ неопровержимый фактъ, что языкъ цыганъ—языкъ индійскій, и родина ихъ есть Индія и при томъ именно сѣверо-западная часть Индіи.

Въ концѣ X в., какъ доказываютъ изслѣдователи, цыгане покинули свою индійскую родину и отправились странствовать, устремляясь все далѣе и далѣе на востокъ [4]). Что заставило цыганъ покинуть свою родину, это составляетъ для насъ пока загадку, разрѣшеніе которой зависитъ отъ разработки исторіи тѣхъ странъ, откуда вышли цыгане.

Персидскіе и армянскіе элементы въ языкѣ европейскихъ цыганъ заставляютъ предположить, что цыгане не только прошли эти страны, но и имѣли тамъ продолжительную остановку.

Первая страна, въ которой кочевали цыгане по приходѣ въ Европу, была Греція [1]), такъ какъ во всѣхъ нарѣчіяхъ европейскихъ цыганъ, греческій элементъ играетъ значительную роль. Это предположеніе подтверждаютъ и письменные документы. Такъ, въ 1322 г. францисканецъ Simon Simeoniz встрѣтилъ цыганъ на островѣ Критѣ; въ 1346 году цыгане подъ именемъ homines vageniti упоминаются на островѣ Корфу; въ Валахіи они упоминаются подъ 1387 г., и только въ 1417 г. мы встрѣчаемъ ихъ въ средней Европѣ. Здѣсь они появились сначала въ незначительномъ количествѣ толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ, подъ предводительствомъ вождей, которые величали себя графами и герцогами. За этой толпой цыганъ послѣдовалъ ихъ цѣлый рядъ, и цыгане все въ большемъ и большемъ количествѣ стали наполнять европейскія страны. Такъ, они проникли въ Италію, Германію, Францію, Испанію, Англію, Польшу, Литву, Швецію и Финляндію, а изъ Европы въ послѣднее время въ Америку и даже Австралію.

1844. *Franz Miklosich.* Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's. Wien. 1873. III, 7, 8. [4]) *Паткановъ*, 20.

[1]) Таковы напр.: присутствіе въ цыганск. языкѣ члена (*o*, *i*), чуждаго ново-индійскимъ нарѣчіямъ, а также языку азіатскихъ цыганъ, окончаніе нѣкоторыхъ именъ муж. рода на *os*, а также присутствіе множества греческихъ словъ (особенно числительныхъ) и проч. (Паткановъ).

Теперь все количество цыганъ можно исчислить въ 700—900 тысячъ человѣкъ.

Европейское населеніе приняло цыганъ сначала довольно благосклонно и отнеслось къ нимъ сочувственно, чему способствовали съ одной стороны грамота императора Сигизмунда, а съ другой тѣ разсказы, которые цыгане распространяли сами о себѣ. Разсказы эти очень сильно напоминаютъ собой распространенную въ Европѣ легенду о вѣчномъ жидѣ, такъ что нѣкоторые изслѣдователи и самую легенду считаютъ фабулой цыганскихъ разсказовъ. Когда же населеніе познакомилось со способами добыванія дневного пропитанія цыганами, то оно возопило противъ такого непріятнаго сообщества и обращалось къ правительствамъ съ просьбами избавить его отъ такихъ непрошеныхъ гостей. Къ несчастью для цыганъ былъ пущенъ слухъ, что цыгане шпіоны и соглядатаи, высланные турками въ Европу. И вотъ появляются повсемѣстно законы объ изгнаніи цыганъ. Въ 1580 г. былъ изданъ законъ, приказывающій бичевать каждаго цыгана, неповинующагося закону изгнанія. Цыгане въ западно-европейскихъ государствахъ стояли внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ: „убить цыгана выстрѣломъ изъ карабина—дѣло столь же законное, какъ убить волка или лисицу", говоритъ старинный афоризмъ Басковъ. Съ ними иногда обращались какъ съ дикими звѣрями; такъ, во время охоты при одномъ изъ небольшихъ нѣмецкихъ дворовъ, безъ всякаго стѣсненія убили выстрѣломъ цыганку и ребенка, котораго она кормила. Насколько тяжело было въ это время положеніе цыганъ, показываетъ тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ, особенно женщины, являлись сами къ властямъ съ просьбой прекратить ихъ жалкое существованіе.

Но всѣ жестокости были напрасны, и цыгане продолжали по прежнему перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Сильнымъ желаніемъ всѣхъ правительствъ было сдѣлать цыганъ осѣдлыми и при томъ земледѣльцами; это желаніе стало завѣтной мечтой правительствъ въ XVIII вѣкѣ, когда гуманныя идеи побудили европейскія правительства дѣйствовать болѣе умѣрен-

нымъ образомъ. Мѣры, принимаемыя для этого правительствами, часто примѣнялись такъ неумѣло и нераціонально, что очень рѣдко приводили къ желаемому результату, и цыганъ по сіе время остается почти такимъ, какимъ видѣлъ его въ XIV в. на о. Критѣ Simon Simeoniz. Въ XVIII ст., несмотря на то, что къ цыганамъ стали относиться немного мягче, все-таки положеніе ихъ было крайне тяжело, и законы относительно ихъ были бездушно жестоки. Напримѣръ, въ Венгріи у нихъ отнимали дѣтей, запрещали говорить на родномъ языкѣ и даже вступать въ бракъ между собой, а во Франціи даже въ началѣ XIX в. былъ совершенъ надъ ними цѣлый рядъ жестокостей. Въ настоящее время положеніе цыганъ въ западной Европѣ довольно сносно; хотя они и не вездѣ пользуются одинаковыми правами съ остальнымъ населеніемъ, но утѣшительно и то, что исключительные законы противъ нихъ уже перестали дѣйствовать (Паткановъ).

Въ Россію (по-цыгански: Šilelo temm—холодная страна) цыгане пришли двоякимъ путемъ: въ сѣверную часть изъ Польши, а въ южную прямымъ путемъ изъ Валахіи; по крайней мѣрѣ, въ языкѣ сѣверныхъ цыганъ мы встрѣчаемъ элементы греческаго, болгарскаго или сербскаго, румынскаго, венгерскаго, нѣмецкаго и наконецъ польскаго языковъ, а въ языкѣ южно-русскихъ цыганъ мы не встрѣчаемъ ни венгерскаго, ни нѣмецкаго, ни польскаго элементовъ (Миклошичъ).

Что касается цыганъ Малороссіи, то, вѣроятно, въ сѣверозападную ея часть они проникли изъ Польши, а въ юго-западную изъ Валахіи. Въ документахъ архива Малороссійской Коллегіи мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній на переселенія цыганъ изъ Польши [1]; въ XVI же в. и въ началѣ XVII в. выселенія ихъ изъ центральныхъ частей Польши къ окраинѣ, т. е. въ Малороссію, вѣроятно, были значительнѣе, чему могли способствовать декреты сейма объ изгнаніи цыганъ изъ Польши [2]). Появились цыгане въ Малороссіи, вѣроятно, въ началѣ

[1]) Харьк. Историч. Архивъ Малор. Коллегіи. №№ 422, 2412, 20262, 22920.

[2]) *Миклошичъ*, 30.

XVI в. [1]). Такъ, Руссовъ видѣлъ ихъ на Волыни въ 1501 г.; къ концу же XVI столѣтія они, должно быть, кочевали по всей Малороссіи. Въ документахъ малорусскихъ архивовъ прямыхъ указаній на время распространенія цыганъ по Малороссіи намъ не встрѣчалось, косвенныя же есть такого рода: въ 1750 г. цыгане въ поданномъ ими прошеніи между прочимъ писали: „за *прежде* бывшихъ въ Малой Россіи гетмановъ и за гетмана *Скоропадскаго* съ предковъ нашихъ и насъ цыганъ въ скарбъ войсковой окладу въ годъ брали по 120 руб. (Хар. Историч. Архивъ Мал. Кол. № 12706). На основаніи этого свидѣтельства безспорно можно предположить о существованіи цыганъ въ Малороссіи въ половинѣ XVII в. Въ малорусской Вертепной драмѣ, появленіе которой можно отнести къ концу XVI в., цыгану отведено не мало мѣста. („Кіев. Старина", 1882 г., октябрь, стр. 2—38). Цыгане упоминаются въ войскахъ Богдана Хмѣльницкаго („Богд. Хмѣльницкій", Костомарова).

Цыгане въ Малороссіи, какъ и вездѣ, представляли собой большею частью кочевой элементъ. Такъ, когда въ 1765 г. правительство собирало справки, то почти всѣ сотни донесли въ полковую черниговскую канцелярію, что цыганъ, имѣющихъ постоянное жительство, у нихъ нѣтъ, а бываютъ они только проѣздомъ на торгахъ и ярмаркахъ и иногда на зиму нанимаютъ себѣ квартиры у обывателей [2]). Но, кромѣ такихъ, были и осѣдлые; такъ, въ Понорницкой сотнѣ, въ томъ же 1765 г. было два цыгана, имѣвшихъ постоянное жительство и отбывавшихъ общенародныя повинности. Это мелочной фактъ, но что осѣдлыхъ цыганъ было сравнительно не малое количество, это можно подтвердить цѣлымъ рядомъ указаній; такъ, напримѣръ, за нѣкоторыхъ бродячихъ цыганъ ручались иногда ихъ же соплеменники: за Илью Босаченка ручается Петро Бычокъ (житель Роиской сотни) [3]), поручителемъ же могъ быть только осѣдлый. Затѣмъ, въ Батуринѣ мы встрѣчаемъ двѣ осѣдлыя цыганскія семьи: семью Ющен-

---

[1]) *Микл.*, ibid. [2]) Хар. Ист. Арх Мал. Кол. № 2404. [3]) Ibid. № 422.

ковыхъ [1]) и семью Миненковыхъ, впослѣдствіи породнившіяся; въ Ямпольской сотнѣ видимъ семью Янковскихъ [2]); наконецъ, значительное количество цыганъ жило осѣдло на владѣльческихъ земляхъ и было записано въ ревизскихъ сказкахъ отдѣльно отъ бродячихъ [3]).

Число цыганъ въ Малороссіи очень часто колебалось; если обстоятельства были благопріятны, то число ихъ увеличивалось: они прикочевывали изъ Великороссіи [4]), изъ слободскихъ полковъ [5]) или даже изъ Польши [6]); если же обстоятельства не благопріятствовали условіямъ ихъ жизни, то они откочевывали, чаще всего въ слободскіе полки, и число ихъ уменьшалось; такъ, крымскіе походы 1738 г. имѣли результатомъ уменьшеніе числа цыганъ, ибо военное положеніе края тяжелымъ бременемъ ложилось и на ихъ матеріальное состояніе [7]).

Цыгане внѣшнимъ образомъ принимаютъ религію народа, среди котораго имъ приходится кочевать, но внутренно они остаются вѣрны своимъ обычаямъ и суевѣріямъ. Цыгане въ Малороссіи уже въ XVIII в. были христіанскаго вѣроисповѣданія [8]), но принятіе его было, вѣроятно, простой формальностью. И теперь цыгане Польши и Россіи не придерживаются строго одной религіи и отличаются суевѣріемъ: не рѣдкость, напримѣръ, среди русскихъ бродячихъ цыганъ крещеніе одного и того же дитяти въ десяти мѣстахъ [9]); нѣтъ повода исключать отсюда малорусскихъ цыганъ, тѣмъ болѣе, что съ такимъ положеніемъ вещей сильно гармонируетъ мнѣніе народа: „Цыгане, якоі ты виры?“—„А тоби якоі треба?“ [10]) говоритъ про цыгана малороссъ. У литовскихъ цыганъ, близкихъ сосѣдей, а можетъ быть даже и кровныхъ родичей малорусскихъ цыганъ, господствовали, какъ видно, также древніе цыганскіе обычаи, на которые впослѣдствіи стали

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 2412. [2]) Ibid. № 2412 и 20950. [3]) Ibid. № 2412, 21393, 9336, 6899, 4938 и пр. [4]) Ibid. № 3452. [5]) Ibid № 2412. [6]) Ibid. № 2412, 422 и пр. [7]) Ibid. № 12706, 4921. [8]) Хар. Ист. Арх. М. Кол. № 6899, 4938 и пр. [9]) Новое Время 1886. № 3844. [10]) *Номисъ*. Украинскі прыказки, прысловья и таке инше. 1864 г., стр. 60, № 3016.

смотрѣть, какъ на суевѣріе. Литовское названіе цыганъ — baystrukos, т. е. незаконнорожденный (Миклош.), а извѣстно, что среди цыганъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, весь брачный ритуалъ состоитъ въ разбитіи кувшина: такой брачный союзъ, съ точки зрѣнія литовскаго народа, представлялся не болѣе, какъ простымъ сожительствомъ.

Имена малороссійскихъ цыганъ, встрѣчающіяся въ документахъ, почти всѣ христіанскія [1]). Фамиліи—малороссійскія или передѣланныя на малорусскій ладъ и оканчиваются большею частью на *енко* [2]); фамиліи цыганъ, вышедшихъ изъ Польши: Максимовичъ, Войцеховичъ, Янковскій [3]) и проч.; но попадаются фамиліи, которыя звучатъ совсѣмъ не по-малорусски, напр. Карафеца, Цинаро, Газунъ, Рохманянъ и т. п. [4]).

Кочевая жизнь цыганъ тѣсно связывала членовъ цыганской семьи, такъ что они рѣдко раздѣлялись. При главѣ семьи ютились всѣ младшіе ея члены; такъ, напримѣръ, въ 1746 г. изъ Польши отецъ Янковскаго переселился со всѣми своими родственниками въ числѣ восьми человѣкъ, т. е. вѣроятно цѣлымъ родомъ; въ 1740 г. Войцеховичъ переселился съ женой, дочерью и зятемъ. Въ документахъ мы имѣемъ перечень нѣкоторыхъ цыганскихъ семействъ, относящійся къ 1765 г.; онъ указываетъ на большой составъ семей по количеству и

---

1) Хар. Ист. Арх. М. Кол. № 422, 2404, 2412, 19539, 22920 и проч.

2) Федоренко, Клотченко, Партиненко, Гиренко, Батиренко, Харахаенко, Грабченко, Ващенко, Дѣтненко, Степаненко, Мазничка, Зерняченко, Свинченко, Мизянченко, Богдаленко, Дѣтній, Гриценко, Козорезенко, Золотаренко, Маковеченко, Бринзенко, Бѣлоусенко, Романовичъ, Хурсенко, Мурженко, Гуленко, Бабакъ, Валченко, Алексѣенко, Кириченко, Довгошій, Пинченко, Мащенко, Бабаченко, Ющенко, Миненокъ (-нко), Мина, Пѣвниченко, Бузенко, Заводскій, Киченко, Коваль, Сизій, Кобрикъ, Харченко, Дуденко, Мурченко, Михаленокъ, Козьменко, Юрченко, Чижикъ, Боженко, Вожаненко, Букачъ, Грабко, Вакуленко, Маяненко, Сѣдунъ, Козенко, Босаченко, Сосоенко (вм. Сысоенко?) и т. д. Фамилія Босаченко можетъ отчасти пояснить образованіе цыганскихъ фамилій: отецъ Босаченка прозывался Босакъ, сынъ его былъ записанъ Босакевичъ, а потомъ уже явились Босаченки. (Хар. Ист. Арх. М. К. № 422)

3) Хар. Ист. Арх. М. Кол. № 422, 2412. 4) Ibid. № 2412.

весьма разнообразный какъ по родственнымъ степенямъ, такъ и по возрасту ихъ членовъ [1]).

Тѣсная связь членовъ семьи не разрывалась даже и тогда, когда не было связывающаго звена, напримѣръ главы семьи, и когда каждый членъ семьи могъ бы жить отдѣльно. Такъ, братья Бабаченки живутъ „на единомъ хлѣбѣ, въ единомъ промыслѣ, вмѣстѣ, нерадзѣльно", по выраженію документа [2]); два брата Хурсенка представляютъ изъ себя одну семью: Дмитро Хурсенко—32 лѣтъ; жена его—29, сынъ—6 и другой—2, дочь-11 и другая—4; братъ его Михайло—22, съ женой—17 лѣтъ [3]).

Борьба съ неудобствами и невзгодами кочевой жизни связывала между собой не только членовъ одной семьи, но даже цѣлыя семьи. Доказательствомъ служитъ то обыкновенное явленіе, что цыгане кочевали таборами, т. е. нѣсколько семействъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и дѣлили между собою всѣ невзгоды кочевой жизни. Изъ Смоленской губ. въ Глуховъ Черниг. г. на ярмарку цыгане прикочевали нѣсколькими шатрами; въ другомъ случаѣ изъ Смоленской же губ. прикочевали нѣсколько шатровъ съ бурмистромъ Ивановымъ во главѣ [4]); изъ Малороссіи въ слободскій полкъ и изъ слободскихъ полковъ

---

[1]) *Первая семья.* Юско Богданенко — 60 лѣтъ, вдовъ; сыновья его: Леско—40 лѣтъ, Яковъ—30, дочь Офросинья—16; жена Леска Ульяна—35; сыны Лесковы: Василь—13, Грицко—9, Андрей—6, Степанъ — 4; дочери Лесковы: Анна—10, Мотря—5; жена Якова Варька—30; сынъ Якова Петро—4; *Вторая семья*: Иванъ Довгошій — 70; жена Анна - 60; внуки его: Павелъ Семеновъ Довгошій—15; внучка Евдокія—10, Горпина—7. *Третья семья*: Грицко Дѣтній—60 лѣтъ, жена Татьяна—70, сынъ его Кирикъ—40; жена Кирика Наталка- 38; дѣти Кирика: Федоръ—6, Павелъ—4, Лукьянъ—1, Евдокія—1. *Четвертая семья*: Микита Алексѣенко—40; жена его Устина—30; сыны: Леско—16, другой Леско—6; дочери: Ирина-10, Параскева — 2, тесть Микиты Омелько Кириченко — 70. *Пятая семья*: Кузьма Валченко — 30, жена его Татьяна—18, сынъ Федоръ—3. *Шестая семья*: Иванъ Пинченко-45, жена его Евдокія-30; сыны его: Иванъ—10, Иванъ-полгода; дочери: Агафья—15, Настя—9, Настя-4. *Седьмая*: Кузьма Мурженко—50, жена—45; сыну одному—19, другому—8; дочери одной—20, другой—6 лѣтъ. (Х. И. А. М. К., № 2404). [2]) Хар. Ист. А. М. К. № 7321. [3]) Ibid. № 2404. [4]) Ibid. № 3452.

въ Малороссію цыгане часто дѣлали перекочевки таборами и почти никогда одной семьей [1]).

Обыкновеннымъ жилищемъ цыганъ были шатры [2]); поэтому, напр., въ спискахъ, представленныхъ изъ Слабинской сотни, значится, что Козорѣзенко съ семьей живетъ однимъ шатромъ, Ѳедоръ Золотаренко съ семьей—однимъ шатромъ, Дмитрій Гуленко съ семьей—однимъ шатромъ, Андрей Бризенко съ семьей—однимъ шатромъ [3]). И какъ у осѣдлаго населенія изба или дымъ были извѣстной единицей, напримѣръ, для сбора подати, такъ у цыганъ такой единицей былъ шатеръ; такъ, напримѣръ, съ упомянутыхъ выше смоленскихъ цыганъ, прибывшихъ въ Глуховъ, взяли съ шатра по 2 рубля.

Пища цыганъ Малороссіи была, вѣроятно, такая же, какъ и пища туземнаго населенія [4]); по крайней мѣрѣ, въ Вертепной драмѣ всѣ названныя цыганомъ кушанья ничего не представляютъ отличнаго отъ произведеній малороссійской кухни. Свиное мясо пользовалось особымъ предпочтеніемъ, а сало составляло лакомство для цыгана: „ласый, якъ цыганъ на сало“ [5]), говоритъ народъ про цыгана; „якъ бы я бувъ царемъ, то сало бъ івъ, сало пывъ“ или: „якъ бы я бувъ царемъ, то вкравъ бы пудъ сала, та и втикъ бы [6])“—говоритъ цыганъ устами народа. Куреніе табаку среди цыганъ было очень распространено: „тату сала! мамо люльки!“ [7]) смѣется народъ надъ цыганами, увѣряя, что это послѣднія слова цыганенка передъ смертью. Спиртные напитки при праздной жизни цыганъ были не послѣднимъ удовольствіемъ въ ихъ обиходѣ [8]).

Въ матеріальномъ отношеніи среди цыганъ господствовало громадное разнообразіе: среди ихъ встрѣчались люди богатые,

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 2412, 13962, 17030, 22920 и т. д. [2]) *Маркевичъ*. Обычаи, повѣрья, кухня и напитки Малороссіянъ. Кіевъ, 1860 г., стр. 47, 49 (вертепная драма). *Номисъ*, стр. 21. Хар. Ист. Арх. М. К. № 13348. [3]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404. [4]) См. Малорусскія сказки, собранныя *Чубинскимъ* (Труды экспедиціи въ Западно-Русскій край, II т.), стр., 102, 121, 122, 123, 582. *Маркевичъ*, стр. 47, 48, 49. *Номисъ* и проч. [5]) *Номисъ*, стр. 98, № 5055. [6]) Ibid. стр. 242, № 12367. [7]) Ibid. стр. 21. [8]) Х. И. А. М. К. № 422.

зажиточные, посредственные и бѣдные, которые существовали милостынею; такъ, батуринскій цыганъ Василій Мина даетъ взаймы единовременно 200 руб., сумму по тому времени (1772 г.) довольно значительную, причемъ кромѣ этого онъ ссужаетъ еще и хлѣбомъ и т. п.[1]); цыганъ Павелъ Мащенко даетъ за своей дочерью въ приданое пару лошадей, два большихъ серебряныхъ кубка, изъ которыхъ за одинъ, по его словамъ, предлагали ему 25 руб., а другой онъ купилъ за 10 рублей, а къ этому было еще присоединено платье и прочіе женскіе уборы[2]). Въ документахъ мы имѣемъ подробное описаніе имущества нѣкоторыхъ цыганскихъ семействъ[3]). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ указывается только приблизительная цифра стоимости имущества, или же матеріальное состояніе характеризуется отвлеченнымъ терминомъ или описаніемъ образа жизни и занятій. Такъ, напримѣръ, два брата Хурсенка имѣютъ 6 лошадей и вещей рухомыхъ (движимыхъ)

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 4938. [2]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 7321.

[3]) Напримѣръ, имущество семьи Ивана Довгошія, состоявшей изъ пяти душъ, составляли: четыре лошади, два воза, четыре скрыни; содержимое въ скрыняхъ—платье: кунтушъ женскій, кармазинный, ношеный; кафтанъ турецкій, голевій, ношеный; кунтушъ мужескій, лисій, подъ сукномъ, блакитный, саетовый, ношеный; кунтушъ скамитный, красный, съ сѣткою сребною кругомъ по бокамъ, женскій, ношеный; кунтушъ кармазинный, съ шнуркомъ сребнымъ, мужскій, ношенний; шуба волчья подъ сукномъ, блакитная, ношеная; кунтушъ кармазинный, старый, женскій, на лисяхъ; вещи: коцъ (коверъ) пристриганій, уже старый; полумисковъ цинованныхъ шесть, кугнанъ (кувшинъ) циновій, кружка серебряная, вызолоченная, съ ручкой и крышкой; другая кружка, серебряная, вызолоченная, съ ручкой и крышкой; третья кружка серебряная, большая, гладкая, безъ позолоты, съ ручкой и крышкой; стаканъ большой столовый, съ крышкой и тремя гербами, серебряный; стаканъ серебряный, вызолоченный; стаканъ серебряный „подъ цапою", весь вызолоченый; меньшій стаканъ серебряный, рисованный, съ середины вызолоченый; чашка сребная штукованная около береговъ, вызолоченная; стаканъ на трехъ пукликахъ, съ квѣтами подъ цапою, вызолоченый; чашка на трехъ пукляхъ, съ двумя ручками, и къ ней крышка на трехъ пукляхъ серебряная, вызолоченная кругомъ; чашка большая, съ четырьмя пуклями, съ двумя ручками, вызолоченная; чашка съ одною ручкою серебряная; серебряный, позолоченный кугнанъ, боль-

всего рублей на сто; Кузьма Мурженко съ семьей въ 6 человѣкъ имѣетъ вещей рухомыхъ рублей на 20; Юско Богданенко съ сыновьями по документамъ числится имуществомъ средственнымъ; Кузьма Валченко и Грицко Дѣтній имуществомъ крайне „нищетные"; Микита Алексѣенко и Омелько Кириченко имуществомъ „средственные"; Моисей Гриценко ничѣмъ не занимается, питается милостыней, лѣтомъ живетъ по разнымъ мѣстамъ, а на зиму нанимаетъ квартиру [1]).

Промыселъ цыганъ и ихъ занятія были настолько спеціальны, что во всѣхъ документахъ мы встрѣчаемъ такія выраженія: „бавятся обыкновеннымъ цыганскимъ промысломъ", „бадаются (занимаются) обыкновеннымъ цыганскимъ промысломъ [2])". Одинъ изъ главныхъ промысловъ составляла торговля лошадьми; этому занятію цыгане предавались со всей страстностью своей натуры, особенно же любимымъ занятіемъ была мѣна лошадей [3]). Эта страсть цыганъ попала даже въ поговорку: „минджуе, якъ цыганъ киньмы", говоритъ малорусскій народъ [4]). Лошади, выводимыя цыганами для продажи, не были породисты: никакая породистая лошадь не въ состояніи вынести всѣхъ лишеній кочевой жизни; это были клячи, изнуренныя длинными переходами, исхудалыя отъ безкормицы; такая лошадь, по словамъ народа, „день бижитъ, а три дни лежитъ [5])", „пивкор-

---

шой, съ носкомъ и съ ручкой; три пояса сребныхъ, бляхованныхъ, подъ позолоткою, четвертый поясъ бляхованный, сребній, безъ позолоты; сѣделъ 2; полушубковъ 2.—Иванъ Пинченко (семья изъ семи человѣкъ) имѣетъ: два коня, два воза, двѣ скрыни; въ скрыняхъ—платье: кунтушей женскихъ четыре заживанныхъ: первый саетовый зеленый, второй саетовый гвоздиковый, третій кармазинный красный съ позументомъ золотымъ одноличнымъ, четвертый зеленый саетовый; кафтанъ мужскій грезетовый блакитный ношеный; „зайци" подъ китайкою гранатовою. ношеный; вещей: стаканъ большой, съ крышкою и съ тремя пуклями, серебряный, позлащенный, полумисковъ 2, тарелокъ цинованыхъ 2.

1) Хар. Ист. Арх. М. К. № 2404.

2) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2404. 3) *Маркевичъ*, стр. 47. Хар. Ист. Арх. М. К., № 7774, 2412 и проч.

4) *Номисъ*, стр. 207, № 10603. 5) Ibid. стр. 145, № 7543.

ця ззисть, а мирки не довезе“ [1]). Постоянное обращеніе съ лошадьми должно было научить цыганъ умѣнью ухаживать за ними и лѣчить ихъ, т. е. развить среди нихъ коновальскій промыселъ. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Малороссіи цыганъ коноваловъ: въ Черниговѣ живутъ цыгане Иванъ Бѣлоусенко да Никита Романовичъ, занимающіеся коновальскимъ промысломъ; въ сотнѣ Слабинской живетъ однимъ шатромъ цыганъ коновалъ Андрей Бринзенко [2]). Далѣе, однимъ изъ важныхъ промысловъ цыганъ былъ промыселъ кузнечный. На языкѣ народа прилагательныя „цыганскій“ и „ковальскій“ равносильны [3]); изъ живущихъ въ Слабинской сотнѣ пяти хозяевъ цыганъ четыре занимаются кузнечнымъ промысломъ [4]). Кромѣ этихъ занятій, у цыганъ была масса другихъ способовъ для пріисканія себѣ дневного пропитанія; таковы: ворожба или гаданье, заговариванье отъ разныхъ болѣзней [5]), отъ укушенія змѣй [6]); въ крайнемъ же случаѣ цыгане прибѣгали къ попрошайничеству [7]), и даже къ воровству [8]).

Къ земледѣлію цыгане всегда чувствовали отвращеніе, а потому имъ никогда и не занимались; такъ, когда въ слободскихъ полкахъ цыганамъ предложили земли въ Валуйскомъ уѣздѣ и въ Екатерининской провинціи, они всѣ отвѣчали, что земель имъ для хлѣбопашества не нужно [9]). И осѣдлые цыгане въ Малороссіи, какъ видно изъ документовъ [10]), никогда земледѣліемъ не занимались, а „бавились“ цыганскими промыслами, и были наравнѣ съ „лошадейными малороссійскими промышленниками“; такъ напримѣръ, Янковскій, будучи осѣдлымъ и платя общенародныя повинности, занимался тѣмъ, что скупалъ для казеннаго завода кобылицъ [11]).

Поэтому содержаніе и прокормленіе цыганскаго населенія

---

1) *Номисъ*, 199. № 10226. 2) Х. И. А. М. К. № 2404. 3) *Номисъ*, стр. 36, № 1858, стр. 113, № 5854. 4) Хар. Ист. Арх. М. К. № 2404, а также № 6899. 5) Хар. Ист. Арх. М. К., № 422. 6) *Маркевичъ*, стр. 52. 7) *Маркевичъ. Номисъ*, стр. 21. *Чубинскій*, стр. 583, Х. И. А. М. К. № 13962. 8) Хар. Арх. М. К., № 422. 9) Пол. Соб. Зак., т. XVII, № 12587. 10) Хар. Ист. Арх. М. К., № 4012 и пр. *Маркевичъ. Номисъ*, стр. 20. 11) Хар. Ист. Арх. М. К., № 20950.

всецѣло ложилось на туземное. Во всѣхъ занятіяхъ цыганъ немаловажную роль играли обманъ и надувательство; а очень часто процвѣтали и болѣе противозаконныя занятія, напримѣръ конокрадство [1]).

Лѣтомъ цыгане обыкновенно перекочевывали съ мѣста на мѣсто, вездѣ находя подножный кормъ для лошадей и посѣщая конныя ярмарки; зимой же они нанимали гдѣ-нибудь помѣщеніе для себя и для лошадей, платя за себя и за прокормъ лошадей извѣстную плату: такъ, Войцеховичъ и Босаченко за помѣщеніе и прокормъ платили въ сутки по денежкѣ съ лошади [2]). Но такъ какъ опредѣленныхъ занятій не было, а слѣдовательно и опредѣленныхъ доходовъ тоже не имѣлось, а за квартиру и за прокормъ лошадей платить было необходимо, то и приходилось прибѣгать очень часто къ нечестнымъ средствамъ [3]). Идетъ цыганка ворожить, заговаривать или лѣчить,—она идетъ не одна, а съ нею цѣлый таборъ, и въ то время, какъ она ворожитъ, а остальная ватага старается занять балагурствомъ хозяевъ, нѣкоторые изъ цыганъ высматриваютъ, гдѣ только можно, и стараются стянуть; такъ что съ появленіемъ цыганъ въ окрестности обыкновенно происходилъ цѣлый рядъ покражъ [4]). При такомъ положеніи дѣла народъ имѣлъ полное право сказать: „лихо, та не тихо: коло Махновки цыгане облегли [5])“.

Но всѣ способы добыванія цыганами дневного пропитанія представляли собой такой ничтожный и мелкій заработокъ, что цыганамъ большею частью приходилось съ трудомъ влачить свое жалкое прозябаніе. По воззрѣнію народа, жизнь

---

[1]) М. И. А. Х. К. № 12170. [2]) Ibid. № 422, 2404. [3]) Ibid. № 22809. [4]) Такъ, въ селѣ Рѣпкахъ цыгане во время зимовки въ нѣсколько недѣль совершили слѣдующія покражи: въ домѣ значковаго товарища Филимона Богдановича украли изъ незапертой коморы пять полтинъ; у вдовствующей сотничихи Бакуринской въ домѣ ея изъ незапертой скрыни—три рубля; у сына священника Леонтовича изъ кладовой деньги и вещи; у шинкаря Бакуринской — восемь руб.; у рудчанскаго жителя—семь рублей и рубашку. Покраденное цыгане обыкновенно дѣлили между собой. Хар. Ист. Арх. М. К., № 422. [5]) *Номисъ*, стр. 41, № 2008.

цыгана является вообще очень нищенской. Вотъ сценка изъ Вертепной драмы: молодой цыганъ, обращаясь къ отцу, говоритъ: „Иды, батько! маты казала вечерять“. Отецъ: „Ащо-жъ доброго вы тамъ наварылы?“ Сынъ: „Казала маты: ничого“. Отецъ: „А хлибъ же е?“ Сынъ: „Де-бъ то взявся? нема“. Отецъ: „Такъ дарма; я тутъ зъ людьмы добрымы погарцюю, а вы вечеряйте соби здоровы [1])“. А такія поговорки народа, какъ „цыгане будутъ сныцця (якъ хто, не вечерявши, спать лягае [2])“, или: „мисяць—цыганьске сонце [3])“—раскрываютъ передъ нами всю неприглядную картину цыганскаго житья.

Малорусское населеніе къ цыганамъ относится безъ всякой враждебности и ненависти. Правда, народъ хорошо понимаетъ непріязненное отношеніе къ нему цыганскаго населенія: „не приходыцця, говоритъ онъ, цыгана дядькомъ звать“ [4]), или: „такой ласки я и въ цыгана добуду [5])“; все же непріязненное чувство малоросса проявляется лишь въ осужденіи скитальнической жизни цыгана [6]) и въ юмористическомъ, добродушномъ подсмѣиваніи надъ нимъ [7]). Дѣло въ томъ, что цыганъ всегда ютился у простого народа; онъ не приставалъ къ высшимъ классамъ общества, какъ другіе иноземцы: „цыганъ тымъ не поганъ,—шутитъ народъ,—що зъ панамы ість“ [8]), и если цыганъ божился и клялся, а въ то же время нагло обманывалъ, то дѣлалъ это единственно съ цѣлью поддержанія своего жалкаго существованія. Кромѣ того, цыгану не мало помогало еще его умѣнье вездѣ приспособиться; такъ, напримѣръ, въ Малороссіи пища, костюмъ, религія цыганъ были таковы, какъ и у туземнаго населенія; все это должно было примирять малорусское населеніе съ цыганами.

Цыгане въ Россію появились въ XVI в.; законодательныя же мѣры относительно ихъ возникаютъ лишь въ XVIII в.: въ 1733 г. явился указъ, предписывающій весь сборъ съ сло-

---

[1]) *Маркевичъ*, стр. 47. [2]) *Номисъ*, стр. 221, № 11311. [3]) *Номисъ*, стр. 17, № 780. [4]) *Номисъ*, стр. 283, № 850. [5]) *Номисъ*, стр. 93, № 4769. [6]) „Якъ не маютъ доминъ, щобъ щастя не мали“. *Номисъ*, стр. 21. [7]) *Номисъ*. *Чубинскій*, Малорусскія сказки. *Маркевичъ*. [8]) *Номисъ*, стр. 23, № 1040.

бодскихъ цыганъ отдавать на канцелярскіе расходы въ учрежденныхъ пяти слободскихъ полкахъ [1]). Русское правительство своими законодательными мѣрами относительно цыганъ представляетъ рѣзкую противоположность другимъ европейскимъ правительствамъ. Въ то время, какъ повсемѣстно въ западной Европѣ издавались указы о полнѣйшемъ изгнаніи цыганъ, а населеніе обращалось съ ними безпощадно жестоко, въ Россіи мы видимъ совсѣмъ другое: никогда еще не былъ изданъ въ Россіи законъ объ изгнаніи цыганъ, и законодательство русское, по словамъ Юридическаго Обозрѣнія, останется навсегда извѣстно тѣмъ, что оно никогда не угнетало цыганъ преслѣдованіями, и лишь иногда нѣкоторыя мѣстности Россіи были закрыты для цыганскаго населенія [2]). Русское правительство почти никогда не выдѣляло цыганъ изъ общей массы населенія, но всегда старалось ихъ слить съ прочими обывателями и сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ; для этого оно затратило не мало средствъ, но результаты не оправдали тѣхъ затратъ, которыя были употреблены на цыганъ, и они продолжаютъ кочевать еще и теперь по всей Россіи, за исключеніемъ крымскихъ и небольшой группы московскихъ и петербургскихъ цыганъ [3]). Что касается малороссійскихъ цыганъ, то ихъ положеніе до конца XVII в., по всей вѣроятности, было сходно съ положеніемъ польскихъ цыганъ.

Въ Польшу цыгане явились, по предположенію Миклошича, во времена Владислава Ягелла; въ актахъ же они упоминаются въ первый разъ только подъ 1501 г., когда король Александръ выдалъ цыганскому войту Василію грамоту, которою дозволялось цыганамъ кочевать въ предѣлахъ Польши; лѣтъ же черезъ 50, именно въ 1557 г., послѣдовало постановленіе сейма объ изгнаніи цыганъ изъ Польши. Это постановленіе сеймъ подтверждалъ въ 1565, 1578, 1607 и наконецъ въ 1618 гг.; но при слабости властей, по словамъ Миклошича, и при сим-

[1]) Пол. Собр. Зак., т. IX, № 6430, ст. 157. [2]) Полн. Собр. Зак., т. XV, № 10981. [3]) *Патканов*. Новое Время 1886 г., № 3844. *Скальковскій*, Опытъ описанія Новороссійскаго края, стр. 317—320.

патіи народа къ цыганамъ, постановленія сейма не привели ни къ какимъ результатамъ, развѣ только къ тому, что можетъ быть усилили собой движеніе цыганъ къ окраинамъ Польши, т. е. въ Малороссію. Въ 1671 г. польское правительство попыталось сдѣлать цыганъ осѣдлыми и дало имъ административное устройство: они стали въ зависимость отъ избираемаго ими самими начальника, который носилъ титулъ короля. Король этотъ утверждался Польскимъ королемъ [1]). Институтъ цыганскаго короля уже не засталъ цыганъ лѣвобережной Украины, а коснулся только цыганъ правобережной. Воспоминаніе объ этомъ живетъ и теперь среди малорусскаго населенія Подоліи въ поговоркѣ: „Сывысь (сивый еси) якъ цыганскій король [2])". Русское правительство XVIII в. къ малороссійскимъ цыганамъ относилось крайне заботливо: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было возможно, оно старалось оградить цыганское населеніе отъ всякихъ обидъ и своеволій, напримѣръ, со стороны цыганскихъ атамановъ; съ откупщика взимался штрафъ за всякое съ его стороны насиліе надъ цыганскимъ населеніемъ [3]).

Цыгане лѣвобережной Украины раздѣлялись, какъ и малороссійскіе обыватели, на десять полковъ; во главѣ каждаго полка стоялъ цыганскій атаманъ [4]). Цыганскіе атаманы, во время существованія откупа цыганскаго сбора, назначались откупщикомъ, хотя вѣроятно и съ вѣдома правительства [5]); а по уничтоженіи откупа атаманъ, какъ представитель всего цыганскаго населенія, назначался Войсковой Генеральной Кан-

---

[1]) *Паткановъ*, 16. [2]) *Номисъ*, 165, № 8640. [3]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 22847 и пр.

[4]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 19539 и 2404. Нужно замѣтить, что дѣленіе цыганскаго населенія и назначеніе цыганскихъ атамановъ не всегда совпадало съ дѣленіемъ Малороссіи на полки. Такъ, въ 1751 г. упоминаются только 7 атамановъ: „бьютъ челомъ цыганскіе атаманы: Тимошъ Панченко, Пилипъ Козенко, Михайло Золотаренко, Леско Воронченко, Гаврило Панченко, Ничипоръ Федоренко, Петро Косяченко, со всѣми обще Малороссійскими и Волошскими цыганами". (Х. И. А. М. К., № 12706). [5]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412, 19539 и пр.

целяріей [1]), причемъ цыгане имѣли право просить о назначеніи того или другого лица атаманомъ, а этотъ атаманъ въ свою очередь назначалъ полковыхъ атамановъ. Къ цыганамъ малороссійскимъ въ XVIII в. причислялись еще и волошскіе цыгане, которые управлялись своими атаманами [2]).

На обязанности атамановъ было вѣдать подвластное имъ цыганское населеніе: во время существованія откупа они были обязаны собирать съ цыганъ оброкъ; если правительству надо было разыскать какого-нибудь цыгана, то оно относилось къ атаману, подъ вѣдомствомъ котораго находился поименованный цыганъ. Имѣли-ли атаманы въ своихъ рукахъ полицейскую и судебную власть во время существованія откуповъ цыганскаго оброка, трудно сказать за недостаткомъ матеріала; по уничтоженіи же откуповъ въ 1757 г. имъ было дано право суда и расправы между членами цыганскаго населенія, а также на обязанности атамановъ было удерживать цыганъ отъ „непристойностей" [3]).

По малороссійскимъ правамъ цыгане представляли собою классъ, стоящій ниже посполитыхъ простонародныхъ гражданъ. Такъ, за увѣчье, за нанесеніе раны и убійство цыгана взыскивалось въ половину противъ суммы за посполитыхъ, простонародныхъ [4]). За свои преступленія цыгане подвергаемы были суду и судимы наравнѣ съ малороссійскими обывате-

[1]) Хар. Ист. Арх. М. Кол., № 2412. [2]) Ibid. №№ 12706, 21976 и проч. Вотъ перечень цыганскихъ атамановъ 1739 г., при откупщикѣ Алексѣѣ Гречкѣ: въ Стародубскомъ полку—Алексѣй Мурженко, въ Черниговскомъ — Прокопъ Руденко, въ Нѣжинскомъ — Семенъ Пащенко, въ Кіевскомъ—Панко Москаленко, въ Гадяцкомъ—Иванъ Бадола, въ Лубенскомъ—Иванъ Федоренко, въ Прилуцкомъ—Кузьма Андрущенко, въ Полтавскомъ—Василь Пиченко, въ Миргородскомъ—Семенъ Руденко, въ Переяславскомъ—Иванъ Косякъ; волошскіе атаманы: Федоръ Волошинъ, Захвиръ Волошинъ. Въ 1751 г. упоминаются семь атамановъ, которые перечислены выш. (Х. И. А. М. К., № 19539, 12706). Терминомъ „волошскій" обозначалось, вѣроятно, происхожденіе цыганъ; это были выходцы изъ Молдавіи въ началѣ XVIII в.

[3]) Хар. И. Арх. М. Кол., № 12170. [4]) См. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, изд. подъ ред. проф. Кистяковскаго. Кіевъ, 1879 г., ст. 820.

лями. Въ 1757 г., 14 іюня, атаманомъ Разумовскимъ былъ данъ Ивану Ющенку, цыганскому атаману, откровенный ордеръ, по которому Ющенко, а также и назначенные отъ него полковые атаманы должны были, удерживая цыганъ отъ непристойностей, чинить между ними судъ и расправу; дѣла же, которыя могли бы возникнуть между цыганами и малороссійскими обывателями, должны были быть разсматриваемы въ обыкновенныхъ судныхъ мѣстахъ [1]).

Рядъ реформъ, произведенныхъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Малороссіи, не прошелъ безслѣдно для цыганскаго населенія. Въ 1765 г., 10 октября, русское правительство произвело коренную реформу въ административномъ управленіи цыганъ: должность атамановъ была упразднена, каждый же изъ цыганъ обязанъ былъ выбрать себѣ мѣсто для постояннаго жительства и поступить подъ вѣдомство сотенныхъ и полковыхъ правленій наравнѣ съ другими обывателями; если же кто желалъ, то могъ остаться за какимъ угодно ему владѣльцемъ, какъ вольный подданный. Если цыгану нужно было куда-нибудь выѣхать то онъ долженъ былъ взять паспортъ отъ сотеннаго или полковаго правленія, смотря по тому, какому онъ былъ подчиненъ, или отъ владѣльца съ точнымъ обозначеніемъ, кто онъ, откуда, куда и зачѣмъ отпущенъ и на какой срокъ; паспортъ могъ быть выданъ только одному лицу, но не цѣлой семьѣ [2]). Мотивами такой реформы правительство въ своемъ указѣ выставило слѣдующее: во-первыхъ, атаманы, пользуясь неопредѣленностью положенія и матеріальнаго состоянія цыганскаго населенія, часто притѣсняли его и дѣлали несправедливости; далѣе, подъ именемъ цыгана могли скрываться, по выраженію указа, самые подлые люди— воры и шпіоны; и наконецъ, послѣдній мотивъ былъ тотъ, что бродяжничество цыганъ служило соблазнительнымъ примѣромъ для малороссійскихъ родимцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тоже начали шататься, причиняя обществу непокой, а себѣ не принося никакой пользы. Правительство понимало

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412. [2]) Ibid. № 2404.

трудность исполненія этого указа и, боясь столкновенія властей съ цыганскимъ населеніемъ и злоупотребленія властью со стороны первыхъ, предписало: „постараться" сдѣлать изъ цыганъ обыкновенныхъ гражданъ, не употребляя при этомъ насилія, но дѣйствуя кротостью, словами и убѣжденіемъ. Цыгане заявили, что они поселятся, какъ постоянные жители, на такомъ-то мѣстѣ, а нѣкоторые даже и усѣлись было, но не надолго; такъ, часто случалось, что, взявъ паспортъ и отправившись на ярмарку, они не возвращались по цѣлымъ годамъ и перекочевывали по своему обыкновенію съ мѣста на мѣсто [1]).

Малороссійскіе цыгане платили въ Войсковой Малороссійскій Скарбъ извѣстный оброкъ. Сборъ этого оброка въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. былъ на откупу [2]), и въ это время цыгане, по собственному ихъ заявленію, платили по 120 руб. въ годъ [3]); на основаніи указа Петра Великаго отъ 1723 г. и инструкціи, данной малороссійскимъ подскарбіямъ (1729 г. 20 мая), сборъ съ малороссійскихъ и волошскихъ цыганъ продолжалъ отдаваться на откупъ по прежнему. Для этого въ концѣ года, въ которомъ кончался срокъ откупу, была троекратная публикація: объявлялось въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ и прочихъ надлежащихъ мѣстахъ, не пожелаетъ ли кто взять цыганскій сборъ на откупъ [4]). Всякій, кто пожелалъ бы, долженъ былъ подать заявленіе въ канцелярію малороссійскихъ сборовъ и явиться на торгъ; кто давалъ больше, за тѣмъ оставался откупъ. При отдачѣ откупа съ откупщикомъ заключался контрактъ. Откупная сумма вносилась откупщикомъ вся сполна по прошествіи каждаго года въ январѣ слѣдующаго; въ обезпеченіе же вѣрности платежа откупщикъ долженъ былъ представить поручителей „добрыхъ и пожиточныхъ". [5]) Отъ откупщика требовалось, чтобы онъ не обременялъ цыганскаго населенія излишними налогами, а бралъ съ нихъ столько, сколько слѣдовало по ихъ ремесламъ

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 3038, 13962. [2]) Ibid. № 21976. [3]) Ibid. № 12706 [4]) Ibid. №№ 4921, 2412 и пр. [5]) Ibid. № 2412.

для этого откупщику выдавался реестръ, въ которомъ было показано, сколько долженъ вносить извѣстный цыганъ [1]). Въ случаѣ неисполненія этого обязательства, откупщикъ платилъ штрафъ; но, не смотря на такое стараніе со стороны правительства оградить цыганское населеніе отъ своеволія и притѣсненія откупщика, своеволія эти почти всегда бывали: противъ каждаго откупщика слышались среди цыганъ жалобы на вымогательства [2]). Особенно въ этомъ случаѣ откупщики прибѣгали къ такому средству: они навязывали цыганамъ какую-нибудь свою вещь, требуя за нее гораздо дороже ея стоимости. Такъ, напримѣръ, откупщикъ Вятковскій, имѣя свой шинокъ, продавалъ цыганамъ водку по дорогой цѣнѣ и при этомъ заставлялъ ихъ брать водку именно въ его шинкѣ [3]); а откупщикъ Моисей Ющенко за накинутые Ѳедору Панченку „пука́лъ", а Грицку Панченку лохань вымогалъ съ нихъ 30 рублей, а съ цыгана Ивасенко 20 руб. за жупанъ. Атаманы, назначаемые откупщиками, обращались съ цыганами крайне жестоко. Такъ, полковые атаманы, назначенные атаманомъ Ющенкомъ, наносили цыганамъ „смертные раны топорами" и „причиняли бои и грабительства" [4]). Домъ откупщика освобождался отъ постоевъ и всякихъ повинностей [5]); откупщикъ и посылаемые имъ атаманы для сбора оброка освобождались отъ платежа на перевозахъ, мостахъ и гребляхъ.

Сначала XVIII в. цыгане платили по 120 руб. въ годъ; въ 30-хъ годахъ откупная сумма возросла до 400 рублей и увеличивалась постепенно; такъ что въ 1750 г., она равнялась 1150 р., а въ 1755 г., во время отмѣны откупа, 1424 рублямъ [6]). Откупная сумма взималась со всѣхъ цыганъ,

---

1) Хар. Ист. Арх. М. К., № 19539. 2) Ibid. № 2412, 11097, 22847, 12706, 9336 и проч. 3) Ibid., № 2412. 4) Ibid. № 21530. 5) Ibid. № 2412, 19539, 20445. 6) Въ архивѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ вопросу объ откупахъ цыганскаго сбора. Въ 1731-мъ г. цыганскій сборъ былъ отданъ съ торговъ цыганскому атаману Михайлу Ющенку впредь на три года, т. е. 1732—34 гг., съ платой въ годъ по 392 руб. 70 коп. Въ 1734 году на торги явились: крестьянинъ князя Барятинскаго и тотъже Михайло Ющенко; но по 22 пункту Коммерцъ-Коллежскаго регламента

„бавившихся цыганскимъ промысломъ"; каждый цыганъ вносилъ, вѣроятно, соразмѣрно своему заработку и имуществу. По реестру, данному въ 1739 г. Алексѣю Гречкѣ, съ Михаила Ющенка слѣдовало взять 18 рублей въ годъ; изъ реестровъ не уплатившихъ цыганъ, представленныхъ откупщиками Ющенкомъ въ 1750 г. и Вятковскимъ въ 1753 г., видно, что размѣръ взносовъ съ разныхъ цыганъ простирался отъ 50 к. до 10 руб. и болѣе въ годъ [1]).

Цыгане, внося въ Малороссійскій Скарбъ оброкъ, были свободны отъ платы „ярмарковаго" сбора, но въ нѣкоторыхъ сотняхъ Миргородскаго и Нѣжинскаго полковъ они обязаны были платить и „ярмарковое"; такъ, въ Городиской и Бирзенской сотняхъ на ярмаркахъ платили цыгане по 20 коп. съ человѣка, а въ сотняхъ Глуховской и Кролевецкой они платили отъ гурту, смотря по договору, по 3, по 5, и по 6 руб. [2]). Цыгане очень часто уклонялись отъ платежа сбора: когда

крестьянину было отказано, и откупъ снова пришлось отдать за ту-же сумму впредь на три года. Въ 1737 г. состоялись снова торги и откупной сборъ былъ отданъ впредь на три года съ платой по 526 руб. въ годъ Глуховскому жителю Алексѣю Гречкѣ. Съ 1741 г. откупной сборъ держалъ три года глуховскій житель Иванъ Манзя за 860 руб. въ годъ. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг. появляются прошенія цыганъ объ уменьшеніи откупной суммы, ибо, какъ заявляли они, число цыганъ уменьшилось и сами они крайне обѣднѣли, благодаря неурожайнымъ годамъ и падежу скота, и Моисей Ющенко, державшій въ это время откупъ уже по 1150 руб. въ годъ, отказался держать его за ту-же самую сумму. Просьба цыганъ не была уважена; но такъ какъ никто не явился на торги, то откупъ на 1751 г. былъ отданъ за ту-же самую сумму Василію Миненку и Ивану Моисеенку, которыхъ выбрали сами цыгане. На 1752—54 гг. откупъ цыганскихъ сборовъ былъ отданъ нѣжинскому значковому товарищу Ивану Вятковскому за 1404 руб. въ годъ, но Вятковскій въ 1754 году умеръ, и сборъ съ цыганъ на 1755 г. перешелъ къ цыганскому атаману Ивану Ющенку съ платой по 1424 рубля. Въ силу именного указа 1755 г. (2 апрѣля), которымъ отмѣнялся сборъ въ Войсковой Малороссійскій Скарбъ, былъ „отрѣшенъ" и сборъ съ цыганъ. Хар. Ист. Арх. М. К., №№ 2412, 20950, 19539, 12706, 21976, 6127, 5919, 4921, 7774.

1) Х. И. А. М. К., № 20950 и 2412. 2) Ibid. № 2412

приходилъ срокъ платежа, то они уходили въ слободскіе полки или прибѣгали къ протекціи; особенно послѣднее было сильно распространено, такъ что для пресѣченія этого былъ данъ откупщику Вятковсковму 1753 г., 10 сент., отъ гетмана ордеръ, которымъ запрещалось брать цыганъ подъ протекцію [1]). Тѣ цыгане, крторые отбывали общенародныя повинности, платили порціонныя и раціонныя на консистентовъ и по ревизіи были помѣщены въ статьѣ нищетныхъ, были свободны отъ платы откупщику.

Въ 1755 г. въ силу именного указа, которымъ отмѣнялся сборъ въ Войсковой Малороссійскій Скарбъ, былъ отмѣненъ сборъ и съ цыганъ, и до 1765 г. каждый цыганъ-хозяинъ обязанъ былъ вносить только въ пользу полковыхъ цыганскихъ атамановъ по 20 коп.[2]). Жившіе же на владѣльческихъ земляхъ цыгане, а также отбывавшіе общенародныя повинности остались на прежнихъ основаніяхъ [3]).

По уничтоженіи откупа Иванъ Ющенко просилъ о назначеніи его атаманомъ всего цыганскаго населенія, представляя въ своемъ прошеніи тотъ мотивъ, что ему нужно собрать съ цыганъ недоимки за первую треть 1755 г. Просьба была уважена, и Ющенко получилъ атаманство съ правомъ назначать полковыхъ цыганскихъ атамановъ, а также чинить судъ и расправу надъ цыганами [4]).

Въ 1756 г. батуринскій житель, цыганъ Василь Миненко, подалъ въ Генеральную Канцелярію заявленіе, что откупъ

---

[1]) Х. И. А. М. К. № 2412. [2]) Ibid. № 2404. [3]) Такъ, изъ списковъ 1765 года видно, что Иванъ Бѣлоусенко, живя въ Черниговѣ своимъ дворомъ, платитъ въ магистратъ Черниговскій 50 коп., кромѣ 20-копеечнаго сбора въ пользу атамановъ; въ Понорницкой сотнѣ 2 цыгана, имѣвшіе постоянное жительство и отбывавшіе общенародныя повинности, въ казну Ея Величества вносили: Дмитро Хурсенко по 2 руб, а Кузьма Мурженко по 16 коп. въ годъ; далѣе, три цыгана (Богданенко, Дѣтній и Алексѣевъ) показали, что уже восьмой годъ находятся подъ вѣдомствомъ бунчуковаго товарища Лисенка и платятъ ему: первый по 5 руб., второй по 3 руб. и третій по 2 рубля, съ правомъ свободы отъ отбыванія барщины. Х. И. А. М. К. 2404. [4]) Х И. А. М. К. № 2412.

цыганскаго сбора въ слободскихъ полкахъ находится въ его рукахъ, и такъ какъ цыгане Малороссіи ничего не платятъ, то цыгане изъ слободскихъ полковъ предъ началомъ платежа уходятъ въ Малороссію и уклоняются отъ платы оброка; поэтому онъ, Миненко, просилъ назначить его товарищемъ Ющенка, тѣмъ болѣе, что онъ еще и родственникъ (тесть) Ющенка. Просьба Миненка была уважена. И вотъ явилось нѣчто въ родѣ двоевластія въ цыганскомъ атаманствѣ [1]).

Миръ и согласіе между атаманами продолжались не долго; скоро они не поладили между собой. Миненко отмѣнилъ атамановъ, назначенныхъ Ющенкомъ, безъ вѣдома послѣдняго, не потребовавъ отъ нихъ отчета въ недоимочныхъ сборахъ, которые они обязаны были собрать съ цыганъ; поэтому Ющенко просилъ ордера изъ Генеральной Канцеляріи о запрещеніи Миненку поступать въ другой разъ безъ вѣдома Ющенка, на что и былъ выданъ ему ордеръ. Миненко, вѣроятно, мстя своему зятю, подалъ на него прошеніе, въ которомъ доносилъ, что Ющенко чинитъ цыганамъ „здирства и озлобленіе". Явилось 14 человѣкъ, которые показали на Ющенка искъ въ размѣрѣ 356 руб. И какъ прежде полковые цыганскіе атаманы просили, чтобы Ющенко былъ ихъ атаманомъ до самой смерти, такъ теперь они, благодаря, должно быть, проискамъ Миненка, просятъ объ отрѣшеніи Ющенка отъ должности. Миненко достигъ своего: Иванъ Ющенко былъ отрѣшенъ, а цыганскимъ атаманомъ въ 1763 г. былъ назначенъ Василій Миненко (или Миненокъ [2]).

Въ 1765 году, 10 октября, цыганскіе атаманы были отмѣнены, и цыгане были поставлены въ зависимость отъ сотенныхъ и полковыхъ правленій и сравнены съ прочими обывателями.

Таковы важнѣйшія данныя о цыганахъ въ Малороссіи, заключающіяся въ архивныхъ документахъ Малороссійской Коллегіи въ Харьковѣ.

М. Плохинскій.

---

[1]) Хар. Ист. Арх. М. К., № 2412. [2]) Ibid. № 2412.

ОЧЕРКЪ БЫТА НИЩИХЪ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ И ИХЪ УСЛОВНЫЙ ЯЗЫКЪ („ЛЮВЕЦКІЙ ЛЕМЕНТЪ").

I.

Нищіе въ Могилевской губерніи носятъ, по уѣздамъ, названія *старцовъ, калѣкъ, слѣпцовъ, нищихъ*. Сами себя они называютъ *любками*, откуда и терминъ—*любецкій* лементъ (языкъ).

Къ чести бѣлоруссовъ, нищенство не является у нихъ промысломъ. Изъ множества нищихъ, съ которыми мнѣ приходилось вступать въ сношенія, я встрѣтилъ весьма немногихъ тунеядцевъ, способныхъ къ труду, но избравшихъ своей профессіей нищенство [1]); всѣ же остальные страдали физическими недостатками, дѣлавшими субъекта неспособнымъ къ труду, и чаще всего слѣпотою—слѣдствіемъ тяжелаго непосильнаго труда, лѣченія у знахарей и непривитія оспы.

По наружности своей и по способу собиранія подаяній, нищіе представляютъ нѣсколько типовъ.

Старообрядческіе нищіе наиболѣе скромны снаружи. За немногими исключеніями, они сумки для сбора подаяній носятъ подъ платьемъ—подъ „казачиной", „андеркой", - и надо близко знать народную жизнь, чтобы въ молчаливомъ снятіи такимъ нищимъ шапки при встрѣчѣ усмотрѣть просьбу о подаяніи. Придя въ домъ, такіе нищіе также не многословятъ. Обычная молитва ихъ: „Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй

---

[1]) *Кубраки*, Мстислав. уѣзда, собирающіе подаянія якобы на постройку храмовъ и городскіе нищіе въ мой очеркъ не входятъ.

насъ. Милостинку Христа-ради!" И по полученіи подаянія: „спасихъ Христосъ!" Ходятъ всегда поодиночкѣ, рѣдко по два. Духовные стихи свои старообрядцы распѣваютъ, какъ извѣстно, въ бесѣдахъ. Образцы ихъ даются мною въ V выпускѣ моего Бѣлорусскаго Сборника.

Прямо противоположенъ первому другой типъ. Это грязные оборванцы обоего пола, люди случайно выбитые изъ колеи сельской жизни: бывшіе дворовые, отставные солдаты „миколаевскіе", бобыли, обнищавшіе причетники и ихъ дѣти и т. п. Нищіе этой категоріи, по большей части люди нравственно испорченные, ютятся въ городахъ и только изрѣдка появляются въ селахъ, на кирмашахъ (ярмарки на храмовыхъ праздникахъ), и потому говорить о нихъ я не буду.

Своеобразенъ типъ нищихъ-католиковъ въ Могилевскомъ и Сѣнненскомъ уѣздахъ. Живутъ они отчужденно, въ кляшторахъ и костельныхъ богодѣльняхъ, и подаяніе собираютъ въ притворѣ костела, громко распѣвая польскіе кантычки съ утра и до окончанія мессы. Одѣваются они большею частью въ платье темныхъ цвѣтовъ; сумку надѣваютъ неохотно, привыкши получать отъ пановъ денежныя подаянія; по домамъ ходятъ въ крайней нуждѣ. Бывши еще недавно фанатиками, эти нищіе въ послѣднее время встрѣчаются и у дверей церкви, гдѣ просятъ милостыню наравнѣ съ православными; заходятъ за подаяніемъ и въ дома православныхъ и даже священниковъ, распѣвая однакоже только польскіе стихи.

Довольно часто встрѣчаются нищіе-юродивые, наиболѣе яркимъ типомъ которыхъ служатъ идіоты, ходящіе круглый годъ босикомъ и въ длинной сорочкѣ. Юродивые пользуются большимъ уваженіемъ въ глазахъ народа, можетъ быть благодаря своему крайне-суровому образу жизни и своей нестяжательности. Извѣстно, что эти „божіе люди" тотчасъ же раздаютъ другимъ нищимъ данныя имъ „копеечки" и платье. Какъ бы то ни было, но посѣщеніе юродивымъ дома бѣлоруссъ считаетъ чуть не особою милостью Божьей и всячески старается удержать его у себя подольше, уступая ему теплый уголъ на печкѣ, мѣняя и перемывая бѣлье и т. п.

Въ южныхъ и восточныхъ уѣздахъ наиболѣе распространенъ типъ нищихъ-пѣвцовъ. О нихъ то по преимуществу и будетъ моя рѣчь.

Одѣтые въ бѣлыя свитки, въ лаптяхъ съ бѣлыми онучами, въ бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ-магеркахъ, съ бѣлыми же торбами по обоимъ бокамъ и на спинѣ, съ трехъ-аршинными орѣховыми или грушевыми кіями въ рукахъ, — эти нищіе являются наиболѣе типическими представителями бѣлорусскихъ старцо̂въ и наиболѣе приближаются къ типу древнихъ *калѣкъ-перехожихъ* (говорю по народному).

Почти всѣ они—слѣпы, и потому пользуются услугами особыхъ „поводырей"-мальчиковъ, 8--15 лѣтъ, рѣдко дѣвочекъ. Поводыри нанимаются обыкновенно у крестьянъ-бѣдняковъ на болѣе или менѣе продолжительное время, иногда до 5 лѣтъ, на точно опредѣленныхъ условіяхъ, въ крестьянскомъ быту довольно выгодныхъ. Старецъ не только кормитъ и одѣваетъ поводыря, но вноситъ родителямъ его и денежную плату, отъ 3 до 8 руб. въ годъ, смотря по возрасту.

Положеніе мальчишекъ у старцовъ, за рѣдкими исключеніями, неприглядно, и весьма нерѣдко въ осеннюю слякоть и зимнюю стужу можно видѣть, какъ они плачутъ на дорогахъ, частью отъ холода, частью отъ кія старецкаго, который, къ слову сказать, пускается въ ходъ очень часто. Болѣе возрастные поводыри мстятъ въ такихъ случаяхъ: бросаютъ старцовъ на дорогѣ на произволъ судьбы и сами уходятъ домой, или подводятъ ихъ къ канавѣ, ручью, болоту, куда старецъ неминуемо падаетъ, или неправильно опредѣляютъ высоту воротъ, дверей—и старецъ разбиваетъ голову и т. п. Объ этихъ отношеніяхъ поводырей къ старцамъ существуетъ множество анекдотовъ, и даже установилась поговорка: „кургéцъ [1]) на кіéцъ!" отъ которой старцы приходятъ въ неописанную ярость. Но такъ мстятъ только поводыри опытные; новички же и малолѣтки совершенно беззащитны, тѣмъ болѣе, что экзекуціи

[1]) Кургéцъ—яма, ровъ (см. словарь, стр. 128).

совершаются старцами вдали отъ жилья. Вообще угроза отдать въ поводыри не мало облегчаетъ родителямъ управленіе упрямыми или шаловливыми дѣтьми, и равняется въ этомъ случаѣ угрозѣ—отдать въ подпаски.

Иногда, въ видахъ экономіи, нѣсколько старцовъ нанимаютъ общаго поводыря и тогда ходятъ „плетенкой“ отъ трехъ до пяти человѣкъ обоего пола, гуськомъ, положивъ руку на плечо идущему впереди. Раіонъ хожденія такой плетенки громаденъ и часто выходитъ за границы не только уѣзда, но и губерніи. Этимъ и объясняется, почему старцы надѣваютъ три торбы. Одна скоро переполнилась бы; продавать же подаяніе тамъ, гдѣ оно собрано, для старца неудобно. Если онъ дѣлаетъ это, то только въ городѣ. Обыкновенно же изъ подаяній—пенька, ленъ, холстъ, яйца продаются; блины, баранки, паляницы съѣдаются (если нигдѣ не придется поѣсть варева); хлѣбъ же, картофель, горохъ, фасоль—приносится домой. Здѣсь имъ кормится семья старца. Бываютъ впрочемъ случаи, что нищій имѣетъ земельный надѣлъ, и его дѣти ведутъ хозяйство. Въ такомъ случаѣ собранные куски идутъ на кормъ скоту. Но разъ узнаютъ объ этомъ окрестные жители, подаянія такому старцу они уже больше не дадутъ, и если онъ по привычкѣ ходитъ „по кускахъ“, то только вдали отъ своего селенія.

Кромѣ урочнаго хожденія по окрестностямъ, нищіе считаютъ долгомъ непремѣнно посѣщать ярмарки и кирмаши. Изъ послѣднихъ въ ихъ глазахъ особою славою пользуются: Полыковицкій и Бѣлыницкій—въ Могилевскомъ уѣздѣ, Любавицкій и Кутеинскій—въ Оршанскомъ, Барколабовскій—въ Быховскомъ, Скитковскій—въ Гомельскомъ, Хвощевскій—въ Горецкомъ и Пустынскій — въ Мстиславльскомъ. Каждый нищій считаетъ также непремѣннымъ долгомъ побывать въ Кіевѣ, куда они обязаны итти пѣшкомъ, и только на обратномъ пути могутъ ѣхать на пароходѣ (по Днѣпру и Сожу). Многіе бываютъ въ Смоленскѣ, въ Минской губерніи, и въ монастыряхъ Черниговской и Орловской губерніи, въ которой особою славою пользуются Бѣлые-Берега. Нѣсколько слѣпцовъ было

и въ Почаевѣ; но у преп. Сергія былъ только одинъ изъ числа встрѣченныхъ мною.

При многихъ церквахъ существуютъ избушки, въ которыхъ имѣютъ пребываніе нищіе прихода. Насколько мнѣ удалось прослѣдить, нищіе въ этихъ „богадѣльняхъ“ живутъ или на артельномъ началѣ или особнякомъ. Въ обоихъ случаяхъ жизнь нищаго въ богадѣльнѣ тяжела, сопряжена съ лишеніями и непріятностями моральнаго свойства вслѣдствіе зависти, вѣчныхъ ссоръ, нѣкоторой регламентаціи времени, подчиненности мѣстному причту и т. п. Совмѣстная жизнь нищихъ обоего пола также способствуетъ развитію разврата. По этимъ причинамъ въ богадѣльню идутъ или совершенно безпріютные люди или начинающіе нищіе, послѣдніе—съ цѣлью научиться пѣнію „псáльмовъ“, послѣ чего оставляютъ богадѣльню. Въ послѣднемъ отношеніи на всю губернію славится богадѣльня Чаусская, дающая своимъ обитателямъ знаніе не только псальмовъ, но и церковныхъ службъ—молебновъ, акаѳистовъ, панихидъ и т. п.

Кромѣ богадѣленъ, для изученія псальмовъ существуютъ еще особые „майстры“—тоже слѣпцы. Къ нимъ начинающіе нищіе идутъ охотнѣе въ выучку, нежели въ богадѣльни. Курсъ ученія здѣсь продолжается обыкновенно годъ, и никогда не болѣе двухъ. Ученіе идетъ большею частью съ голоса, по напѣву; „словесная“ наука допускается только для объясненій непонятныхъ словъ, чтò совершенно естественно, такъ какъ и сами майстры, по моимъ наблюденіямъ, затрудняются пересказать наизусть тотъ или другой стихъ, а поютъ его свободно. Плата майстру простирается отъ одного до трехъ рублей, на собственномъ содержаніи, и при условіи выполненія домашнихъ и полевыхъ работъ у майстра. Плата вносится всегда впередъ. По окончаніи выучки ученикъ кромѣ того обязанъ на свой счетъ возможно лучше угостить майстра, а затѣмъ при встрѣчахъ обязанъ подносить ему сошку водки и булку.

Учить псальмы заставляетъ нищихъ спросъ на нихъ въ народѣ, который отличаетъ хорошихъ пѣвцовъ отъ „простыхъ“

старцовъ. Интересъ къ духовнымъ стихамъ не ослабѣваетъ, но усиливается. Въ 1886 г. напр. мнѣ пришлось записать нѣсколько стиховъ на пароходѣ, на Сожѣ, гдѣ партія неграмотныхъ бѣлоруссовъ Гомельскаго уѣзда, не старцовъ, пѣла ихъ на палубѣ.

Лучшія старецкія школы находятся въ д. Жеребнѣ, Гом. у., въ м. Городцѣ и с. Залѣсьѣ—Рогачев. у., въ Хотовѣжѣ—Климовицк. у., въ д. Пневѣ—Могилев. и въ Павловской волости Могилев. уѣзда.

Я не былъ бы правдивымъ бытописателемъ, если бы опустилъ извѣстный фактъ уклоненія крестьянъ отъ приглашенія духовенства къ совершенію панихидъ въ дни поминовеній, молебновъ по различнымъ случаямъ, акаѳистовъ, благословенія скота 23 апрѣля и т. п., причемъ для совершенія этихъ моленій приглашаются, за весьма небольшое вознагражденіе, нищіе. Говорить о причинахъ этого явленія излишне, такъ какъ онѣ всѣмъ извѣстны, и обвинять за это крестьянъ и нищихъ — какъ это нѣкоторыми дѣлается — конечно, нѣтъ основаній. Этими же причинами вызвано пѣніе нищими „жалобныхъ" стиховъ—наиболѣе любимыхъ и весьма распространенныхъ—надъ покойниками, вмѣсто чтенія псалтири, и при погребеніи въ отсутствіи причта. (См. Опытъ опис. Могил. губ. *Дембовецкаго*, т. I, 693).

Въ самое послѣднее время начало входить въ употребленіе пѣніе псальмовъ подъ аккомпаниментъ малороссійской кобзы—*люры*, въ особенности въ Митиславльскомъ, Чериковскомъ и Климовицкомъ уѣздахъ. Но старики противятся этому нововведенію, и люры распространяются туго.

Пѣніе идетъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Еще въ сѣняхъ, отворяя дверь избы, старцы запѣваютъ очередную псальму [1]), стараясь пѣть громче. Если въ избѣ находится спящій ребенокъ или больной, то хозяева прерываютъ ихъ, спѣша дать подаяніе. Въ противномъ случаѣ нищіе строятся въ рядъ у порога, надѣваютъ шапки на кіи и продолжаютъ

---

1) См. в. V Бѣл. Сборн.

псальму, распѣвая ее обыкновенно въ одинъ голосъ. По окончаніи пѣнія, старшій въ плетенкѣ привѣтствуетъ хозяевъ: „Жалаемъ добраго здоровья хозяину, хозяйцы зъ дѣтками! Проздравляемъ съ святымъ понядѣлкомъ (съ постомъ зъ вяликимъ, съ празьничкомъ Христовымъ, съ святымъ Покровомъ и т. п.)". Затѣмъ принимается подаяніе и выпрашивается „ложечка борщику сербануть, яечко, бульбочка" (картофель) и т. п. Потомъ ведется бесѣда о текущихъ новостяхъ околотка и за ней поются молитвы: *Отче нашъ, Богородице, Ісусе, сыне Божій;* а по окончаніи ихъ старшій начинаетъ благодарить: „Спаси Господи, помилуй, за даръ божій, за милость вашу божію! Спасибо вамъ! Прощавайте!" Если же при подачѣ „милостинки" будетъ заявлена просьба помолиться за упокой, за здоровье, за солдатское здоровье, за ста́токъ (скотъ), за нивку и т. д., тогда къ вышеперечисленнымъ молитвамъ присоединяются соотвѣтствующіе стихи-молитвы. Заупокойная молитва оканчивается пожеланіемъ: „Вѣшный покой душамъ правоставшимъ, а живущимъ штобъ було за што поминать!" По особому же заказу поются и стихи базарные.

Отказы въ милостынѣ, въ общемъ, бываютъ рѣдко и вызываются необходимостью. Въ такихъ случаяхъ хозяева высылаютъ одного изъ младшихъ членовъ семьи на дворъ, на встрѣчу старцамъ, и тотъ долженъ сказать: „Богъ дастъ! нема никого дома!"

Кромѣ своего, такъ сказать, репертуара спеціальнаго, многіе нищіе, благодаря необыкновенному развитію памяти, знаютъ множество произведеній народной словесности, въ особенности сказокъ, и любознательный этнографъ можетъ собрать отъ нихъ весьма богатый матеріалъ, если сумѣетъ, разумѣется, побѣдить въ нихъ недовѣрчивость, развитую въ высшей степени. Со мною, напр., былъ такой случай въ началѣ моей этнографической дѣятельности. Пригласилъ я майстра пересказать мнѣ свои стихи, за плату, опредѣленную самимъ майстромъ. Два сеанса прошли благополучно; но затѣмъ нищій не явился. Зная деревню, въ которой онъ проживалъ, я направилъ къ нему нашего общаго знакомаго —

крестьянина, узнать о причинѣ неявки. Старецъ, оказывается, на отрѣзъ отказался отъ дальнѣйшихъ пересказовъ — изъ боязни, что я „отобью у него хлѣбъ"!...

Что касается нравственной физіономіи нищей братіи, то въ большинствѣ случаевъ она, къ сожалѣнію, не привлекательна. Къ общеизвѣстной нищенской жадности, строптивости и озлобленности, вызываемой, можетъ быть, постоянно испытываемыми всевозможными лишеніями, и потому болѣе или менѣе извинительной,—въ послѣднее время присоединились и такія нежелательныя черты, какъ крайняя наглость, доходящая до отрицанія всякихъ авторитетовъ, пьянство на счетъ подаяній, и какъ слѣдствія его—воровство и развратъ, поддерживаемый участіемъ въ плетенкѣ нищихъ обоего пола. Мнѣ, напр., встрѣчались субъекты, имѣвшіе одновременно трехъ женъ. Напомню и сообщеніе № 75 Вит. Губ. Вѣд. 1890 г., констатировавшее сожительство нищаго съ своею 13-лѣтнею падчерицею.

Неудивительно, что, когда былъ возбужденъ вопросъ о призрѣніи сельскими обществами своихъ нищихъ, въ видахъ прекращенія ихъ хожденія, послѣдніе яростно возстали противъ этого. Мнѣ при экскурсіяхъ не разъ приходилось слышать отъ нищихъ угрозы, что въ случаѣ осуществленія этой мѣры они будутъ жестоко мстить: „Мы-де злы! Тиснуть насъ, и мы никому спуску не дадимъ! Будемъ палить, зъ *засапожниками* (ножами) пойдемъ! Усё одно пропадать: хоть такъ, хоть такъ—смерть!"

Упадокъ нравственности въ средѣ нищихъ объясняется какъ общимъ измѣненіемъ нравовъ въ деревнѣ, такъ отчасти и послѣдовавшимъ лѣтъ 10 — 15 назадъ упраздненіемъ старецкаго самоуправленія, шедшаго изъ глубокой старины вмѣстѣ съ старецкимъ языкомъ. Правда, существуетъ теперь институтъ старецкихъ старостъ, избираемыхъ по одному, по два на уѣздъ, ихъ помощниковъ—сотскихъ, и старецкихъ судей; но власть ихъ, прежде почти безграничная, въ настоящее время признается уже не всѣми старцами, и нерѣдки случаи, что виновный, наказанный розгами (исключительно)

по приговору своего *паночча*, возбуждаетъ противъ него преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ.

При жизни майстра, авторитетъ его нѣсколько сдерживаетъ нищихъ, бывшихъ его учениковъ; но съ его смертью и это сдерживающее начало исчезаетъ.

II.

Существованіе особаго нищенскаго языка, словарикъ котораго я предлагаю, объясняется повидимому потребностями вышеупомянутаго самоуправленія, желаніемъ скрыть свои распоряженія отъ „мірянъ", — на которыхъ нищая братія, къ слову сказать, смотритъ вообще съ порядочною долею пренебреженія, — и затѣмъ, для большей успѣшности сбора подаяній.

Языкъ этотъ, по убѣжденію любковъ, придуманный премудрымъ Соломономъ, съ теченіемъ времени подвергся значительнымъ искаженіямъ и вѣроятно удалился отъ своего первообраза. Нищенская молодежь изучаетъ его уже неохотно и повидимому обрекла его на забвеніе, употребляя по преимуществу „отверницкую говорку", т. е. обыкновенный бѣлорусскій языкъ, но съ прибавленіями или вставками въ слова особыхъ частицъ (хѣр, ку, шу, ша—це, уймуд и т. п.), каковая говорка вошла во всеобщее употребленіе въ Минской губерніи и, по словамъ любковъ, почти вытѣснила оттуда любецкій лементъ, бывшій въ употребленіи еще лѣтъ десять назадъ, какъ это видно изъ словарика его Слуцкаго уѣзда, помѣщеннаго въ Запискахъ Акад. Наукъ (т. 37, 2) въ 1881 г.

Лементъ этотъ очевидно имѣетъ одинъ источникъ съ катру̀шницкимъ ле́мезнемъ (Чаусск. уѣзд., Могил. г.), словарикъ котораго помѣщенъ мною въ I кн. „Живой Старины" и представляетъ нѣкоторое сходство съ языкомъ офеней Владим. губ.

Для приданія настоящему очерку возможной полноты, я счелъ не лишнимъ провести параллель между любецкимъ лементомъ съ одной стороны и катрушницкимъ лемезнемъ [1]) и языкомъ нищихъ Слуцкаго уѣзда—съ другой, чтобы такимъ

[1]) Т. е. шаповальскимъ язык.; катру̀ха—шапка (см. ниже).

образомъ представить нѣкоторую сводку для облегченія дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Всѣхъ словъ записано мною около 1000, преимущественно въ уѣздахъ: Мстиславльскомъ, Климовицкомъ, Чериковскомъ и Чаусскомъ, Могилевской губерніи. Вниманію читателей они предлагаются въ примѣрномъ распредѣленіи по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Явленія и предметы природы. II. Предметы духовные. III. Человѣкъ. IV. Пища. V. Одежда. VI. Жилище, утварь, орудія. VII. Животныя. VIII. Растенія. IX. Употребительнѣйшіе глаголы. X. Употребительнѣйшія имена прилагательныя. XI. Употр. числительныя. XII. Употр. мѣстоименія и XIII—нарѣчія.

Считаю излишнимъ приводить образцы любецкихъ склоненій, спряженій и степеней сравненія, такъ какъ образованіе этихъ формъ—обще-бѣлорусское. Предлоговъ, союзовъ и междометій лементъ не имѣетъ и пользуется бѣлорусскими.

1. Явленія и предметы природы.

Любецкій лементъ.	*Катрушницкій лемезень и языкъ нищихъ Слуцкаго уѣз.*
Земля—цэрь, царя̀, цыру̀га	цыръ, Сл. цы̀ра
вода—ды̀лька	суга̀, Сл. дэ̀лька
дымъ—ку̀думъ	
огонь—ду̀лесъ, дуля̀съ	ду̀лясъ и Сл.
спичка—дуля̀съ, дуля̀сница	
жаръ, уголья—ду̀лесъ, ду̀лецъ	
солнце—сіянка, сно̀пка	сьвя̀нка, Сл. сся̀ко
туча—трухлѐй	
дождь—трухлѐй, трусѐй	трухнѐй, Сл. ракцѐй
камень петрусъ, шамень	шукамень, Сл. пѝтрусъ
песокъ—цыру̀га (ср. земля)	
глина жавцѝнная цэрь	
мѣдь—шѐрхва	шѐдзь, (желѣзо—куѐзо)
серебро—морябро̀	
чугунъ—кугу̀нъ	

гора — ку̀гора и Сл.	шу̀гора
яма, ровъ, оврагъ - кургѐцъ, киргѐцъ	шу̀йма, Сл. шму̀рка
рѣка—до̀льманъ голёмой	суга̀ хлицъ (вода течетъ), Сл. склаву̀та (?) — букв. работа
озеро—до̀льманъ застакля̀ный, ёрзило	суга̀ стычѝцъ (вода стоитъ)
колодезь—до̀льманъ, дѐлишникъ, дыльникъ	
болото—ку̀болото	шало̀то, и Сл.
поле — —шо̀ля	трѝполя, и Сл.
лугъ — вихра̀чъ	
зима — сиво̀ръ, сиво̀рка	сиво̀рка, и Сл.
морозъ—сиво̀рникъ, сиворѐцъ, рахма̀зъ	сиво̀ръ, и Сл.
снѣгъ—бѣлюсъ, сиворецъ	сиво̀ръ, Сл. плѐнникъ
мятель—сиво̀рникъ ихлицъ (снѣгъ идетъ)	
ледъ—сиво̀рникъ, сиворѐцъ	
весна — ку̀весна	шу̀весна, Сл. сно̀пка (ср. солнце)
лѣто — ку̀лѣто, сно̀пка	шу̀лѣто, Сл. сно̀пка.
осень—ку̀восень; употребляется и описат. выраженіе: сиво̀рка ихлѝцъ — зима идетъ	шу̀сень, Сл. подсиворка
вѣтеръ — ку̀вѣтеръ	
громъ — Яхвѐсъ пору̀титца (букв. Богъ гнѣвается, бранится)	
погода — ку̀погода	
день — ку̀день	ку̀дзень, и Сл.
ночь — кимочь	кѝмка, Сл. кѝмосць
утро — ку̀ранья	Сл. шу̀рано
вечеръ—ку̀вечеръ	шу̀вечеръ, Сл. ку̀вечеръ
полночь — повкѝмочь	лухтовѝна (1/2) кимки
годъ — круглѝкъ, кенцзикъ, кѝндзикъ	шу̀годъ, Сл. кѝндзикъ
недѣля — мирюля, бирюля	дэ̀ушница
часъ—ку̀часъ	ку̀часъ, ку̀годзина и Сл.
воскресенье *)—сяна, сіяна	дэ̀ушница, Сл. миру̀ля
праздникъ — ку̀свято.	

*) Остальные дни недѣли носятъ обыкновенныя бѣлорус. названія съ приставкою *ку̀*.

2. Предметы духовные.

Богъ—Ахвѐсъ, Яхвѐсъ	Ахвесъ, Сл. Ахвэсъ
чортъ, бѣсъ—шацъ, шэцъ, ёсъ, хо̀вшинъ	шѐстъ, Сл. хоушень
церковь—клиса̀, клюса̀, клюжа	хлюса, Сл. клюса̀
обѣдня—Яхвѐсу чиняютца (Богу молятся)	
грѣхъ —крымъ.	Сл. крэмъ.

3. Человѣкъ.

Человѣкъ—ку̀человѣкъ, хозѐтъ, лохъ	ку̀человѣкъ, Сл. логъ
царь—нацы̀рникъ, цырю̀жникъ	Сл. цырѝзникъ
мужчина—лохъ (собств.—мужикъ)	жбанъ, Сл. логъ.
женщина—зба̀ха, ря̀ха	жба̀ха, Сл. ра̀ха
семья—хамѐръ	Сл. хвирья̀
мужикъ (крестьянинъ)—лохъ	кужъ
крестьянка—лохо̀вка	кужо̀вка
люди—хверя̀не	ку̀людзи, Сл. фира̀не
парень—ло̀бозъ, лабзю̀къ, тряпёлый (молодой)	
дѣвка—карыга, шихта, шихточка, тряпёлая	шѝхта, Сл. кариво̀ня
дитя—хвѐзень, хвесень	хвѐдень, хвяднёнокъ, Сл. фиреня̀
дѣдъ—ярѝкъ	шкредъ и Сл., яро̀хъ
баба—яру̀ха	яру̀ха, Сл. цу̀ба
отецъ, батька—бакштэ̀й	бакштэ̀й, Сл. баштай
мать—манѝца, ма̀кштарка	бакштэ̀йка, Сл. манѝца
сынъ—вѝнусъ, ю̀нчикъ, ю̀нщикъ	зьвѝньчикъ, Сл. іо̀нусъ
дочь—вѝнуска, юнчица, ю̀нщица	шѝхта (дѣвушка), Сл. іо̀муска (?)
братъ—ва̀ндрусъ, а̀ндрусъ	збра̀нъ, Сл. а̀ндрусъ
сестра—ва̀ндруска, а̀ндруска, здрошна̀я	збрано̀вка, См. а̀ндруска
мужъ—му̀сень	жба̀нъ, Сл. му̀сень
жена—ро̀ндзя, рэ̀нджа, ро̀мжа	жба̀ха (ср. женщина)

дядя—ку̀дядька; тетка—ку̀тетка
племянникъ—ва̀ндрусовъ, ва̀ндрускинъ ю̀нщикъ
племянница—ва̀ндрусова, ва̀ндрускина ю̀нщица.
тесть—бакштэ̀й (отецъ); теща—манѝца (мать)
зять—ку̀зяцъ, прію̀хценикъ

женихъ—вянѝхъ, ло̀бусъ, тряпёлый	драпялу̀нъ
невѣста—кувѣ̀ста, трепялу̀ха	драпялу̀ха
русскій (великороссъ)—боца̀й	
полякъ—коврѐй (соб.—панъ, баринъ)	
шляхтичъ—ланпѐтъ	
жидъ—кудла̀й; жидовка—кудла̀йка	кудла̀й; кудла̀йка
жиденокъ—кудлаёнокъ	
чужестранецъ—насно̀джій	
цыганъ—куга̀нъ; цыганка—куга̀нка	юга̀нъ; юга̀нка
цыганенокъ—куганёнокъ	
нищій—любо̀къ	любо̀къ, любицѐнь
мѣщанинъ—шусцянѝнъ; мѣщанка—шусця̀нка	
поводырь—ко̀тарь, вандзѐй	
купецъ—пу̀льщикъ, упу̀льщикъ	
купчиха—пу̀льщица, упу̀льщица	
попъ—графѝлъ, кархвѝлъ	косѐй, Сл. кархвѝлъ
попадья—кархвѝлка	косѐйка
богачъ—стодъ, стодня̀къ, стодзѐнь	стодъ
писарь—лѐпсарь	
дьячекъ, пономарь—пса̀льникъ, лѐпсарникъ	Сл. пса̀льникъ
бѣднякъ—иску̀цель	кухта̀
панъ, баринъ, помѣщикъ, чиновникъ—коврѐй	каврѐй
паня, барыня коврѐйка	кавраи̇ха
старшина — главду̀нъ, гла̀вда, гла̀мызда, главызда̀, яршина̀	
староста—ёроста; старостиха—ёростиха	
урядникъ—макацу̀ръ	
становой—стаклявы̀й, стакля̀ющій, стаклянно̀й	
исправникъ—справо̀шникъ	
учитель—навуко̀рникъ, сасэрникъ	Сл. уко̀рникъ
сапожникъ — шиво̀рникъ, во̀ботникъ, во̀бутщикъ	ку̀шавецъ
портной—бода̀бчикъ, бода̀вщикъ	шнѐйдеръ
коваль, кузнецъ—плескачъ, жуклѐй	
плотникъ—клаво̀тникъ, оклаво̀тникъ (соб.—и Сл. работникъ)	

музыкантъ—кугра̀чъ	Сл. кугра̀чъ
слѣпецъ—ка̀лѣпъ; слѣпая—ка̀лѣпка, каля	няу̀лѣпка
солдатъ—батузъ, бацьвѝлъ (пѝца	кату̀зъ, Сл. бо̀тузъ
солдатка—бацьвѝлка, бацьвило̀ва ронджа	
пастухъ—лабзды̀рь, лабсты̀рь	Сл. лапсты̀рь
мельникъ—дергу̀тникъ, грамольщикъ	
воръ—климъ и Сл., клима̀чъ, климошникъ, косту̀сь (конокрадъ: волото̀вникъ)	
разбойникъ—ку̀лованникъ, копса̀цель	Сл. раскулванникъ
пьяница—кѐрникъ, кѐра, закѐра, кѐрный	акѐрусъ
хозяинъ—поха̀щикъ	Сл. поха̀зникъ
хозяйка—хозѐтка, поха̀щица	
кумъ—христо̀мникъ, ставро̀шникъ	
кума—христо̀мница, ставро̀шница	
дуракъ—шмура̀къ; хитрецъ—юро̀къ	шмура̀къ (дуракъ)
мертвецъ—уха̀лисьникъ, ухалютикъ	
голова—главзда̀, гла̀вузда	гла̀вда, Сл. гла̀вузда
грудь (жен.)-вѝхта, вихта̀лка, пухлянка	сысла̀вка, Сл. вихта̀лка
животъ—кирмо̀, кимро̀	кирмо̀, Сл. химро̀
рука—хвирка, хѝрка	хѝрка, Сл. фирка
нога—ходы̀рка, худорма̀нка	ходу̀ла, Сл. ходы̀рка
ухо—слухто̀мка	слы̀хта, и Сл.
носъ—пы̀хцикъ	мо̀рщикъ, Сл. чиха̀съ
глазъ—улѣпка	сѣпка, Сл. улѣпка
ротъ—тройма̀нъ	трайло̀, Сл. хва̀йло
горло—тройло̀	
языкъ—лѐментъ	лѐмезень, Сл. лѐмехъ
лицо—тройма̀нъ	(зубъ—зубрикъ)
волосъ—ку̀волосъ; волоса—чумасы̀	Сл. чѐмесъ
борода—ку̀борода, вихра̀	верея̀, Сл. мэлеле (?)
колѣно—ходырка (ср. нога)	
членъ дѣтородный мужск.—псулъ, хвиль	
женскій пол. орг.—скахва̀	
нижняя часть спины—стыга	
плечо—ку̀плечо	
душа (въ животѣ)—духа̀вка	Сл. духа̀вка
вередъ (скула)—ба̀гровка, ба̀грылка	
лихорадка—хвинця	

4. П и щ а.

Хлѣбъ—сумàкъ, сумàрикъ, окрýшъ	окрýжъ Сл. супѣха
пушной хлѣбъ—шэрхва	
тѣсто—сумàкъ	
мука—трухà, трухлà	Сл. труснѝ
булка, бѣлый хлѣбъ—буглай, вошпàръ, вòшпаръ	кýльманъ
соль—гàлость	голòсь, Сл. галость
каша—лыкша	Сл. лыкша
крупа (крýпы по-бѣлор.)—крýхты,	Сл. крыхòты
крупеня, (супъ [1])—крухтэня, крухтэльникъ	Сл. крыхòтникъ
борщъ, щи—латýха [2]), ботнякѝ [3])	
блинъ — малихонъ, артинýсъ, артимýсъ, арцимòсъ	
ломоть—кумàтъ, крехтàвка, крухтàлка, шувàлокъ	
колбаса—крутýха, крутусà, кривòня, чаркàска	
сало—кресъ, крèсо	
мясо—мèрхля, мѝркля	крèся, Сл. крèасо (?)
кость—постàвка, коимудзёсць	Сл. костòмка
квасъ, пиво—буклѐй;	буклѐй, и Сл.; кèра (пиво)
чай—цяплюсь	
водка—гамèра, гàрдзія, гардземàха, карѐй, росѐйка	гàрдзь
вино—ваныксусъ	
яйцо—яврò (мн. ѝвры)	Сл. яврàтно (уменьш.)
молоко—голямò, големò	гальмò и Сл.
масло—свѝсло, големò	Сл. вислò
сыръ—таракъ	Сл. вислò
олей (постное масло)—гамзѐй	
конопля (зерно)—коноцýдки, коноцýты	монацýты (растеніе).
медъ—мèлюсъ	Сл. солодкѝмникъ

[1]) Изъ крупы. [2]) Изъ капусты. [3]) Изъ свеклы.

5. Одежда.

Сорочка—монàтка, сорохвèйка	сорохвèйка, Сл. монàтка
юбка—настыжникъ	настыжница
шапка—камилà, наглàвдница	катрŷха, Сл. камŷха, камèця
свитка (армякъ)—сипяга, сипляга	сипяга, Сл. сипьяга
платокъ (хуста)—хвилиста, хвилистка, хвилюстка	хвилистка, Сл хвилюстка
штаны—стугàлы, настыжники	бурдàсы, Сл. настыжники
шуба, тулупъ—бурмŷтъ, бŷрматка, бòрматка	полŷщикъ
поясъ—звинèрь, подбатŷщикъ	пòдробсень, Сл. звиняръ
башмакъ—вòбутникъ	
сапогъ—вòбутъ, вòбутки, вòботни, шкрòбы	шкорни
нитка—бодàвка	
рукавица—нахвѝрница	нахѝрница
перстень—нахвѝрникъ	
крали (ожерелье)—пàцерки	
лапти, постолы—кувярзŷты, шандалы	верзюки, Сл. вèрзень
онуча, тряпка—блюдка	обутка
обора (у лаптя)—крутòмка, крŷтня, боймудзёрка	
веревка—крутэльница, вярейиудзёрка	крутàвка
возжи—крутни	
сукно—кŷсукно, сипляжница	югнò
холстъ—лѣпня, лѣпнина, лòскутъ, лускатырка	лоскотыра
ленъ—кèдрусъ, кудрявецъ	кèдзеръ
пенька—конàвница, трускàльница	нанавòшница
подушка, перина—пухàвка	подухвèйка, Сл. пухтовня
постель—шастèль	

6. Жилище, утварь, орудія, сбруя.

Городъ—свѝгородъ, кòстрыкъ	Сл. бордàвскъ
мѣстечко—шŷста, шустъ	Сл. шуста
деревня, село—хорò	Сл. хòро
домъ, дворъ—хвòртъ	хвòртъ (хата—хазъ), Сл. пòхосъ
сарай, пуня—шŷня	шŷня

клѣть, амбаръ—кутѐха	шухлѣць
гумно—калу̀жка, калàй, калумàнъ, калу̀йка	калу̀йка
кабакъ—кàня	кàня
почта (зданіе)—поймыдёчта, лѐпсарница	
волость (зд.)—шòлость, гòлость, расклавòха	
полиція (зданіе)—шали̇ца, качàтница	
мельница—дергу̀тница	скругòтъ
винокурня—гомѐрошникъ, гардемàшникъ	ку̀зоводъ
баня—плѐнка	плёха
кузница—жуклѐйница, куймудзёзня	
крыша—накрывàшница; крыльцо—уснòдки	
окно—якрò	зякрò и Сл.
двери, ворота—рыпни, скрипни, рипу̀ты	рыпни, Сл. скрыпу̀ты
комната, покой—шакòй, шакòта	хазъ (хата)
столъ—трѐпезъ, тря̀пезъ	трѐпезь, Сл. тря̀пезъ
скамья, лавка—кулы̀га	кулы̀га, Сл. трѐпезникъ
стулъ—кàчашникъ; сундукъ—суймунду̀къ	
печь—стѐпля, сцѐпра	сцѐпра, Сл. стэ̀пра
кирпичъ—сця̀преньникъ	
полати—шалàци, бары̀ськи	хвилàты
полъ (кровать)—припòлъ, трѝполъ	
замòкъ, ключъ—бàкленникъ, макацу̀рникъ, замоклюцувàньникъ	ку̀замокъ, Сл. закаплòшникъ
ружье—ку̀лованьница (халь	
ножъ-рѣ̀псаньникъ, лахмàчъ, махлачъ, мà-	мàхеръ, и Сл.
коса—двигу̀нка, махлàчка, рѣ̀псаньница	Сл. махлы̀чка
игла—бодàбка, бодавщѝца	боду̀ха
ножницы—рѣ̀псаньники	бàски
молотокъ—жуклѐйникъ, ку̀лованьникъ	
щипцы, клещи—клеймудзѐщи	
подкова—подходы̀рница	
колесо—кòтень	кòцень, Сл. котòмка
телѣга—кòтни; сани—мàзни	Сл. кòцэнь (телѣга)
топоръ—гакъ, махлàкъ	маму̀ра, Сл. марму̀ля
серпъ—рѣ̀псаньникъ	Сл. махлы̀чка
пила—рѣ̀псаньница, рѣ̀псарница	

стаканъ, рюмка—кубàрка, кубэ̀рка	кучерàвка, Сл. жуклѐйка (?)
чашка, тарелка—скицѐля, скитлà, скитня̀	
тарелка—скицѐля	
миска (глиняная)—чухѝра	Сл. скитэ̀ля
горшокъ—кòлтаръ, кòфтаръ, кòўтаръ	колты̀ръ, Сл. кòвтуръ
котелъ, чугунъ—кугу̀нъ	югу̀нъ
сковорода—таратòнка, малихòдница	куѐзьница, и Сл.
ложка—корàбка	коры̀бка, Сл. корàбля.
кувшинъ—турлàчъ, тэрлàчъ	
бутылка, фляжка—жуклѐйка	ку̀пляшка, Сл. пляхту̀ка (?)
бочка, дѣжка—лапу̀шница, ботнѝшница	
квашня—сумàшница	
скрипка—кугрà, кугрàчка	Сл. кугрàчка
дуда, свирѣль—свисту̀льница	
труба (пастуш.)—кугранѝца труйнудзюбка	
мѣхъ (всякій)—пѝталь, пихтòръ, пѝтеръ	
торба, сумка—шалѐйстра, шабѐтка	
трубка—бэ̀нька, маклѐйка	

7. Животныя.

Конь—вòлотъ; кобылица—волотѝха	вòлотъ; волотѝха, Сл. волецѣ̀га
жеребецъ—волотòкъ	
жеребенокъ—волотёнокъ	волотёнокъ
корова—явлы̀да, явлю̀да	явлы̀да, Сл. явлытка
быкъ—боду̀нъ	Сл. явлыдòкъ
теленокъ—явлыдзёнокъ, явлы̀дзенокъ	явлыдзёнокъ, Сл. явлыдзеня̀
свинья—кѐрха, кѐрхля	кѐрха, и Сл.
кабанъ—кѐрхель, керхячъ	кяршу̀къ
поросенокъ—керхлёнокъ, кѐрхлечекъ, кер-(хянѐнокъ	кяршòнокъ
овца—пярьху̀тка	мѐрхля, Сл. мэ̀рхля
баранъ—пярьху̀тъ	мярхлю̀нъ
ягненокъ—пярьху̀тничекъ, пярьхуцёнокъ	
коза—чѝбла, лы̀бза, чвя̀вша	свя̀кша
козелъ—чвякшу̀нъ, лобзу̀нъ	свякшу̀нъ
козленокъ—чвякшòнокъ	свякшòнокъ

волкъ—лынъ, лынь, лыгусъ	лынь (волчица: лыниха) Сл. лыганъ
медвѣдь—лухмѐнь, мармызъ, медлясъ	мармысь, Сл. лухмей
заяцъ—подпрыщикъ, кривондзѐй	
мышь—цмига	
котъ—моцень	моцѐнь, и Сл.
кошка—мотнёвка, моцька	
собака—скилъ, ськилъ, шкилу̀тъ	ськилъ, Сл. скицъ
сука—скилиха	ськилиха
щенокъ—скилёнокъ	ськилёнокъ
курица - варна̀тка	варна̀чка, и Сл.
пѣтухъ—варна̀тъ, варна̀къ	варна̀къ
цыпленокъ—варначо̀нокъ	
гусь—гэ̀рбуска, гэ̀рбутка,	гэ̀рбаценъ, Сл. гэрбутка
утка—са̀пка; аистъ—черногу̀зъ	
перо—пуха̀вка; шерсть, во̀лна—кудрявка	
шкура—бо̀рмутка	Сл. шкуро̀шка
хвостъ—хвилистъ	хвилистъ
навозъ—хайло̀, хыйла̀къ, хайлу̀шникъ	
рыба - псалыга, псалу̀га	посалу̀га, Сл. псолка
селедка—га̀лощеная псалыга	голо̀сьникъ
пчела—бурка̀съ, бу̀ркотня, бу̀рмотка	бурхотня̀, Сл. буркотня
муха—полятуха, шу̀хмуца, бу̀рмотка	
червякъ—шѐвель, дзерба̀къ, повзу̀нъ	
змѣя—сипица, зьверга̀чка	Сл. хоу̀шня̀
ящерка—яймодзящерка	

8. Растенія.

Рожь, жито—зятко̀, зитко̀	зѣ̀дка, Сл. зитко̀
ячмень—бружмѐль	бурмѐль
овесъ—шуплѐй (порница	шублѐй
пшеница—э̀шпарта, ва̀шпорница, вош-	а̀шпорка
гречиха—сувязка, савязка, звязка	сувязка
картофель—катма̀, катмина, като̀мина, сви-	шкуты̀, Сл. грэнту̀ля
капуста—лапу̀ха, лапу̀хта (дэ̀рка	лапу̀ха и Сл.
свекла, бураки—бо̀тни ботняки, бучмаки	шмураки. Сл. батурго̀ (?)

рѣдька—бялуга	Сл. горчѝмна
лукъ, цыбу̀ля—баздру̀ля, барзду̀ля, бур-	
горохъ—гàврій, гавру̀сь (ду̀лька, шумутня̀	гаврѝдъ, Сл. гаврѝжъ
бобъ, фасоль—бокштэ̀й, хòботъ, бу̀кусъ	бублѐй
морковь—стовпы̀жница	
огурецъ,-рцы — вòхмурень,-рни; вòхмо-рокъ,-рки; лòхманъ	мòхмарень
тыква (гарбузъ)—дулѐпъ	Сл. бѣлюзникъ
табакъ курительн.—матлòха абэ̀нишная	
табакъ нюхательн.—матлòха пы̀хтильная	
цвѣтъ—цвѣймудѐтъ	
трава—ку̀трава	ку̀трава, Сл. вихрàтница
сѣно—вихрò, вяхрò	вихрò, и Сл.
солома—маслыга, мосòла	лосòма
дерево, бревно—вòксимница	
лѣсъ—вòксимъ, вòксиль	вòксимъ, Сл. òксимъ
кустъ—шустъ	шу̀кустъ
дрова—бру̀дки (полѣно—бру̀дзина)	бру̀дки, Сл. абрудкѝ
палка—бѝкуръ, бику̀та, кубѝтка	ляпѐна, Сл. бишту̀ръ
дубъ—ку̀дубъ	ку̀дубъ
береза—грябёзка	ку̀береза
садъ—вислятникъ	Сл. садòмникъ
яблоня—вислятница	вислянка
яблоко—вислятка; и Сл.	висля̀къ Сл. вислятка
листъ—лиймудѝстъ; лыко—липязка	
жолудь—ку̀жалудь; ягода—снòпка	
черника—чарнѝмная снòпка	
земляника—красѝмная снòпка	
грибъ—багòлъ	багòлъ, Сл. баглàй

9. Глаголы.

Стоять—стокля̀ць, стеклявиць, сты̀чиць, стоня̀ць	стычàць
лежать—клюжàть	клюжàць, Сл. клю̀жить
ложиться—клю̀житца	
сидѣть—кàчать	кàчаць, Сл. кàчиць

садиться — кѐчитца, кàчится	
ходить—снòдить, снадзѝць	хонджевàць, и Сл.
бѣгать—бѣгрàчиць	бѣгурàць, Сл. бѣглять
ѣхать—ѐрчиць	ѐрчаць, и Сл.
спать, ночевать—кимàць	кимàць, и Сл.
смотрѣть,-ся—улѐповаць, улѐпàць,-тца	сѐпàць, Сл. улѐповаць
хотѣть,-ся вòлиць,-тца	вòлиць, и Сл.
слушать,-ся—слухтòмиць, слухтòриць,-тца	слы̀хциць
работать—клавòтаць, склавòциць, рабо-сàць, можжеряць	мàксаць, Сл. склавòциць
(работа—клавòта)	
молчать—сòхциць, хчу; сопиць	кỳгаць, Сл. сапàць
говорить— говрòдить, лементовàць, контувàць	говрòдзиць, и Сл.
кричать—крикусàць, криксòмиць	криксàвиць
плакать,-ся—плы̀ксиць,-тца	плы̀ксиць, Сл. плы̀кшать
смѣяться—лухтѝтца, лыхтѝтца, лабунятца	лы̀хцитца Сл. лыхтàтца
(смѣхъ—лухтà, лыхтà)	Сл. лыхтàньне)
писать—лѐпсариць, лѐпсарниць; отсюда:	писòриць, Сл. рѐпсать
письмо, бумага,	шѝрка (бумага)
книжка—лѐпсарка	Сл. рѐпсаньне,-нва
молиться—учиня̀тца	чàнитпа, Сл. чуня̀тца
просить, ся—зитàть, зѐциць, згѐциць,-тца	зитàць
брать,-ся—япѐриць, зеперя̀ць,-тца	япѐриць
давать—дзикàць, дзѐкшиць, оттгуря̀ць,	угурàць, Сл. угỳрить
шить—шивòриць, бодàвчиць	шуварѐць
мыть,-ся—плѐниць,-тца	плѐниць,-тца
купать,-ся—плѐнить,-тца	купòшить,-тца
пить—кỳловаць, кỳлываць; копсàць	чухàць
кидать—кидлѐшиць, кидòшиць, кудòвиць	кидòрвиць
чесать,-ся—чисмòрить,-тца	часмòнить,-тца
холодѣть—сиворѐць	
одѣвать, ся—наюхчивать,-тца	Сл. склюживать
обувать,-ся (въ лапти)—прибатỳвовать, подбукляць,-тца	
ковать—жуклѐниць, плескàць, рабòсиць	

ткать—моджèрицъ	тукòшицъ
жать, рѣзать, стричь—рѣпсацъ,-аю косить—мохлàчицъ рѣпсацъ	} бàсацъ, Сл. мохлавàть
продавать—пропуляцъ	пропуляцъ, и Сл.
покупать—упуляцъ, опуливацъ	опуляцъ
мѣнять—мѣнчицъ (про—вы—и т. д.)	Сл. мѣнчицъ
обманывать, лгать—биндзюгàцъ	Сл. ошукòрывать
любить—скулюбàцъ	любжàцъ, Сл. скульбàнить
богатѣть—стадиѣцъ	
ругать,-ся—лабуняцъ,-тца	лайбòницъ, тца
божиться, клясться—яхвèситца, хвизàтца	клянòшитца. Сл. ахвэситца
глупѣть—шиурѣцъ	
идти—ихлицъ, хлицъ	хлицъ
отэйди—отыхлицъ, и др. сложн.	
найти, находить—нахтырицъ,-ивацъ	Сл. знахэтрвцъ
уходить—ускицàцъ, ускитàцъ	ухливàцъ
ѣсть—трòицъ	трòицъ, и Сл.
пить, поить—кèрицъ;	кярицъ, Сл. кèрицъ
пахать—варлыжицъ, цэрорабòсицъ	рогàвицъ
сѣять—сѣвòрицъ	сѣварѣцъ, Сл. чàнить
возить—вондзэрицъ	вондзèрицъ, и Сл.
носить—тагàницъ, (нести—тагци)	тàгницъ, Сл. тагàницъ
красть климàцъ, климацъ	климàцъ
чистить—плèнницъ,	
пѣть—псàлицъ; (пѣсня—псàлка)	псàлицъ (псàлка), и Сл.
умаляться—микрѣцъ	
увеличиваться—големѣцъ	Сл. упàсувать
старѣться—ёритца	
танцовать—скакурляцъ	
класть—клюжить; накладывать—наклюживать	
молотить—кỳловать, копсицъ	малотырицъ, Сл. лопотить
молоть—дзергуляцъ, дзергỳцицъ	крутàвицъ
гулять (бездѣйствовать)—гулёшицъ, гальбусàцъ, скугòливацъ	
болѣть—троняцъ; (болѣзнь—троня, труня)	Сл. трупить (?)
учить—вукòрицъ; пасти—лабстырицъ	

кормить—кормасацъ	Сл. кормасацъ
гнать—кургòницъ	
солить—голòсцицъ	
умирать - холѣцъ	Сл. химѣть
умереть—ухàлѣцъ; (похороны—ухàлища)	
хоронить (и прятать) - хитрять	Сл. похатрать (похатрàніе—похор.).
родить,-ся—курдзёмицъ,-тца; (родины—курдзёмины)	родòмитца, и Сл.
крестить,-ся—христòмицъ-тца (крестины—христòмины,-ники)	христòмицъ,-тца
курить—бэнить	курдòмить
кусать—кусмòрить	кусмòрицъ, и Сл.
быть - міяцъ; былъ—міявъ; буду—міяю	кòрнуцъ,—ну, Сл. бэтлѣть.
есть—ѐпицъ (нѣтъ—см. *нарѣчія*)	скѐнь (нѣтъ—нямкѐнь)
жить—ругувàцъ; (житье—ругувàньня)	Сл. рыговàть
знать—сѐврить	севрицъ, Сл. сѣврать
лгать—кугуцицъ	Сл. юрить
сѣчь—чукòницъ	
бранить,-ся—порутить,-тца	
вѣнчать,-ся—вянѝчицъ,-тца (свадьба—вянѝченьня, кувесельля янидзьба, Сл. вѣнѐйко)	

10. Прилагательныя.

Малый—мѝкрый, ая, ое	мѝкрый, и Сл.
большой—голёмый, голютный	Сл. голёмый
бòльшій—големѣйшій, голютнѣйшій	шàвлый
средній—кусередній	кухередній
молодой—трапёлый	драпёлый, Сл. трапёлый
старый—ёрый	ёрый, и Сл.
высокій—високѝмный, кувисокій	шàвлый
низкій—низкòмный	
глубокій—куглыбокій; мелкій—кумелкій	
тяжолый—цижалѝмный, куцяжкій	
легкій—лягкѝмный	Сл. ляхкимный
толстый—тоумодзёустый	шатурный

тонкій — тонькимный	лѐзый, Сл. тонкимный
жидкій—ку́жидкій; густой—густимный	
прѣсный—просимный	
сладкій—солодкимный	Сл. сладкимный
кислый — кисло̀мный	кислимный
соленый—га̀лощеный; горькій—горкимный	
громкій — гроймыдзёмкій	
тихій—ціймудзихій,-хенькій	Сл. цихмо̀рный
хорошій — клѐвый; клёвый	шимській, Сл. клевый
худой, дрянной—ку́дренный, няклёвый	Сл. няклѐвый
злой, сердитый — ку́сердитый	ку́хердзитый, Сл. кувердзитый
добрый—шо̀брый, клёвый	снёбрый
ласковый—лаймодзясковый	
скупой — скупимный, скупо̀рный	
богатый—сто̀дый	стодъ, Сл. стадырный
бѣдный—кухцѐльный, хильпу́жный	
хитрый—хитро̀мный	
глупый—шмурнэй	шмурный, и Сл.
разумный—ку́разумный, мазу́рный	
теплый—сно̀пный	Сл. снопный
горячій—ду́люшній, ку́горячій	дулясный
холодный—сиво̀рный	сиво̀рный, и Сл.
мягкій—мякчимный	Сл. мягкимный
твердый—твердзимный	
черствый -чарствимный	
острый—ку́вострый; тупой—няку́вострый	
бѣлый, чистый—плѐнный	плѐнный, и Сл.
черный—чарнимный, ку́черный	калу́рный, Сл. чарнимный
синій—синимный; зеленый—ку́зеленый	
красный—краймудзясный; желтый—ку́жовтый	
сѣрый—сѣймудзѐрый	сяримный
бурый—буймудзю̀рый	
пушной (о хлѣбѣ)—шарху́тный	
соломенный—маслыжный, маслыжанный	
деревянный - воксимный, ку́деревянный	Сл. кудревянный
каменный—пѐтрусовый, ша̀менный	

мѣдный—шэрхвенный	шѐдный
серебряный—кўребряный, плѐнный	
холщевый—лускатырный	
глиняный—зъ жавциѝмныя цэрл	
голодный—нятрѝвшій	
скорый—скорѝшный	мугрый
жирный—гладкиѝмный	
хромой, безногій—безходырный	
слѣпой—неўлѣпающій	няулѣпный, Сл. калѣпный
нѣмой—безлѐментный	Сл. нѣманескій (?)
одноглазый—на ёное ўлѣпка улѣпаець	
веселый—кўвеселый	
серьозный (строгій)—сурьмудзёзный	
больной—труняѝщій	Сл. трупяѝщій (опеч.?)
мертвый—ухаѝлющій	Сл. халющій (см. умирать)

11. Числительныя (и мѣры).

Одинъ, первый—ёный, ая, ыя; ёдный	ёный, Сл. ёдзинъ
два—двиняѝ,	баѝкрыхъ, Сл. двиняѝ
три—скирьяѝ, шкирьяѝ	стрѝмахъ, Сл. скирьяѝ
четыре—сэсаръ, цэцаръ	бутыра, Сл. сэсаръ
пять—пяѝньджа	повдзѐкана, Сл. пянджа
шесть—шаѝндра	бушѐнь, Сл. шаѝндра
семь—сяѝньджа	сѐнжа, Сл. семтынъ
восемь—вошерь, вѝхцимирь, вѝхтымирь	вѝсемжа, Сл. ахтынеръ
девять—дзѐверъ	дзѐвенжа, и Сл.
десять—дзѐканъ, дзѐкунъ	дзѐканъ, и Сл.
одиннадцать—дзѐкáнъ ёдный	ёный зъ дзѐканомъ
двадцать—двиняѝ дзѐкуны	баѝкрыхъ двѐкановъ
тридцать—скирьяѝ дзѐкуны	стрѝмахъ дзѐкановъ
сорокъ—сэсаръ дзѐкуновъ и т. д.	
сто—дзѐкунъ дзѐкуновъ, савѝстка, савѝтня	кўсотня
двѣсти—двиняѝ савѝстки, и т. д.	баѝкрыхъ кўсотъ, и т. д.
тысяча—дзѐкунъ савѝстокъ	кўтысяча
второй—другѝмный	баѝкрышній

третій—скирьютный	стромашній
четвертый—сэсорный	бутыршій
пятый—пеньджаный	повдзѐканшій
шестой—шандраный	бушѐньшій
седьмой—сенджаный	сенжашный
восьмой—вохтымирный	восемжашній
девятый—дзѐверный	дзевенжашный
десятый—дзѐканный	дзеканшій
половина—шаловина, лоптовина	лухтовина, и Сл.
деньги—хобки, хавбы, дзюкаты	хавбы, Сл. хабни
деньги золотыя—хобки клёвыя	
деньги серебряныя—хобки пленныя	
деньги мѣдныя—шэрхва	
копѣйка—басига, батыга, трахвилка, хвильня	ламѐха
грошъ ($^1/_2$ коп.)—шѐвень	бакрышникъ
пятакъ—спинакъ, спиначокъ	шацѐръ
гривенникъ—хубарикъ	русовникъ
злотъ (15 к.)—русеньникъ	шулцина, Сл. русановка
четвертакъ—шевертакъ, сэсарникъ	марушникъ
полтинникъ—шалциньникъ, лапшиньникъ	
троякъ (75 к.)—маршиньникъ скирьякъ	
рубль—плѐнный, хрущъ, цалиникъ	плѐнный, Сл. хрущъ
пудъ—кувѐзъ, пухцѐй; $^1/_2$ п.—повкувѐза	
фунтъ—кувѐзчикъ, вихторъ, вихторникъ	вихтъ
полфунта—поввихтора	поввихта
верста—кумѣрница, куверста	
аршинъ—кумѣръ; сажень—кусажень	
четверикъ—кумѣрка	
гарнецъ—ставёръ, ставракъ ($^1/_2$ г.—повставра)	Сл. ковтуръ (?)
ведро—кудро, куведро; кварта—сэсарка	
сотка, крючекъ—савостка, савотка.	

12. Мѣстоименія.

Я—манъ, масъ, манѐській	мань, Сл. манько
ты—табанъ, тобокъ	бальва, Сл. табко

онъ, она, оно - бёёнъ, бѐина, бѐяно; и Сл.	снёнъ, сянà, сяно̀
мы—маньки̇̀, манцы̇̀, мàмки, манѐськія	маньки̇̀
вы—тавы̇̀, тобки̇̀	бальвы̇̀
они, онѣ—бѐяны	сяны̇̀ .
себя, себѣ—сàбусны; собой (съ)—сàбусномъ (съ)	
мой—манько̀въ, масовъ, манѐській	манько̀въ, манѐській
твой—тàбановъ, тобковъ, тобѐській	бальви̇̀нъ, бальвѐньскій
свой—сабѐській; его, ея—бѐяго, бѐяе	сабѐській (свой)
нашъ—масо̀вській, манѐській	Сл. манѐскій
вашъ—тобѐській	Сл. танэскій (?)
тотъ, та, то—то̀нцій, ія	то̀нтый
этотъ, сей—бѐсій, ія	снечій
кто—ко̀нто, бѐхто (нѣкто-нѣ̀контый)	Сл. ко̀нты
что—бѐшто	ко̀ра
какой—бѐякій (такой—бѐткій)	снякі̇̀й, Сл. біѐкій
который—бѐкоторый; чей—чѐймо	
самъ—сàбусный	Сл. сабасный
каждый, всякій, весь—ушàцкій	вшàцкій

13. Нарѣчія.

Много—по̀со	по̀со, сойко̀
больше—големѣ̀й	
мало—ми̇̀кро	ми̇̀кро
меньше—микрі̇̀й	
скоро—маргòмъ	мугро̀мъ, Сл. маргòмъ
скорѣй—морговѣ̀й	мурджѣ̀й
холодно—сиво̀рно	
жарко-ду̇̀лясно; тепло-сно̀пно	Сл. снопно̀
богато,-че—стадно,-днѣ̀й	
бѣдно—хильпу̇̀жно; ср. хильпужнѣ̀й, кухцѣ̀й	
хорошо, лучше—клёво, клявѣ̀й	
легко, легче—ку̇̀лехво, ку̇̀лехче	
ниже—займодзи̇̀же	
пѣшкомъ—пѣймудзѐшкомъ, бѐтакъ ихлицъ	
близко—близни̇̀мно	Сл. нешалѐко (недалеко)

далеко—шалёко	Сл. шалѐко
какъ—бѐякъ; никакъ—нибѐякъ	снякъ (какъ)
когда—бѐколи	
нарочно—наюрàхъ	
никогда, никразу—нику̀разу	нисвязу (связъ—разъ)
гдѣ—кандзѣ̀; нигдѣ—никандзѣ̀	скрандзѣ̀; нискрандзѣ
куда—бѐкуды (и отриц.); откуда—отбѐкуль	
здѣсь, тутъ—бѐтутъ	снюдъ
тамъ—бѐтамъ	снямъ
вездѣ, всюду—увушàцкахъ	
отсюда—отбѐсюль	Сл. отбѐтуль
такъ—бѐтакъ	снякъ, Сл. бѐтакъ
можно—ску̀можно	Сл. подробя̀ще (нужно?)
нельзя—неску̀можно, ку̀нельзя	
нѣтъ—нѐмча, няскѐнь, неськидъ, нѐмицъ	няскѐнь
вотъ—бе	
сколько—бѐскольки	Сл. бѐкулько
сегодня—ку̀сеньня	
завтра—ку̀завтра	Сл. ку̀завтра

Е. Романовъ.

РУССКАЯ ДѢВИЦА ДАРИГА̀

ВЪ КИРГИЗСКОЙ СКАЗКѢ.

Въ V книгѣ „Этнографическаго Обозрѣнія" (стр. 120) В. Ѳ. Миллеръ напечаталъ киргизскую сказку о Сайдильдѣ, записанную г. Ивановскимъ отъ киргизъ, кочующихъ въ горахъ Тарбагатай. Герой сказки, Гали, встрѣчаетъ русскую дѣвицу Дарига̀, чешущую волосы, и заявляетъ ей свое желаніе побороться. Дѣвица проситъ подождать, пока она причешетъ волосы.

Въ первой битвѣ дѣвица одержала верхъ, во второй—Гали. Дѣвица выходитъ замужъ за Гали. Послѣ свадьбы Гали отправляется въ Медину, а женѣ заказываетъ, когда родится сынъ, дать ему имя Сайдильда. Подросши, Сайдильда отправляется искать отца, встрѣчается съ нимъ и, не узнавъ его, вступаетъ въ борьбу.

Тутъ два эпизода, тѣсно связанные: 1) борьба богатыря съ поленицей или богатыршей и 2) борьба отца съ сыномъ. Такое соединеніе не есть особенность киргизской сказки. Изъ сопоставленія ея со сказаніями о Ростомѣ на Кавказѣ и съ нашей былиной объ Ильѣ Муромцѣ видно, что такое же соединеніе находится и въ эпосахъ иранскомъ и русскомъ.

Труднѣе рѣшить вопросъ объ имени богатырши: „русская дѣвица Дарига̀", случайная-ли это примѣсь, произвольно вставленная киргизскимъ разсказчикомъ, или она находилась уже въ источникѣ киргизской сказки.

Интересныя дополненія къ сказкѣ, сдѣланныя В. Ѳ. Миллеромъ, говорятъ въ пользу того, что „русская дѣвица" была

связана съ этимъ сюжетомъ не въ одной киргизской редакціи. В. Ѳ. Миллеръ указываетъ на болгарскую пѣсню о московской кралицѣ, которую вызываетъ на бой султанъ, и которая проситъ подождать, пока она заплететъ косу.

Припомнивъ затѣмъ древнее сказаніе о Семирамидѣ, объ усмиреніи ею народнаго мятежа, извѣстіе о которомъ ей принесли въ то время, какъ ей убирали волосы, г. Миллеръ заключаетъ свою статью словами: „какими неисповѣдимыми путями этотъ древнѣйшій восточный эпическій мотивъ блуждалъ тысячелѣтія и проникъ съ одной стороны къ киргизамъ Черно-Иртышской волости, съ другой къ болгарамъ, и почему у тѣхъ и другихъ онъ пріурочился къ *русской* богатырской женщинѣ,—это вопросы, на которые, можетъ быть, когда нибудь и удастся отвѣтить“ (стр. 129).

„Русская дѣвица Даригà“, повидимому, ничто иное, какъ буддійское женское божество Дарихе или Дари-еке. Такихъ богинь двѣ; одна по-монгольски называется Цаганъ-Дарихе (бѣлая Дарихе), другая Ногонъ-Дарихе (зеленая Дарихе). По тибетскому преданію обѣ онѣ были женами тибетскаго царя Сранцзонъ-Гамбо; ихъ имена связаны съ исторіей введенія буддизма въ Тибетѣ.

О Цаганъ-Дарихе монголы говорятъ, что нынѣшнее воплощеніе ея—это русскій царь Цаганъ-Ханъ, который, по ихъ мнѣнію, есть 16-лѣтняя, никогда не старѣющаяся дѣвственница. Можно было-бы подумать, что киргизскій разсказчикъ, слышавшій о Цаганъ-Дарихе отъ сосѣдей торгоутовъ, обитающихъ у восточной оконечности Тарбагатая, произвольно ввелъ это имя въ киргизскую сказку. Нѣкоторыя данныя, однако, намекаютъ, что имя это въ монгольскихъ сказаніяхъ связывалось съ сходною темою.

Чесаніе косы встрѣчается въ одной монгольской сказкѣ. Одинъ странствующій юноша дошелъ до жилища одиноко живущей дѣвицы и поселился съ ней. Дѣвица запрещаетъ своему сожителю входить къ ней, когда она чешетъ волосы; онъ нарушаетъ заповѣдь. Тогда дѣвица отдаетъ ему вычесанные волосы и велитъ положить въ чистое мѣсто; юноша опус-

каетъ ихъ въ рѣку, волны относятъ волосы внизъ, гдѣ находится резиденція царя. Царь убиваетъ юношу, чтобы овладѣть красавицей. („Очерки с.—з. Монголіи“, IV, 240) *)

По другому варіанту, царь посылаетъ отрядъ войска, но войско побито. Только послѣ того, какъ юноша схваченъ и убитъ, войску удается взять красавицу.

Во второмъ выпускѣ моихъ «Очерковъ», стр. 173, помѣщена сказка, въ которой находится сходная тема—посылка войска противъ женщины, живущей уединенносъ мужчиной. Царица родила ребенка; царь заподозрилъ, что ребенокъ этотъ прижитъ царицей отъ связи съ ламой; онъ велитъ отвезти царицу съ ламой и ребенкомъ въ ссылку на островъ. Спустя нѣкоторое время, царь посылаетъ посмотрѣть, не прибыло-ли дѣтей у царицы; если прибыло, значитъ, она живетъ съ ламой. Посланные донесли, что видѣли у царицы уже двухъ, а не одного ребенка. Тогда царь посылаетъ войско взять сосланныхъ. Но лама обращаетъ нарѣзанный камышъ въ воиновъ, которые побиваютъ царское войско. Когда нѣсколько такихъ приступовъ было отбито, царь убѣждается въ святости и невинности ламы, освобождаетъ его изъ ссылки, а царицѣ даетъ войска и казны и посылаетъ ее въ Русь, гдѣ она должна сдѣлаться русской царицей. Темы о волосахъ тутъ нѣтъ, но сходство въ томъ, что въ обѣихъ сказкахъ есть пара, мужчина и женщина, которые живутъ уединенно (на берегу рѣки или на островѣ) и противъ которыхъ царь посылаетъ войско.

Третья сказка, помѣщенная въ „Очеркахъ“, IV, стр. 275, приводитъ насъ къ темѣ, напоминающей эпизодъ о сватовствѣ Кира на Томирисѣ. Царь Чилунъ-Ташюръ посылаетъ ко вдовѣ царя Комбу-Дорджи сватать ее за себя замужъ. Царица отказываетъ ему; она говоритъ, что у нея родился сынъ, слѣдовательно, она имѣетъ уже наслѣдника; Чилунъ-Ташюръ

*) Въ варіантахъ, записанныхъ мною въ Ордосѣ и въ Гумбумѣ и еще не напечатанныхъ, сказка начинается такъ: „Шестеро товарищей разошлись въ разныя стороны; одинъ изъ нихъ доходитъ до жилища дѣвицы“...

высказываетъ подозрѣніе, что этотъ наслѣдникъ прижитъ ею не отъ покойнаго царя, а отъ ламы, и потому онъ незаконный наслѣдникъ, и посылаетъ противъ царицы войско; но лама, который былъ заподозрѣнъ въ связи съ царицей, велѣлъ нарѣзать камышу и обратилъ этотъ камышъ въ солдатъ, кототорые и побиваютъ царское войско *).

Приведенныя сказки показываютъ, что выраженіе „русская дѣвица Даригà" явилась въ киргизской сказкѣ не по личному капризу киргизскаго разсказчика, и что уже въ монгольскихъ устныхъ памятникахъ оно, повидимому, связывалось съ сюжетомъ, соотвѣтствующимъ, по крайней мѣрѣ, первой половинѣ киргизской сказки. Что касается до второй половины—боя отца съ сыномъ,—подобной темы я не могу указать въ извѣстныхъ мнѣ монгольскихъ сказаніяхъ. Встрѣчаются только намеки. Такъ, наприм., въ дюрбютской былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ есть эпизодъ о борьбѣ дяди съ племянникомъ („Очерки". IV, 452), и въ той же былинѣ далѣе о боѣ брата съ братомъ (ibid. 470). Интересно, что одинъ изъ братьевъ носитъ названіе *Арсланъ* (левъ). На отношенія былины или сказки объ Иринъ-Сайнѣ къ русской сказкѣ объ *Урусланѣ* или Еруслане мною указано въ „Очеркахъ" (IV, 912—914) и въ Запискахъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла, по отдѣленію этнографіи, т. 1, вып. 1, въ примѣчаніи къ сказкѣ о Ханъ-Гужирѣ.

Г. Потанинъ.

---

*) Конецъ этой сказки, который здѣсь незачѣмъ излагать, сходенъ со сказкой о царевичѣ Донгдумѣ, помѣщенной въ тибетскомъ Дзанглунѣ (Der Weise und der Thor. St.-Ptsb. 1843 г., стр. 91). Въ этой сказкѣ вельможа совѣтуетъ царю спорную женщину разрѣзать на семь частей по числу претендентовъ на ея руку. Ордосская сказка о шести товарищахъ кончается тѣмъ, что они возвращаютъ увезенную царемъ жену, но начинаютъ спорить, кому она принадлежитъ, и кончаютъ тѣмъ, что разрываютъ ее на части,—косвенное указаніе на родство ордосской сказки о шести товарищахъ со сказкой о царѣ Чилунъ-Ташюрѣ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ МАНГАРДТЪ.

(Изъ воспоминаній этнографа).

Имя Мангардта, произведшаго почти цѣлый переворотъ въ области изученій народныхъ преданій, народной миѳологіи, извѣстно у насъ въ весьма ограниченномъ кругу спеціалистовъ. А между тѣмъ труды этого ученаго давно уже пользуются громадной извѣстностью во всемъ ученомъ мірѣ и вызвали повсюду цѣлый рядъ послѣдователей его направленія и метода изученія народныхъ традицій. У насъ же до сихъ поръ нѣтъ на русскомъ языкѣ не только ни одного изъ его сочиненій, но даже краткаго отчета о его жизни и дѣятельности, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Ближайшее знакомство съ трудами Мангардта безспорно оказало бы плодотворное вліяніе на новое поколѣніе нашихъ мѣстныхъ наблюдателей народной жизни вообще и на собирателей этнографическихъ данныхъ въ особенности. Говорю это такъ увѣренно на основаніи личнаго своего опыта. Не знай я во-время о новѣйшемъ направленіи науки, сказавшемся въ работахъ Мангардта, я едва-ли бы включилъ въ свои послѣдніе сборники ту значительную долю бытового матеріала, которымъ такъ интересуется современная этнографическая наука. Да, знакомству съ произведеніями Мангардта я обязанъ лучшими результатами своихъ крохоборныхъ трудовъ, удостоенныхъ такимъ лестнымъ, ободрительнымъ для меня, вниманіемъ со стороны отечественныхъ и иностранныхъ ученыхъ-спеціалистовъ. Поэтому смѣю надѣяться, что читатель непосѣтуетъ на меня, если я позволю себѣ здѣсь сообщить существенные факты изъ исторіи этого знакомства, тѣмъ болѣе, какъ мнѣ кажется, не лишніе, что съ одной стороны они раскрываютъ

весьма поучительный, едва замѣтный для посторонняго наблюдателя, сокровенный психическій ходъ преемственности идей, а съ другой выставляютъ знаменитаго миѳолога откровеннымъ докладчикомъ своихъ замысловъ и стремленій, равно какъ и тѣхъ препятствій, которыя встрѣтились ему на пути къ ихъ осуществленію.

Зимою 1868 года, будучи въ Москвѣ наѣздомъ изъ Витебска, гдѣ я служилъ, я получилъ отъ покойнаго А. А. Котляревскаго вмѣстѣ съ первыми выпусками редактированнаго имъ періодическаго изданія „Древностей“ Императорск. Моск. Арх. Общества нѣсколько оттисковъ оттуда-же статьи приватъ-доцента Берлинскаго университета В. Мангардта, подъ заглавіемъ „Просьба“, въ которой онъ, во имя науки, обращается ко всѣмъ друзьямъ просвѣщенія о доставленіи ему отвѣтовъ на рядъ вопросовъ, касающихся обрядовъ и обычаевъ, соблюдаемыхъ крестьянами-пахарями при своихъ земледѣльческихъ работахъ. Въ это время я только что приступилъ къ собиранію матеріаловъ для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края и вырабатывалъ для этой цѣли свою программу. Поэтому означенная „Просьба“ явилась мнѣ какъ нельзя болѣе кстати и вызвала во мнѣ самое живое, самое горячее сочувствіе къ дѣятельности и стремленіямъ ея автора. Съ тѣхъ поръ значительная часть моихъ этнографическихъ поисковъ была направлена въ ту сторону, которая такъ ясно была указана Мангардтомъ, и я сталъ, насколько это оказалось возможнымъ въ провинціи, слѣдить за его работами въ области аграрной миѳологіи и поэзіи. Лѣтомъ же 1876 года, т.-е. почти два года спустя по выходѣ въ свѣтъ моего перваго бѣлорусскаго сборника, мнѣ выпалъ на долю счастливый случай войти въ ближайшія (правда письменныя) сношенія съ моимъ новымъ, высокопочитаемымъ наставникомъ. На пути изъ Риги въ Гапсаль, куда я направлялся для поправленія разстроеннаго здоровья, я познакомился на пароходѣ съ извѣстнымъ въ свое время остзейскимъ этнографомъ, почтеннымъ старикомъ Русвурмомъ, бывшимъ инспекторомъ училищъ гапсальскаго района. Мы разговорились, и когда мой собесѣдникъ узналъ отъ меня объ излюбленной мною спеціальности и въ частности о томъ, что я, подъ вліяніемъ Мангардта, на пути своихъ розысковъ обращаю усиленное вниманіе на обряды и обычаи зем-

ледѣльческіе, то онъ, какъ видно было, этому очень обрадовался и объявилъ мнѣ, что Мангардтъ его родной племянникъ и что онъ не преминетъ написать ему о встрѣчѣ со мною и о направленіи, въ извѣстной степени, моихъ собирательскихъ работъ по указаннымъ имъ слѣдамъ. И дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Калугу, гдѣ я тогда служилъ, я, черезъ посредство того же Русвурма, получилъ отъ Мангардта изъ Данцига, вмѣстѣ съ нѣсколькими его интересными брошюрами, весьма любезное и обстоятельное письмо отъ 19 дек. 1876 г., которое ради общаго интереса, въ немъ заключающагося, привожу здѣсь въ сокращеніи.

„М. Г.! На основаніи весьма дорогихъ для меня свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ моимъ добрымъ другомъ и близкимъ родственникомъ Русвурмомъ, я съ живѣйшей радостью привѣтствую васъ какъ сотрудника въ той области, которую я съ удовольствіемъ и любовью, хотя съ слабыми силами, стараюсь разрабатывать. Безъ этихъ свѣдѣній, при настоящемъ положеніи нѣмецкой литературы, едва ли бы такъ скоро проникла въ нашу провинціальную глушь вѣсть о вашихъ работахъ, имѣющихъ для меня такой интересъ; наши же библіотеки, даже Берлинская, очень рѣдко, или даже совсѣмъ не обращаютъ вниманія на явленія русской книжной торговли. Такимъ образомъ, часто случается, что только много лѣтъ спустя до меня доходятъ объявленія о книгахъ, немедленному пріобрѣтенію которыхъ, просто на угадъ, большей частью препятствуетъ состояніе моихъ финансовъ. Но ваши книги я себѣ выпишу, какъ только узнаю подлинное ихъ заглавіе, мѣсто печати и издателя, о чемъ вы, для почина, соблаговолите сообщить на особой записочкѣ книгопродавцу.

Немного лѣтъ тому назадъ, благодаря назначенному мнѣ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія пособію, сначала въ 400, впослѣдствіи въ 600 талеровъ въ годъ, я сталъ пользоваться неоцѣненнымъ счастіемъ располагать своимъ временемъ для продолженія научныхъ своихъ работъ. Это произошло по представленію Берлинской Академіи Наукъ, которая вполнѣ одобрила мой планъ о собираніи миѳологическихъ обрядовъ и обычаевъ, употребляемыхъ при земледѣльческихъ работахъ...

Начиная съ 1851 года, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ

студентомъ въ Берлинскій университетъ, меня постоянно одушевляло желаніе быть когда-либо въ состояніи хоть сколько-нибудь посодѣйствовать тому, чтобы поставить нѣмецкую миѳологію, а за нею миѳологію вообще, на степень дѣйствительной науки. Перенесши дѣтскія болѣзни нашей молодой науки, я мало по малу пришелъ къ тому заключенію, что добраться до твердаго фундамента для надлежащаго изслѣдованія оказалось бы непремѣнно возможнымъ только тогда, когда бы мнѣ удалось сперва систематически прослѣдить хоть небольшой кругъ традицій, какъ во всю ширину этнографической области ихъ проявленія, такъ и въ глубь исторіи, до перваго упоминанія о нихъ въ письменныхъ памятникахъ. Для этой цѣли я выбралъ обряды при посѣвѣ и жатвѣ, на томъ основаніи, что сѣверо-германскій и шведскій обычаи оставлять на нивѣ послѣдній снопъ богу Wode, или Одину, казалось мнѣ, ручается за то, что мы здѣсь, навѣрное, имѣемъ дѣло съ формаціей традицій, соприкасающихся съ нашимъ язычествомъ.

Вначалѣ я думалъ въ мірѣ германскомъ найти предѣлы распространенія данныхъ традицій, но вскорѣ оказалось, что и славянскія и романскія страны необходимо вовлечь въ кругъ изслѣдованія. Я употребилъ всѣ усилія, чтобы распространить одни и тѣ же вопросы на всѣ европейскія земли. Три войны, веденныя Германіей въ послѣднее десятилѣтіе, пришли мнѣ на помощь въ томъ отношеніи, что представили мнѣ случай собрать нужныя для моей цѣли свѣдѣнія отъ массы земледѣльческаго люда, находившагося тогда въ средѣ плѣнныхъ датчанъ, австрійцевъ и французовъ. Въ настоящую минуту у меня въ ходу собиранія матеріаловъ: въ Греціи (начиная съ Олимпа)—подъ руководствомъ г. Гиршфельда, въ Италіи—г. Питрэ.

Нѣсколько тысячъ разбросанныхъ мною въ формѣ вопросныхъ листковъ собирательныхъ зернушекъ не взошли; во многихъ мѣстахъ кое-что и собрали, но собранный матеріалъ до меня не дошелъ ни въ формѣ подлинныхъ записей, ни въ видѣ заявленныхъ въ печати собственныхъ сочиненій, ни даже въ видѣ увѣдомленія о существованіи подобныхъ сочиненій. Такъ, напр., археологическое и этнографическое (?) общество въ Москвѣ распростра-

нило въ публикѣ программу моихъ вопросовъ на русскомъ языкѣ, но собранный матеріалъ, между которымъ было много болгарскаго, перешелъ отъ Аѳанасьева къ Котляревскому, а послѣдній мнѣ его не доставлялъ. Равнымъ образомъ я ничего не могъ узнать о результатѣ собиранія матеріаловъ, предпринятаго въ Литовскомъ Отдѣленіи Географическаго Общества въ Вильнѣ (?), опять таки при помощи русскаго перевода моей программы вопросовъ.

Большое затрудненіе возникаетъ для меня изъ того обстоятельства, что результаты моихъ изслѣдованій такъ рѣзко отступаютъ отъ обще принятыхъ въ Германіи взглядовъ, вслѣдствіе преувеличеннаго значенія, которое тамъ придаютъ миѳологіи Эдды, и отъ взглядовъ, распространенныхъ ученіемъ Куна,—что люди, въ нихъ коснѣющіе, или только медленно въ нихъ оріентируются, или же совѣстятся сознаться въ своей ошибкѣ. А такъ какъ вслѣдствіе этого печать сохраняетъ молчаніе на этотъ счетъ, а читающая публика естественно тѣмъ менѣе обнаруживаетъ вкусъ и охоту къ пріобрѣтенію трудовъ этого рода, то весьма затруднительно найти издателя моему большому собранію матеріаловъ. Поэтому я рѣшился попытаться возбудить болѣе живой интересъ къ моему предпріятію посредствомъ изложенія нѣкоторыхъ главныхъ результатовъ моего изслѣдованія въ связи съ болѣе извѣстными и разработанными областями знанія. Выполненіе этого намѣренія постоянно возрастало у меня подъ руками. И тутъ опять подъ давленіемъ книгопродавцевъ я вынужденъ былъ раздробить свой трудъ, относительно внѣшней его формы, на слѣдующія три части: 1) „Культъ дерева у Германцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ". 2) „Античные лѣсные и полевые культы", объясненные при помощи сѣверо-европейскихъ преданій. 3) „Греческіе и Римскіе аграрные культы по сѣверо-нѣмецкимъ источникамъ"...

Всѣ три книги составляютъ одно цѣлое и взаимно другъ на друга опираются до такой степени, что третья, почти оконченная въ рукописи, послужитъ увѣнчаніемъ всего зданія, такъ какъ она, рядомъ сохранившихся въ вѣрованіяхъ народа аналогій, по моему, съ довольно сильной вѣроятностью раскрываетъ миѳологію *Деметры*. Если не ошибаюсь, то эта часть является самою зрѣлою, и въ отношеніи философскомъ болѣе глубоко и болѣе старательно

обработанною изъ всего моего труда. По опубликованіи этой части я намѣренъ приступить къ печатанію давно оконченной и ожидающей своей очереди книги, подъ заглавіемъ: „Памятники Латышско-Прусской миѳологіи“, историческаго сочиненія, дающаго источники для обоснованія латышской, литовской, прусской и славянской миѳологіи, а затѣмъ приступлю къ обнародованію собранія земледѣльческихъ обрядовъ.

Опубликованіе второй части—„Лѣсныхъ и полевыхъ культовъ древнихъ“—имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ Германіи цѣлая группа (8—10) знаменитыхъ ученыхъ самымъ положительнымъ образомъ обѣщали мнѣ посвятить въ слѣдующемъ году сочувственные и обстоятельные разборы всѣхъ моихъ трудовъ, между тѣмъ какъ французская, англійская и итальянская ученая критика уже давно высказалась въ мою пользу.

Безъ всякаго пристрастія съ своей стороны я смѣю надѣяться, что послѣ появленія моей книги: „Греческій и Римскій земледѣльческіе культы“ мои стремленія завоюютъ себѣ всеобщее признаніе и вслѣдствіе этого я получу возможность опубликовать свое собраніе матеріаловъ, а этимъ путемъ подойти наконецъ ближе къ одобренной министромъ цѣли, а именно: вызвать къ жизни *новое учрежденіе* (по образцу институтовъ археологическихъ) *для возможно полной разработки и собиранія народныхъ преданій*. Я представляю себѣ такой институтъ *международнымъ*, т. е. въ такомъ родѣ, чтобы въ каждой болѣе значительной странѣ, какъ только важность этихъ работъ войдетъ во всеобщ е сознаніе, было основано подобное учрежденіе, и чтобы начальства этихъ институтовъ входили въ соглашеніе между собою о предметѣ и вопросахъ, которые они сообща, каждый въ своемъ кругу, желали бы подвергнуть систематическому изслѣдованію. Такимъ-то образомъ каждая нація могла бы направить всю свою силу на весь объемъ своей области; работа двинулась бы тогда живѣе впередъ, могла бы производиться интенсивнѣе и не была бы лишена надежды на результаты изслѣдованія, простирающагося на всю европейскую территорію...“

Вотъ какъ широко думалъ поставить Мангардтъ дѣло этнографическаго изученія.

Слѣдующія выдержки изъ его сочиненій могутъ служить существенымъ дополненіемъ къ выясненію его взглядовъ на счетъ важности этого изученія вообще и практическихъ поіемовъ къ его выполненію.

„Со временъ, составляющихъ эпоху великихъ работъ братьевъ Гриммовъ, и благодаря вызванному ими обилію матеріаловъ и отдѣльныхъ монографій, стало внѣ всякаго сомнѣнія то громадное значеніе, которое заключаютъ въ себѣ преданія народныя (сказанія, обычаи, обряды, суевѣрія и т. д.), какъ источникъ познанія для многихъ отраслей исторіи культуры, какъ, напр., для индогерманской праисторіи, для сравнительной миѳологіи отдѣльныхъ племенъ, для христіанскихъ древностей, для народной психологіи и пр. Во всякомъ случаѣ, неопровержимо то, что въ обычаѣ и вѣрованіяхъ народныхъ осѣлось не мало значительныхъ остатковъ нѣкоторыхъ различныхъ другъ отъ друга, давно погибшихъ культурныхъ слоевъ, которые, при правильномъ ими пользованіи, современемъ могутъ доставить человѣческому знанію такой запасъ, который можно только сравнить съ богатыми результатами естественныхъ наукъ.

Но такъ какъ древнія традиціи подъ вліяніемъ вихрообразнаго движенія новѣйшей культуры исчезаютъ въ быстро-возрастающей прогрессіи, потому что вмѣстѣ съ вѣрованіемъ въ нихъ въ народѣ вымираютъ и самыя свѣдѣнія о нихъ, что для живущаго поколѣнія становится священнымъ долгомъ, пока еще есть время и возможность, спасти для пользы науки тѣ предметы, которые день ото дня все болѣе и болѣе исчезаютъ и должны исчезнуть изъ жизни, и такимъ образомъ сохранить на память нашимъ дѣтямъ и внукамъ добрую долю внутренней жизни ихъ предковъ. На насъ живущихъ тяготѣетъ эта тяжелая обязанность, и потомство наше будетъ горько сѣтовать на насъ, если мы, не смотря на болѣе доступныя намъ свѣдѣнія, пропустимъ срокъ для сбора колосьевъ, который лишь мы одни могли предпринять во-время и исполнить съ той точностью и полнотою, при которыхъ только и возможны плодотворные результаты для науки.

Но для этой цѣли доселѣ практиковавшійся способъ собиранія недостаточенъ, хотя и онъ былъ необходимъ и полезенъ. Строго научная

разработка выше-названной, вновь возникшей области вѣдѣнія невозможна будетъ до тѣхъ поръ, пока для каждаго отдѣльнаго преданія не будутъ собраны всѣ варіанты сподрядъ, изъ всѣхъ областей, изъ всѣхъ мѣстностей, изъ всѣхъ деревень, безъ всякихъ промежутковъ, не минуя ни одной. Такимъ только образомъ станетъ возможнымъ отыскивать первоначальную родину и первоначальное содержаніе мыслей этихъ преданій, собрать воедино разрозненныя звенья цѣпи всѣхъ традицій и заложить такой фундаментъ, который долженъ служить основаніемъ для каждой исторической нормы, фундаментъ для изслѣдованія по историческимъ источникамъ. Конечно, подобное изслѣдованіе нельзя будетъ вести тѣмъ путемъ, какимъ до сихъ поръ велись и ведутся изслѣдованія тѣхъ традицій, которыя давно уже сдѣлались достояніемъ письменности и литературы. Какъ ни велико, съ одной стороны, число провинцій, разслѣдованныхъ трудами прилежныхъ собирателей, но съ другой стороны оказывается масса областей, лежащихъ въ промежуткѣ первыхъ, вовсе никѣмъ изъ нихъ не затронутыхъ. И даже собранный уже нѣкоторыми изслѣдователями матеріалъ, большей частью, касается только ближайшей окрестности тѣхъ мѣстъ, откуда они предпринимали свои поиски.

Но собранныя доселѣ практиковавшимся способомъ данныя неудовлетворительны не только въ отношеніи пространства, но и въ отношеніи вещественномъ. Каждый собиратель ловилъ изъ устъ народа въ сущности только тѣ преданія, которыми онъ, по своему личному вкусу, интересовался. Поэтому для пополненія пробѣловъ нужно изыскать такіе способы, которые бы дали возможность прослѣдить рѣзко опредѣленныя преданія шагъ за шагомъ, отъ области къ области, отъ деревни до деревни, вплоть до послѣднихъ предѣловъ ихъ этнографическаго распространенія, и обратно—въ глубь исторіи, до перваго упоминанія о нихъ въ литературѣ. Такое собираніе должно быть предпринято въ обширныхъ размѣрахъ изъ одного центра и по методическому плану.

Такимъ-то образомъ, мало-помалу возрастетъ документальная книга, сокровище источниковъ народныхъ преданій, которое сможетъ передать наукѣ грядущихъ временъ достаточный матеріалъ для обильныхъ, едва еще чаемыхъ теперь изслѣдованій". (W. Mann-

hardt: Roggenwolf und Roggenhund. 2-te vermehrte Auflage. Vorwort. S. III—V).

По полученіи перваго письма Мангардта я немедленно занялся, согласно его просьбѣ, переводомъ на нѣмецкій языкъ тѣхъ мѣстъ изъ моего бѣлорусскаго сборника, которыя касаются жатвенныхъ обрядовъ (за исключеніемъ пѣсенъ), и вмѣстѣ съ названнымъ сборникомъ, съ присоединеніемъ также первой части моего сборника великорусскихъ пѣсенъ и довольно обстоятельнаго письма, отправилъ по почтѣ въ Данцигъ къ В. Мангардту.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, почтенный ученый откликнулся весьма сердечнымъ письмомъ и возобновилъ свою просьбу ко мнѣ относительно указаній по части русской народной миѳологіи.

Но на этотъ разъ обрушившійся на меня цѣлый обвалъ сокрушительныхъ непріятностей по службѣ лишилъ меня возможности позаняться исполненіемъ просьбы, выраженной во второмъ письмѣ ко мнѣ глубоко уважаемаго мною ученаго, а вслѣдствіе этого я день ото дня сталъ все откладывать въ долгій ящикъ и свой отвѣтъ къ нему, тѣша себя надеждой въ предстоявшее лѣто съѣздить для лѣченія за-границу и тогда нарочно направить свой путь туда черезъ Данцигъ для личнаго знакомства съ В. Мангардтомъ. Но этой надеждѣ не суждено было осуществиться, а время и невзгоды моей жизни шли да шли, не давая мнѣ ни отдыха, ни покоя, и я дорогого своего корреспондента совсѣмъ потерялъ изъ виду.

Вдругъ въ концѣ 1880 г., или въ началѣ 1881-го я совершенно неожиданно для меня прочелъ въ газетахъ летучее извѣстіе о смерти незабвеннаго этнографа, постигшей его 25 дек. 1880 г. Подъ удручающимъ впечатлѣніемъ этой вѣсти я обратился съ просьбой къ почтенному его дядѣ Русвурму о сообщеніи мнѣ существенныхъ данныхъ о жизни и дѣятельности его знаменитаго племянника. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, этотъ почтенный старецъ прислалъ мнѣ оттискъ статьи, заключающей въ себѣ довольно подробный некрологъ покойнаго Мангардта *).

*) Это былъ оттискъ статьи помѣщенной въ „Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Altertumswissenschaft, herausg. von C. Bursian, Bd. XXIV З. 1—6.

Не считая возможнымъ приводить здѣсь эту статью цѣликомъ, мы довольствуемся лишь тѣми выдержками, которыя могутъ дополнить наше представленіе о ходѣ дѣятельности и развитіи идей Мангардта, а также яснѣе представить общее значеніе его трудовъ.

Страдая отъ рожденія (род. 1831 г.) физическими недугами. Мангардтъ былъ зато одаренъ живой фантазіей и замѣчательной воспріимчивостью ко всему поэтически-прекрасному. Вмѣстѣ съ тѣмъ рано пробудившееся въ возрастающемъ юношѣ чувство національности, которое особенно съ 1844 г. нашло себѣ пищу въ одушевленномъ интересѣ къ Шлезвигъ-Голштинскому вопросу, вызвало въ немъ желаніе ближе ознакомиться съ миѳологіей своего народа и уже какъ ученикъ предпослѣдняго класса гимназіи онъ читалъ „Нѣмецкую Миѳологію" Як. Гримма. Съ этой поры онъ уже принялъ рѣшеніе посвятить свою жизнь служенію наукѣ, а именно — спеціально изслѣдованію германской миѳологіи, по примѣру Гримма.

Поступивъ въ Берлинскій университетъ, онъ особенно усердно занимался нѣмецкими древностями. Получивши въ 1854 г. степень доктора философіи, онъ оставилъ университетъ. Темою для своей диссертаціи онъ выбралъ разсужденіе объ антропологіи германцевъ, которое онъ въ рукописи посвятилъ Я. Гримму. Изъ этого труда онъ впослѣдствіи кое-что обнародовалъ въ Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde, остальное онъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи: „Germanische Mythen". Съ большимъ рвеніемъ продолжалъ онъ преслѣдовать свою цѣль. Еще въ 1853 г. онъ, будучи въ Тюбингенѣ, познакомился съ Вольфомъ, который тогда основалъ журналъ для нѣмецкой миѳологіи и обычаевѣдѣнія Съ этимъ ученымъ и обязательнѣйшимъ человѣкомъ Мангардтъ вступилъ теперь въ тѣснѣйшія личныя сношенія и сдѣлался ревностнѣйшимъ сотрудникомъ, а потомъ и редакторомъ названнаго журнала. Во 2-мъ томѣ его (1885) помѣщено цѣлыхъ пять работъ Мангардта; въ 4-мъ (1859) — 11 работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вошелъ въ связь съ большимъ кругомъ ученыхъ спеціалистовъ, а главнымъ образомъ съ Я. и В. Гриммами, К. Мюллендорфомъ, Ад. Куномъ, В. Шварцомъ и В. Шереромъ.

Въ 1858 г. вышелъ въ свѣтъ его первый большой трудъ: „Germanische Mythen“ (Германскіе Миѳы). Наконецъ, въ 1860 г. въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker (1 Theil: Die Götter)“ онъ сдѣлалъ попытку представить въ популярномъ изложеніи тѣ результаты всѣхъ доселѣшнихъ изслѣдованій о германской миѳологіи, которые онъ тогда считалъ несомнѣнными. Уже во введеніи къ „Германскимъ Миѳамъ“ Мангардтъ указалъ на народныя преданія, какъ на единственный источникъ германской и всякой другой миѳологіи. Въ „Götterwelt“ онъ желалъ въ простомъ и вполнѣ согласномъ съ источниками изложеніи сдѣлать значительнѣйшія сокровища германской миѳологіи доступными образованнѣйшей части націи и пробудить интересъ къ этому дѣлу въ дальнѣйшихъ кругахъ нѣмецкаго народа. За первымъ томомъ долженъ былъ послѣдовать второй — о демонахъ: Ueber die Dämonen (объ Эльбѣ, Эльфахъ, великанахъ и т. д.), равно какъ о сотвореніи міра и его концѣ, по древнегерманскимъ представленіямъ. Но этотъ второй томъ не явился, ибо Мангардтъ убѣдился, что тотъ неисчерпаемо - богатый источникъ народныхъ преданій, который онъ признавалъ единственно вѣрнымъ для миѳологіи, еще далеко не раскрытъ и имъ мало еще воспользовались, и поэтому онъ рѣшилъ, прежде чѣмъ приступить къ выполненію своего труда о германской миѳологіи на научномъ основаніи, возстановить это самое основаніе, предпринявъ предварительно для этой цѣли возможно полное собраніе народныхъ преданій германцевъ и сосѣднихъ съ ними народовъ. Такимъ образомъ возникъ у него планъ колоссальной коллекціи народныхъ традицій, которую онъ неутомимой работой надѣялся собрать въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій. Около этого-то времени онъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ на разныхъ европейскихъ языкахъ выпустилъ въ свѣтъ вопросные листы, желая ближе придвинуть къ себѣ ту цѣль, которую сначала думалъ было достигнуть одной личной своей работой.

Убѣдившись, что обоснованіе миѳологіи, какъ науки положительной, точной, возможно будетъ только тогда, когда удастся собрать всѣ преданія, во всѣхъ ихъ формахъ и варіантахъ, точно установить этнографическіе предѣлы ихъ распространенія, а вмѣ-

стѣ съ тѣмъ отыскать повсюду сохранившіяся съ самыхъ раннихъ временъ свидѣтельства (письменныя?), онъ ясно увидѣлъ, что вышеозначенная колоссальная работа могла бы состояться только исподоволь, дружнымъ содѣйствіемъ многочисленныхъ разыскателей. Поэтому онъ ограничилъ свою работу болѣе тѣсными предѣлами. Ему казалось именно особенно важнымъ, если бы можно было на какомъ-либо опредѣленно очерченномъ комплексѣ традицій показать, возможно ли вообще добиться надежныхъ свѣдѣній о миѳахъ древняго періода посредствомъ тѣхъ преданій, которыя донынѣ существуютъ въ средѣ народной.

Эти соображенія Мангардтъ попробовалъ теперь примѣнить къ земледѣльческимъ обрядамъ и его вопросные листы, разосланные почти по всѣмъ европейскимъ землямъ, все болѣе и болѣе подвигали впередъ прилежные сборы и сообщенія подлежащаго матеріала. Кромѣ того, онъ изложилъ планъ своей работы въ одной публичной лекціи, которую потомъ напечаталъ въ Correspondenz-blatt des Gesammtvereins der deutschen Geschichte und Alterthumsvereine, 1865 г. (November-December). Собранный матеріалъ сталъ къ нему стекаться отовсюду: изъ иныхъ сторонъ въ весьма обильномъ количествѣ, изъ другихъ—довольно скудно. Самъ же Мангардтъ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ только ему представлялась возможность, воспользоваться чѣмъ-нибудь для своей цѣли. Такъ напр. въ 1864, 1866 и 1870—71 годахъ онъ старательнѣйшимъ образомъ выспрашивалъ военноплѣнныхъ, которые находились тогда въ Граденцѣ, Диршау и Данцигѣ. Онъ для той же цѣли совершилъ въ 1867 г. путешествіе въ Швецію, а въ 1870, передъ началомъ войны—въ Голландію. И въ русскія остзейскія провинціи онъ неоднократно совершалъ научныя поѣздки, а въ 1874 г. опять посѣтилъ Швецію и Норвегію.

Чтобы показать, что дѣйствительно изъ вновь добытаго матеріала можно вывести важныя заключенія для науки, онъ уже въ 1865 г. издалъ небольшой трактатъ: „Roggenwolf und Roggenhund" (житный волкъ и житная собака). Въ 1868 послѣдовалъ подобный трактатъ: „Die Korndämonen"(житные или хлѣбные демоны). Оба эти сочиненія имѣли цѣлью въ одно и то же время заинтересовать въ пользу своего предпріятія болѣе широкіе круги общества

и вызвать повсюду ревностныя разысканія и собиранія земледѣльческихъ обычаевъ. На основаніи все болѣе и болѣе накапливашагося у него матеріала, онъ въ 70-хъ годахъ предпринялъ наконецъ изданіе сочиненія бо̀льшаго объема, разсчитаннаго на три тома, подъ заглавіемъ: „Wald-und Feldkultus“. Въ 1875 г. появился въ печати 1-й томъ этого сочиненія, обнимающій собою культъ дерева у Германцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ; 2-й же томъ вышелъ въ 1877 г. подъ заглавіемъ: „Antike Wald-und Feldkulte aus nordeuropäischer Ueberlieferung erläutert“ (Античные лѣсные и полевые культы, объясненные изъ сѣверо-европейскихъ преданій). Долженъ былъ явиться еще третій томъ, задачей котораго было—изъ собраннаго матеріала о сѣверо-европейскихъ жатвенныхъ обрядахъ разъяснить миѳологію Деметры и жатвенные праздники древняго Рима. Этотъ томъ Мангардтъ не успѣлъ приготовить къ печати, однако остался цѣлый рядъ оконченныхъ статей, которыя должны были въ него войти.

Въ промежутки времени Мангардтъ помѣщалъ въ журналахъ или издавалъ отдѣльно небольшія сочиненія. Такъ напр., еще въ 1864 г. онъ издалъ „Die Kindheit Jezu in der Volkssage“ и „Zur Geschichte des Weihnachtsfestes“, подъ общимъ заглавіемъ: „Weihnachtsbüchlein in Sitte und Sage“; въ „Zeitschrift für deutsches Alterthum“ Морица Гаупта, Bd. II, 1865, напечатана статья: „Angang der Vögel im Frühling“; далѣе въ Altpreussische Monatschrift Bd. III, 1866, „Sagen aus dem Kreise Carthaus“. Въ издаваемомъ Вирховомъ и Гольцендорфомъ собраніи статей (въ X-й серіи, № 239), въ 1875 г. появился его трактатъ „Klutia“.

Послѣ изданія 2-го тома въ 1877 г. лѣсныхъ и полевыхъ культовъ въ X т., назв. серіи уже упомянутаго „Zeitschrift für deutsches Alterthum“ появилось дополненіе къ нему, подъ заглавіемъ: „Uebereinstimmung deutscher und antiker Volksüberlieferung“ (совпаденіе нѣмецкихъ народныхъ преданій съ античными).

Чтобы показать тѣсную научную связь своихъ научныхъ работъ, какъ съ другими науками, такъ и съ практической жизнью современности, Мангардтъ въ 1878 г. написалъ еще одно самостоятельное разсужденіе: о практическихъ послѣдствіяхъ суевѣрій (въ Zeit-und Streitfragen, herausgegeben v. Holzendorff und Onken).

Для насъ особенно интересно будетъ отмѣтить то совершенно исключительное вниманіе, какое Мангардтъ уже съ середины своихъ годовъ посвятилъ изслѣдованію миѳологіи Литовцевъ и Латышей въ связи съ миѳологіей Пруссовъ.

Въ 1868 г. онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Биленштейномъ издалъ: „Joh. Lasicii Poloni de diis Samogitarum libellus". Въ 1875 г. онъ помѣстилъ въ VII т. журнала для этнологіи Бастіана и Гартмана статью: „Lettische Sonnenmythen", за которой должна была послѣдовать въ скоромъ времени книга, подъ заглавіемъ: „Denkmäler der letto-preussichen Mythologie" (Памятники Латышско-Прусской миѳологіи). Неоконченное въ рукописи сочиненіе это перешло въ руки доктора Беркгольца (въ Ригѣ), который съ весьма любезной предупредительностью принялъ на себя изданіе этой книги.

Все написанное и изданное Мангардтомъ онъ самъ называлъ только самою меньшею частью добытыхъ имъ доселѣ результатовъ. По изданіи названныхъ, отчасти уже оконченныхъ въ рукописи сочиненій должно было, по его плану, послѣдовать подлинное собраніе самихъ земледѣльческихъ обрядовъ, какъ завершеніе всѣхъ его работъ.

Ему не суждено было дожить до этого. Недуги, которые были слѣдствіемъ ненормальнаго, искалѣченнаго тѣлосложенія, въ послѣдніе годы его жизни увеличились ужасающимъ образомъ. Астма и безсонница отравили ему страданіемъ всѣ его дни. Уже не разъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ съ нимъ случались припадки, внушавшіе опасеніе. Въ одинъ изъ такихъ припадковъ, послѣдовавшихъ послѣ удовлетворительнаго состоянія, продолжавшагося нѣсколько недѣль и внушавшаго ему бодрость духа и надежду, вдругъ нервный ударъ положилъ конецъ его жизни.

Не задаваясь цѣлью представить во всей полнотѣ значеніе Мангардта и его вліяніе на нѣмецкихъ ученыхъ и другихъ, мы отсылаемъ читателя къ статьѣ проф. Шерера, напечатанной въ качествѣ предисловія къ посмертному изданію труда Мангардта подъ загл. „Aus dem Nachlasse von W. Mannhardt" (1884). Мы приведемъ только заключеніе этой статьи. „Если когда-либо вниманіе болѣе обширныхъ круговъ общества опять обратится къ миѳологиче-

скимъ вопросамъ", говоритъ проф. Шереръ, „если изъ общераспространеннаго участія къ суевѣрнымъ воззрѣніямъ первобытныхъ народовъ перепадетъ хоть малая толика на долю сродственныхъ и болѣе доступныхъ для изслѣдованія народныхъ преданій родины, тогда увидятъ, что никто никогда съ бо́льшимъ успѣхомъ не сосредоточивалъ своихъ силъ въ этой области и своимъ примѣромъ не поставилъ болѣе важныхъ задачъ будущему, чѣмъ Мангардтъ".

Этими поучительными данными мы позволили себѣ восполнить наши воспоминанія, которыя безъ этого могли бы показаться недостаточными для характеристики такого выдающагося ученаго, какимъ былъ Мангардтъ.

П. В. Шейнъ.

---

† ФЕЛИКСЪ ЛИБРЕХТЪ.

Въ августѣ мѣсяцѣ скончался въ St.-Hubert, на Арденнахъ, Феликсъ Либрехтъ, авторъ многочисленныхъ изслѣдованій по исторіи всеобщей литературы и по фольклору. Либрехтъ родился въ Namslau (Бреславск. окр.) въ 1812 г., долгое время былъ профессоромъ въ Люттихѣ. До конца дней своихъ онъ внимательно слѣдилъ за успѣхами фольклора. Въ послѣднихъ книжкахъ журнала „Germania" печатаются его весьма цѣнныя библіографическія дополненія къ изданному имъ въ 1879 г. собранію его статей подъ общимъ заглавіемъ: „Zur Volkskunde". Еще до выхода въ свѣтъ этого собранія, именно съ 1851 г., Либрехтъ завоевалъ себѣ почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ переводомъ превосходнаго труда Dunlop'а „History of Fiction" (Geschichte der Prosadichtungen), и главнымъ образомъ собственными дополненіями и примѣчаніями къ этой книгѣ, помѣщенными въ концѣ ея. Въ обработкѣ Либрехта сочиненіе Dunlop'а получило значеніе настольной книги по вопросамъ, касающимся исторіи романовъ и повѣстей. Насколько этотъ трудъ Либрехта оказался важнымъ для историковъ

всеобщей литературы, настолько, если не въ большей еще степени, оказался полезнымъ, вышеназванный сборникъ его этнографическихъ статей и замѣтокъ подъ краткимъ и мѣткимъ заглавіемъ: „Zur Volkskunde". Въ этомъ сборникѣ главное мѣсто занимаютъ статьи о Мышиной башнѣ (преданіе о Гаттонѣ), объ источникахъ повѣсти Варлаама и Іосафата, о Вольфдитрихѣ, о бросаніи камней на могилу, и обзоръ повѣрій норвежскихъ, нѣмецкихъ и шотландскихъ. Академикъ А. Н. Веселовскій опредѣлилъ научное значеніе этого труда Либрехта въ обширной рецензіи въ 205 т. Журнала Минист. Народ. Просвѣщенія. „Слѣдя за мелкими работами (Либрехта), замѣчаетъ г. Веселовскій, всякій изъ насъ, трудившійся въ области Volkskunde, набирался не только фактическаго знанія, но и общихъ точекъ зрѣнія, и методологическихъ пріемовъ; и то и другое онъ принужденъ былъ выбирать, обобщая, изъ массы спеціальныхъ замѣтокъ и народно-поэтическихъ данныхъ, сведенныхъ вмѣстѣ искусной рукою..." (112). „Умѣлые найдутъ въ сборникѣ Либрехта много новаго и полезнаго, встрѣтятъ сближенія, которыя откроютъ имъ просвѣтъ въ неясную пока даль будущей Volkskunde, гдѣ сознательно поставится вопросъ о самостоятельномъ зарожденіи не только сходныхъ бытовыхъ формъ, но и ихъ поэтическо-образныхъ выраженій. Когда Volkskunde выйдетъ на путь научной законности, въ ея исторіи имя Либрехта будетъ помянуто добромъ" (124). Эти слова почтеннаго академика, сказанныя десять лѣтъ назадъ, еще при жизни Либрехта, нынѣ, надъ свѣжею его могилой, могутъ быть повторены съ тѣмъ большей основательностью, что ссылки на Либрехта стали часто появляться въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ русскихъ ученыхъ,—ясное доказательство, что его научная дѣятельность оказала благотворное вліяніе не только на развитіе европейскаго фальклора вообще, но и русской этнографіи въ частности.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

† С. П. МИКУЦКІЙ.

Умершій 25 авг. въ Варшавѣ, на 76 году жизни, Станиславъ Павловичъ Микуцкій былъ долгое время доцентомъ Имп. Варшавскаго Университета, по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія. Изъ его біографіи мы, къ сожалѣнію, не знаемъ почти никакихъ подробностей, кромѣ того, что онъ происходилъ изъ крестьянъ и былъ природный литвинъ. Въ научномъ мірѣ покойный пріобрѣлъ извѣстность, главнымъ образомъ, своими изслѣдованіями въ области литовскаго языка, котораго онъ былъ хорошимъ знатокомъ, между тѣмъ какъ его изысканія и выводы въ болѣе широкой области языковѣдѣнія не пользовались авторитетностью. Въ 50-хъ годахъ, когда только начиналось серьезное изученіе литовскаго языка, Микуцкій былъ командированъ въ Литву отъ Имп. Академіи Наукъ, и результатомъ его поѣздки явились «Отчеты» объ этой поѣздкѣ, заключающіе въ себѣ немало выводовъ и фактовъ, не утратившихъ значенія и теперь. За его труды по изученію литовскаго и славянскихъ языковъ Имп. Московскій университетъ удостоилъ его почетнаго диплома на званіе доктора сравнительнаго языковѣдѣнія. Не ограничиваясь сферою литовскаго и славянскихъ языковъ, Микуцкій очень интересовался также языками тюрко-чудскими. Въ 1873 г. онъ, между прочимъ, обращалъ вниманіе Этнограф. Отдѣла Имп. Общества Люб. Естествознанія въ Москвѣ на необходимость составленія и изданія словарей: мордовско-русскаго и черемисско-русскаго. Общество сочувственно отнеслось къ этому предложенію, хотя и не соглашалось вполнѣ со взглядами Микуц-

каго на чудскія племена, но это намѣреніе не было приведено въ исполненіе за недостаткомъ людей, способныхъ взяться за это дѣло [1]). Въ ноябрѣ 1874 г. было зачитано другое письмо въ томъ же Отдѣлѣ Этнографіи на имя предсѣдателя Н. А. Попова. Въ немъ Микуцкій сообщалъ о ходѣ своихъ занятій по сравнительному языковѣдѣнію и излагалъ нѣкоторые свои выводы насчетъ арійскихъ и тюрко-татарскихъ языковъ. Письмо заключалось слѣдующею просьбою: „Мнѣ необходимо нужно еще года два употребить на обслѣдованіе и изученіе языковъ тюрко-чудскихъ и армянскаго. Денежныхъ средствъ у меня нѣтъ никакихъ, и я принужденъ утруждать васъ покорнѣйшею просьбою, не найдете-ли вы умѣстнымъ и возможнымъ исходатайствовать для меня поддержку въ видѣ командировки съ ученою цѣлью въ Имперію и за-границу“ [2]). Совѣтъ Общества, за ограниченностью средствъ, не нашелъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу, и Микуцкій былъ избранъ только въ дѣйствительные члены Общества [3]). Мы не можемъ въ настоящее время дать полный перечень трудовъ покойнаго. Упомянемъ лишь то, что намъ извѣстно: 1) „Отчеты о путешествіи“ (4 отчета), печатавшіеся въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ (1853—54 гг.). 2) „Наблюденія и замѣчанія о лѣто-славянскомъ языкѣ сравнительно съ прочими арійскими языками“ (Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. I, стр. 543—615). 3) „Матеріалы для корневаго и объяснительнаго словаря рус. языка и всѣхъ славянскихъ нарѣчій“ (Варш. Унив. Извѣстія, 1880, №№ 1, 2, 3, 4, 5). 5) „Остатки языка полабскихъ славянъ“ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этн., т. IV и Варш. Унив. Изв. 1873, № 4; отдѣльн. оттиски СПб. 1871 и Варш. 1873). 5) „Филологическія наблюденія, замѣтки и выводы по сравнит. языкознанію“ (Филол. записки 1869 кн. II—VI; 1870, I, II, VI; 1871, III). 6) Наблюденія и выводы по сравнит. арійскому языкознанію“ (Варш. Ун. Изв. 1872, №№ 2 3, 5 и 1874, № 3). 7) „Матеріалы для сако-арійскаго корнеслова“ (ibid. 1875, № 4, и отдѣльно, Варш. 1875). 8) „Сравненіе корней

[1]) См. «Труды Этногр. Отдѣла», кн. III, в. 1, стр. 77 («Извѣстія И. О. Л. Ест., Антр. и Этн.», т. XIII, в. 1).

[2]) См. «Труды Этн. Отд.», кн. IV, стр. 2 («Извѣстія», т. XXVIII).

[3]) См. Протоколы засѣданій Общ. въ «Извѣстіяхъ», т. XXIV, в. 2, стр. 26

и словъ кельтскихъ съ славянскими (ibid. 1876, № 2). 9) „Вступительная лекція“ (по сравнит. языковѣд., ib. 1876, № 1). 10) „Начальныя приставки“ (ib. 1871, № 2). 11). „Историко-лингвистич. замѣтки“ (ib. 1885 и 1888 г., и отдѣльно). 12) „Филологическія наблюденія“ (Прибавленія къ Изв. II-го отдѣленія И. Ак. Наукъ, т. I, в. 7). 13) „Нѣсколько словъ о личныхъ и мѣстныхъ названіяхъ“ (Соврем. Лѣтопись, 1865, № 5). 14) „Письмо къ редактору“, съ лингвистич. замѣчаніями и съ воззваніемъ къ жителямъ Литвы и Жмуди о записываніи литовскихъ словъ (Рус. Вѣстн. 1860, ноябрь, Соврем. Лѣт., стр. 16 — 19) 15) „Нѣсколько литовскихъ фамильныхъ названій“ (Виленск. Вѣст. 1860, № 40). 16) „Историко-филол. замѣтки о мѣстоположеніи Литвы и названіяхъ ея частей (ib. №№ 39, 46), 17) „Нѣсколько ласкательныхъ славянскихъ именъ“ (ib. № 93) 18) „Коляда“—въ опровerженіе мнѣнія что это—др.-слав. божество (ib. № 37).—Изъ критическихъ статей можемъ упомянуть рецензіи: „Нѣсколько словъ по поводу Далева Русскаго словаря“ (День, 1864, № 19, и Голосъ, 1867, № 318), „Замѣчанія на сочиненіе Ф. Миклошича: Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen“. Характеръ покойнаго, какъ ученаго, вкратцѣ обрисованъ его замѣстителемъ на варшавской каѳедрѣ Г. К. Ульяновымъ въ надгробномъ словѣ (Варшав. Дневникъ, № 188) и отчасти въ актовой рѣчи быв. ректора Варш. универ. Н. А. Лавровскаго (ibid. № 190). Краткій некрологъ помѣщенъ въ I-й кн. «Живой Старины».

Н. Янчукъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

О. Пешель. *Народовѣдѣніе*. Вып. I—IV. Спб. 1890.

Сочиненіе Пешеля служило уже разъ предметомъ библіографической замѣтки въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», но это было тогда, когда вышло еще всего два выпуска. Теперь оно закончено изданіемъ, и мы считаемъ нужнымъ еще разъ остановиться на немъ, при чемъ коснемся главнымъ образомъ тѣхъ общихъ методологическихъ идей, которыя въ немъ высказаны.

Книга называется «Народовѣдѣніе» (Völkerkunde). Что значитъ этотъ новый терминъ рядомъ съ существующими уже терминами для науки, посвященной изученію народовъ,— этнографіей и этнологіей? Заключаетъ ли онъ въ себѣ попытку создать новую науку? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должна дать сама книга. Изъ предисловія мы узнаемъ, что книга является произведеніемъ, подходящимъ къ типу руководствъ, но о самомъ содержаніи «народовѣдѣнія», его отношеніи къ этнографіи, этнологіи здѣсь не говорится ни слова. Встрѣчается, правда, фраза, изъ которой можно вывести, что книга должна представлять «новый сводъ ученій о народовѣдѣніи», но она ничего не разъясняетъ, такъ какъ брошена одиноко.

Первыя главы I выпуска названы авторомъ введеніемъ, и онѣ, какъ мы видѣли (Этн. Об. IV, 229), касаются вопросовъ: о мѣстѣ человѣка въ мірозданіи, о единствѣ или множественности человѣческаго рода, о древности человѣчества и о его прародинѣ. Изъ этихъ 4-хъ главъ вторая имѣетъ существенное значеніе для опредѣленія задачъ *народовѣдѣнія*.

Въ зависимости отъ того или другаго рѣшенія вопроса стоитъ употребленіе имѣющагося матеріала, планъ научнаго зданія. Если народы или расы представляются видами, возникшими самостоятельнымъ путемъ въ различныхъ точкахъ земного шара, зданіе народовѣдѣнія можетъ быть построено по типу описательныхъ наукъ—ботаники, зоологіи и т. п. Если же расы представляли собою разновидности, возникшія изъ одного корня, планъ

долженъ быть изобрѣтенъ вновь. Пешель, отвергая множественность человѣчества, тѣмъ самымъ отказывается отъ голаго морфологическаго изложенія, принимая на себя задачу выработать собственный планъ для зданія народовѣдѣнія. Свое основное положеніе авторъ воздвигаетъ на очень прочномъ фундаментѣ: онъ подвергаетъ критикѣ всѣ тѣ признаки, по которымъ изслѣдователи классифицируютъ расы, и приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ нихъ — ни объемъ черепа, не вѣсъ мозга, ни лицевой уголъ, ни кожа, ни волосы — не обладаетъ устойчивостью; все подвергается неуловимымъ колебаніямъ, все измѣнчиво, — все, стало быть, говоритъ о быломъ единствѣ человѣческаго рода.

Укрѣпивши такимъ солиднымъ образомъ положеніе о единствѣ человѣчества въ основныхъ чертахъ, Пешель сосредоточиваетъ свое вниманіе на вопросѣ: какъ же единое человѣчество распалось на такую массу разновидностей, различающихся физически и еще болѣе по ступенямъ своей культуры? Вмѣсто вопросовъ *статики*, вопросовъ о признакахъ явленій, которые могли бы занимать народовѣда, еслибы онъ признавалъ множественность человѣчества, выдвигаются на первый планъ вопросы *динамики*, вопросы о силахъ или причинахъ, производящихъ явленія.

Еслибы послѣ главъ, трактующихъ о признакахъ расъ, мы прямо перешли къ III-му выпуску, съ котораго начинаются характеристики расъ, мы увидали бы явственно, какъ подъ вліяніемъ этого основного вопроса складывается у автора представленіе о задачахъ науки и ея изложеніе, какъ онъ, давши рядъ фактовъ, характерезующихъ расу или ея культурный уровень, ищетъ условій, создавшихъ его, въ физической средѣ и отношеніяхъ къ другимъ народамъ. Но между введеніемъ и характеристиками расъ стоитъ цѣлый рядъ главъ, обобщенныхъ рубрикой «ступени развитія техники, гражданственности и религіи», назначеніе которыхъ въ руководствѣ по народовѣдѣнію представляется съ перваго взгляда не вполнѣ яснымъ. Авторъ трактуетъ объ изобрѣтеніи огня, излагаетъ исторію питанія, одежды, жилища, вооруженія, судостроенія, затѣмъ переходитъ къ общественной организаціи и религіознымъ движеніямъ. Во всѣхъ этихъ главахъ онъ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія, стремится дать культурно-историческую переспективу картинѣ той или другой стороны жизни человѣчества.

Какое мѣсто отводитъ Пешель въ наукѣ народовѣдѣнія фактамъ и теоріямъ, изложеннымъ въ этихъ главахъ? Какими основаніями руководствуется онъ, вводя въ свой трактатъ то, что составляетъ содержаніе исторіи человѣческой культуры? Послѣ внимательнаго пересмотра названныхъ главъ мы приходимъ къ убѣжденію, что Пешель самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, для чего онъ заходитъ въ эту область. По нѣкоторымъ выраженіямъ, встрѣчающимся въ этомъ отдѣлѣ, можно было бы заключить, что культурно-историческія положенія автору понадобились исключительно для того, чтобы дать читателю основу классификаціи

народовъ и расъ. Этой основой долженъ былъ, по мнѣнію Пешеля, явиться уровень культурнаго развитія. На стр. 181, объясняя свое отклоненіе въ область исторіи искусствъ, Пешель говоритъ: «Эти факты важны для насъ, какъ пособіе при оцѣнкѣ степени духовнаго развитія американскихъ народовъ». Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: «Подобно тому, какъ сравнительная анатомія возвела въ научную истину положеніе, что по когтямъ можно узнать льва, такъ и народовѣдѣніе по оружію съ большой достовѣрностью можетъ выводить заключенія о культурной ступени народа» (193).

Стоя на точкѣ зрѣнія, которая лежитъ въ основаніи этихъ цитатъ, мы должны были бы разсматривать главы культурно-историческаго содержанія, какъ часть введенія, которое авторъ предпосылаетъ своему труду. Не такъ думаетъ однако самъ Пешель: *изслѣдованіе общихъ культурно-историческихъ вопросовъ онъ считаетъ прямою задачей народовѣдѣнія* и подробно трактуетъ вопросы, относящіеся къ исторіи права, искусства и т. д. «Къ самымъ темнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ поучительнѣйшимъ вопросамъ народовѣдѣнія принадлежитъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ *установилось* (нашъ курсивъ) избѣганіе браковъ между кровными родственниками», читаемъ мы на стр. 227. Гораздо чаще это воззрѣніе можно угадывать, благодаря направленію изслѣдованія: говоритъ-ли Пешель о ступеняхъ развитія семьи, общества, религіозныхъ вѣрованій—онъ всюду затрогиваетъ вопросы *происхожденія* и *развитія* того или другого института, обычая или вѣрованія, т. е. становится на историческую почву (см. стр. 239—происхожденіе права наслѣдовать брату матери, обходя его потомство, стр. 244—происхожденіе виры, или денежнаго взысканія, стр. 242—зачатки гражданскаго сообщества, стр. 247—происхожденіе сословій, стр. 250—происхожденіе религіи вообще, стр. 256—происхожденіе культа растеній, стр. 260—происхожденіе антропоморфныхъ представленій о богахъ—силахъ, стр. 265—происхожденіе идеи безсмертія). Изъ этихъ отклоненій въ область исторіи въ широкомъ смыслѣ этого слова вытекаетъ, что Пешель впадаетъ относительно народовѣдѣнія въ ту же ошибку, въ которую впали нѣкоторые нѣмецкіе и англійскіе ученые относительно антропологіи, т. е. заставляетъ свою науку поглощать все, что такъ или иначе соприкасается съ понятіемъ о народѣ.

Пешель ставитъ народовѣду два ряда задачъ первый рядъ состоитъ въ томъ, чтобы *описать* извѣстныя подъ именемъ народовъ или расъ группы человѣческихъ особей, классифицировать ихъ по уровню культурнаго развитія, т. е. отвести каждой подобающее мѣсто въ цѣпи народовъ, и, наконецъ, указать причины, создавшія для данной народности тотъ или другой уровень культуры; второй рядъ слагается изъ изысканій, направленныхъ къ уясненію вопросовъ о *происхожденіи* и *развитіи* отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается человѣческая культура, о факторахъ, дающихъ то или другое направленіе эволюціи любого изъ этихъ элементовъ. Послѣдняя группа вопросовъ входитъ давно уже въ содержаніе культурной

исторіи, которая постепенно поднимается надъ исторіей политической. Упразднять существующее и быстро развивающееся ради того, чтобы дать мѣсто предполагаемому, и не резонно и не практично: исторія права, развиваясь все глубже и глубже, будетъ заходить въ область этнографіи, выбирая нужныя аналогіи въ жизни современныхъ народовъ; то же будетъ, конечно, и съ исторіей искусства, религій, и всѣ эти результаты будутъ органически входить въ исторію культуры. Стремясь втянуть культурно-историческіе вопросы въ сферу народовѣдѣнія, Пешель дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ бы зоологъ, который захотѣлъ бы упразднить физіологію, какъ самостоятельную науку подъ тѣмъ предлогомъ, что изслѣдуемые ею процессы совершаются въ животномъ мірѣ.

Къ какимъ результатамъ можетъ привести изслѣдователя такое усложненіе задачъ науки, лучше всего видно на собственномъ опытѣ Пешеля. Необходимость коснуться въ своемъ руководствѣ массы вопросовъ, входящихъ въ содержаніе одной только исторіи культуры, привела Пешеля къ тому, что онъ наскоро и съ малоосновательнымъ догматизмомъ рѣшаетъ самые запутанные вопросы исторіи культуры.

Приведемъ примѣры изъ главы, посвященной эволюціи семьи. Исторія семьи, какъ извѣстно, превосходно разработана у англійскихъ историковъ первобытной культуры Лёббока, М. Леннана, Тайлора и др. Пешель, замѣтно нерасположенный къ англичанамъ и ихъ теоріямъ, изо всѣхъ силъ старается уронить ихъ, и вмѣсто стройной картины, которую даютъ намъ англичане, предлагаетъ читателямъ кучу хаотически нагроможденныхъ фактовъ, старательно избѣгая даже терминовъ, установленныхъ въ англійской наукѣ. Разрушеніе англійской системы и нагроможденіе Пешелевской кучи начинается съ того, что нашъ авторъ вычеркиваетъ тотъ моментъ въ исторіи семьи, который Лёббокъ называетъ гетеризмомъ, а другіе—коммунальнымъ бракомъ. Назвавши и идею и терминъ Лёббока «непривлекательными», Пешель старается подорвать гипотезу о гетеризмѣ, во-первыхъ, замѣчаніемъ, что она построена на данныхъ изъ жизни тѣхъ австралійскихъ племенъ, которыя неоднократно вступали въ сношенія съ европейскими поселенцами, затѣмъ свидѣтельствами другихъ путешественниковъ о неограниченности у австралійцевъ отцовской власти, о страстной нѣжности ихъ къ дѣтямъ, о супружеской ревности и карахъ за нарушеніе вѣрности. Подобравши ряды такихъ свидѣтельствъ, Пешель произноситъ надъ Лёббоковской теоріей такой приговоръ: «мы имѣемъ основаніе смотрѣть на сообщенные Эйромъ (и легшіе, прибавимъ, въ основаніе Лёббоковской теоріи) факты, какъ на *мѣстное одичаніе*» (233).

Читатели, знакомые съ современнымъ состояніемъ вопроса объ исторіи семьи, согласятся, конечно, что тріумфъ Пешеля не особенно основателенъ. Теорія первобытнаго гетеризма держится не на однихъ только фактахъ Эйра; въ пользу ея говорятъ послѣдующія формы брака—трехчетвертный бракъ, эндогамія, обычай левирата, затѣмъ рядъ переживаній въ

видѣ гостепріимнаго гетеризма, половой свободы дѣвушекъ и, наконецъ языкъ, отразившій въ терминахъ семейныхъ отношеній картину древней семейной организаціи. Пешель зналъ, конечно, все это, но счелъ для себя болѣе удобнымъ мелькомъ упомянуть о невыгодныхъ для него фактахъ, не пускаясь въ критику или ограничиваясь ничего не значущими замѣчаніями. О половой свободѣ дѣвушекъ онъ находитъ нужнымъ сказать только: «весьма многія племена относятся совершенно безразлично къ нарушенію цѣломудрія въ юномъ возрастѣ и лишь съ бракомъ налагаютъ на женщинъ обязанности строгаго поведенія». Какого либо другаго толкованія, уничтожающаго толкованіе защитниковъ теоріи первобытнаго гетеризма, Пешель этому факту не даетъ. Такъ-же констатируя, но не объясняя этихъ фактовъ согласно съ своими воззрѣніями на эволюцію семьи, Пешель говоритъ о гостепріимномъ гетеризмѣ, который «мѣстами *не искоренен*ъ даже въ восточной Европѣ (у вотяковъ)», о трехъ-четвертномъ бракѣ—явленіи «представляющемъ наибольшую преступность», о поліандріи и эндогаміи. Факты несомнѣнно совмѣстнаго брака хотя въ предѣлахъ одной семьи Пешель называетъ «мѣстными заблужденіями» и не считаетъ ихъ ступенями, предшествующими моногаміи.

Съ такой-же основательностью и такой-же самоувѣренностью Пешель рѣшаетъ другой интересный вопросъ изъ исторіи семьи — о связи такъ называемаго матернитета съ первобытнымъ гетеризмомъ. По его мнѣнію, фактъ наслѣдованія по матери имени, имущества, соціальнаго положенія не говоритъ въ пользу первобытнаго гетеризма, изъ котораго вышла матріархальная семья. Упомянувъ о томъ, что африканскіе и американскіе дикари объяснили вытекающее изъ матернитета наслѣдованіе дѣтьми сестры въ ущербъ собственнымъ дѣтямъ мужчины тѣмъ, что относительно родства умершаго съ дѣтьми его сестры не могло быть сомнѣнія, а относительно принадлежности его дѣтей таковое можетъ быть, Пешень говоритъ: «Положимъ, это звучитъ такъ, какъ-бы вѣрность въ бракѣ тогда (тамъ?) не соблюдалась и господствовали самые распущенные нравы, но тѣмъ не менѣе мы скорѣе готовы это приписать ложному физіологическому взгляду на роль отца, такъ какъ наслѣдованіе племянниковъ встрѣчается у весьма многихъ народовъ съ строгой нравственностью (слѣдуютъ указанія на германцевъ, гуроновъ, негровъ западной Африки, ирокезовъ, индійцевъ Ориноко и на народности, у которыхъ практикуется «кувада»). Весь этотъ рядъ указаній Пешень счелъ-бы самъ малоубѣдительнымъ, еслибы не игнорировалъ, по какой-то непонятной нелюбви ко всему англійскому, ученія о культурныхъ переживаніяхъ.

Голословно отвергнувши одно, назвавши заблужденіемъ другое, Пешель не даетъ самъ никакой схемы развитія семьи и заканчиваетъ свой трактатъ объ этомъ предметѣ очень курьезнымъ образомъ. «Такъ какъ едвали найдется болѣе подходящее мѣсто, то да позволено намъ будетъ прибавить здѣсь (тотчасъ послѣ разсужденій о матернитетѣ), что поцѣлуй не

всюду въ ходу» (241, слѣдуютъ доказательства). Этотъ неожиданный финалъ похода противъ англійскихъ теорій дастъ намъ понятіе о той безсвязности, въ которой находятся факты въ головѣ подавленнаго сложностью добровольно принятыхъ задачъ народовѣда. Пешель съ отчаяніемъ сваливаетъ въ «подходящее» будто-бы, а на самомъ дѣлѣ вовсе не подходящее мѣсто одиноко торчащій передъ глазами и надоѣвшій ему поцѣлуй, забывая о томъ, что у этого знака нѣжныхъ чувствъ существуетъ большая родня въ видѣ тренія носовъ, похлопыванія по плечу, рукопожатій и т. п., родня, которая также изслѣдуется въ исторіи культуры. Примѣръ съ главой, посвященной исторіи семьи, показываетъ, что этнографія и исторія культуры очень мало выиграютъ, если послѣ Пешеля найдутся охотники соединять ихъ въ единое цѣлое подъ именемъ «народовѣдѣнія».

Къ тому же выводу приходимъ мы и послѣ изученія второй и капитальной части Пешелевскаго руководства по народовѣдѣнію, посвященной характеристикѣ расъ и отдѣльныхъ народовъ. Руководящая идея этого отдѣла выражена на первой его страницѣ: «какъ неизмѣнную задачу народовѣдѣнія мы разсматриваемъ далѣе (послѣ разграниченія человѣческаго рода на группы) оцѣнку гражданскаго, нравственнаго и умственнаго развитія каждой отдѣльной расы. Степень зрѣлости различныхъ общественныхъ группъ человѣчества, однако, не стоитъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ различной степенью духовныхъ способностей расъ: она находится также въ зависимости и отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій мѣста обитанія ихъ; такимъ образомъ вліяніе этого фактора на исторію культуры отдѣльныхъ человѣческихъ группъ должно быть также принято во вниманіе и по возможности оцѣнено» (323—324). Въ этихъ строкахъ заключены и основныя задачи народовѣдѣнія примѣнительно къ расамъ, и планъ расовой характеристики.

Осуществленіе этого плана стоитъ у Пешеля въ зависимости частію отъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ европейской литературѣ относительно отдѣльныхъ расъ и мѣстъ ихъ обитанія, частію отъ другихъ причинъ, которыя мы увидимъ ниже. Если мы оставимъ въ сторонѣ средиземную расу, къ которой Пешель причисляетъ всѣ культурные народы—современные и прошлые—то нужно будетъ признать, что лучше всего этотъ планъ выдержанъ относительно австралійцевъ; менѣе ясно уловимъ онъ въ отдѣлѣ объ африканцахъ и совсѣмъ незамѣтенъ почти на страницахъ, посвященныхъ монголоидамъ. Большимъ препятствіемъ для выполненія «неизмѣнной задачи» здѣсь явилось, конечно, то обстоятельство, что многіе монголоиды рано утратили свою культурную самостоятельность; но еще большее препятствіе заключается, кажется, въ сравнительной скудости данныхъ, которыми располагаетъ европейская наука относительно многочисленныхъ монголоидовъ, въ особенности урало-алтайской группы. Это можно видѣть изъ того, что о малайцахъ Пешель говоритъ нѣсколько

согласно своей схемѣ, тогда какъ о монголоподобныхъ народахъ стараго свѣта сообщаетъ свѣдѣнія, которыя можно назвать случайными, приправляя ихъ тѣмъ не менѣе весьма энергическими приговорами. Такъ, о тунгусахъ онъ послѣ упоминанія о ихъ самоназваніи и границахъ поселенія замѣчаетъ: «Ничто не говоритъ за то, чтобы эти народы способствовали культурѣ человѣчества; весьма вѣроятно, однако, что китайцы научились кой-чему у тунгусовъ... (388)». Относительно восточныхъ монголовъ, калмыковъ и бурятъ Пешель находитъ возможнымъ сказать только, что эти три народа отличаются флегматичностью и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушіемъ (стр. 389). О культурныхъ особенностяхъ обширной тюркской группы онъ находитъ возможнымъ говорить только въ области внѣшняго быта (палатка, войлокъ, разведеніе кобылъ, какъ дойнаго скота, прирученіе курдючныхъ овецъ и, можетъ быть, верблюда). То же самое мы видимъ относительно финновъ. Здѣсь Пешель довольствуется цитатой изъ Алквиста на счетъ древнѣйшаго внѣшняго быта финновъ и нѣсколькими, подозрительными по достоинству, замѣчаніями на счетъ состава этой группы (болгары, потомками которыхъ являются черемисы, чуваши и мордва, до окончательнаго покоренія ихъ московскими царями, сохраняли будто бы свою финскую національность, стр. 394—395). Само собою разумѣется, что изъ подобныхъ данныхъ трудно составить характеристику общественнаго, нравственнаго и умственнаго развитія монголоидовъ.

Выборъ характеристики для отдѣльныхъ группъ показываетъ, что Пешель, приступая къ своему руководству по народовѣдѣнію, не выработалъ пріемовъ, путемъ которыхъ его цѣль достигалась бы наиболѣе успѣшнымъ образомъ. Характеристика расы, составленной изъ цѣлаго ряда группъ, распадающихся въ свою очередь на большее или меньшее количество отдѣльныхъ народностей, должна представлять собою продуктъ обобщенія чертъ, констатированныхъ изъ ряда отдѣльныхъ народностей, а это обобщеніе, въ свою очередь, возможно только тогда, когда характеристики отдѣльныхъ народностей составлены по одному плану. При отсутствіи подобнаго плана *оцѣнка* можетъ принимать малонаучный характеръ кондуитныхъ характеристикъ: «Маори, хотя и *столь достойные презрѣнія* за порочное людоѣдство, обладаютъ однако *симпатичными* сказаніями о твореніи міра (стр. 359)»; «въ виду своей замкнутости, молчаливости... азіатскій малаецъ *не представляетъ картины отрадной*, но онъ опять-таки много *выигрываетъ*, благодаря своей мягкости въ обращеніи съ дѣтьми»... (363). Каковы будутъ обобщенія, если въ основѣ ихъ будутъ лежать подобныя частныя характеристики? Читатель согласится, конечно, что дальше того, что «съ одной стороны слѣдуетъ сознаться... съ другой нельзя не признаться...», наука о расахъ при такихъ условіяхъ не подвинется.

Сопоставляя результаты, къ которымъ пришелъ Пешель, взявшись со-

здать новую науку или, можетъ быть точнѣе, новое направленіе въ наукѣ, мы должны будемъ признать, что главная цѣнность его труда—отрицательная. Онъ показалъ весьма убѣдительнымъ образомъ, что нельзя безъ ущерба для нашего знанія соединять произвольно нѣсколько сам стоятельныхъ наукъ въ одну. Его «Народовѣдѣніе» не выдерживаетъ критики ни въ культурно-историческомъ отношеніи, ни въ этнографическомъ. Для того, чтобы быть культурной исторіей, оно заключаетъ въ себѣ много лишняго антропологическаго балласта; для этнографіи оно слишкомъ бѣдно фактами, слишкомъ несистематично и переполнено экскурсами въ область исторіи культуры. Нашъ приговоръ можетъ показаться читателямъ слишкомъ рѣзкимъ, но мы просимъ не забывать, что имѣемъ въ виду Пешеля, какъ реформатора въ наукѣ, какъ творца новаго направленія изслѣдованія, и не касаемся ни однимъ словомъ его богатаго запаса фактовъ и блестящихъ соображеній и выводовъ, высказанныхъ по поводу цѣлаго ряда частныхъ фактовъ. Насъ исключительно занимала его попытка подняться въ высь научнаго синтеза.

И. Смирновъ.

Maxime Kovalevsky. — *Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété.* (Skrifter utgifna af Lorénska stiftelsen 1890, № 2). Stockholm.

Эта книга представляетъ собою 15 лекцій, прочитанныхъ въ Стокгольмѣ бывшимъ профессоромъ Москов. университета М. М. Ковалевскимъ. Задавшись въ предисловіи цѣлью представить „сжатую критику находящихся въ обращеніи теорій“ о происхожденіи семьи и собственности, талантливый авторъ обращаетъ особенное вниманіе на арійцевъ. Начиная съ матріархата, сожитіе половъ и образованіе семьи ведется послѣдовательно черезъ эпоху патріархальнаго строя и индивидуализма. Наряду съ этими періодами выступаетъ выдѣленіе индивидуальной собственности изъ первобытнаго коммунизма. Древнѣйшимъ фазисомъ семейной организаціи авторъ признаетъ матріархатъ, опредѣляемый имъ какъ „утробную и экзогамическую семью, не допускающую союза, кромѣ брака между цѣлыми группами“ (24). „Народы семитическіе и арійскіе не слѣдовали въ своемъ общественномъ развитіи другому порядку сравнительно съ другими расами. Также какъ океанійцы и краснокожіе, и они прошли періодъ матріархата» (стр. 37). Матріархатъ уступаетъ свое мѣсто патріархальному строю, разъ опредѣляется отцовская власть (стр. 47). Посвящая IV главу разбору теорій о происхожденіи индивидуальной собственности, М. М. Ковалевскій приходитъ въ слѣд. выводу: „въ противность общему мнѣнію, орудія производства, за немногими исключеніями, были коллективною собственностью одной группы охотниковъ и рыболововъ.... Индивидуальная собственность могла распространяться лишь на вещи, происхожденіе которыхъ обязано личному труду...., если эти вещи служатъ потребностямъ производителя

въ данное время“ (58). Происхожденіе же земельной общины авторъ приписываетъ времени разрушенія общности семейной (стр. 181). Вотъ главные пункты интереснѣйшей новой книги нашего талантливаго ученаго. Что-же касается большихъ подробностей и любопытной главы „le mir russe“ (XIV), то отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, предрекая ему и пользу и удовольствіе отъ чтенія ея.

В. К—ій.

А. Н. Пыпинъ.— Исторія русской этнографіи. *Т. I. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. С.-П.-Б. 1890.*

А. Н. Пыпину принадлежитъ очень опредѣленное и весьма почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Начавъ свою дѣятельность съ работъ чисто ученаго характера и посвятивъ затѣмъ четверть вѣка непрерывной журнальной дѣятельности, онъ является однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ посредниковъ между русской наукой и русской читающей публикой. Г. Пыпинъ — посредникъ не безкорыстный и не платоническій; онъ имѣетъ свои задачи при выполненіи этой посреднической роли: онъ твердо вѣритъ, и съ нашей точки зрѣнія вполнѣ основательно, что факты, изложенные,какъ они были въ дѣйствительности, сами собой сложатся въ подтвержденіе тому міровоззрѣнію, которое онъ считаетъ истиннымъ; онъ твердо надѣется, что, распространенные въ обществѣ, эти факты дадутъ самый сильный отпоръ воззрѣніямъ противоположнымъ, которыя и съ нашей точки зрѣнія давно утратили создавшую ихъ теоретическую основу и держатся еще въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ только благодаря недобросовѣстности или фанатизму проповѣдниковъ и невѣжеству полуобразованныхъ слушателей. Еще не такъ давно эти устарѣлыя недоразумѣнія можно было считать сданными окончательно въ архивъ; къ сожалѣнію, въ наши дни они реставрируются и заявляются въ литературѣ извѣстнаго рода съ давно неслыханномъ безстыдствомъ; при этихъ условіяхъ и дѣятельность А. Н. Пыпина не только не становится анахронизмомъ, но пріобрѣтаетъ интересъ современности и значеніе важнаго гражданскаго подвига.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на рядъ журнальныхъ работъ, соединяемыхъ теперь А. Н. Пыпинымъ подъ общимъ названіемъ „Исторіи русской этнографіи“. Въ этомъ трудѣ, предназначаемомъ, какъ и прежніе, для большой публики, авторъ предположилъ, очевидно, напасть на врага въ самомъ послѣднемъ его убѣжищѣ: національный шовинизмъ долженъ быть разбитъ на самомъ основномъ своемъ понятіи: на понятіи о народности. Понятіе народности, конечно, можетъ имѣть весьма разнообразное содержаніе, смотря напр. по тому, дѣлаемъ ли мы его предметомъ политической программы, философско-историческаго построенія или, наконецъ, научнаго изученія. Положенное въ основу политической программы („мысль объ освобожденіи народа, о расширеніи его общественнаго права, о введеніи его интересовъ въ область гражданской жизни и просвѣщенія“, стр. 57)

понятіе народности развивается въ систему *народничества;* въ философско-историческомъ построеніи народность фигурируетъ въ смыслѣ *національности*, культурно-историческаго типа; наконецъ, въ наукѣ народность можетъ быть предметомъ или *этнографическаго* или *народно-психологическаго* изученія. Врядъ ли будутъ спорить, что въ каждомъ изъ этихъ случаевъ понятіе народности имѣетъ смыслъ существенно различный. Въ какомъ же изъ этихъ смысловъ употребляется понятіе народности въ книгѣ автора: изучаетъ ли онъ исторію народничества, исторію національнаго вопроса или исторію этнографическихъ и народно-психологическихъ студій? Заглавіе книги обѣщаетъ одну „исторію русской этнографіи"; но содержаніе гораздо шире заглавія, такъ какъ заключаетъ въ себѣ исторію взглядовъ на народность во всѣхъ упомянутыхъ смыслахъ. Правда, что въ томъ періодѣ, который составляетъ содержаніе перваго тома, народническій, національный и этнографическій элементы понятія народности весьма часто сливались въ одно туманное цѣлое; но не столько эта причина, сколько, какъ намъ кажется, прикладная цѣль автора заставила его расширить рамки работы далеко за предѣлы того, что обыкновенно разумѣется подъ названіемъ этнографіи. Мы сожалѣемъ, впрочемъ, не объ этомъ расширеніи темы, а лишь о томъ, что выбранное авторомъ заглавіе скрываетъ его основную задачу, проходящую красной нитью чрезъ всю книгу и сообщающую ей широкій общественный интересъ.

Переходимъ къ содержанію 1-го тома „Исторіи русской этнографіи". Послѣ „общаго обзора изученій народности" въ XVII—XIX вв. (глава I), авторъ обращается къ подробному разбору того, что сдѣлано для знакомства съ русской народностью въ XVIII в. (гл II - IV). Общій выводъ изъ этого разбора тотъ, что „наперекоръ расточаемымъ нынѣ фразамъ о разрывѣ съ народностью, самый простой обзоръ фактовъ убѣждаетъ, что съ первыхъ своихъ шаговъ наша наука высшей практической цѣлью ставила именно изученіе Россіи, ея природной области, ея прошлаго и ея народной жизни. Нѣтъ смысла говорить о разрывѣ тамъ, гдѣ сообщалось первое точное знаніе о географіи своей страны, о свойствахъ ея природы, ея удобствахъ и неудобствахъ для человѣческой жизни; гдѣ впервые начиналось критическое изслѣдованіе народнаго прошлаго, собирались его памятники и письменные остатки; гдѣ изучался русскій народъ въ разныхъ краяхъ его громадной территоріи, описывались его нравы, составлялось первое сознательное понятіе о его цѣломъ (стр. 94)". Такимъ образомъ, наука и литература не только не разрывали, но даже способствовали объединенію съ народомъ. Но таково ли было отношеніе къ народу „общества?" Несомнѣнно здѣсь „разрывъ" былъ, но вызванъ онъ былъ не разницей образованія, а различіемъ соціальнаго положенія, особенно обострившемся вслѣдствіе развитія крѣпостнаго права: „корень удаленія „общества" отъ народа заключался въ крѣпостничествѣ и въ томъ покровительствовавшемъ ему общественномъ режимѣ, который дѣлалъ сближеніе съ народомъ не-

возможнымъ для просвѣщеннѣйшихъ людей" (54). Что касается разницы образованія, то въ единичныхъ случаяхъ она, конечно, доходила „до нелѣпой французоманіи, до незнанія русскаго языка, — но это составляло принадлежность исключительно той высшей общественной сферы, которая и донынѣ остается въ томъ же безучастномъ отношеніи къ русской жизни" (54), и, конечно, „было бы исторически ошибочно, и въ общественномъ смыслѣ недобросовѣстно смѣшать подъ именемъ оторванности отъ народа въ одну кучу пустоту свѣтскаго общества и серьезный трудъ, совершавшійся въ наукѣ и литературѣ" (198). Наука и литература, дѣйствительно „оторвались" отъ народа — въ томъ смыслѣ, что не раздѣляли наивныхъ народныхъ понятій и не успѣли еще придти на помощь народу съ своими понятіями, съ своей школой. Послѣднее было, разумѣется, вопросомъ времени, но въ ожиданіи, пока оно наступитъ, наука и литература *создали новый литературный языкъ*, который въ сущности былъ возвращеніемъ отъ стараго книжнаго языка, тяжелаго и бѣднаго понятіями, къ „чисто народной рѣчи", обновленной всѣмъ богатствомъ новыхъ научныхъ знаній (гл. V); такимъ образомъ, и это изолированное развитіе науки и литературы должно обратиться въ концѣ концовъ на пользу народу и народности.

Вторая половина книги (гл. VI—XI) посвящена XIX вѣку. Въ этой части отмѣтимъ интересную главу о Н. И. Надеждинѣ (VII) и рядъ главъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ „исторіи русской этнографіи" и для спеціалиста наиболѣе интересныхъ: И. П. Сахаровъ (VIII), Снегиревъ, Пассекъ, Даль (IX), археологическое народолюбіе, начало малорусской этнографіи, внѣшнее положеніе народныхъ изученій (X). Съ появленіемъ первыхъ спеціалистовъ-этнографовъ отчетливо обозначается и то направленіе, съ которымъ приходится бороться автору и которое въ этомъ первоначальномъ видѣ мѣтко охарактеризовано у него эпитетомъ „археологическаго народолюбія". Если относительно литературы и науки XVIII в. ему приходилось доказывать, что она „народна" въ истинномъ смыслѣ слова даже тогда, когда вовсе не имѣетъ цѣлью непосредственнаго изученія народности, — то по поводу этихъ народолюбцевъ по спеціальности ему, напротивъ, приходится постоянно отмѣчать, какъ ихъ узкое приторно-фальшивое направленіе портитъ результаты ихъ изученій народности и ставитъ ихъ, въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній, въ сущности „внѣ науки".

П. Милюковъ.

М. П. Веске. — *Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.* Казань 1890 г. (Извлеч. изъ Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, т. VIII вып. 1).

Недавно умершій М. П. Веске, некрологъ котораго былъ сообщенъ въ V кн. «Этногр. Обозрѣнія», былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ финскихъ нарѣчій. Получивъ основательную лингвистическую подготовку подъ

руководствомъ профессоровъ Лейпцигскаго Университета—Курціуса, Лескина, Царнке и друг., Веске былъ назначенъ преподавателемъ финскихъ нарѣчій при Казанскомъ университетѣ и здѣсь съ неутомимой энергіей принялся за обработку собранныхъ имъ грамматическихъ матеріаловъ по финскимъ нарѣчіямъ и за собираніе новыхъ въ районѣ приволжскихъ финновъ. Послѣдній трудъ Веске, помимо лингвистическаго интереса, представляетъ значительный интересъ по исторической этнографіи, въ виду чего считаемъ полезнымъ обратить на него вниманіе историковъ и этнографовъ. Оперируя надъ данными языка для этнографическихъ заключеній, авторъ всюду обнаруживаетъ основательное знакомство съ лингвистическимъ методомъ и, говоря вообще, можетъ служить надежнымъ руководителемъ для этнографа. Свои сопоставленія словъ, свои заключенія о переходѣ того или другого слова изъ финскихъ языковъ въ славянскіе или славянскихъ словъ въ финскіе языки онъ старается обосновать фонетическими законами, нерѣдко имъ самимъ открытыми, и не довольствуется такими общими соображеніями, которыми удовлетворялись Кастренъ и Алквистъ. Всюду онъ стремится достигнуть возможной точности въ выводахъ и подтверждаетъ ихъ цѣлымъ рядомъ фактовъ. Трудъ покойнаго финнолога содержитъ 4 части: 1. Финскія слова въ русскомъ языкѣ (1—136), 2. Славянскія, русскія и литовскія слова въ финскихъ нарѣчіяхъ (137—260), 3. Общія слова въ славянскомъ, русскомъ, литовскомъ и финскихъ языкахъ (261—303), и 4. Указатель разобранныхъ словъ (I—XX).

Населеніе сѣверной и средней Россіи, какъ ясно показываетъ исторія, было нѣкогда сплошь финское. Русское населеніе постепенно вступало въ земли, занятыя финнами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и финскія нарѣчія постепенно уступали мѣсто русскому языку. Предѣломъ этого передвиженія было такъ называемое Заволочье, т. е. страна, которая простирается отъ Бѣлоозера до Бѣлаго моря и до Сѣверной Двины, а по нижнему теченію этой рѣки—еще далѣе на востокъ. На этомъ пространствѣ, за исключеніемъ его южныхъ частей, финское населеніе (Заволоцкая Чудь) жило сплошной массой до 1400 года и еще долже, такъ что Карелы и другія принадлежащія къ прибалтійской группѣ финскія племена были непосредственными сосѣдями предковъ нынѣшнихъ Зырянъ. Естественно, что русскіе, двигаясь въ юга въ новыя страны и колонизируя ихъ, должны были усвоить отъ туземцевъ названія такихъ предметовъ и явленій, какихъ они не знали въ мѣстахъ своего прежняго обитанія, а въ свою очередь туземцы мало по малу обрусѣли и усвоили себѣ вполнѣ языкъ русскихъ поселенцевъ. Но, вытѣснивъ совершенно финскій языкъ, языкъ русскаго населенія древней территоріи Заволоцкой Чуди сохранилъ до нашего времени немало финскихъ словъ, которыя и служатъ предметомъ первой части изслѣдованія Веске. Сначала онъ разсматриваетъ финскія топографическія названія въ предѣлахъ губерній Архангельской, Олонецкой и Вологодской, и приходитъ къ заключенію (стр. 14), что вымершая Заво-

лоцкая Чудь, судя по *фонетическимъ* особенностямъ этихъ названій, говорила на нарѣчіи прибалтійскихъ финновъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ обзору финскихъ словъ, доселѣ существующихъ въ русскомъ языкѣ населенія названныхъ губерній, черпая матеріалъ изъ словарей Подвысоцкаго и Даля. Разбивая подобныя слова на рубрики, Веске разсматриваетъ сначала такія, которыя относятся къ рыболовству и передвиженію на водѣ; далѣе идутъ слова, обозначающія свойства почвы, особенности сѣверной природы, климата, относящіяся къ пріемамъ обработки земли, къ царству животному, растительному, къ разнаго рода издѣліямъ и т. п. (стр. 16—136). Разобраться въ этомъ множествѣ словъ довольно мудрено, особенно въ виду того, что авторъ по поводу отдѣльныхъ сопоставляемыхъ словъ пускается въ фонетическія разысканія и географическіе эксурсы.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о доказательствѣ финскаго источника того или другого областного русскаго слова, особенно техническаго, авторъ ступаетъ весьма твердо, и въ большинствѣ случаевъ его сопоставленія не возбуждаютъ сомнѣнія; но гораздо рискованнѣе объясненіе изъ финскаго многихъ топографическихъ названій. Такъ, напримѣръ, можно согласиться съ авторомъ, что областное слово *курья*—заводь, заливъ, глухой рукавъ, мелкая рѣка—финскаго происхожденія. Но уже гораздо сомнительнѣе, чтобы къ этому финскому слову восходили названія многихъ деревень, въ именахъ которыхъ слышится корень „*кур*“, напр. Курки, Курьяново, Курьяниха и т. п., встрѣчающіяся не только въ губерніяхъ сѣверныхъ, но также въ Смоленской, Орловской, Курской. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣлать историко-этнографическія заключенія на основаніи разбора названій селъ и деревень, приводимыхъ въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россіи“, нужно съ крайней осторожностью, такъ какъ мы не знаемъ ни времени, ни обстоятельствъ, при которыхъ то или другое поселеніе получило свое прозвище, Быть можетъ, Веске и правъ, объясняя названіе деревни *Кармановской* (встрѣчающееся въ разныхъ губерніяхъ) финскимъ *карман*, *курман*—„лежащій при оврагѣ. овражистый“; но, быть можетъ, эти деревни получили названіе отъ фамиліи основателя или помѣщика Карманова. Быть можетъ, финское слово *сало* (лѣсистый, лѣсная мѣстность и т. п.) сохранилось въ нѣкоторыхъ названіяхъ русскихъ селъ, возникшихъ на территоріи финновъ, но ничто не мѣшаетъ намъ производить названіе деревень съ этимъ корнемъ (напр. Салово) отъ славянскаго *сала*, или отъ фамиліи Саловыхъ Во всякомъ случаѣ, уже совсѣмъ нельзя согласиться съ авторомъ, когда къ финскому корню онъ возводитъ такія названія деревень, какъ Сологубовка (стр. 67) или Шелгунова (71), получившія свои названія отъ извѣстныхъ помѣщичьихъ родовъ. Вообще, топографическія названія, объясняемыя Веске изъ финскаго, требуютъ тщательной провѣрки, прежде чѣмъ пригодятся для историко-этнографическихъ выводовъ, и гораздо больше интереса представляетъ его разборъ финскихъ

словъ, сохранившихся доселѣ въ русскомъ говорѣ Архангельской, Олонецкой, Вологодской и нѣкоторыхъ друг. губерній.

Во второй части, озаглавленной „Славянскія, русскія и литовскія слова въ финскихъ языкахъ", авторъ говоритъ, что ему удалось открыть звуковые законы, которыми возможно доказать, что финскія племена — какъ западныя, такъ и восточныя — имѣютъ значительное количество словъ, заимствованныхъ изъ славянскаго и представляющихъ не современный звуковой видъ славянскихъ словъ, а болѣе древній. Такихъ заимствованныхъ словъ, которыя встрѣчаются одинаково въ *прибалтійскихъ* и *приволжскихъ* финскихъ нарѣчіяхъ, не мало. Это значитъ, что они заимствованы въ то время, когда эти финскія племена составляли одинъ народъ. Славяне никогда не жили на сѣверѣ Россіи, о Мордвѣ этого также нельзя предполагать; поэтому нужно думать, что предки прибалтійскихъ финновъ когда-то должны были жить на юговостокѣ отъ теперешняго ихъ мѣстообитанія, такъ что они съ одной стороны могли быть сосѣдями нынѣшнихъ *приволжскихъ* финновъ, а съ другой стороны—сосѣдями славянъ и литовцевъ (стр. 138). Для того, чтобы обосновать свои сопоставленія финскихъ словъ со славянскими и литовскими, авторъ излагаетъ 2 ряда фонетическихъ законовъ: во-первыхъ, законы, управляющіе измѣненіемъ славяно-литовскихъ словъ, перешедшихъ къ финнамъ путемъ заимствованія, во-вторыхъ, спеціальные звуковые законы отдѣльныхъ финскихъ языковъ, дозволяющіе намъ судить о томъ звуковомъ видѣ, который получаетъ *общее* слово въ разныхъ финскихъ языкахъ. Изложеніе фонетическихъ законовъ постоянно чередуется у автора съ разсмотрѣніемъ того или другого славянскаго или литовскаго слова, перешедшаго къ финнамъ, – пріемъ, нѣсколько затрудняющій наглядность изложенія. Всѣхъ звуковыхъ законовъ, которые уяснены по поводу сопоставленія словъ, насчитывается болѣе тридцати. Всѣхъ же заимствованныхъ финнами славяно-литовскихъ словъ авторъ разсмотрѣлъ до 175. Несомнѣнно, многія изъ нихъ могутъ послужить для культурно-историческихъ заключеній, и остается пожалѣть, что самъ авторъ не свелъ весь этотъ матеріалъ съ такой точки зрѣнія въ цѣльный очеркъ.

Въ третьей главѣ авторъ разсматриваетъ такія слова, которыя по звукамъ и значенію сходны въ языкахъ славянскихъ, русскихъ, литовскихъ и финскихъ. Эти „общія" финно-славяно-литовскія слова представляютъ пока лишь сырой матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, и при современномъ состояніи языковѣдѣнія вызываютъ лишь рядъ вопросовъ, на которые оно не въ состоянія отвѣтить. Однако, говоритъ авторъ, „хотя причины, *почему* одинаковы приводимыя нами въ этой части работы слова, остаются бо́льшею частью пока необъясненными, тѣмъ не менѣе, эти слова имѣютъ очень важное значеніе для исторіи и этнографіи. Благодаря имъ, мы можемъ замѣтить, что еще въ то доисторическое время, о которомъ ничего или очень мало могутъ сказать наши лѣ-

тописи, Геродотъ или другіе древнѣйшіе историки, — уже въ то далекое время предки нынѣшнихъ славянъ и финновъ жили въ сосѣдствѣ, или смѣшанно и должны были непремѣнно имѣть между собою сношенія"... (стр. 263). Очень вѣроятно, что дальнѣйшія изслѣдованія переведутъ нѣкоторыя изъ разсматриваемыхъ авторомъ въ этомъ отдѣлѣ словъ въ отдѣлы первый или второй, т. е. нѣкоторыя „общія" финно-славяно-литовскія слова окажутся либо финскими, перешедшими къ славянамъ, либо славяно-литовскими, перешедшими къ финнамъ; но будущій изслѣдователь будетъ признателенъ покойному Веске уже за то, что онъ первый собралъ довольно значительный матеріалъ для этого вопроса. Вообще, трудъ покойнаго финнолога представляетъ добросовѣстную и хлопотливую работу, затрогивающую цѣлый рядъ культурно-историческихъ вопросовъ, и остается пожалѣть, что внезапная смерть прервала въ самомъ разгарѣ его неутомимую научную дѣятельность.

Вс. Миллеръ.

Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II, подъ ред. *Николая Харузина*. (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. т. LXIX, Тр Этн. Отдѣла, т. XI, вып. 1) Москва 1890. стр. II+234 и 12 стр. нотъ, in. 4°. Ц. 2 руб.

Вышедшій въ прошломъ году первый выпускъ сборника привлекъ заслуженное вниманіе какъ спеціалистовъ, такъ и вообще интересующихся вопросомъ изученія быта русскаго крестьянина. О немъ въ свое время даны были отзывы. Теперь передъ нами 2-й выпускъ, почти цѣликомъ состоящій изъ „Матеріаловъ по этнографіи Вологодской губ." *Н. А. Иваницкаго*. Авторъ — постоянный житель Волог. губ. и, неоднократно путешествуя въ предѣлахъ ея, имѣлъ возможность познакомиться съ нею со стороны разнообразныхъ этнографическихъ вопросовъ. Этой возможностью авторъ воспользовался съ полнымъ успѣхомъ и трудъ его, кромѣ обширности въ отвѣтахъ на многіе интереснѣйшіе вопросы этнографіи, заслуживаетъ глубокаго вниманія и со стороны провѣренности фактовъ. Начиная съ опредѣленія географическаго положенія Вологод. губ., топографическаго изслѣдованія ея, мѣстныхъ преданій о происхожденіи жителей изслѣдуемаго края и общаго антропологическаго описанія (гл I), этотъ поистинѣ богатый матеріалъ охватываетъ затѣмъ внѣшній бытъ вологодскихъ крестьянъ. Здѣсь, какъ и дальше, авторъ придерживается преимущественно описанія Кадниковск. и Вологодск. уѣздовъ, упоминая объ остальныхъ главнымъ образомъ въ случаяхъ ихъ несходства или интересныхъ особенностей, и касаясь менѣе всего Усть-Сысольскаго у., какъ населеннаго Зырянами, инородцами, требующими особаго изслѣдованія.

Во всѣхъ отдѣлахъ мы встрѣчаемъ массу интересныхъ мелкихъ замѣчаній, которыя доступны, можетъ быть, только мѣстному жителю, замѣчаній, дѣлающихъ весь трудъ цѣльной и полной картиной мѣстнаго

быта. Вездѣ мы находимъ рядъ характерныхъ подробностей, вырисовывающихся временами изъ приведенныхъ отрывковъ пѣсенъ. Такъ, описывая вліяніе города на измѣненіе костюмовъ, г. Иваницкій приводитъ нѣсколько пѣсенъ, вродѣ:

Вы молодчики молоденькіе,
Сюртучки на васъ коротенькіе;
На гуляньице идутъ,
Въ рукахъ тросточки несутъ,
Въ устахъ сигарочки.
За имъ (ними) дѣвица идетъ,
Вродѣ какъ дворянка:
Платье длинно съ кринолиномъ,
Рукава косые;
Перелинка на плечахъ,
И брозлетки на рукахъ,
и т. д. (стр. 21).

Описавъ во II гл. жилище, одежду, обувь, пищу и питье, приводя тутъ же пословицы, характеризующія отношеніе народа къ пьянству („Отцы были глупцы, а дѣти стали молодцы", т. е. пьяницы, и т. п., стр. 29), авторъ обращается къ занятіямъ населенія, повѣріямъ съ ними связаннымъ, къ уходу за домашними животными, отхожимъ и ручнымъ промысламъ, къ мѣрѣ и счету (гл. III). Такъ какъ главнымъ занятіемъ великорусскаго населенія Вологод. губ. является хлѣбопашество, то авторъ особенно подробно на немъ останавливается, описывая обработку земель, сельско-хозяйственныя орудія. И во всѣхъ отдѣлахъ всей этой главы приведены связанныя съ описываемымъ примѣты, повѣрья и обряды, такъ что описаніе внѣшняго быта идетъ рука объ руку съ вѣрованіями, съ нимъ сопряженными. Очень интереснымъ мѣриломъ быстроты соображенія являются, замѣтимъ мимоходомъ, приведенные способы ариѳметическихъ исчисленій, совершаемыхъ въ умѣ (стр. 52).—Глава IV посвящена семейнымъ нравамъ и обычаямъ. Домохозяинъ пользуется неограниченною властью, поддерживаемой обычаемъ. Исключеніе представляютъ очень рѣдкіе случаи подчиненія мужа женѣ, осмѣяннаго въ пѣсняхъ. „Замѣчательно, говоритъ авторъ, что въ массѣ пословицъ и поговорокъ, обращающихся въ средѣ вологодскаго народа, нѣтъ ни одной, характеризующей такъ или иначе подчиненное положеніе мужа. Это служитъ прямымъ доказательствомъ исключительности подобнаго явленія" (стр. 53). Слѣдовательно, строй семьи патріархальный,—явленіе очень характерное для сѣвера (ср. книгу В. Х.: „На сѣверѣ"). „Женщина не пользуется уваженіемъ въ народѣ, какъ существо глупое отъ природы. Она считается бездушной тварью" (ср. Этн. Обозр. IV, 49). „Крестьянинъ обращается съ женщиной вообще хуже, чѣмъ со своей лошадью или коровой" (стр. 53). Презрѣніемъ пользуются и старики: „Нонѣче стариковъ мѣняютъ на быковъ", а подъ сердитую руку: „просилъ бы себѣ у Господа Бога чередной смерти, да деревяннаго кафтана", т. е. христіанской смерти съ покаяніемъ да гроба" (стр. 55). Между тѣмъ вообще народъ далеко не золъ, гостепріименъ, подъ-часъ нѣженъ (стр. 58 и 62). При описаніи свадьбы особенно ярко обрисовано авторомъ положеніе дѣвушки въ домѣ отца („Дѣло сдѣлано, дура за мужъ

выдана“), посидѣлки, на которыхъ сближаются молодые люди. —V глава, излагающая свадебные обряды, заключаетъ въ себѣ большое число причетовъ и пѣсенъ (до 100) и даетъ ясное представленіе обо всемъ церемоніалѣ.—Въ главѣ о вѣрованіяхъ (VI) г. Иваницкій излагаетъ все то, что ему самому извѣстно или что онъ могъ собрать относительно „воззрѣній вологод. крестьянъ на міръ физическій и духовный“ (117 стр.). Здѣсь изложено, какъ народъ мыслитъ о землѣ, свѣтилахъ небесныхъ, сотвореніи міра (приведено нѣсколько легендъ) и передаются вѣрованія въ Бога, нечистую силу. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе низшихъ чиновъ нечистыхъ (домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, банныхъ, овинныхъ, кикиморъ), описаніе праздниковъ и ихъ значенія въ народной жизни. Этимъ и заканчивается I отдѣлъ.

Отдѣлъ II, напечатанный мелкимъ шрифтомъ и обнимающій страницы 134 — 231, заключаетъ въ себѣ сырой матеріалъ въ видѣ сказокъ, пѣсенъ, заговоровъ и т. п. По всѣмъ отдѣламъ народнаго творчества здѣсь каждый найдетъ богатую почву для изученія духовнаго быта крестьянъ Вологод. губ. Достаточно указать на то, что II отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 33 заговора, 29 дѣтскихъ игръ, 55 сказокъ и заключается 68-ю пѣснями, ноты къ которымъ записаныя г. М. Куклинымъ, напечатаны тутъ же въ сборникѣ со статьей г. Ю. Н. Мельгунова: „По поводу русскихъ народныхъ пѣсенъ Вологодской губ., собранныхъ М. Куклинымъ“. Пѣсни редактированы тѣмъ же г. Мельгуновымъ.

Привѣтствуя это первое исполненіе высказаннаго редакторомъ Сборника пожеланія, „чтобы мѣстные жители способствовали дѣлу изученія быта окружающаго ихъ населенія“,—прибавимъ и отъ себя тоже пожеланіе, чтобы матеріалы, имѣющіеся въ Отдѣлѣ Этнографіи, составили новые выпуски Сборника. Это пожеланіе имѣетъ подъ собой основаніемъ высказанные г. редакторомъ надежды, что слѣдующіе выпуски „будутъ содержать въ себѣ матеріалы послѣдовательно по Вятской, Олонецкой и Ярославской губ., и по Малороссіи“.

В. К—ій.

Живая Старина.—*Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Императ. Русск. Географич. Общества, подъ редакц. В. И. Ламанскаго*. Вып. I. Спб. 1890.

Любители этнографіи могутъ поздравить себя съ новымъ, посвященнымъ ей, періодическимъ изданіемъ, а нашъ журналъ—себя съ новымъ товарищемъ. Въ декабрѣ прошлаго года, по иниціативѣ В. И. Ламанскаго, нѣкоторые члены Импер. Р. Географ. Общества отъ имени Этнографическаго отдѣла вошли въ него съ предложеніемъ предпринять періодическое изданіе, посвященное народовѣдѣнію Россіи и соплеменныхъ ей странъ, причемъ предполагалось издавать 4 книжки въ годъ со слѣдующими отдѣлами: I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Неболь-

шіе матеріалы съ примѣчаніями. III. Критика и библіографія. IV. Вопросы и отвѣты—ученая корреспонденція. V. Смѣсь: дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и заграницей и проч. Общеизвѣстныя въ русской наукѣ имена лицъ, подписавшихъ предложеніе Этнографическаго отдѣленія,—акад. А. Н. Веселовскаго, акад. Л. Н. Майкова, покойнаго проф. И. П. Минаева, А. Н. Пыпина и В. И. Ламанскаго,—могли служить достаточнымъ ручательствомъ серіозности и научности новаго этнографическаго журнала. И дѣйствительно, I-й выпускъ «Живой Старины» вполнѣ оправдываетъ ожиданія, которыя могли быть вызваны ученымъ авторитетомъ редактора, проф. В. И. Ламанскаго. Въ этой книжкѣ обильно представлены вышеперечисленные отдѣлы (кромѣ одного—Вопросовъ и отвѣтовъ) цѣлымъ рядомъ интересныхъ изслѣдованій, замѣтокъ, матеріаловъ, рецензій и пр. по русской и славянской этнографіи.

Книжка открывается обширной руководящей статьей редактора, затрогивающей рядъ научно-общественныхъ вопросовъ въ связи съ уясненіемъ цѣли новаго изданія и задачъ этнографическаго изученія Россіи. Предѣлы нашей замѣтки не даютъ намъ возможности познакомить нашихъ читателей со всѣмъ богатствомъ содержанія статьи профессора В. И. Ламанскаго. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя мысли автора, которыя намъ кажутся особенно симпатичными и плодотворными. Указавъ на историческій ходъ русской журналистики, выработавшій современный типъ энциклопедическихъ литературныхъ научныхъ журналовъ, авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые давно укоренившіеся недостатки въ «научномъ» отдѣлѣ изданій этого типа. «Изготовленіе такъ называемыхъ серьезныхъ статей для отдѣла наукъ издавна въ большей части нашихъ журналовъ выпадаетъ обыкновенно на долю или молодымъ, начинающимъ ученымъ или старымъ, опытнымъ сотрудникамъ, иногда дѣйствительно даровитымъ, свѣдущимъ и просвѣщеннымъ, а иногда лишь бойкимъ, набившимъ руку и изучившимъ вкусы публики, литераторамъ съ извѣстнымъ въ русскомъ смыслѣ энциклопедическимъ образованіемъ. Срочность работы, которою завалены постоянные сотрудники журналовъ, полистная плата, извѣстное требованіе редакторовъ и издателей — избѣгать излишней сухости и учености, давно создали и утвердили въ нашей журналистикѣ извѣстный пошибъ статей отмѣнно длинныхъ, многословныхъ и малосодержательныхъ. При давнемъ преобладаніи на нашемъ книжномъ рынкѣ формы ежемѣсячныхъ сборниковъ въ 30—40 листовъ каждый, самаго разнообразнаго и по возможности занимательнаго содержанія, эти недостатки на долго укоренились въ нашей литературѣ, такъ что краткость и ясность, сжатость и дѣльность, столь обычныя качества въ литературахъ англійской, французской и новѣйшей нѣмецкой, у насъ составляютъ вообще большую рѣдкость» (стр. XIV).

Высказывая такое сужденіе о научномъ отдѣлѣ нашихъ энциклопедическихъ журналовъ, не приложимое, впрочемъ, по нашему мнѣнію,

къ лучшимъ изъ нихъ, и вообще находя въ обычномъ составѣ книжекъ въ 30—40 листовъ много лишняго (напр переводы иностранныхъ большихъ романовъ, „развивательныя“ статьи въ журнальномъ направленіи и др.), что значительно увеличиваетъ количество печатныхъ листовъ и повышаетъ подписную плату, авторъ замѣчаетъ, что „въ русскомъ обществѣ уже какъ будто начинаетъ сказываться недовольство такимъ преобладаніемъ журналовъ энциклопедическаго характера и все сильнѣе слышится запросъ на нетолстые, недорогіе ежемѣсячные, полугодовые и третные журналы не энциклопедическаго характера, а посвященные частнымъ родамъ искусства или отдѣльнымъ отраслямъ чистаго и прикладнаго знанія“ (XVIII). Конечно, слѣдуетъ всячески желать появленія такихъ не дорогихъ, но содержательныхъ спеціальныхъ журналовъ по разнымъ отраслямъ знанія, которые будили бы и поддерживали въ обществѣ научный интересъ, вызывали бы въ немъ желаніе личнымъ трудомъ участвовать въ движеніи науки, хотя бы въ формѣ собиранія матеріала; но нельзя не сознаться, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, какъ показываетъ тѣсная сфера распространенія подобныхъ журналовъ, потребность въ нихъ, къ сожалѣнію, чувствуется еще весьма слабо, и весьма мало основанія для предположенія, чтобы журналъ, намѣченнаго типа, вродѣ англійскихъ rewiews, могли стать естественной «эволюціей» нашихъ современныхъ литературно-научныхъ журналовъ. Самый фактъ *значительнаго* распространенія *семи* существующихъ энциклопедическихъ «толстыхъ» журналовъ едва ли подкрѣпляетъ предположеніе автора о начинающемъ сказываться въ обществѣ недовольствѣ преобладаніемъ журналовъ этого типа. Даже и та популярно изготовленная научная пища, которая въ нихъ предлагается на снѣдь, представляется неудобоваримой для очень многихъ читателей въ средѣ такъ называемаго образованнаго общества. Но если въ послѣднемъ изрѣдка и раздаются отдѣльные голоса, алчущіе болѣе питательной научной пищи, то нельзя забывать, что этотъ научный аппетитъ вызванъ въ значительной степени этими же самыми «энциклопедическими» журналами обычнаго типа, и въ этомъ заключается ихъ великая заслуга передъ русскимъ обществомъ.

Къ числу плодотворнѣйшихъ мыслей можно отнести мнѣніе г. Ламанскаго о *научной* пользѣ терпимости къ мѣстнымъ инородческимъ языкамъ нашего отечества. «Необходимо, — говоритъ г. Л. (стр. XXII) — давать жить и развиваться и мѣстнымъ языкамъ. При такой свободѣ и терпимости нашъ обще-литературный языкъ будетъ изучаться инородцами и иноплеменниками въ Имперіи и внѣ ея, во всѣхъ наконецъ западныхъ славянскихъ земляхъ, тѣмъ съ большею готовностью и охотою. Отъ развитія маленькихъ народныхъ, инородческихъ и иноплеменныхъ, словесностей государственный языкъ обширной Имперіи, языкъ преподаванія въ средней и высшей ея школѣ, языкъ

богатой литературы, единственно общепонятный и уже потому, не только внѣшне, но и внутренне, *обязательный* для всѣхъ инородческихъ племенъ Европейской и Азіатской Россіи и для всѣхъ разновидностей нерусскаго славянства, *никогда ничего не потеряетъ въ своемъ значеніи и не потерпитъ ни малѣйшей утраты отъ того, что мы въ уваженіе къ допущенному Провидѣніемъ различію племенъ и нарѣчій признаемъ ихъ божескія, естественныя права*". Особенно много пользы для этнографической науки можно ожидать отъ просвѣщенныхъ инородцевъ, «не вынесшихъ изъ русской школы ни презрѣнія къ своимъ родителямъ, ни ненависти къ русскому языку и русскимъ, какъ безжалостнымъ побѣдителямъ».

Этотъ типъ просвѣщенныхъ инородцевъ дѣйствительно уже встрѣчается нерѣдко, какъ показываютъ этнографическія изданія Петербургскія, Московскія, Казанскія, Кавказскія, Сибирскія за послѣднія десятилѣтія. Хорошо зная родной языкъ и бытъ, эти дѣятели обогащаютъ этнографію такими данными, которыя нерѣдко почти недоступны для русскихъ изслѣдователей.

Помянувъ добрымъ словомъ нѣмцевъ-академиковъ, которые первые положили основаніе къ изученію языковъ и быта нашихъ инородцевъ, авторъ однако считаетъ крупною государственною ошибкою «печатаніе по-нѣмецки этнографическихъ и лингвистическихъ трудовъ касательно азіатскихъ и европейскихъ инородцевъ на счетъ государственный, какъ и вообще всѣ нѣмецкія изданія нашей Академіи Наукъ» (стр. XXIV), и мечтаетъ о возможности созданія вполнѣ русской Академіи въ Москвѣ, чрезъ объединеніе существующихъ въ ней многочисленныхъ ученыхъ обществъ.

Въ числѣ научныхъ потребностей съ цѣлью всесторонняго изученія Россіи, авторъ указываетъ, между прочимъ, на пользу устройства музеевъ въ уѣздныхъ городахъ (стр. XXXI), на необходимость переработки полнаго географическаго словаря (XXXIII), изданія болѣе точныхъ этнографическихъ картъ (XXXV) и систематическаго собиранія матеріаловъ для «будущаго» громаднаго труда, посвященнаго полному этнографическому описанію Россіи, труда, въ которомъ необходимо должны найти мѣсто антропологическія, археологическія, историко-этнографическія, лингвистическія, этнографическія изысканія какъ о нѣкогда обитавшихъ, такъ и о всѣхъ нынѣ обитающихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи народностяхъ, съ географическимъ описаніемъ ихъ областей, территорій, съ историческимъ обзоромъ ихъ новѣйшихъ судебъ, ихъ отношеній къ прочимъ инородцамъ и къ русскому племени, съ подробнымъ изложеніемъ и характеристикою ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ и особенностей, религіозныхъ, бытовыхъ и проч. и проч., съ приложеніемъ результатовъ антропометрическихъ измѣреній, изображеній типовъ, костюмовъ, жилищъ, утвари и проч. и проч. (стр. XXXVII). Конечно, не

нашему поколѣнію придется созидать это великолѣпное научное зданіе, котораго планъ начерталъ проф. Ламанскій. Мы можемъ собирать для него лишь матеріалъ и отчасти подготовку его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не должны терять изъ виду общаго плана будущаго сооруженія. Разставаясь на этомъ съ интересной статьей уважаемаго ученаго, переходимъ къ краткому обзору содержанія I-го вып. «Живой Старины» по отдѣламъ:

Отд. I.—*Профессоръ Ждановъ*, въ обширной (еще не конченной) статьѣ разсматриваетъ сравнительнымъ путемъ пѣсни о князѣ Михаилѣ, принадлежащія, по выраженію автора, къ «бытовымъ былинамъ», и для уясненія ихъ построенія привлекаетъ къ сравненію сходные мотивы изъ народной поэзіи другихъ европейскихъ народовъ. *Г. Трусманъ* — въ статьѣ «Полувѣрцы Псково-Печерскаго края»—представляетъ интересное описаніе быта такъ называемыхъ *полувѣрцевъ,* т.-е. эстовъ, подвергшихся сильному вліянію русскихъ по внѣшнему образу жизни, но сохранившихъ національный костюмъ, языкъ, духовное творчество, обычаи, нравы въ большей чистотѣ, чѣмъ остальные эсты. Къ статьѣ приложены: I. Загадки. II. Списокъ полуверческихъ поселеній и III. Сборникъ словъ. Данныя, приводимыя г. Трусманомъ, добыты имъ во время поѣздки, совершенной имъ въ 1885 г. по западной окраинѣ Псковской губерніи и отличаются точностью и обстоятельностью. Статья *В. А. Приклонскаго:* «Три года въ Якутской области», повидимому представляетъ лишь начало большого этнографическаго труда. матеріалы для котораго собраны авторомъ во время его поѣздки по Якутскому и Верхоянскому округу въ 1881 г. Глава первая содержитъ свѣдѣнія о пространствѣ и населенности Якутской области, о ея наружномъ видѣ — орографіи и гидрографіи, о распредѣленіи населенія по городамъ и округамъ, о климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, о различныхъ племенахъ области, о занятіяхъ ихъ и образѣ жизни. Характеристики племенъ весьма кратки и не содержатъ *пока* ничего новаго. Статистическія данныя относятся къ 1887 году. «Путевыя письма и замѣтки *Срезневскаго* о Сербо-Лужичанахъ» (1840 г.) важны для исторіи славяновѣдѣнія и отлично характеризуютъ покойнаго знаменитаго слависта, какъ превосходнаго наблюдателя живого народнаго языка и быта. Въ этихъ письмахъ нерѣдко выступаетъ предъ нами и симпатичная личность покойнаго лужицкаго этнографа Смоляра. *И. Савченковъ* — крестьянинъ с. Соловьевки, Водотыйской области, Радомысльскаго уѣзда, Кіевск. губ., сообщаетъ описаніе народной одежды — старинной и новой — носимой въ названной волости. *В. Бондаренко* въ небольшомъ очеркѣ разсматриваетъ нѣкоторыя повѣрія крестьянъ Тамбовской губерніи (въ частности въ Кирсановскомъ уѣздѣ). Въ заключеніе I-го отдѣла помѣщены нѣкоторыя мелкія замѣтки: *Я. Рисова*—о литовской свадьбѣ въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, Ковенской губ.; акад. *А. Н. Веселовскаго:* а) къ видѣнію Амфилоха, б) Декамеронъ, X, 3; *проф. А. Соболевскаго:*—а) объ

именахъ «Груша и Дуня» (которыя авторъ считаетъ древними, нехристіанскими, взятыми изъ растительнаго царства) и б) къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси (свидѣтельство объ *игрищахъ* изъ челобитной старца Григорія иконописца царю Алексѣю Михайловичу 1651 года).

Въ отдѣлѣ II — *Памятники языка и народной словесности* — можно отмѣтить, какъ наиболѣе интересное, три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника, доставленныя акад. *Л. Н. Майковымъ*: I. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколъ-караблѣ, II. Добрыня и Марина, III. Князь Михайло Скопинъ. Кое-что новое содержитъ, впрочемъ, лишь первая изъ нихъ. Любопытенъ также доставленный *Е. Романовымъ* матеріалъ словарный и грамматическій по условному языку шерстобитовъ м. Дрибинъ, Могилевской губерніи, такъ называемому *Катрушницкому лѣмезню*. Этотъ условный языкъ, унаслѣдованный, по словамъ шаповаловъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, употребляютъ они только внѣ дома, въ рабочихъ отлучкахъ, и никогда не говорятъ на немъ на родинѣ. Большинство словъ представляютъ лишь искаженія бѣлорусскихъ посредствомъ нѣкоторыхъ приставокъ и звуковыхъ измѣненій, но есть и слова не русскія, повидимому, греческія, литовскія, еврейскія и др., которыхъ происхожденіе слѣдовало бы уяснить (напр. *хирка*—рука, *микрый*—малый, очевидно греческія).

Отдѣлъ III — *Критика и библіографія* — содержитъ около 20 рецензій сочиненій этнографическаго характера—русскихъ и иностранныхъ, обзоръ содержанія журнала Wisla за текущій годъ и трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890 г.), *Э. Вольтера*.

Въ отд. IV — *Смѣси* — находимъ описаніе 27 дѣтскихъ игръ Олонецкой губ., своеобразной игры литовскихъ пастуховъ «калуте», ловли снятка тагасомъ на Бѣломъ озерѣ, нѣсколько литовскихъ повѣрій и 4 некролога (М. П. Веске, О. Кольберга, д-ра Пфуля и С. П. Микуцкаго). Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести и помѣщенную въ началѣ книжки вступительную лекцію къ курсу санскритской литературы въ С.-Петербургскомъ университетѣ *С. Ольденбурга*, посвященную памяти проф. И. П. Минаева, извѣстнаго санскритолога, изслѣдователя буддизма. Г. Ольденбургъ, ученикъ покойнаго, дѣлаетъ прочувствованную характеристику своего знаменитаго учителя, уясняетъ значеніе его капитальныхъ, къ сожалѣнію неоконченныхъ, трудовъ, главнымъ образомъ по исторіи буддизма въ Индіи и прилагаетъ полный перечень его печатныхъ работъ.

Изъ нашего бѣглаго обзора содержанія I-го выпуска «Живой Старины» можно видѣть, насколько оно обильно и разнообразно. Дѣйствительно, многочисленные матеріалы, стекающіеся въ Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, даютъ полную возможность редактору выбирать изъ нихъ для журнала наиболѣе цѣнное и интересное. Можно поэтому надѣяться, что дальнѣйшіе выпуски «Живой Старины»

ни въ какомъ отношеніи не уступятъ первому и послужатъ, совмѣстно съ нашимъ изданіемъ, распространенію въ обществѣ интереса къ этнографіи и привлеченію новыхъ силъ къ ея разработкѣ.

В. Миллеръ.

Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ.—*Русскія Древности въ памятникахъ искусства. Выпускъ III. Древности временъ переселенія народовъ.* Спб. 1890 г. (in 4⁰ стр. 158, рис. 185). Ц. 1 р.

На страницахъ „Этногр. Обозрѣнія" неоднократно затрогивались уже статьи и сочиненія археологическія, имѣющія лишь косвенное отношеніе къ этнографіи. Это не должно удивлять читателей: связь этнографическаго органа съ вопросами археологическими не случайность или редакціонный произволъ; она объясняется самою сущностью дѣла. Нигдѣ археологія не связана такъ тѣсно съ этнографіей, какъ у насъ, и въ нашей литературѣ не безъ основанія указано на существенную разницу между русскою и западно-европейскою археологіей. Если центральный вопросъ *западно-европейской* археологіи, говоритъ одинъ изъ обозрѣвателей дѣятельности VIII-го Археологическаго Съѣзда, П. П. Милюковъ,—происхожденіе человѣка—опирается на антропологію и геологію, то центральный вопросъ *русской* археологіи—выясненіе этнографическихъ элементовъ, наслоившихся въ населеніи и создавшихъ исторію восточно-европейской низменности,—опирается на этнографію и изученіе языковъ и нарѣчій. Признавая безусловно указанное различіе, мы не думаемъ, однако, что нѣтъ нужды въ оговоркѣ противъ излишне односторонняго его пониманія. Задачи археологіи, какъ науки вообще, не могутъ допустить занятій вопросами *исключительно* мѣстнаго характера, ибо въ противномъ случаѣ наша археологія превратится въ какую-то особенную, какъ бы *національную* науку. А между тѣмъ „національное" направленіе въ наукѣ сплошь и рядомъ служитъ очень плохую ей службу. Въ одномъ недавнемъ опытѣ „характеристики археологіи", мы читаемъ цѣлый рядъ упрековъ по адресу современной археологіи вообще, и въ числѣ этихъ упрековъ мы встрѣчаемъ именно обвиненіе за излишнее преобладаніе въ археологіи національнаго направленія. „Какъ въ древнѣйшія времена, говоритъ авторъ указаннаго опыта А. Д. Бѣляевъ, исторія была народной мѣстной лѣтописью, такъ и археологія въ настоящее время есть наука по преимуществу *національная* [1]) и только въ малой мѣрѣ международная" (стр. 60). Рѣзко подчеркивая національзмъ, какъ крупный недостатокъ современной археологіи, авторъ высказываетъ далѣе рядъ дѣльныхъ замѣчаній по поводу того, что современные архе-

---

[1]) Срв. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, III, 9: „къ поверхностнымъ и одностороннимъ наблюденіямъ примѣшались патріотическія увлеченія, непозволявшія опознаться въ массѣ открывшагося сыраго матеріала."

ологи въ большинствѣ случаевъ узко замыкаются въ изученіи однихъ національныхъ древностей. Эта тенденція націонализма въ наукѣ невольно прорвалась въ нашей критикѣ, когда только что появились первые два выпуска изданія гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова; въ „Историческомъ Вѣстникѣ", если намъ не измѣняетъ память, высказано было непритворное удивленіе, что подъ заглавіемъ „Русскія Древности" появляются въ изданіи древности скиѳо-сарматскія, классическія etc. Понятно, что заглавіе „Русскія Древности" должно было указывать не на національность изданія, а лишь на территорію, на *русскую* въ новѣйшемъ смыслѣ территорію, на которой были найдены весьма разнообразные вещественные памятники. Издатели поступили въ этомъ случаѣ вполнѣ основательно, понимая свою задачу въ широкомъ смыслѣ и значительно освобождаясь отъ доктринерства, составляющаго, по мнѣнію А. Д. Бѣляева (стр. 61), также одинъ изъ недостатковъ современной археологической науки. Не смотря на все это, одной изъ главныхъ задачъ русской археологіи все-таки остается этнографическое пріуроченіе. Если издатели „Русскихъ Древностей" довольно правильно поняли свою задачу, то они кромѣ того и чрезвычайно удачно выбрали время для своего полезнаго предпріятія. Едва ли даже стоитъ упоминать, насколько за послѣднее время возросъ интересъ къ археологіи, породившій, какъ это всегда бываетъ въ пору не совсѣмъ осмысленныхъ увлеченій, значительный дилеттантизмъ. Интереснымъ показателемъ этихъ увлеченій, можетъ служить упомянутая брошюра А. Д. Бѣляева: „Характеристика археологіи" (Харьковъ 1890). Авторъ ея, разсматривающій вопросъ за исключеніемъ немногихъ пунктовъ (напр., объ эмпиризмѣ и умозрѣніи въ наукѣ, объ ученіи дарвинистовъ, о первобытномъ человѣчествѣ) вполнѣ научно, разумно и съ знаніемъ дѣла, пытается даже намѣтить и причину этого интереса къ древности. Усиленное развитіе у насъ вкуса къ старинѣ свидѣтельствуетъ, по его мнѣнію, „о перемѣнѣ духа времени и о недовольствѣ современнымъ строемъ жизни вообще" (стр. 77). Можетъ быть тутъ есть маленькое преувеличеніе сущности дѣла; однако фактъ до извѣстной степени на лицо, и съ нимъ приходится считаться. Увлеченіе археологіей сказалось въ массѣ лицъ, производящихъ раскопки, въ живой и шумной постановкѣ археологическихъ съѣздовъ, особенно послѣдняго (VIII), связаннаго съ двадцатипятилѣтіемъ дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества, и въ потребности популяризаціи археологіи, на что ясно указываетъ быстрый расхватъ перваго выпуска изданія гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, вышедшего въ двухъ изданіяхъ. Мы убѣждены, что если-бы во-время былъ затѣянъ особый археологическій органъ, онъ имѣлъ бы сравнительный успѣхъ и своимъ вполнѣ научнымъ направленіемъ могъ бы принести существенную пользу дѣлу, особливо въ провинціи, гдѣ въ настоящее время такъ или иначе работаютъ провинціальныя ученыя ар-

хивныя коммиссіи нерѣдко безъ достаточно научнаго руководства, но съ массой усердныхъ черныхъ работниковъ, которыхъ лишь нужно направлять на дѣло. Кто слѣдитъ за изданіями этихъ коммиссій (см. ниже), сравнительно очень мало извѣстными читающей публикѣ, тотъ знаетъ, какое оживленіе внесъ въ ихъ дѣятельность усиленный обмѣнъ мыслей на VIII-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ, какъ нѣкоторыя изъ нихъ явно показали, что недѣльное пребываніе ихъ представителей въ Москвѣ не пропало даромъ для мѣстной дѣятельности на пользу науки. Помимо удачнаго опыта гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, пробу популяризаціи археологіи представляютъ публичныя лекціи по археологіи Россіи Д. И. Эварницкаго (Спб. 1890), отчетъ о которыхъ читатели найдутъ въ іюльской книжкѣ Журнала Мин. Народ. Просв. (ст. А. С. Лаппо-Данилевскаго, автора „Скиѳскихъ Древностей", Спб. 1887; см. о нихъ ib 1888 г. №№ 9 и 11). Оживленію археологическому вторитъ и оживленіе этнографическое, и мы находимся наканунѣ выхода въ свѣтъ втораго выпуска еще новаго этнографическаго изданія, оповѣщеннаго довольно обширными рекламами. Этнографія у насъ такимъ образомъ нѣсколько счастливѣе своей младшей сестры, археологіи; она имѣетъ два новыхъ періодическихъ изданія и солиднаго историка въ лицѣ А. Н. Пыпина съ его обширной монографіей по „исторіи русской этнографіи" (Спб. 1890. Т. I и II), тогда какъ археологія до сихъ поръ не имѣетъ особаго періодическаго органа для живого и быстраго обмѣна мыслей, публикованія дневниковъ раскопокъ etc., не удостоиваясь также и особой каѳедры при нашихъ университетахъ, что значительно подвинуло бы теоретическую выработку этой далеко еще несовершенной науки.

Итакъ, новое изданіе, о которомъ намъ пришлось говорить, является на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей читающей публики, вызвано ея требованіями и приноровлено такъ, чтобы пріобрѣтеніе его было сравнительно весьма и весьма доступнымъ. Признаемся, мы съ особеннымъ интересомъ раскрывали третій выпускъ „Русскихъ Древностей", какъ посвященный очень важной, интересной и неразработанной у насъ эпохѣ переселенія народовъ. „Русскія Древности", по заявленію издателей, имѣютъ цѣлью „представить историческое образованіе и развитіе древне-русскаго искусства въ точныхъ снимкахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины". Къ выполненію своей задачи издатели, ничуть не заботясь объ археологической полнотѣ, по праву приступили издалека: въ первомъ выпускѣ они знакомятъ съ эллинскими колоніями въ южной Руси и съ произведеніями искусства, найденными въ ихъ развалинахъ, во второмъ—съ бытомъ кочевниковъ, когда-то наполнявшихъ южную Русь, и съ произведеніями греческаго искусства, приноровленными къ ихъ быту. Третій выпускъ имѣетъ дѣло не съ извѣстными только условными этнографическими границами, а съ

цѣлой хронологической эпохой великаго переселенія народовъ (варварскія древности). Въ немъ издатели попрежнему не чуждаются нѣкоторыхъ необходимыхъ историческихъ подробностей и цѣнныхъ библіографическихъ указаній.

Оставляя въ сторонѣ прежнія теоріи о стилѣ варварскихъ древностей, издатели настаиваютъ на историческомъ, сравнительномъ ихъ изученіи, на томъ, что разборъ памятниковъ убѣждаетъ, „что ходъ варварскаго искусства можетъ быть прослѣженъ, сообразно съ путями переселенія народовъ, въ послѣдовательности времени, при чемъ востокъ выступаетъ ранѣе запада, югъ прежде сѣвера, Средняя Азія прежде Сибири, Кавказъ прежде береговъ Дона, теченіе Днѣпра ранѣе Вислы и Дунай прежде Рейна“ (стр. 10). Изложеніе начинается краткимъ историческимъ очеркомъ Средней Азіи со времени походовъ Александра Великаго приблизительно до половины III вѣка по Р. Хр., очеркомъ очень любопытнымъ, съ массою выдержекъ изъ древнихъ писателей, но не вполнѣ вразумительнымъ для средняго читателя и требующимъ при чтеніи необходимаго пособія исторической и современной карты мѣстности, о которой идетъ рѣчь (11—26). Вслѣдъ за очеркомъ идетъ описаніе нѣкоторыхъ находокъ въ Средней Азіи, Западной Сибири и Пермскомъ краѣ (26—95). Далѣе слѣдуетъ сжатый историческій очеркъ Кавказа (26—102), а также Закавказья и Черноморскаго прибрежья и описаніе кавказскихъ находокъ (103—126). Бѣгло, наконецъ, обрисовавъ вопросъ о заселеніи южной Руси (126—132), издатели описываютъ находки новочеркасскаго клада, чуленскаго, румынскаго и др. съ немногими ссылками на аналогичныя находки въ западной Европѣ. Таково содержаніе новаго выпуска „Русскихъ Древностей“, изданнаго такъ-же изящно, какъ и два первые, но зато и съ тѣми же неудобствами. Текстъ идетъ, хотя и по опредѣленному плану, но безъ раздѣленія на главы, что весьма неудобно для чтенія, которое облегчается лишь небольшимъ предметнымъ указателемъ. Самый текстъ, оставляя въ сторонѣ нѣкоторые фактическіе недочеты, въ смыслѣ популярности далеко не выдержанъ: ему не достаетъ живости и связности, порою онъ сухо перечисляетъ древности, описывая ихъ внѣшность. Все это заставляетъ насъ признать изданіе, хотя и содѣйствующимъ популяризаціи археологической науки, но въ сущности представляющимъ какъ бы пояснительный атласъ къ несуществующему учебнику русскихъ древностей. Очевидно, издатели либо не уяснили себѣ того, какимъ должно быть популярное изданіе подобнаго рода, либо преслѣдуютъ иныя цѣли, нежели простая популяризація археологическаго знанія. Воздерживаясь отъ излишнихъ гипотезъ, издатели сообщили своей работѣ извѣстный колоритъ, предоставивъ въ то-же время на долю читателей нелегкую работу разобраться въ полученныхъ впечатлѣніяхъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что дѣлать различнаго рода указанія гораздо легче, чѣмъ самолично приняться за дѣло, что издате-

лями много положено труда на собираніе и подборъ матеріала; однако должны замѣтить эту невыдержанность изданія, представляющаго что-то среднее между учебникомъ, популяризаціей и научной работой. Такъ мы встрѣчаемъ въ изданіи картинки берега Каспійскаго моря, пустыни Кизилъ-Кумъ, долины рѣки Заравшана, долины Бухтарны, Казбека, но не видимъ карты съ означеніемъ важнѣйшихъ находокъ, указателя нѣкоторыхъ археологическихъ терминовъ, не вполнѣ вразумительныхъ для обыкновеннаго читателя, элементарныхъ свѣдѣній по археологіи, какъ наукѣ, что могло бы составить особое введеніе къ изданію. Въ заключеніе нашихъ поверхностныхъ замѣчаній мы должны высказать, что, не смотря на указанные пробѣлы, изданіе гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова представляетъ очень любопытную и поучительную попытку болѣе или менѣе систематическаго обзора русскихъ древностей, которая должна найти—и въ первыхъ своихъ выпускахъ уже нашла—полное расположеніе читающей публики. Остается еще пожелать, чтобы продолженіе этого полезнаго труда не замедлило появиться въ свѣтъ въ возможно скоромъ времени.

В. Н. Сторожевъ.

Губернскія архивныя коммиссіи.—Губернскія ученыя архивныя коммиссіи, число которыхъ въ настоящее время достигло 12 (Калуга, Кострома, Нижній Новгородъ, Орелъ, Оренбургъ, Пермь, Рязань, Саратовъ, Симферополь, Тамбовъ, Тверь, Ярославль; см. отчеты директора Археологическаго института проф. И. Е. Андреевскаго въ „Русской Старинѣ" 1889 г. № 12 и 1890 г. № 11), обязаны, какъ извѣстно, своимъ возникновеніемъ покойному Н. В. Калачеву. Въ началѣ онѣ преслѣдовали главнымъ образомъ одну цѣль согласно мысли своего основателя, именно: собраніе и описаніе *мѣстныхъ* архивныхъ документовъ. Скоро однако дѣятельность ихъ расширилась, благодаря оговоркѣ § 7 общаго ихъ устава, который гласитъ, что «коммиссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включить въ кругъ своихъ занятій разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины». Коммиссіи въ силу этого § начинаютъ заниматься археологическими и историко-этнографическими и даже прямо литературными вопросами; онѣ сдѣлались центрами, куда стала стекаться мѣстная интеллигенція, обнаруживавшая вообще большую любовь къ дѣлу, но зачастую очень слабую *научную* подготовку, если не полное ея отсутствіе. Такъ какъ труды архивныхъ коммиссій вообще *не* распространены среди читающей публики, то мы сочли не лишнимъ указать на нихъ какъ на такіе, въ которыхъ этнографъ иногда встрѣтитъ интересный для него матеріалъ.

Мы выписали всѣ статьи, такъ или иначе могущія интересовать этнографа, причемъ должны оговориться, что 1) нами не отмѣчены

статьи, касающіяся мѣстной археологіи (ихъ особенно много въ Трудахъ Таврической Коммиссіи), что 2) указанія на этнографическія данныя порою мелькаютъ въ описяхъ документовъ, хранимыхъ коммиссіями, и что 3) выписки наши мы намѣрены отъ времени до времени продолжать по мѣрѣ выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ трудовъ коммиссій. Матеріалъ, даваемый коммиссіями, пока еще очень невеликъ, но со временемъ онъ, несомнѣнно, разростется, если только не охладѣетъ рвеніе ихъ членовъ.

I. Труды Рязанской Коммиссіи (откр. 15 іюня 1884 г.). *И. В. Добролюбовъ.* Мѣры къ искорененію невѣжества и суевѣрій въ духовенствѣ и народѣ, предпринятыя арх. Симономъ. Журналъ отъ 5 мая 1885 г.—*И. В. Добролюбовъ.* Пѣсни ряжскихъ скопцевъ. Журналъ отъ 4 іюня 1886 г., стр. 35.—*А. В. Селивановъ.* Изъ дѣлъ о расколѣ. 1. Хлыстовская ересь въ селѣ Каринѣ, Зарайскаго уѣзда. II, № 5.—*С. Д. Яхонтовъ.* Матеріалы для исторіи раскола. О покровительствѣ раскольникамъ со стороны австрійскаго правительства. II, № 7.—Записки И. С. Аксакова о Ярославскихъ разбойникахъ. III, № 4.—Записки о расколѣ по поповщинѣ. IV, №№ 2, 3 и 4. — *В. Н. Сторожевъ.* Рязанскія засѣчныя книги. V, №№ 4 и 5.

II. Труды Орловской Коммиссіи (откр. въ 1884 г.). *С. А. Блохинъ.* Извлеченіе изъ дѣла Орловскаго Совѣстнаго Суда о кладѣ съ заклятымъ золотомъ и серебромъ въ домѣ крестьянина Елецкаго уѣзда, Малюгина. 1889 г., № 5.— *С. А. Блохинъ.* Заговоры и ложныя молитвы, 1889 г., № 5.

III. Труды Саратовской Коммиссіи (откр. 12 дек. 1886 г.). *М. В. Готовицкій.* О значеніи названія Саратовъ (авторъ производитъ его отъ слова *сартъ*, означающаго осѣдлость). Проток. 5 мая 1887 г. Замѣчанія *М. А. Гамазова* и *Ах. Баязитова* на сообщеніе М. В. Готовицкаго см. въ протоколѣ 7 дек. 1887 г.— *Ѳ. Ѳ. Чекалинъ.* Древніе обитатели Саратовской губ. Проток. 18 дек. 1887 г.—*С. А. Харизоменовъ.* Матеріалы по исторіи заселенія Саратовской губ. Т. I, вып. III, стр. 264—277 и далѣе; см. также сообщеніе *А. Н. Минха* въ т. II, вып. I, стр. 26 и вып. II, стр. 259.

IV. Дѣйствія Нижегородской Коммиссіи (откр. 17 окт. 1887 г.). *П. А. Альбицкій.* Макарьевскіе сектаторы. Вып. II, стр. 27.—*А. А. Савельевъ.* Нижегородская городская дума конца XVIII и начала XIX столѣтій въ роли цензора нравовъ. Ib. стр. 51.—*В. О. Эйнгорнъ.* Къ исторіи обрусѣнія Мордвы. Вып. V, стр. 102.—*А. Ф. Мартыновъ.* Нижній Новгородъ и его ярмарка за 40 лѣтъ назадъ. Ib., стр. 124.

V. Извѣстія Таврической Коммиссіи (откр. 24 янв. 1887 г.). *А. В. Ивановъ.* О населеніи раскольниковъ въ предѣлахъ нынѣшней Таврической губ. № 7, стр. 70.

VI. Извѣстія Тамбовской Коммиссіи (откр. 12 іюня 1884 г.). *П. И. Пискаревъ.* Грамота Темниковскаго собора протопопу о производствѣ

суда и церковной расправы, отъ 20 октября 1652 года. № 10, стр. 71 (грамота содержитъ перечисленіе народныхъ суевѣрій и обычаевъ).— *Г. П. Петерсонъ*. Инородцы-помѣщики Керенскаго уѣзда въ XVIII в. № 13, стр. 89. — Грамота 1682 года, въ которой упоминается о народѣ Буртасахъ. Ib., стр. 85. — *И. И. Дубасовъ*. Скопческія пѣсни. 20, № стр. 3.—*И. В. Знаменскій*. Описаніе документовъ, принадлежавшихъ одному изъ благочинныхъ священниковъ Тамбовской епархіи начала настоящаго столѣтія. № 22, стр. 51 и № 23, стр. 120 и сл.— *И. А. Дьяконовъ*. Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ. № 26, стр. 66 и № 27, стр. 17.

VII. Тверская Коммиссія (откр, 22 іюня 1884 г.). *В. И. Колосовъ*. Семинарскія лицедѣйства. Тверь, 1888 г. (изъ № 5 Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей).

В. Н. Сторожевъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ.—*Былое врачебной Россіи*. Кн. 1. СПБ. 1890 г. Мы отмѣчаемъ эту книгу главнымъ образомъ ради 1-й ея главы (стр. 1—30), которая содержитъ «сводъ врачебныхъ сказаній изъ русскихъ лѣтописей», составленный по полному собранію лѣтописей и по нѣкоторымъ другимъ историч. извѣстіямъ и рукописямъ. Къ сожалѣнію, выписки изъ всевозможныхъ источниковъ сдѣланы довольно безтолково, безъ системы, и при томъ, внесено не мало такого, что собственно къ медицинѣ никакого отношенія не имѣетъ; таковы выписки географическо-топографическія, чисто-юридическія и т. п. Хронологическое расположеніе матеріала имѣетъ въ данномъ случаѣ очень мало за себя, и гораздо было бы интереснѣе сгруппировать факты по рубрикамъ; тогда можно было бы легче сдѣлать какіе-нибудь выводы, а въ настоящемъ своемъ видѣ это — чисто-сырой матеріалъ. Изъ остальныхъ главъ нѣкоторый общій интересъ представляетъ «лекція» о «ходѣ врачебнаго образованія въ Россіи въ XVII в.».

Н. Я.

Georg Staehr: Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen des russirchen Artels. I. (Dorpat 1890, стр 116 in 8°). Г. Штеръ, представившій свой трудъ, заглавіе котораго мы выписали, въ качествѣ диссертаціи на степень магистра политической экономіи, хорошо знакомъ съ литературой, какъ русской, такъ и иностранной по интересующему его вопросу. Предпославши въ своемъ введеніи краткій очеркъ существовавшихъ въ литературѣ мнѣній касательно существа артели, авторъ берется доказать, что колебанія, противорѣчія, неясности въ трудахъ изслѣдователей артелей до настоящаго времени, происходили отъ того, что артели разсматривались, какъ явленія, аналогичныя со схожими формами производства въ Зап. Европѣ; авторъ ставитъ себѣ цѣлью поправить эту ошибку своихъ

предшественниковъ, дать слову «*артель*» точное опредѣленіе, указать на объемъ и содержаніе этого слова, чтобы рѣшить его неопредѣленности и сдѣлать его удобнымъ для употребленія, какъ термина научнаго». Откладывая до слѣдующаго выпуска своего труда раздѣленіе различій между артелями и разными видами ассоціацій въ Зап. Европѣ, г. Штеръ въ I-мъ выпускѣ рѣшаетъ лишь вопросъ о происхожденіи артели, даетъ этому слову опредѣленіе, объясняетъ существо артели и цѣль ея. Относительно перваго вопроса авторъ держится мнѣнія, что первоначальная артель строится по типу семьи. Послѣ этого заключенія г. Штеръ переходитъ къ предѣленію артели, которая, по его мнѣнію, есть основанное на договорѣ, образованное по примѣру семьи товарищество нѣсколькихъ, принадлежащихъ къ различнымъ семьямъ и временно отдѣленныхъ отъ семей, лицъ, — товарищество, которое существуетъ ровно столько времени, сколько длится отдѣленіе членовъ такого товарищества отъ ихъ семей». Исходя изъ этого опредѣленія, авторъ считаетъ для всякой артели необходимымъ главу, надѣленнаго патріархальною властью (на подобіе отца семьи), и участниковъ — членовъ, положеніе и отношенія которыхъ между собой и къ главѣ соотвѣтствуетъ положенію сыновей въ семьѣ. Староста является необходимымъ не оттого что во всякомъ общемъ дѣлѣ необходимо имѣть распорядителя, а оттого что артель, будучи патріархально-семейнымъ товариществомъ, не мыслима безъ патріархальнаго главы. Товарищество двухъ лицъ — не будетъ артелью, такъ какъ при такомъ соединеніи явилась бы тенденція къ уравненію положеній обоихъ участниковъ; наименьшее число участниковъ, необходимыхъ для образованія артели, должно быть три; maximum для числа членовъ ея нельзя опредѣлить, но она, подобно семьѣ, должна все таки состоять изъ сравнительно небольшого числа участниковъ. Въ артели нѣтъ мѣста для дѣятельности общаго собранія членовъ (съ правомъ рѣшающаго голоса)— ни при избраніи главы, ни при смѣщеніи его, ни во время существованія артели. Наконецъ, что касается цѣли артели, то она заключается въ томъ, чтобы каждому изъ членовъ доставить возможно полное возмѣщеніе семьи, изъ которой онъ отсутствуетъ.

Таковы выводы автора, доказательству которыхъ посвященъ 1-й выпускъ его труда. Строго говоря, нельзя согласиться ни съ однимъ изъ приведенныхъ положеній, начиная съ самой исторіи возникновенія артели. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что многія артели построены по образцу семьи, т. е. имѣютъ главу съ патріархальной властью, имущество, которымъ глава безконтрольно располагаетъ, безправныхъ членовъ, и т. д. Но факта существованія артелей, схожихъ съ семейнымъ устройствомъ, еще не достаточно, чтобы заключить отсюда о ея происхожденіи. У нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ, живущихъ еще въ стадіи матріархата, у фегійцевъ Южной Америки, не знающихъ еще семьи—мы однако уже встрѣчаемъ артели, составляющіяся для успѣшнаго производства охоты

и рыбной ловли. Разъ артель появляется до возникновенія семьи (причемъ она имѣетъ эти всѣ типическіе признаки неразвитыхъ русскихъ артелей) – едвали можно съ увѣренностью говорить, что первобытная артель строится по типу семьи. Кромѣ того, допуская, что во многихъ отношеніяхъ устройство артели схоже съ семейнымъ устройствомъ, нельзя упускать изъ виду, что существуетъ черта, которая дѣлаетъ полную аналогію между семьей и артелью немыслимой именно, въ то время, какъ добытое членами семьи поступаетъ въ полную собственность всѣхъ членовъ семьи и въ распоряженіе главы ея либо поровну, либо пропорціонально затраченному каждымъ участникомъ труду; причемъ доля, доставшаяся участнику, поступаетъ въ полное распоряженіе. Слѣдовательно сходство между семьей и артелью можетъ ограничиваться лишь чисто внѣшними признаками,

Представимъ себѣ, однако, что г. Штеръ правъ, и что первобытная артель дѣйствительно образовалась по образцу семьи, что между ними можно провести полную аналогію, и въ такомъ случаѣ всетаки слѣдуетъ признать, что артель, какъ и всякій другой жизненный институтъ, можетъ развиваться, вводить принципы въ свою организацію, и съ теченіемъ времени потерять тотъ характеръ патріархальности, который былъ ей свойственъ при первомъ ея появленіи.

Перестанетъ ли вслѣдствіе этого артель быть артелью? Едвали, такъ какъ и семья, теряя всѣ черты присущей ей прежде патріархальности, давая все большій просторъ дѣятельности младшимъ, прежде безправнымъ, членамъ своимъ, ограничивая, съ другой стороны, хотя бы семейнымъ совѣтомъ безконтрольность дѣятельности главы семьи, какъ въ дѣлахъ личныхъ, такъ и имущественныхъ, допуская наконецъ избраніе большака съ нарушеніемъ принципа старшинства и т. п., не перестаетъ быть семьей. Для семьи, утерявшей черты прежней патріархальности, мы не пріискиваемъ новаго наименованія, такъ какъ существованіе или отсутствіе патріархальнаго строя въ ней, не является существеннымъ ея признакомъ. Почему же не считать артелью товарищество, имѣющее всѣ остальные признаки артели, кромѣ патріархальности? Г. Штеръ допустилъ ошибку, принявши не существенный признакъ за существенный, непостоянный—за постоянный. Ошибка эта явилась слѣдствіемъ невѣрно принятаго имъ пути при опредѣленіи артели. Въ самомъ дѣлѣ, зная происхожденіе того или инаго института, нельзя на основаніи только этого выставлять и опредѣленіе института, такъ какъ при опредѣленіи необходимо считаться съ тѣмъ, что есть, а не съ тѣмъ, что было въ давно-прошедшія времена. Слѣдуя методу г. Штера, мы могли бы придти къ ряду странныхъ опредѣленій; зная, напр., происхожденіе дома изъ первобытныхъ шалашей, намъ пришлось бы опредѣлить «домъ какъ строеніе, образовавшееся изъ шалаша», семью, появившуюся при распаденіи родо-

вого быта, «какъ часть распавшагося на свои составныя части рода, и организованную по примѣру рода» и т. д.

Опредѣленіе авторомъ артели построено на томъ же принципѣ. Г. Штеръ своимъ опредѣленіемъ во всякомъ случаѣ не достигъ поставленной имъ цѣли дать слову артель точность и опредѣленность, и не подвинулъ ни на шагъ впередъ рѣшеніе вопроса. Критикуемые авторомъ и подчасъ не безосновательно предшественники г. Штера въ дѣлѣ изслѣдованія артелей, были все-таки ближе къ истинѣ, чѣмъ онъ и это оттого, что они обратили главное вниманіе на существенный признакъ артелей, именно на цѣль, для которой артели устраиваются, и эту цѣль старались поставить въ основаніе своихъ опредѣленій. Это — осуществленіе имущественныхъ цѣлей, достиженіе хозяйственныхъ благъ. Тамъ, гдѣ для достиженія при помощи собственной работы этой цѣли соединялись на основаніи хотя бы молчаливаго договора посторонніе лица, — являлась артель, принимавшая и принимающая вслѣдствіе дѣйствія разныхъ факторовъ разнообразные размѣры и формы.

Н. Х

Aus Nordrussischen Dörfern. Erlebtes und Studiertes von *Dr. Georg Böhling*.

На 99 страницахъ самаго малаго размѣра Dr. Böhling вписываетъ разныя свои наблюденія надъ сѣверно-русской деревней, излагаетъ свои взгляды на нее, изслѣдуетъ и умозаключаетъ въ области этнографіи описательной, въ области анализа вѣрованій и народнаго творчества и даже въ области лингвистики. Въ каждой изъ 5 маленькихъ главокъ нѣмецкій изслѣдователь касается все новыхъ вопросовъ и, глядя на жизнь русскаго села съ высоты европейской культуры, изощряетъ свою безобидную иронію. Очень возможно, что всѣ наблюденія и разсужденія автора, никого не затронувъ, прошли-бы никѣмъ не замѣченныя, но самъ авторъ, написавъ на обложкѣ „erlebtes und studiertes“, заставляетъ насъ показать, что такъ изучать и писать научныя книги не слѣдуетъ.

Не вдаваясь въ подробности, укажемъ лишь на болѣе въ глаза бьющіе промахи и странности. Прежде всего остается совершенно неизвѣстнымъ, гдѣ производилъ авторъ свои наблюденія и о какой мѣстности онъ пишетъ. Относительно этого вопроса мы встрѣчаемъ во всей книжкѣ лишь слѣдующее туманное указаніе: „подъ сѣверомъ Россіи я разумѣю здѣсь, говоритъ авторъ, область верхняго теченія Волги, страны, еще допускающія культуру хлѣбовъ, по крайней мѣрѣ овса и ржи“ (стр. 11).—Далѣе, въ предисловіи читаемъ, что „двухгодичное пребываніе въ странѣ даетъ мнѣ (автору) болѣе права писать о ней, нежели всякому туристу, наблюдающему явленія лишь поверхностно“ и что цѣль автора „сравнить русскій языкъ и русскую жизнь съ зап.—европейскимъ языкомъ и зап.—европейской жизнью.“ И начиная со стр. 3-ей D-r Böhling ве-

детъ дѣйствительно свое сравненіе. Удивляясь тому, что русскій мужикъ везетъ зачастую нѣсколько центнеровъ овса за 100 верстъ въ ближайшій городъ на одной лошади и издерживаетъ до 14 руб. на дорогу, авторъ сейчасъ-же сравниваетъ нашу деревенскую жизнь съ англійской, гдѣ time is money, и приводитъ русскую пословицу „у насъ время не куплено", пословицу, которую авторъ приписываетъ даже лошадямъ (стр. 3). Тоже, вѣроятно, въ цѣляхъ сравненія, авторъ любитъ называть русскую бабу Пенелопой (стр. 4) и непрестанно унизываетъ страницы своей книжки выдержками изъ нѣмецкихъ, швабскихъ, русскихъ поэтовъ и нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ. Покончивъ на 9 страницахъ съ описаніемъ внѣшняго вида русской деревни, сватанія и свадьбы, нищенства, выписавъ тутъ-же разные стишки, авторъ переходитъ ко II главѣ. Семейному быту всего меньше достается отъ D-r Böhling'a: указавъ пословицу „schto babu béi molotom, sdjelajesch solotom", указавъ на многочисленность родни мужика (всѣ родственники считаются до 100-го поколѣнія и называются swat, сравненіе съ древне нѣмецкимъ языкомъ, съ берегами Ганга и Инда), изслѣдователь совершенно успокоивается. Пересыпавъ далѣе всѣ страницы своего „изслѣдованія" неожиданными, несистематичными и чрезвычайно старыми сообщеніями, изложивъ главу о суевѣріяхъ (преимущественно на основаніи стихотв. Жуковскаго: „sneg polóli, pod oknom slúschali" (стр. 55) и „безспорнаго" мнѣнія г. Суворина, редактора „Новаго Времени" (стр. 69), вспомнивъ татарское иго, приведя народныя пѣсни (въ родѣ „chorocha náscha deréwnja, tólko ulïtza ghresná" (стр. 47), D-r Böhling вторгается въ область лингвистики и сближаетъ русскій языкъ съ древне-германскимъ, готскимъ, славянскимъ, греческимъ и латинскимъ. Результатомъ такихъ сближеній являются курьезные выводы; такъ, напр., слова pomín, pominki оказываются родственными нѣмецкому Minne (стр. 53); „окно" происходитъ отъ „око", какъ готское augaclaur отъ Auge, „párenj" (парень) родственно англійскому fellow, греческому pállax; „welbljud" или „werbliud" происходитъ отъ греч. élephas; нѣм. Lachs отъ рус. lossossína; Sander отъ ssudak и т. п. Не мало мѣста отводится удивляющимъ автора сопоставленіямъ русскихъ словъ съ греческими, какъ kyriaké—tzerkwj, mónachos—monach, lédanon—ládon, Hades-ad и т. д. Есть сопоставленія и съ персидскимъ, какъ karawanserai—ssaraí.

В. К—ій.

П. Іорданъ.—Сборникъ свѣдѣній по географіи и статистикѣ Эстляндской губ. (Ревель. 1889. стр. 100 in. 8°).—Всякому, приступающему къ занятіямъ по этнографіи того или иного народа, той или иной мѣстности, необходимо ознакомиться съ результатами, добытыми статистиками, собирающими, съ виду подчасъ скучный, цифровой матеріалъ о данной мѣстности, данной народности. Лишь зная хорошо физическія

условія страны, матеріальный бытъ ея жителей, распредѣленіе населенія по происхожденію, языку и вѣрованіямъ, этнографъ можетъ приступить къ дѣлу серьезнаго изслѣдованія, не опасаясь запутаться и потеряться въ массѣ добытаго имъ матеріала. Отсюда ясно значеніе для этнографа «Сборниковъ», «Памятныхъ книжекъ» и т. п., издаваемыхъ нашими губернскими статистическими комитетами. Если такого рода изданія являются важными при изслѣдованіи быта населенія мѣстностей, однообразныхъ по составу своихъ жителей, то тѣмъ болѣе необходимыми являются они для этнографа, направляющаго свои силы на изслѣдованіе мѣстностей, въ которыхъ сталкиваются разнообразные и чуждые другъ другу народные элементы: если знакомство съ прошлымъ изучаемой мѣстности является необходимымъ для всякаго серьезнаго этнографическаго изслѣдованія, то не менѣе необходимымъ является для этой же цѣли и изученіе статистическихъ данныхъ, собранныхъ въ мѣстности, которую этнографъ избралъ для себя объектомъ изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи «Сборникъ», изданный эстляндскимъ губ. статистическимъ комитетомъ, представляется не только интереснымъ, но и существенно важнымъ для этнографа.

Мы не будемъ подробно перечислять всѣхъ отдѣловъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ указанномъ «Сборникѣ»; отмѣтимъ лишь наиболѣе интересные для этнографа, именно: географическое и климатическое положеніе страны, распредѣленіе и движеніе народонаселенія, и рубрики, касающіяся экономическаго быта мѣстныхъ жителей. Значительный интересъ представляетъ помѣщенная въ приложеніи статья «о городищахъ эстляндской губ.», содержащая въ себѣ описаніе 43 городищъ губерніи, причемъ нѣкоторыя городища описаны весьма подробно, и, что крайне важно, относительно большинства суммированы и историческія свѣдѣнія, начиная съ древнѣйшихъ. Нельзя не пожалѣть, однако, что авторъ статьи не приводитъ мѣстныхъ преданій, которыя вѣроятно ходятъ въ устахъ народа, объ этихъ памятникахъ сѣдой старины.

Мы указали въ «Сборникѣ» лишь то, что представляетъ наибольшій интересъ для этнографа, и далеко не исчерпали всего содержанія этого изданія, въ которомъ всякій, заинтересовавшійся краемъ, найдетъ не мало полезныхъ для себя свѣдѣній. Во всякомъ трудѣ можно найти недостатки: какъ таковой, здѣсь мы укажемъ, что въ рубрикѣ «о населеніи» мы видимъ группировку данныхъ о населеніи по вѣроисповѣдованіямъ, по языку, возрасту, семейному состоянію, занятіямъ, но не находимъ группировки по народностямъ. Дѣйствительно, по языку можно приблизительно сдѣлать выводъ и о національности, но все таки это будетъ лишь приблизительный выводъ, такъ какъ, напр., многіе эстляндцы (въ особенности живущіе въ городахъ) утратили свой родной языкъ. Было бы также интересно знать распредѣленіе каждой группы народности по вѣроисповѣданію, по занятіямъ и т. д. Составитель «Сборника» этимъ

лишь увеличилъ бы интересъ своего труда. Несмотря на эти пробѣлы, «Сборникъ» является все таки интересной и важной работой, какъ вообще для желающаго познакомиться съ Эстляндіей, такъ въ частности и для этнографа-спеціалиста.

Н. Х.

Памятная книжка Ковенской губ. на 1890 г. Сост. секретарь Ков. Статист. Ком. *Гуковскій.*—Въ концѣ книжки помѣщены статьи: 1) Тельшевскій уѣздъ, г. Гуковскаго, 2) Сватовство, дѣвичникъ и свадьба у Жмудиновъ Попелянской волости, Шавельскаго уѣзда, г. Дѣделева, и 3) Нѣсколько словъ къ вопросу объ этнографической границѣ между литовскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ въ Новоалександровскомъ уѣздѣ, Ковенской губ. Описаніе Тельшевскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ, кромѣ подробнаго географическаго обзора, интересную въ этнографическомъ отношеніи характеристику мѣстнаго населенія, въ которой видное мѣсто занимаютъ народно-юридическіе обычаи по матеріалу, взятому изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Въ описаніи города Тельшъ помѣщена слѣдующая легенда объ основателѣ этого города, сохранившаяся у польскихъ историковъ (M Baliński, Starożytna Polska, t. III. str. 523—524). Именно: „Тельшамъ положилъ начало великанъ Джугасъ, народный жмудскій герой, вродѣ Ильи Муромца, вырывавшій огромные дубы и ими разившій нѣмцевъ. По другому сказанію, такимъ героемъ былъ Тель или Тальшъ. Джугъ (Тальшъ) собственными руками, будто-бы, вырылъ озеро и построилъ при немъ городъ. Передъ смертью онъ самъ себѣ насыпалъ огромный курганъ, въ которомъ его потомъ похоронили. По дорогѣ изъ Тельшъ въ Ольсяды, въ трехъ—четырехъ верстахъ отъ города, есть остроконечный курганъ, называющійся Джуга, а вблизи деревня—Джугиняны.“ Замѣтка г. Дѣделева о брачной церемоніи у жмудиновъ Попелянской волости, Шавельскаго у., также не лишена нѣкотораго интереса. Въ третьей изъ названныхъ статей г. Гнѣдовскій дѣлаетъ попытку провести этнографическую границу въ Новоалександровскомъ уѣздѣ между литовцами и бѣлоруссами. Такою границею, по мнѣнію автора, служатъ: р. Дрисвяты, оз. Дрисвяты и р. Рыча (Рычанка). Къ западу живутъ литовцы, а къ востоку—бѣлоруссы. Къ книжкѣ приложена карта Ков. губ.

Е. Л.

Краткое описаніе Ковенской губерніи. Составлено по распоряженію Ковенскаго губернатора членомъ-секретаремъ Ковенск. губ. Стат. Ком. *К. П. Гуковскимъ.* Ковно. 1888. (in-folio) 46.

Въ сжатой формѣ авторъ знакомитъ читателя съ географическ., экономическ. и статистическ. положеніемъ губерніи за 1887 г. Приложено: краткій очеркъ исторіи губерніи и описаніе городовъ, находящихся въ ней.

Б. А. Фридманъ: Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно Ковенской губ. (Вильна, 1890. XII+99 стр. in. 8⁰).

Авторъ этого небольшаго труда пользовался при собираніи своихъ свѣдѣній какъ записями рѣшеній волостныхъ судовъ, такъ и матеріаломъ, добытымъ имъ изъ личнаго наблюденія, и разспросовъ мѣстныхъ жителей. Сгруппированный матеріалъ онъ располагаетъ по системѣ „программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаѣвъ,“ составленной г. Матвѣевымъ. Трудъ его представляетъ отвѣты на указанную программу по слѣдующимъ отдѣламъ ея: Союзъ родовой и семейный, Опеки и попечительство, Раздѣлы и наслѣдство, Вещное право, Договоры. Какъ видно изъ этого перечня, книга г. Фридмана захватываетъ почти всю систему гражданскаго обычнаго права, и въ этомъ смыслѣ представляетъ интересъ, какъ попытка представить полную картину юридическихъ воззрѣній народа. Нельзя однако не замѣтить, что авторъ сдѣлалъ крупную ошибку, расширивъ въ такой степени рамки своего труда, такъ какъ въ данномъ случаѣ это пошло въ ущербъ детальной разработкѣ частей. Въ трудѣ г. Фридмана мы встрѣчаемъ краткіе отвѣты на многіе поставленные программой г. Матвѣева вопросы, но не находимъ и попытки вникнуть, т. ск., во внутренній смыслъ записанныхъ имъ юридическихъ обычаевъ. Несомнѣнно, что дѣло собиранія юридическихъ обычаевъ въ средѣ нашего народа далеко еще не кончено, что всякое свѣдѣніе, сообщающее взглядъ народа на то или иное прововое отношеніе, является для науки неоцѣненнымъ; желательно однако, чтобы сообщаемыя свѣдѣнія не были простой передачей общихъ чертъ юридическихъ обычаевъ, чтобы они дѣйствительно рисовали правовоззрѣніе народа, давали ясное представленіе объ юридическомъ развитіи дѣятелей той или иной мѣстности. Лишь подъ этимъ условіемъ сообщаемые матеріалы получатъ настоящее значеніе для наукъ и дадутъ возможность не только уяснить себѣ правовоззрѣніе крестьянъ данной мѣстности, но и понять различіе въ правовыхъ взглядахъ населенія разныхъ частей нашего отечества. Такая работа существенно требуетъ и бо́льшаго труда и бо́льшой усидчивости отъ изслѣдователя, однако, онъ можетъ найти себѣ утѣшеніе въ сознаніи, что если онъ разработаетъ подробно хотя бы одинъ вопросъ программы, вникнетъ въ существо даннаго обычая, укажетъ на взгляды крестьянъ хотябы на одну правовую норму,—онъ принесетъ бо́льше пользы, чѣмъ если онъ составитъ краткіе и далеко неполные отвѣты на всѣ вопросы программы.

Этими словами мы отнюдь не хотимъ умалять значенія работы г. Фридмана: и такія сводки матеріала, и такія краткія свѣдѣнія имѣютъ конечно свое значеніе. Пожелаемъ г. Фридману, чтобы онъ продолжалъ свои занятія обычнымъ правомъ, измѣнивъ лишь способъ изученія и изложенія его: небольшая замѣтка, составленная на другихъ основаніяхъ, чѣмъ разбираемая книга, будетъ полезнѣе многихъ томовъ матеріаловъ,

составленныхъ подобно составленному труду. Интересно и существенно важно было бы, еслибъ авторъ обратилъ серьезное вниманіе на нормы уголовнаго права и судоустройство и судопроизводство среди мѣстнаго населенія; недостатокъ свѣдѣній по этимъ отдѣламъ чувствуется давно въ нашей литературѣ обычнаго права, между тѣмъ изслѣдованіе этихъ областей правовой жизни народа является существенно важнымъ: всякое свѣдѣніе въ этомъ отношеніи представитъ серьезный интересъ, какъ благодаря своей новизнѣ, такъ главнымъ образомъ и благодаря важности затрогиваемыхъ вопросовъ для науки. *Н. Х.*

Памятная книжка Гродненской губ. на 1890 г. Изд. Гродн. губ. Статист. Комитета.—Въ приложеніяхъ помѣщены двѣ статьи: «Очеркъ исторіи города Гродны», учителя гродненской гимназіи Орловскаго и «Топографическія изслѣдованія о городищахъ и курганахъ въ Гродненской губ.», секретаря Гродненскаго Статистическаго Комитета А. Штритера. Описаніе кургановъ и городищъ расположено по-уѣздно, причемъ обозначены ихъ размѣры. Такимъ образомъ, въ Гродненской губ. существуетъ: въ Гродненскомъ у., въ волостяхъ Горницкой, Индурской, Волпянской,—3 городища и 3 кургана (послѣдніе всѣ въ Волпянской вол.); въ Сокольскомъ у., въ волостяхъ Багновской, Трофимовской, Нововольской, Черновеской,—11 городищъ и 25 кургановъ; въ Бѣлостокскомъ у., въ волостяхъ Притулянской, Кринянской, Обрубниковской, Завыковской, Городокской,—7 городищъ и 10 кургановъ; въ Бѣльскомъ у., въ волостяхъ Павловской, Алексинской, Гродзинской, Шкурецкой, Наройской, Семятичской, Александровской, Дубяжинской, Пасынковской, Кленикской, Лосинской,—9 городищъ и 95 кургановъ; въ Брестскомъ у., въ волостяхъ Половецкой, Высоко-Литовской, Волчинской, Мотыкальской, Турнянской, Ратайчицкой, Восковской,—5 городищъ и 572 кургана, между прочимъ, въ Половецкой вол. встрѣчаются большіе камни, называемые мѣстными крестьянами «татарскими могилками»; въ Кобринскомъ у., въ волостяхъ Залѣсской, Подолѣской, Хомской, Брашевичской,—1 городище и 25 кургановъ; въ Пружанскомъ у., въ волостяхъ Муравьевской, Добучинской, Бѣловѣжско-Александровской,—2 городища и 4 кургана; въ Слонимскомъ у., въ волостяхъ Пацовской, Дятловской, Дворецкой, Роготенской, Деревенской, Костровичской, Чемерской, Шиловичской, Марьинской, Ружанской, Гичицкой,—1 городокъ и 161 курганъ; въ Волковыскомъ у., въ волостяхъ Бискуницкой, Мстибовской,—1 городище и 1 курганъ. Всего 38 городищъ и 892 кургана. Большинство кургановъ, по заявленію мѣстныхъ старожиловъ, относится ко временамъ «шведскихъ войнъ». Нѣкоторые курганы были раскапываемы; въ томъ числѣ два (Дворецкой вол., Слонимск. у.) были изслѣдованы Э. А. Вольтеромъ.

Въ «Примѣчаніяхъ къ статьѣ помѣщено нѣсколько историческихъ подробностей о городищахъ и курганахъ. *Е. Л.*

Списокъ землевладѣній въ Гродненской губ. Сост. *П. Диковъ* (изд. Гродн. Губ. Стат. Ком.). Гродно. 1890.—Свѣдѣнія, заключающіяся въ этомъ спискѣ, собраны въ 1878 и 1886 гг. по вопроснымъ листкамъ, выработаннымъ Центральнымъ Статист. Комитетомъ. и провѣрены, насколько было возможно, по разряднымъ книгамъ Казенной Палаты и по документамъ губернской чертежной. Тѣмъ не менѣе, какъ это выяснено и самимъ составителемъ, списокъ этотъ нельзя считать окончательно полнымъ и вѣрнымъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ представляется почти невозможнымъ провѣрить мелкія частныя владѣнія, изъ которыхъ иныя не внесены ни въ разрядныя книги Казенной Палаты, ни въ списки Стат. Комитета; кромѣ того, пустопорожнія, болотныя и другія бездоходныя пространства владѣльцами обыкновенно не вносятся въ списки. Поэтому, если напр. сравнить пространство какого-нибудь уѣзда по списку землевладѣній съ пространствомъ того же уѣзда на топографической картѣ генер. Стрѣльбицкаго (1874 г.), то во второмъ случаѣ пространство окажется больше. Какъ бы то ни было, напечатанный списокъ послужитъ полезнымъ матеріаломъ и точкой отправленія для дальнѣйшихъ исправленій неточностей въ этомъ вопросѣ, а постепенное уменьшеніе ошибокъ можетъ современемъ дать болѣе или менѣе точное понятіе о землевладѣніяхъ въ губерніи, какъ справедливо замѣчаетъ составитель. Для насъ въ этомъ спискѣ, между прочимъ, имѣетъ важное значеніе подробный перечень самыхъ поселеній, деревень, урочищъ, хуторовъ, фермъ и т. п., которыя, конечно, далеко не всѣ можно найти на самой подробной картѣ. Къ книжкѣ приложенъ алфавитный списокъ частныхъ землевладѣльцевъ губерніи. *Н. Я.*

Адресъ-Календарь Витебской губ. на 1890 г. (Изд. Вит. Губ. Стат. Комитета).—Составителямъ Адресъ-Календаря пришла счастливая мысль украсить это изданіе въ высшей степени полезными приложеніями, а именно: 1) Указателемъ статей и матеріаловъ, содержащихся въ Памятныхъ книжкахъ, изданныхъ Вит. Губ. Стат. Комитетомъ (съ 1861 г.); 2) Каталогомъ книгъ Вит. Г. Стат. Комитета и 3) Описью дѣлъ Вит. Г. Стат. Комитета (сост. 1 марта 1890 г.). Въ первомъ приложеніи указатель статей (къ сожалѣнію, безъ означенія авторовъ) расположенъ по отдѣламъ: исторія, этнографія, археологія, статистика и смѣсь. Мы выпишемъ кстати заглавія статей по отдѣлу этнографіи: «Обычаи и обряды крестьянъ Себежск. у. при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ» (П кн. 1865 г., стр. 75—90); «О народныхъ праздникахъ Себеж. у.», съ присоедин. сказаній и пѣсенъ (1867 г. 209—254); «Свадебные обряды и пѣсни крестьянъ въ Пинск. у. Мин. г.» (1868, 63—76); О праздникѣ Купалы» (ibid. 77—79); «О праздникѣ Куста» (ib. 80—84; «Описаніе похоронъ и дзядовъ въ Новогрудск. у. Мин. г.» (ib 84—87); «Замѣтка о гор. Борисовѣ Мин. г. и его уѣздѣ» (ib. 88—104); «Этно-

графическій обзоръ Витебской губ.» (1872, 296—372). Послѣдняя статья вошла также въ изданный комитетомъ «Сборникъ въ память 1-го русск. статистич. съѣзда 1870 г.» и принадлежитъ г. А. Сементовскому. Само собою разумѣется, что и въ статьяхъ, отнесенныхъ къ исторіи и археологіи, найдутся и этнографич. данныя; кромѣ того, въ отдѣлѣ «смѣси» между прочимъ указаны статьи: «Описаніе Инфлянтскихъ уѣздовъ (Динабург., Рѣжицк., Люцинск.) Витеб. г. въ историч., этнографич. и статистич. отношеніяхъ (Пам. кн. 1887, 1—76); «Краткій обзоръ Вит. г. въ географич. и историч. отнош. (1885, 175—208); «Опис. озера Лубань» (1887, 77—88); «О врачебныхъ растеніяхъ, дико растущихъ въ Вит. г. и употребляемыхъ населеніемъ ея въ домашней народной медицинѣ» (1888, 98—138).—Въ спискѣ книгъ библіотеки комитета насъ прежде всего поражаетъ отсутствіе въ библіотекѣ нѣкоторыхъ изданій самого Комитета — общій недостатокъ этихъ библіотекъ. Мы, столичные жители, часто жалуемся на невозможность доставать провинціальныя изданія въ видѣ Пам. книжекъ и т. п. и возлагаемъ обыкновенно надежды на мѣстныя библіотеки, но оказывается, что эти надежды далеко не всегда оправдываются. Рѣдко какой губ. стат. комитетъ или канцелярія губернатора имѣетъ всѣ свои Пам. книжки или Губернскія Вѣдомости. Въ Вит. стат. комит. отсутствуютъ слѣд. года Пам. кн.: 1864, 1870—1877, 1879, 1880. Можетъ быть, за эти годы вовсе не были изданы книжки (какъ не издана и за 1890 г.), но составитель указателя не пояснилъ этого. Затѣмъ, изъ списка видно, что обмѣнъ изданій между комитетами и другими подобными учрежденіями вовсе не организованъ, а между тѣмъ, на нашъ взглядъ, это—дѣло первостепенной важности, такъ какъ для провинціальнаго изслѣдователя необходимо знать, какъ дѣло поставлено въ другихъ губерніяхъ, и какіе достигнуты результаты.—Что касается 3-го приложенія — описи дѣлъ комитета,—то можно только пожелать, чтобы другіе комитеты, слѣдуя этому хорошему примѣру, публиковали также содержаніе своихъ архивовъ. Кромѣ чисто канцелярскаго оффиціальнаго хлама, мы видимъ здѣсь немало дѣлъ, могущихъ заинтересовать и человѣка науки. Такъ напр. дѣло за № 11 содержитъ свѣдѣнія изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ о хранящихся въ нихъ актовыхъ книгахъ, привиллегіяхъ, старинныхъ планахъ, картахъ по 1772 г. и т. п.; дѣло за № 19 касается мѣстнаго археологич. музея и состоитъ изъ VII отдѣловъ; дѣло № 23 трактуетъ „о названіяхъ мѣстностей или географическихъ предметовъ въ Вит. губ., свидѣтельствующихъ о распространеніи здѣсь въ древности финско-венгерскихъ племенъ“; дѣло № 24 - „о народныхъ юридическихъ обычаяхъ въ Вит. г.“; дѣло 25—„о бумагахъ Петра В.“; дѣло № 38—о раскольникахъ; дѣло № 84—„о картографическомъ описаніи Вит. г. по 6 картамъ: этнографической, административнаго дѣленія, путей сообщ., торговли и промышленности и пр. Все это даетъ намъ возможность оріен-

тироваться извѣстнымъ образомъ въ томъ, что дѣлалось и что сдѣлано мѣстными силами, хотя бы по распоряженію администраціи, и чего гдѣ можно искать.

Для уясненія нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ необходимо имѣть въ виду также *Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Витебскаго губ. статист. комитета за 1889 г.* (Вит. 1890). Отчетъ печатался въ Вит. Губ. Вѣдом. (№ 41, 48, 1890), о чемъ нами было упомянуто (Э. О. VI, 195). Изъ него мы узнаемъ, что только съ конца 1888 г. комитетъ приведенъ въ оживленіе, въ 1889 г. разобраны его дѣла и приняты мѣры къ сформированію мѣстнаго музея, для котораго отъ прежнихъ коллекцій (нумизматическая достигала 300 монетъ) осталась лишь одна кость да два кирпича... *Н. Я.*

Сборникъ Херсонскаго Земства.—5. *Рябковъ.* Рыболовство въ Херсонской губ. (см. также № 7). — Статистическое описаніе Ананьевскаго уѣзда (см. также № 6). — Статистическое описаніе Херсонскаго у. (см. также № 7) (приложена карта Херсонскаго у. съ обозначеніемъ величины поселеній и расположенія видовъ землевладѣнія).—**7.** *Свящ. Г. И. Сорокинъ.* Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія.

В. К. Магницкій. — Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Этнографическій сборникъ. Казань. (VI + 118 in 8°).

Предпосылая своему сборнику краткое предисловіе, составитель указываетъ общія причины, руководившія имъ при описаніи нравовъ и обычаевъ, и слегка касается способовъ изображенія народной жизни и ея анализа. Въ предисловіи же точно опредѣляются границы изслѣдованія захватившаго „главнымъ образомъ" 2 й администр. участокъ Чебокс. у., занимающій восточную половину, „а на немъ болѣе всего русскія села: Бѣловолжское, въ горной сторонѣ, и Алексѣевское (Сизинери)—въ луговой" (V). Кромѣ того авторъ собралъ матеріалы и въ другихъ частяхъ уѣзда, населеннаго русскими, чувашами, черемисами и татарами. Собранные г. Магницкимъ „нравы и обычаи" представляютъ изъ себя сырой матеріалъ, сгруппированный по нѣсколькимъ главамъ и рубрикамъ, и заключающій повѣрья и обряды, прибаутки, прозвища, игры, потѣхи и загадки и т. д. По нѣкоторымъ отдѣламъ собрано весьма почтенное количество фактовъ и свѣдѣній. Такъ въ „Сборникѣ" мы находимъ 389 повѣрій и примѣтъ, 74 пѣсни разнаго характера и времени, свыше 600 „побасокъ" и т. п. Во всѣхъ отдѣлахъ ясно намѣчается два теченія народной жизни: новые притоки новыхъ вліяній, заполоняющіе старое русло переживаній и откликовъ старины. Напр., въ пѣсняхъ, подчасъ доносящихся изъ временъ непосредственной связи съ природой, уже звучатъ новые мотивы, воспѣвающіе „пароходы съ двумя трубами по названью

„Самолетъ“, „Макарьевскую ярмынку“ и т. п. (стр. 66). Всего больше народная наблюдательность высказывается въ пословицахъ (въ родѣ: „авоська парень добрый: и выучитъ и выручитъ“, „айда домой—хлебать помой“ и т. д. стр. 99).

Упрекомъ автору можно поставить нѣкоторую несистематичность въ подведеніи подъ рубрики (стр. 6, 7, 10, 19) и недостаточность обычаевъ, которые выведены не вполнѣ ярко.

В. К—ій.

Е. Т. Соловьевъ.—*Гражданское право. Очерки народнаго юридическаго быта. Вып. I.* (Казань 166 стр. in 8°).

Судя по заглавію, г. Соловьевъ предполагаетъ издать нѣсколько выпусковъ своего труда, который долженъ обнять изложеніе нормъ обычнаго права крестьянскаго населенія Россіи. Нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно къ поставленной себѣ авторомъ задачѣ. Трудъ г. Соловьева имѣетъ въ виду главнымъ образомъ жителей нашего Поволжья, преимущественно однако населенія Казанской губ. Въ немъ авторъ излагаетъ нормы обычнаго права семейственнаго, наслѣдственнаго и вещнаго (не касаясь на этотъ разъ вовсе права обязательственнаго). Какъ среди русскихъ, такъ и среди инородцевъ (татаръ, мордвы, черемисъ, чувашей), населяющихъ описываемыя авторомъ мѣстности, довольно значительное число приводимыхъ имъ актовъ иллюстрируетъ и подтверждаетъ положенія автора.

Попытка свести воедино свѣдѣнія по юридическому быту разнохарактернаго населенія края, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, хотя мы и могли бы упрекнуть г. Соловьева за крайнюю сухость его изложенія, за сообщеніе слишкомъ краткихъ отвѣтовъ на существенные вопросы программъ, изданныхъ для изслѣдованія юридическаго быта крестьянъ, наконецъ за поверхностное отношеніе къ нѣкоторымъ отдѣламъ обычнаго права,—къ нимъ авторъ относится слишкомъ легко, передавая лишь самыя общія свѣдѣнія и не вникая въ глубь изучаемаго имъ правового института. Странной намъ кажется и слѣдующая характеристика мѣстной крестьянской семьи: „....строй крестьянской семьи въ средѣ русскихъ крестьянъ и инородцевъ въ общемъ не заставляетъ желать ничего лучшаго, особенно при томъ условіи, когда мы видимъ воочію, что крестьянская семья создаетъ въ лицѣ нашихъ воиновъ, искреннихъ слугъ Царю и Отечеству....“ Естественно, что фактъ доставленія хорошихъ войскъ, свидѣтельствующій о жизненности многихъ устоевъ нашего крестьянства, еще не можетъ служить доказательствомъ хорошаго строя крестьянской семьи, въ особенности, если мы сопоставимъ его съ другими фактами, приводимыми г. Соловьевымъ (стр. 11), въ которыхъ онъ описываетъ тяжелое положеніе крестьянской женщины: въ случаѣ тяжелой жизни съ мужемъ жена притворяется кликушей, „мужъ отсту-

пается отъ жены...., предоставляя ей идти, куда угодно;" „...жена рѣшается на воровство... со взломомъ и при томъ такъ, чтобы ее могли на этомъ воровствѣ поймать и сослать въ Сибирь"; если же судъ ее оправдаетъ, то для того, чтобы избѣгнуть совмѣстной жизни съ мужемъ въ семьѣ, она совершаетъ новую кражу и идетъ въ Сибирь. Нѣкоторыя отравляютъ себя мышьякомъ. Иногда мужъ заколачиваетъ свою жену до смерти или приводитъ ее къ тому тѣмъ, что; колѣнкою или ногою бьетъ ее въ животъ и этимъ беременную женщину заставляетъ выкидывать плодъ, получить маточное кровотеченіе. и умереть отъ истеченія кровей. Въ семьѣ процвѣтаетъ снохачество. Едвали будетъ справедливо при существованіи подобныхъ условій говорить, что семья не заставляетъ желать ничего лучшаго. Въ этомъ отношеніи инородцы описываемой г. Соловьевымъ мѣстности стоятъ на много выше русскихъ, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ обращеніе съ женами тоже очень грубое и подчасъ жестокое.

Мы сочли долгомъ оттѣнить указанный выводъ автора, въ виду того, что г. Соловьевъ къ сожалѣнію является не первымъ изслѣдователемъ крестьянской семьи, склоннымъ ее идеализировать, увлекаясь внѣшней стройностью ея и мало обращая вниманія на внутренній міръ семьи, склоннымъ въ противныхъ фактахъ видѣть лишь малозначущія проявленія грубой власти мужа. Между тѣмъ, именно такого рода идеализаціи и долженъ остерегаться всякій изслѣдователь народнаго быта, желающій быть безпристрастнымъ и представить истинную картину крестьянскаго быта. Не касаясь всѣхъ подробностей труда г. Соловьева, отмѣтимъ еще, что намъ кажутся совершенно лишними приводимыя имъ сопоставленія юридическихъ обычаевъ жителей Поволжья съ таковыми же русскихъ и инородческихъ жителей нѣкоторыхъ другихъ частей Россіи. Если авторъ имѣлъ цѣлью изложить обычно-правовыя нормы нетолько своего края, но и другихъ мѣстностей Россіи, то онъ далеко не достигъ своей цѣли, такъ какъ слишкомъ мало воспользовался существующей по этому предмету литературой; если-же онъ имѣлъ въ виду освѣтить свои свѣдѣнія путемъ сравненія, то слѣдуетъ пріемъ его считать выполненнымъ не удачно. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему можетъ служить совершенно неожиданное для читателя изложеніе въ краткихъ словахъ свадебныхъ обрядовъ у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, обычаевъ дѣлать подарки у лопарей, кареловъ и самоѣдовъ и т. д., если всѣ эти свѣдѣнія приведены безъ надлежащей системы, безъ научнаго объясненія и освѣщенія.

Мы остановились такъ подробно на трудѣ г. Соловьева въ виду того, что авторъ, повидимому, собирается продолжать свои изслѣдованія. Желаемъ ему полнаго успѣха на этомъ поприщѣ, такъ какъ, исправивъ допущенные имъ недостатки и недосмотры, вникнувъ болѣе глубоко въ правовоззрѣніе народа и откинувъ излишніе эксвурсы въ обрядъ и

право различныхъ народностей, — онъ принесетъ большую пользу дѣлу изслѣдованія обычнаго права и представитъ читателямъ интересную монографію.

Н. Х.

1) **Матеріалы по статистикѣ Вятской губ. Т. V. Нолинскій уѣздъ.** (стр. 162+166 in 4° съ двумя картами уѣзда) **Т. VI. Елабужскій уѣздъ** (213+75 in 4°). Вятка. 1889 г.

2) **Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губ. Вып. I.** (Вятка. 1889. 224+XVII стр. in 8°).

Въ этихъ изданіяхъ Вятскаго Губ. Земскаго Статистическаго Отдѣленія, вышедшихъ въ теченіе прошлаго года, собранъ немаловажный матеріалъ для характеристики экономическаго строя населенія Вятской губерніи. Томы V и VI Матеріаловъ по статистикѣ Вятской губ. являются продолженіемъ многотомнаго изданія, предпринятаго Отдѣленіемъ въ 1885 г. и охватившаго до 1889 г. уѣзды Малмыжскій, Уржумскій, Орловскій и Вятскій. Въ V-мъ томѣ Матеріаловъ мы находимъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Пространство и населеніе. 2) Флора. 3) Почва. 4) Полеводство. 5) Луговодство. 6) Аренда пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель. 7) Лѣсоводство. 8) Пастбища. 9) Скотоводство. 10) Характеристика волостей и районовъ и т. д. Въ томѣ VI-мъ, кромѣ ряда таблицъ, имѣющихъ значительный интересъ для характеристики мѣстнаго населенія, помѣщены еще «Краткія свѣдѣнія о селеніяхъ Елабужскаго уѣзда». Съ одной стороны, обиліе матеріала, который заключаютъ въ себѣ оба тома, и размѣры нашей замѣтки - съ другой не позволяютъ намъ остановиться на подробномъ разборѣ указанныхъ трудовъ; отмѣтимъ лишь тотъ существенный интересъ, который представляютъ для этнографа «Характеристика волостей и районовъ» — въ V-мъ томѣ, и «Краткія свѣдѣнія о селеніяхъ Елабужскаго уѣзда» — въ VI мъ: въ обоихъ отдѣлахъ селенія, сгруппированныя по волостямъ, разсматриваются между прочимъ съ точки зрѣнія состава ихъ населенія, что очень важно при описаніи Вятской губ., гдѣ въ одной и той же деревнѣ подчасъ совмѣстно живутъ нѣсколько народностей; кромѣ того, по возможности приводятся историческія свѣдѣнія или преданія мѣстныхъ жителей о возникновеніи того или иного поселка. Пробѣломъ въ «Матеріалахъ», на который можно указать, является отсутствіе свѣдѣній о промыслахъ населенія. Этотъ пробѣлъ, сознанный Статистическимъ Отдѣленіемъ съ успѣхомъ восполняется изданіемъ «*Матеріаловъ по описанію промысловъ Вятской губ.*» Въ I мъ выпускѣ этого изданія помѣщены описанія гармоннаго, шерстобитноваленаго, шляпнаго, красильнаго, ложечнаго и охотничьяго промысловъ и подробныя свѣдѣнія о производствѣ сельско хозяйственныхъ орудій. При описаніи каждаго вида промысловъ указаны и точно описаны и орудія производства, и къ описанію нѣкоторыхъ промысловъ приложены

рисунки, иллюстрирующіе текстъ. Въ общемъ, благодаря заботамъ мѣстнаго Статистическаго Отдѣленія, мы имѣемъ подробное описаніе Вятской губ. одинаково интересное и важное какъ для лицъ, занимающихся экономическимъ строемъ населенія, такъ и для тѣхъ, которые изучаютъ этнографію края. *П. Х.*

Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета т. I. (Томскъ. 1889. стр. 122+136+32 in 8⁰). *В. М. Флоринскій.* Замѣтка о происхожденіи слова «Сибирь». Авторъ излагаетъ источники, въ которыхъ впервые встрѣчается упоминаніе слова «Сибирь» (Рашидъ-Эддинъ, Абулгази), и приводитъ тексты древнихъ русскихъ актовъ (XVI в.), гдѣ страна «Сибирь» упоминается еще до покоренія ея русскими (грамоты 1554, 1556 и 1563 гг.) Что касается объясненія происхожденія слова «Сибирь», то г. Флоринскій, повидимому, склоненъ объяснять его изъ славянскаго языка. «Въ исторической литературѣ послѣдняго времени, пишетъ онъ, высказывалось... не мало соображеній въ пользу того, что Гунны и Болгары были совсѣмъ не монгольскаго племени, а восточною вѣтвію племени славянскаго (Иловайскій, Забѣлинъ). Эти новые взгляды, повидимому, подтверждаются и сибирскими археологическими изысканіями. Если такое мнѣніе будетъ признано доказаннымъ, то въ связи съ этимъ выяснится и вопросъ о происхожденіи слова „Сибирь“. Тогда не останется сомнѣнія, что оно взято отъ славянскаго слова *сѣверъ*, и было присвоено народу сѣверянъ, переиначенному по инородческому произношенію въ Сибировъ». Насъ нѣсколько удивляетъ наивный выводъ автора: ему, повидимому, неизвѣстны ни выводы новѣйшихъ лингвистовъ, ни данныя археологіи. Въ настоящее время какъ то странно говорить о славянскомъ происхожденіи Гунновъ и Болгаръ—теоріи, которую серьезные изслѣдователи вопроса уже давно сдали въ архивъ, подобно многимъ другимъ теоріямъ, основаннымъ болѣе на увлеченіи, чѣмъ на научныхъ данныхъ. Археологическія разысканія, которыя по словамъ автора подтверждаютъ высказанное имъ мнѣніе, свидѣтельствуютъ наоборотъ о неславянскомъ происхожденіи сибирской культуры. Все это авторъ игнорируетъ. Во всякомъ случаѣ ему едва ли придется дождаться, что высказанное имъ мнѣніе о происхожденіи слова „Сибирь“, равно какъ и мнѣніе о славянскомъ происхожденіи Гунновъ и Болгаръ, «будетъ признано доказаннымъ». *Его-же*: Топографическія свѣдѣнія о курганахъ Семирѣченской и Семипалатинской области. Нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ югозападной части Семирѣченской области. Авторъ въ этихъ двухъ статьяхъ даетъ описаніе какъ общаго расположенія и распространенія кургановъ въ указанныхъ мѣстностяхъ, такъ и описаніе отдѣльныхъ кургановъ.—Общая замѣтка объ археологическомъ значеніи Семирѣчья. Авторъ, оттѣняя значеніе Семирѣчья для археологіи, въ краткихъ словахъ гово-

ритъ о народностяхъ, его населявшихъ. Считая совершенно излишнимъ вдаваться въ разборъ этой небольшой замѣтки, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя странности въ мнѣніяхъ автора: почему авторъ считаетъ Усуней арійскимъ племенемъ? Далѣе странно читать подобныя строки: «въ географіи Риттера... указывается, что слово *или* значитъ сіяющій, блестящій. Не напоминаетъ-ли это звуки греческаго ἥλιος? Слово *лепса*, кит. *липси*, можетъ быть, указываетъ на слав. *лѣпый*, точно также имя р. Баскинъ на слово *баса*, *баской*, т. е. красивый, блестящій». Читая подобныя предположенія автора, невольно займешься вопросомъ: неужели отжившему свой вѣкъ среди спеціалистовъ курьезному доморощенному методу суждено возродиться въ центрѣ просвѣщенія Сибири?—Кураны Томской губерніи. Передаются свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія кургановъ въ разныхъ мѣстностяхъ указанной губерніи. *Н. Х.*

Сибирскій Сборникъ. (Приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію»). Иркутскъ. 1890 г. Вып. I.- Время грандіозныхъ, академическихъ экспедицій для изслѣдованій Сибири миновало. Онѣ направляются нынѣ въ сосѣднія Сибири страны, стремятся въ неизвѣданныя территоріи. Такія знаменитыя экспедиціи, какъ Данінла—Готлиба Мессершмидта [1]), Беринга, Делиля, Гмелина, Миллера, Стеллера, Фишера, Крашенинникова, Палласа, Лепехина, Фалька, Георги, Клапрота, Кастрена. Миддендорфа и многіе др., отходятъ для Сибири въ область преданій. Но, какъ ни обширны результаты всѣхъ этихъ экспедицій, какъ ни цѣнны вклады, внесенные ими въ европейскую литературу, однако-же Сибирь, съ ея разнохарактернымъ и разноплеменнымъ населеніемъ, и въ настоящее время представляетъ собою широкое поле для изслѣдованій въ различныхъ областяхъ науки. Въ этомъ отношеніи здѣсь предстоитъ еще долгая и трудная работа, требующая дружнаго усилія ученыхъ обществъ, мѣстной печати, интеллигентныхъ силъ страны и пр. Насущная потребность въ этихъ изслѣдованіяхъ годъ отъ году ростетъ все болѣе. Она обусловливается, съ одной стороны, развитіемъ современной науки, ея успѣхами, спеціализаціей знанія, съ другой – быстро прогрессирующимъ вымираніемъ сибирскихъ инородческихъ племенъ. Нужно спѣшить изслѣдованіями этихъ племенъ; иначе они грозятъ похоронить съ собою много драгоцѣннаго матеріала для исторіи культуры человѣчества. Поэтому наука должна быть особенно признательна тѣмъ скромнымъ мѣстнымъ работникамъ и тѣмъ органамъ мѣстной печати, которые тщательно собираютъ и хранятъ для нея эти цѣнные остатки «живой старины». Изъ такихъ органовъ сибирской печати особеннаго вниманія заслуживаетъ «Восточное Обозрѣніе», редактируемое извѣстнымъ ученымъ и публицистомъ Н. М. Ядринцевымъ, и прилагаемыя къ нему книжки «Сибирскаго Сборника».

[1]) Къ сожалѣнію, три драгоцѣнныхъ тома работъ Мессершмидта до сихъ поръ лежатъ въ Академіи наукъ не опубликованными.

Разсматривая I вып. «Сибирскаго Сборника» за настоящій годъ, мы коснемся здѣсь только тѣхъ его статей, которыя представляютъ этнографическій интересъ. Изъ нихъ прежде всего должны быть отмѣчены двѣ статьи, принадлежащія перу нашего знаменитаго путешественника *Г. Н. Потанина*: «о происхожденіи географическаго имени Сибирь» и «Урга». Первая статья служитъ возраженіемъ почтеннаго ученаго на замѣтку по тому-же вопросу г. Флоринскаго, появившуюся въ «Извѣстіяхъ Имп. Томскаго Университета» (см. выше, стр.). Не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Флоринскаго о славянскомъ происхожденіи имени «Сибирь», г. Потанинъ высказывается за его восточное, монгольское происхожденіе. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ длинный рядъ татарскихъ и монгольскихъ сказокъ, преданій и повѣрій, въ которыхъ фигурируетъ гора Sübür, Сумиръ, Сумэръ, Сумбэръ, Сумбыръ, Сумбуръ, и обстоятельно и подробно излагаетъ исторію распространенія этого имени,— исторію, не вызывающую такихъ рѣзкихъ возраженій, какъ предположеніе г. Флоринскаго. Предметомъ второй статьи Г. Н. Потанина служитъ описаніе одного изъ оригинальнѣйшихъ городовъ Монголіи—Урги, расположеннаго въ долинѣ р. Толы, на границѣ Монголіи и Вост. Сибири, и его окрестностей. Изъ другихъ статей «Сборника» обращаетъ на себя вниманіе краткая, но въ высшей степени интересная статья *А. В. Потаниной*: «Изъ наблюденій надъ жизнью бурятъ», знакомящая съ матеріальнымъ бытомъ бурятъ Верхнеудинскаго окр., живущихъ по правому берегу р. Уды. Далѣе значительный этнографическій интересъ представляютъ статьи *В. Приклонскаго*: «Похороны у якутовъ въ сѣверной части Якутской об.», и *неизв. автора*: «Якуты и тунгусы» (V гл. «Очерка современнаго состоянія золотопромышленнаго дѣла на Олекминскихъ и Витимскихъ пріисковъ»), живо рисующая растлѣвающее вліяніе пріисковой жизни на мѣстныхъ инородцевъ. Въ этой-же книжкѣ помѣщенъ «Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка», составленный *И. Тыжновымъ*. Въ заключеніи намъ остается пожелать, чтобы и слѣдующіе выпуски «Сибирскаго сборника» были такъ же богаты разнообразнымъ содержаніемъ, какъ и этотъ, разсмотрѣнный нами. *Ал. И—ій.*

Памятная книжка Енисейской губ. за 1890 г. Сост. подъ редак. д. член. секрет. стат. ком. Г. А. Хотунцова. Изд. Енисейск. губ. стат. ком. Красноярскъ. 1890. in—4⁰. 396+16.

Въ приложеніи помѣщена статья д. члена Восточно-Сибирск. Отд. И. Р. Г. Общ. *А. Еленева*: О Бирюсинскихъ и Карауленскихъ пещерахъ (находящ. въ Красноярск. округѣ). Подробное описаніе пещеръ и результатовъ археологическ. и палеонтологическ. раскопокъ автора. На основаніи находокъ, состоящихъ изъ предметовъ мѣдныхъ, желѣзныхъ, костяныхъ, деревянныхъ, берестяныхъ, глиняныхъ и каменныхъ, авторъ

дѣлаетъ краткій очеркъ занятій пещернаго племени. За ненахожденіемъ череповъ и косточекъ трудно было опредѣлить антропологическ. типъ этого племени, и, только въ видѣ гаданія, авторъ полагаетъ, что оно было финское.

Н. В. Латкинъ. Красноярскій округъ, Енисейской губ. (Спб. 1890. стр. 74 in 8°). Н. В. Латкинъ, описывая Красноярскій округъ съ точки зрѣнія географической и экономической, удѣляетъ немало мѣста (большая часть всего труда) описанію какъ исторіи населенія края, такъ и современнаго быта разнохарактерныхъ жителей округа, и вліянію на послѣднихъ ссыльно-поселенцевъ. Авторъ излагаетъ свѣдѣнія о составѣ населенія, его движеніи, данныя о народномъ образованіи, о бытѣ, пищѣ, время-препровожденіи и нравственности сельскихъ жителей. Если прибавить къ этому описаніе, съ одной стороны, исторіи происхожденія мѣстныхъ жителей, явившихся сюда изъ разныхъ частей Имперіи, съ другой стороны, экономическія и санитарныя условія, въ которыя поставлено населеніе, мы получимъ ясную и полную картину, какъ облика мѣстнаго жителя, такъ и тѣхъ условій, съ которыми ему приходилось бороться во все время своей жизни въ указанной мѣстности, съ которыми ему приходится бороться и по настоящее время. Желательно, чтобы трудъ Н. В. Латкина нашелъ себѣ подражателей, и чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ скорѣе мы ознакомимся съ Сибирью, краемъ богатымъ, съ широкою будущностью, но до сихъ поръ намъ еще почти неизвѣстнымъ. Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ труда г. Латкина, выразимъ надежду, что авторъ будетъ продолжать свою плодотворную дѣятельность знакомства русской публики съ бытомъ населенія малоизвѣстной части ея отечества. *Н. Х.*

Обзоръ Якутской Области за 1888 г. (Якутскъ. 1889. стр. 64 in 4°+8 таблицъ). Всякое свѣдѣніе, идущее къ намъ изъ Сибири, возбуждаетъ къ себѣ особое вниманіе. Наша богатая во всѣхъ отношеніяхъ окраина съ своимъ своеобразнымъ строемъ, своимъ разноплеменнымъ населеніемъ, начинаетъ все болѣе и болѣе интересовать читающую публику. Возбуждается интересъ къ изслѣдованію быта ея обитателей, и въ настоящее время мы можемъ привести уже довольно значительный перечень крупныхъ трудовъ, посвященныхъ изученію быта какъ русскихъ, такъ и инородческихъ обитателей Сибири. Собраніе статистическихъ данныхъ по той или иной области обширной Сибири въ значительной степени облегчитъ работу этнографа: вотъ почему этнографъ долженъ встрѣтить сочувственно труды, подобные «Обзору Якутской Области». Не смотря на многіе пробѣлы, замѣчаемые въ сообщаемыхъ «Обзоромъ» свѣдѣніяхъ, на недостаточную мѣстами разработку собраннаго матеріала, разбираемый трудъ даетъ довольно ясное представленіе о многихъ сторонахъ быта мѣстнаго населенія. Отмѣтимъ, что, не смотря на свою отдаленность отъ

центровъ, Якутская Область стоитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше иныхъ мѣстностей Европейской Россіи; такъ, напр., въ отношеніи народнаго образованія, медицинской помощи. Несомнѣнно, въ этихъ отношеніяхъ Якутская Область оставляетъ еще желать многихъ улучшеній, такъ какъ и народное образованіе и медицинская помощь тамъ далеко не въ блестящемъ состояніи, но все-таки лучше, чѣмъ въ иныхъ захолустныхъ уголкахъ Евр. Россіи. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ больше будетъ появляться подобныхъ свѣдѣній о Сибири, какъ сообщаемыя въ «Обзорѣ», тѣмъ болѣе успѣшно пойдетъ изученіе ея и въ этнографическомъ отношеніи—вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы каждый годъ Сибирь насъ дарила подобными-же изданіями по всѣмъ частямъ своей обширной территоріи. *Н. Х.*

Этнографія Кавказа. Языкознаніе. IV. Лакскій языкъ. – *Бар. П. К. Услара.* (Изд. управленія Кавказскаго Учебнаго Округа). Тифлисъ. 1890.

Покойный бар. П. К. Усларъ, изслѣдователь кавказско-горскихъ языковъ, до сихъ поръ пользовался большей извѣстностью за границей, чѣмъ въ Россіи, благодаря тому, что покойный академикъ Шифнеръ своими подробными отчетами (Ausführliche Berichte) о трудахъ Услара знакомилъ европейскую науку съ лингвистическими работами кавказскаго языковѣда. Самъ г. Усларъ лично отлитографировалъ въ немногихъ экземплярахъ свои изслѣдованія по грамматикѣ нѣсколькихъ горскихъ языковъ, предполагая впослѣдствіи обработать ихъ для печати. Таковы его монографіи о языкахъ: чеченскомъ, аварскомъ, абхазскомъ, лакскомъ, хюркилинскимъ и кюринскомъ. Въ виду того, что эти литографированные экземпляры составляютъ рѣдкость немногихъ частныхъ библіотекъ, что подробные отчеты Шифнера напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ, представляется въ высшей степени важнымъ въ интересахъ кавказскаго языковѣдѣнія предпринятое управленіемъ Кавказскаго Учебнаго Округа изданіе всѣхъ литографированныхъ трудовъ Услара. Исполненіе этого предпріятія принялъ на себя въ 1886 году М. Г. Завадскій и уже въ слѣдующемъ году напечаталъ изслѣдованіе Услара по абхазскому языку [1]). Съ тѣхъ поръ ежегодно съ неутомимой энергіей редакторъ изготовляетъ къ печати Усларовы монографіи: такъ, въ 1888 году имъ изданъ чеченскій языкъ [2]), въ 1889 г. Аварскій языкъ [3]), наконецъ въ текущемъ году

[1]) *Этнографія Кавказа. Языкознаніе. Абхазскій языкъ*; съ приложеніемъ статьи о языкѣ убыховъ, черкесской азбуки, грамматическаго очерка сванетскаго языка и др. Тифлисъ. 1887.

[2]) *Чеченскій языкъ.* Съ приложеніемъ: 1) Писемъ П. К. Услара и статей его: а) кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ; b) объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ и с) нѣчто объ азбукахъ кавказскихъ горцевъ; 2) соч. А. Шифнера: Tschetschenzische Studien въ переводѣ съ нѣмецк. языка и 3) чеченскихъ пословицъ и разсказовъ о Насръ-Эддинѣ изъ букваря И. Бартоломея.

[3]) *Аварскій языкъ.* Тифлисъ 1889.

Лакскій языкъ. Въ приложеніи къ послѣднему изданію напечатаны: Казикумыкскій букварь и письма П. К Услара къ А. А. Шифнеру, обнимающія періодъ времени отъ 1863 до 1872 года и содержащія, кромѣ интересныхъ данныхъ для біографіи Услара, нѣсколько мелкихъ лингвистическихъ замѣтокъ покойнаго языковѣда. Народъ, языкъ котораго изслѣдованъ Усларомъ со стороны фонетической и морфологической въ названной монографіи, самъ называетъ себя собирательно *лак*, именемъ, которое приводится въ связь съ названіемъ *леговъ*, народа жившаго, по показанію Страбона (XI, 503), между албанцами и амазонками. Лаки,—классическіе леги,—извѣстны намъ болѣе подъ именемъ Казикумуховъ или Казыкумыковъ. Они живутъ въ Казикумухскомъ и частью въ Даргинскомъ и Самурскомъ округахъ Дагестанской области въ 91 аулѣ, достигая численностью слишкомъ 48 тыс. душъ (48,492 души об. пола). Въ какомъ отношенія находится лакскій (казикумыкскій) языкъ къ другимъ языкамъ восточно-горской группы — это вопросъ, для рѣшенія котораго еще слишкомъ мало данныхъ, такъ же, какъ и для многихъ другихъ вопросовъ кавказскаго языковѣдѣнія. Неутомимый труженикъ Усларъ собиралъ только матерьялъ для уясненія отношеній между кавказско-горскими языками, прокладалъ пути для будущихъ изслѣдователей въ лабиринтѣ кавказскаго языковѣдѣнія, но, къ сожалѣнію, онъ до сихъ поръ не нашелъ на Кавказѣ продолжателей своему многотрудному дѣлу, и намѣченные имъ вопросы остаются безъ отвѣта.

Какъ при изслѣдованіи другихъ языковъ, такъ и при изученіи лакскаго, Усларъ пользовался помощью туземцевъ. Руководителемъ его, по его словамъ (стр. 4), былъ уроженецъ Кумуха Абдуллъ-Омаръ-оглы, человѣкъ весьма даровитый, трудолюбивый, быстро усвоившій себѣ грамматическое пониманіе своего родного языка. Производя наблюденія надъ выговоромъ Абдулла-Омаръ-оглы, Усларъ составилъ научную азбуку, точно передающую всѣ звуки лакскаго языка, и изъ разбора отдѣльныхъ фразъ вывелъ его грамматическія формы. Къ грамматикѣ авторъ приложилъ образцы лакскаго языка, записанные изъ устъ народа съ соблюденіемъ всевозможной точности. Они,—замѣчаетъ Усларъ,—представляютъ читателю самое надежное средство къ тому, чтобы *провѣрить*, *исправить* и *дополнить* все изложенное имъ въ предыдущемъ грамматическомъ очеркѣ (стр. 211). Лакскіе тексты, сопровождаемые переводомъ и грамматическимъ анализомъ, состоятъ изъ пословицъ, басенъ, анекдотовъ и нѣсколькихъ лирическихъ пѣсенъ, представляющихъ интересъ и по содержанію. За текстами идетъ довольно обширный сборникъ лакскихъ словъ (стр. 233—396), которыхъ употребленіе и значеніе обыкновенно поясняется отдѣльными фразами. Въ концѣ книги помѣщенъ русско лакскій глоссарій. Вообще трудъ бар. Услара по лакскому языку отличается такимъ же обиліемъ матеріала, такою же точностью анализа, какъ и всѣ другіе труды его по кавказскимъ языкамъ. *В. Миллеръ.*

Der Kaukasus und Seine Völker. Nach eigener Anschauung von *R. von Erckert*.—Leipzig. 385 стр. in 8°.

Авторъ этого сочиненія, генералъ-маіоръ русской службы, долго служилъ на Кавказѣ и имѣлъ возможность внимательно ознакомиться съ географіей и этнографіей края. Большую часть труда онъ посвятилъ сѣверно-кавказскимъ горцамъ и только нѣсколько страницъ адербейджанскимъ татарамъ, армянамъ, курдамъ, грузинамъ и абхазцамъ.

Вслѣдъ за введеніемъ и обзоромъ края въ географическомъ отношеніи Эркертъ обращается къ изложенію свѣдѣній, касающихся калмыковъ, туркменъ, ногайцевъ. Внѣшній безобразный видъ калмыковъ напоминаетъ ему описаніе гунновъ. Калмыки—буддисты, духовный глава ихъ—Бакша. Двѣ главы отведены терскимъ и кубанскимъ казакамъ. За ними слѣдуютъ карачаевцы, черкесы, осетины, чеченцы, лезгины (народы Дагестана). Авторъ даетъ краткія историческія свѣдѣнія о бытѣ горцевъ до водворенія русскихъ на Кавказѣ, пользуясь свидѣтельствами итальянскихъ и друг. путешественниковъ. Время Шамиля, его дѣятельность и борьба съ русскими войсками описаны довольно подробно и живо возстановляютъ исчезнувшія особенности быта горцевъ.

Предназначая свою книгу для круга обыкновенныхъ читателей, Эркертъ не старается исчерпать матеріалъ по какому-нибудь опредѣленному вопросу. Онъ мимоходомъ говоритъ нѣсколько словъ о поэзіи, приложилъ ноты лезгинки, касается положенія женщины, приводитъ характерные эпизоды изъ жизни кавказскихъ народностей, но дѣлаетъ это вскользь для усиленія интереса въ читателѣ къ grossartig Kaukasus'у. Любопытной частью его труда являются сравнительныя таблицы словъ на нѣмецкомъ, грузинскомъ, черкесскомъ, чеченскомъ языкахъ и лезгинскихъ нарѣчіяхъ. Важны также приведенныя имъ антропологическія или вѣрнѣе кефалометрическія измѣренія. Текстъ его иллюстрируется видами Кавказа и изображеніями представителей его народностей. Трудъ Эркерта даетъ европейцамъ несомнѣнно вѣрное представленіе о важности изученія Кавказа съ его населеніемъ.

А. Хах—овъ.

Du Caucase aux monts Alai. Par *Jules Leclerq*. Paris. 1890.

Эта книга посвящена главнымъ образомъ замѣткамъ о центральной Азіи. Первыя главы посвящены Кавказу—городамъ: Тифлису, Владикавказу и Баку, этнографическимъ особенностямъ населенія ихъ. Авторъ, посѣтившій въ центральной Азіи Бухару, Самаркандъ, Ташкентъ, Коканъ, Мервъ, Геокъ-Тепе и др., передаетъ впечатлѣнія, какія производитъ бытъ азіатскихъ народовъ на европейца. Бухару онъ называетъ очень живописнымъ и оригинальнымъ городомъ. Самаркандъ болѣе приближается къ европейскому городу. Съ 1872 г. онъ превратился въ русскій городъ, обстроился и получилъ приличный внѣшній видъ. Онъ за-

мѣчателенъ тѣмъ, что масса археологическихъ памятниковъ — башни, минареты, остается нетронутой и неизслѣдованной. Гробница Тамерлана представляетъ одну изъ достопримѣчательностей города. Книга написана популярно и расчитана на любознательную публику.

А. Хах—овъ.

Gabriel Bonvalot. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris. 1889. 457 стр. in 8⁰, съ 250 рис.

Авторъ сочиненія, заглавіе котораго выписано, поставилъ цѣлью изслѣдовать центральную Азію, исполненную крайнихъ противоположностей—ужасныхъ пустынь и плодородныхъ оазисовъ. Онъ имѣетъ въ виду освѣтить исторію Азіи съ помощью географіи. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ путешествіе въ Азію: чрезъ Константинополь, Батумъ, Тегеранъ онъ проникъ въ Афганистанъ, Памиръ и другія мѣста, впечатлѣнія о которыхъ онъ набрасываетъ въ своемъ трудѣ. Хотя преобладаютъ у него замѣтки туриста, однако онъ указываетъ на нравы и бытъ населенія, среди котораго ему пришлось побывать.

А. Хах—овъ.

Ed. de Kovalevsky.—Les Kourdes et les Jésides ou les adorateurs du Démon, par Ed. de Kovalevsky. Bruxelles, 1890, 8° pp. 34.

Брошюра, заглавіе которой мы привели выше, есть извлеченіе изъ «Bulletin» королевскаго географическаго общества въ Бельгіи. Составлена она, какъ указываетъ самъ авторъ, на основаніи появившихся недавно трудовъ о курдахъ и езидахъ С. Егіазарова и д-ра Елисѣева. Для русской публики въ этой брошюрѣ собственно мало новаго: это —довольно удачная популяризація работъ русскихъ изслѣдователей, не безполезная для западной Европы, мало знакомой вообще съ тѣмъ, что появляется въ нашей литературѣ въ области этнографіи. Въ этомъ состоитъ вся заслуга г. Ковалевскаго. Впрочемъ на западѣ знаютъ о курдахъ и по другимъ изслѣдованіямъ; напр., въ «Journal asiatique» (70-хъ годовъ) было нѣсколько статей по этому вопросу. Интересенъ вышедшій на дняхъ въ С.-Петербургѣ Курдскій сборникъ Albert Socin'a.

Указавъ на Кавказъ и на Закавказье, какъ на страны, богатыя этнографическими особенностями, которыми нужно особенно дорожить въ виду быстраго исчезновенія ихъ, авторъ брошюры переходитъ къ этнографіи Курдовъ, различая Курдовъ — мусульманъ (суннитовъ) и Курдовъ — езидовъ. Болѣе или менѣе подробно останавливается онъ на описаніи типа Курдовъ, жилища, хозяйства и занятій ихъ. Довольно живо представлены разбойническія наклонности Курдовъ, ловкость ихъ въ воровствѣ и утайкѣ краденаго; далѣе отмѣчены: общественное устройство, *обá* — демократическая курдская община во время кочевокъ, семейныя отношенія, представляющія вполнѣ патріархальныя черты съ умычкой и кровной местью,

замѣняемой иногда вирой.—Переходя къ Курдамъ-Езидамъ (стр. 20—34) авторъ прежде всего опровергаетъ ходячее объ нихъ мнѣніе о поклоненіи дьяволу, объясняя культъ *Мелектауза*—духа отрицанія—наслоеніемъ различныхъ ученій и сектъ не безъ вліянія дуалистической религіи Зороастра. Любопытны приведенныя при этомъ езидскія легенды о сотвореніи міра, «символъ вѣры» и нѣкоторыя суевѣрія. Въ противность Курдамъ, ведущимъ полукочевой, неспокойный образъ жизни, Езиды преданы мирнымъ занятіямъ, не имѣютъ разбойническихъ наклонностей и занимаются земледѣліемъ. Они дѣлятся на касты—духовныхъ и мірянъ. Число Курдовъ въ Закавказьи, по словамъ автора, простирается до 70 тысячъ, Езидовъ—около 8 тысячъ. Г. Ковалевскій самъ путешествовалъ по Закавказью и на мѣстѣ изучилъ бытъ и нравъ описанныхъ имъ племенъ; онъ приводитъ кое что и изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, хотя немного. *—нцъ*

Smithsonian Institution 1889. — Послѣднія изданія Смитсонова Института, т. е. Національнаго Музея Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ, содержатъ нѣсколько интересныхъ изслѣдованій по первобытной культурѣ. Таковы въ особенности работы *Отиса Мэзона* (Otis Mason), хранителя отдѣленія этнологіи, помѣщенныя въ отчетѣ названнаго музея за прошлый годъ. Въ первомъ изслѣдованіи, посвященномъ люлькамъ американскихъ туземцевъ (Cradles of the Amerikan Aborigines), авторъ подробно разсматриваетъ ихъ устройство, способъ перевязыванія и пеленанія дѣтей въ связи съ вопросомъ объ искусственной деформаціи головъ и т. п. Изложеніе иллюстрировано 45 рисунками. Авторъ знакомъ съ капитальнымъ трудомъ д-ра Е. А. Покровскаго «Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ» (Моск. 1884 г.) и знакомитъ своихъ читателей съ перечнемъ содержанія изслѣдованія русскаго ученаго. Въ дополненіи къ работѣ Мэзона помѣщены замѣтки *д-ра Портера* объ искусственной деформаціи дѣтей среди дикихъ и культурныхъ народовъ съ подробной литературой этого предмета. Во 2-мъ этюдѣ: «Человѣкъ какъ вьючное животное» (The human beast of burden), *Мэзонъ* разсматриваетъ самыя примитивныя орудія и приспособленья, употреблявшіяся или доселѣ употребляемыя человѣкомъ для перенесенія тяжестей въ рукахъ, на плечахъ, спинѣ и т. д., напр. коромысло, носилки, корзины, ремень и проч. Устройство такихъ орудій поясняется 54 рисунками. *Робертъ Стернсъ* (Stearns) помѣстилъ въ отчетѣ этюдъ о раковинахъ, какъ о примитивной монетѣ (Ethnoconchology a study of primitive money). Описаніе сопровождается 22 рисунками въ текстѣ и II таблицами. Къ доисторической археологіи относятся работы: *Мэзона*—Археолог. изслѣдованія области рѣки Потомака, *Уильсона*—Палеолитическій періодъ въ области Колумбіи (извлеченіе изъ Протоколовъ Націон. Музея, т. XII, стр., 367—376, 1890 г.). *В. М—ръ.*

Paolo Riccardi. — Pregiudizi e superstizioni del popolo Modenese. (*Предразсудки и суевѣрія жителей Модены*). In Modena, 1890. 8°, p. 1 — 84. — Книжечка состоитъ изъ введенія, 8-ми главъ и 4 приложеній и читается легко и съ интересомъ, хотя отличительныя свойства итальянца—легкость изложенія, граничащая съ легкомысліемъ, и остроуміе, свидѣтельствующее подчасъ о недостаткѣ серьезныхъ выводовъ,—сказались и здѣсь въ сильной степени. Въ предисловіи авторъ слегка касается вопроса о происхожденіи суевѣрій и о вліяніи на нихъ школы и церкви, при чемъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы когда нибудь суевѣрныя понятія могли быть искоренены совершенно даже въ образованномъ обществѣ. «Отрѣшиться отъ всѣхъ предразсудковъ, освободиться отъ всякихъ суевѣрій,—говоритъ онъ,—это значило бы расширить до безконечности область научныхъ познаній, поставить вмѣсто сомнительнаго—достовѣрное, вмѣсто вѣры—истинное, положительное знаніе, уничтожить всѣ тѣ движенія души, которыя составляютъ такую благопріятную почву для развитія предразсудковъ. Высокая образованность, какъ результатъ научнаго воспитанія, мало-по малу устраняетъ грубыя черты древняго невѣжества, искореняетъ суевѣрныя представленія, но тѣмъ не менѣе и она, какъ бы высоко ни понимала міровые законы, не можетъ сказать про себя: «я свободна отъ предразсудковъ». Изложеніе своихъ свѣдѣній авторъ начинаетъ съ XV и XVI вв. и въ 1 гл. приводитъ нѣкоторыя историческія данныя отъ временъ инквизиціи, особенно о вѣдьмахъ, суевѣрныхъ средствахъ, къ какимъ прибѣгали преимущественно женщины и между прочимъ монахи для того, чтобы пріобрѣсть чью-нибудь любовь, быть нечувствительнымъ къ пыткамъ и т. п. [1]). Процессы о вѣдовствѣ, магіи и т. д. напоминаютъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ, но даютъ немало и новаго. Жаль только, что эта глава является лишь легкимъ наброскомъ и не исчерпываетъ данныхъ, которыя могли быть доступны автору. Дальнѣйшія главы посвящены современнымъ суевѣріямъ моденцевъ, а именно: вѣдьмы и колдовство, дурной глазъ, мертвецы, духи и святые, суевѣрія религіозныя (гл. 2); суевѣрія, связанныя съ животными, дѣйствіями, мѣстомъ, временемъ, разными лицами и предметами, предзнаменованія хорошія и дурныя, предвѣстія смерти (гл. 3); суевѣрія метеорологическія, предсказанія погоды, суевѣрныя средства противъ грозы, града и т. п. (гл. 4); предразсудки и суевѣрія, связанныя съ земледѣліемъ (гл. 5); любовныя суевѣрія (гл. 6); пред-

[1]) Авторъ пользуется при этомъ нѣкоторыми изслѣдованіями своихъ соотечественниковъ по этимъ вопросамъ. Считаемъ нелишнимъ выписать заглавія этихъ сочиненій, какъ мало извѣстныхъ у насъ: 1) *Leopardi*: «Saggio sopra gli errori popolari degli antichi». Firenze, Lemonnier, 1859.—2) *Tarducci*: «La strega, l'astrologo e il mago», Milano. Treves, 1886.—3) *T. S.* «Streghe e superstizioni». Modena, 1887 (изъ журн. „Panaro", an. XXVI, № 111).—4) *Sandonnini Tomaso*, „Tassoni e il Sant' Uffizio" въ Giornale Storico della Letter. Ital., IX, p. 27.

разсудки, связанные съ болѣзнями, беременностью и рожденіемъ, заклинанія, цѣлебныя воды, мази (гл. 7); суевѣрія, относящіяся къ играмъ, охотѣ, рыбной ловлѣ и пр. (гл. 8). Какъ заявляетъ и самъ авторъ, многія изъ разсмотрѣнныхъ имъ вѣрованій общеизвѣстны, но вдаваться въ сравненія онъ не желаетъ и даетъ почти исключительно сырой матеріалъ, предпосылая лишь нѣсколько общихъ замѣчаній каждой главѣ. Въ приложеніи разсказана во-первыхъ исторія одной мнимой моденской вѣдьмы 1867 г., затѣмъ приведена статья одного профессора о лѣкаркахъ и акушеркахъ, далѣе перепечатана изъ журн. «Il Cittadino» (1888, дек.) статья автора: «Рождество Хр. въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ моденскаго народа», и наконецъ его же статья изъ того же журнала (1889, февр.) подъ загл.: «Любовь въ народныхъ предразсудкахъ моденцевъ». Въ этой послѣдней статьѣ онъ указываетъ съ одной стороны крайній взглядъ на этотъ предметъ философовъ Гартмана и Шопенгауера (къ которымъ мы бы присоединили въ извѣстномъ смыслѣ и гр. Л. Толстого), а съ другой — чрезмѣрную идеализацію любви поэтами, и ставитъ посрединѣ обыкновенное человѣческое чувство со всѣми его возвышенными и мелочными проявленіями. И кто можетъ сказать, спрашиваетъ авторъ, сколько суевѣрій и предразсудковъ покоится у насъ въ этомъ чувствѣ? «Всякая женщина,— такъ заключаетъ авторъ свою книгу,—была когда нибудь для кого нибудь предметомъ поклоненія, идоломъ, которому пѣлись гимны и курились фиміамы, чередующіеся нерѣдко съ упреками и проклятіями; всякая женщина въ своей довѣрчивой старости могла бы разсказать намъ всѣ ребячества, всѣ шалости своихъ поклонниковъ, все возвышенное и все низменное у той плеяды мужчинъ, которые ее любили и добивались ея взаимности; и изъ этихъ данныхъ, изъ этихъ наблюденій, изъ этихъ признаній составилась бы блестящая страница человѣческой психологіи, прекрасная, какъ образъ женщины, которую мы любимъ, и возвышающая, какъ любовь въ сердцѣ человѣка». Въ этомъ сказался весь итальянецъ.

Н. Я.

2. Журналы.

Anthropologie. 2.—Изъ помѣщенныхъ въ этомъ № статей для этнографовъ интересна статья г. *Рабо:* О питаніи у лопарей. Кромѣ того помѣщены рецензіи на книги: А. Катрефажа. Общая исторія человѣческихъ расъ, Д. Клеменца: Древности Минусинскаго музея, Г. Гольма: Экспедиція въ восточную Гренландію. Въ отдѣлѣ мелкихъ замѣтокъ помѣщены свѣдѣнія о раскопанной теотихуаканской статуѣ, которая будетъ помѣщена въ Мексиканскомъ музеѣ. — **3.** *Деникеръ и Лалоа* (Laloy): Экзотическія расы на всемірной выставкѣ 1889 г. *А. Арселинъ*: Новыя раскопки въ Солютрѣ (Сона и Луара). Рецензіи на книги: Том-

кимса: «Собраніе этнографическихъ типовъ Египта», Флиндерсъ-Петри; Е. Модильяни: «Путешествіе въ Ніасъ». Замѣтки: Задачи негровъ въ Сѣв.-Американскихъ Штатахъ; Бронзовый вѣкъ въ Египтѣ.—4. *Де-Бай*: Искусство варваровъ въ эпоху паденія римской имперіи. Рецензіи на книги и статьи: Бонжоа: О возведеніи древними Галлами менгировъ и дольменовъ; Мильe: Мастерская каменныхъ орудій; Бартелеми: Археологическія разысканія въ Лотарингіи; Дюнъ: Замѣтка по вопросу объ этрускахъ; Оссовскаго: Курганъ въ Рѣзановкѣ, и его же матеріалы къ палеэтнологіи украинскихъ кургановъ; Капуса: о Памирѣ; Лумгольца: Въ странѣ Канибаловъ; Де-ла Еспада: Путешествіе изъ Квито въ Лиму; Портера: Искусственная деформація черепа у дѣтей; Мейера: Антропологическій альбомъ жителей Целебеса; Е. Веніаминовой: Статья объ измѣреніи надъ грузинками; Ковралскаго: О черепахъ изъ скиѳскихъ могилъ; Зографа: О ростѣ населенія въ среднихъ губерніяхъ Россіи; А. Харузина: Киргизы Букеевской орды; его-же: Курганы Букеевской степи; его-же: Древнія могилы Гурзуфа и Гугуша; Арандаренко: Досуги въ Туркестанѣ; Гродекова: Киргизы; Верещагина: Вотяки; Лыткина: Зыряне (см. «Этногр. Обозр.»). Приведено также содержаніе «Этнографическаго Обозрѣнія» за 1889 г. Среди мелкихъ замѣтокъ интересны: 1) о менгирахъ въ Галліи въ эпоху Цезаря, 2) этнографія Гиляковъ и Гольдовъ, 3) каменный вѣкъ въ Африкѣ, 4) каменный вѣкъ въ Кохинхинѣ.—5. *И. Деникеръ и Лалоа*: Экзотическія расы на всемірной выставкѣ 1889 г.; *Кордье*: Евреи въ Китаѣ, *Базенъ*: О татуировкѣ въ Тунисѣ. Рецензіи на книги: Лэгера: О дольменахъ; Клосмадевка: Къ вопросу о дольменахъ; Белявскаго: Разсказы туриста въ Оверни; Ундсета: О древнѣйшихъ типахъ фибулъ; Гюнтера: О системахъ численія; Н. Харузина: Замѣтка о татарахъ Южнаго берега Крыма; И. Смирнова: Вотяки; Назарова: Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Башкирію; Вирхова: Антропологія африканскихъ негровъ. Въ отдѣлѣ замѣтокъ: 1) Букъ и его этнографическое значеніе; 2) Путешествіе гг. Ката и Мэстра въ Мадагаскаръ; 3) Статистическія данныя о Японіи.

Вѣстникъ Европы.—Октябрь. Рец. на кн. С. Н. Сыромятникова: Сага объ Эйрикѣ Красномъ (Eiriks saga Raudha). СПБ. 1890.—Рец. на кн. Летурно: Эволюція собственности. III. Перев., изд. журн. «Русское Богатство». СПБ. 1890.—Ноябрь. — Рец. на «Этнографическое Обозрѣніе» 1890. № 2—3 (кн. V—VI) и на «Живую Старину». Вып. I. СПБ. 1890.— Рец. на кн. Евгенія Маркова: Путешествіе на Востокъ. Царьградъ и Архипелагъ. Въ странѣ фараоновъ. СПБ. 1890.

Иверія.—Сентябрь.—Замѣтка объ оспѣ, кори, извѣстной у грузинъ подъ именемъ «батонеби» (господа). Если въ домѣ найдется больной оспой или корью, то прекращается всякая работа, перестаютъ говорить громко, рѣзать что-либо, готовить кушанье, посвящая все время

изысканію средствъ, какъ позабавить «батонеби»: пѣніе, игра на инструментѣ составляютъ единственное занятіе родныхъ больного. Для «батонеби» приносится жертва изъ сладостей, драгоцѣнныхъ вещей, и возжигается свѣча, приготовленная изъ грецкихъ орѣховъ. Статья, посвященная Ксанскому ущелью, описываетъ въ общихъ чертахъ современный бытъ населенія. — Октябрь. Юридическая монографія г. Урбнели «о законодательствѣ Бека и Агбуги» (XV вѣкъ). — Ноябрь. Отзывъ о книжкѣ А. Хаханова: «Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по Малой Азіи».

Православный Собесѣдникъ.—Февраль—апр., іюль—сент. *В. Соколовъ.* „Обрѣзаніе у Евреевъ". Статья раздѣляется на слѣдующія 8 главъ: исторія обрѣзанія, происхожденіе еврейскаго обрѣзанія, значеніе евр. обрѣз., лицо, подлежащее обрѣзанію, время совершенія обрѣзанія и нареченіе имени, послѣдствія неисполненія обрѣзанія, операція обрѣзанія и орудія ея совершенія и критика модификаціи обрѣзанія. Какъ видно изъ этого перечня главъ, статья В. Соколова разбираетъ этотъ обрядъ всесторонне и содержитъ въ себѣ не мало свѣдѣній, интересныхъ для этнографа.— Апрѣль. *А. Вышнегорскій.* Географическое описаніе Аравіи. Глава изъ „Географіи" Таквимъ-аль-Больдана (Абульфеды).

Русская Мысль.—Сентябрь. *В. Г. Короленко.* „Павловскіе очерки". Всѣмъ извѣстно, какой крупный центръ кустарной промышленности представляетъ изъ себя село Павлово. Со свойственнымъ ему талантомъ г. Короленко рисуетъ положеніе кустарей Павлова, ихъ зависимость отъ скупщиковъ-кулаковъ, открываетъ возмутительныя злоупотребленія этихъ скупщиковъ; передъ читателемъ развертываются картины изъ прошлаго кустарнаго села и проходятъ очерченныя въ мастерскихъ характеристикахъ разныя лица, потрудившіяся на пользу или во вредъ мѣстнаго населенія. Остается благодарить автора за то, что онъ обратилъ свое вниманіе на вопросъ, возбуждающій все большій и большій интересъ въ обществѣ, и что предметомъ своей тонкой наблюдательности онъ избралъ такой видный пунктъ кустарной промышленности.— *Николай Астыревъ:* „Очерки быта населенія Восточной Сибири". II. Духовный міръ и нравы крестьянства. III. Каменныя сердца. Въ непривлекательныхъ краскахъ рисуетъ авторъ духовный міръ сибиряка. Страсть къ наживѣ, безжалостность къ слабымъ, поклоненіе силѣ, грубое суевѣріе, косность и т. п.—вотъ какія черты подмѣтилъ авторъ въ населеніи Восточной Сибири. Матеріалистическое направленіе ума подавило духовную жизнь сибиряка, на что ясно указываетъ мало развитое народное творчество: у сибиряковъ нѣтъ своихъ собственныхъ легендъ и преданій, нѣтъ пѣсенъ; музыка и пляска также мало развиты. Надо, однако, замѣтить, что факты, приводимые авторомъ въ доказательство его мнѣній, не всегда достаточно убѣдительны. Грубость, суевѣріе, страхъ передъ начальствомъ и судомъ, жестокость по отношенію къ конокрадамъ, недовѣріе къ новшествамъ (какъ,

напр., къ привезеннымъ изъ города сельскохозяйственнымъ машинамъ) и т. д., не составляютъ характерныхъ чертъ исключительно сибиряковъ. Факты, подобные приведеннымъ авторомъ, можно встрѣтить и во многихъ деревняхъ Европейской Россіи.—Рец. на кн. Siméon Luce: La France pendant la guerre de Cent Ans. Episodes historiques et vie privée aux XIV et XV siècles. Paris. 1890.—Рец. на кн. г. Манжуры: Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. Харьковъ, 1890.—Рец. на Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ, т. I, ч. II. Бытовая и семейная жизнь Бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ., 1890.—Рец. на Записки восточно-сибирскаго отдѣла Импер. Р. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи, т. I, вып. 1. Бурятскія сказки и повѣрья, собр. Хангаловымъ, Затопляевымъ и друг. Иркутскъ, 1889.—Рец. на Wisła, miesięsznik gieograficzno-etnograficzny, 1889, т. III, вып. 2, (апрѣль—іюнь).—Рец. на Swiat i przyroda w wyobraźni chłopa. Przyczynek do etnograficznego studyum. Karola Mátyása. We Lwowie, 1888.—Рец. на Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губ., вып. 1.—Рец. на Нижегородскій Сборникъ, изд. подъ ред. А. С. Гацисскаго, т. IX. Нижній-Новгородъ, 1890.—**Октябрь.** *В. Г. Короленко.* Павловскіе очерки (прод.). Рец. на кн. Н. В. Латкина: Красноярскій округъ Енисейской губ. СПБ., 1890.—Рец. на кн. Созоновича: Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. Варшава, 1889.—Рец. на кн.: Книга Калилаh и Димнаh (сборн. басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая). Пер. съ арабскаго, М. О. Аттая, преподавателя арабскаго языка и М. В. Рябинина, студента III курса спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, съ введеніемъ М. В. Рябинина о происхожденіи и исторіи этого сборника, съ приложеніемъ синоптической карты распространенія его въ литературахъ Европы и Азіи, съ примѣчаніями и прибавленіями къ тексту, собранными и переведенными М. О. Аттая. Москва, 1889.—Рец. на кн. Dvě povidky v czeské literaturze XV stol. Podává D-r Jirzi Polivka. V Praze, 1889.—Рец. на кн. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej, wydawany staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie, tom XIII. Kraków, 1889.—Рец. на кн.: VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ отъ 28-го декабря 1889 г. до 7-го января 1890 г., съ рисунками и двумя гипсометрическими картами Европейской Россіи. СПБ., 1890 г.—**Ноябрь.** *В. Короленко:* Павловскіе очерки (оконч.).—*А. А. Кауфманъ:* Очеркъ общинныхъ порядковъ Ишимскаго округа, Тобольской губ. Въ своей интересной статьѣ авторъ даетъ ясное и точное понятіе объ общинныхъ порядкахъ Ишимскаго округа. Послѣ описанія податныхъ порядковъ и имущественнаго обложенія въ ишимскихъ общинахъ, авторъ переходитъ къ пользованію землей. Оказы-

вается, что въ Ишимскомъ округѣ пользованіе землей прежде было вольное (а не заимочно-захватное, какъ предполагаетъ г. Петропавловскій — Записки Зап.-Сиб. Отд. Имп. Р. Г. Общ., кн. VIII, вып. 1); теперь, однако, крестьяне все чаще и чаще переходятъ къ душевому пользованью. Весьма интересны разные способы передѣла угодій, которые автору пришлось наблюдать въ различныхъ общинахъ округа. Тутъ, напримѣръ, имѣютъ мѣсто: способъ частной передачи «малолѣтамъ» полныхъ душевыхъ надѣловъ, освободившихся по какимъ-либо причинамъ (смерть владѣльцевъ и т. п.), при чемъ участки старожиловъ остаются неприкосновенными; передѣлъ «по старинѣ» и «по отчеству», при которомъ хозяинъ удерживаетъ изъ своего участка любую часть на свои «старожительныя» души по новой душевой нормѣ, между тѣмъ какъ излишнюю землю отдаетъ «въ общество», которая и составляетъ часть земли, идущей въ надѣлъ новымъ членамъ общины; порядокъ надѣленія, «любой» и «не любой» половиной; способъ «развода», когда каждый изъ общинниковъ выбираетъ и записываетъ у старшины желательный ему участокъ, а затѣмъ уже дѣлитъ его на доли между своими участниками безъ вмѣшательства общины какъ цѣлаго, и, наконецъ, способъ аукціонный или «на перебой», который авторъ считаетъ кореннымъ мѣстнымъ явленіемъ. Далѣе авторъ касается различныхъ формъ пользованья покосами, пастбищами и выгонами, лѣсомъ и такъ называемыми «рощами» или «садочками», т. е. лѣсами, выращенными владѣльцами на частицѣ ихъ пахотной земли. Въ заключеніе отмѣчается, что на внутренніе порядки общинъ Ишимскаго округа не имѣютъ почти никакого вліянія переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи и ссыльно-поселенцы. — Рец. на кн. Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстаго и Н. Кондакова, вып. III. Древности временъ переселенія народовъ. СПБ., 1890.—Рец. на кн. Летурно: Эволюція собственности, изд. жур. Русское Богатство. СПБ., 1890.—Рец. на кн. Tableau des origines et de la propriété (publication de la fondation Lorén), par Maxime Kovalevsky. Stokholm. 1890.—Рец. на кн. О. Пешеля: Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціей профессора Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ, изд. А. С. Суворина. СПБ. 1890.

Русскій Вѣстникъ.—Май. Рец. на кн. А. Харузина: Курганы Букеевской Орды. Изв. И. Об. Л. Ест., А. и Этн. т. 64. Москва. 1890.—Іюнь. Рец. на программу для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Спб. 1890.—Іюль. *К. Бороздинъ*: Лезгинское возстаніе въ Кахетіи въ 1863 году. Гл. I—IV. Въ этомъ историческомъ очеркѣ встрѣчаются черты быта жителей Кахетіи. — Рец. на кн. Schürer — Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Th. I, erste Hälfte. Liepzig. 1889.—Августъ. *Д. Иловайскій*: Черты Московскаго строя въ XVI в, Авторъ слегка касается устройства сельской общины о XVI в. *Вс. В. Крестовскій*: Синто и Буккьйо. Изъ воспоминаній въ

странѣ «Восходящаго солнца». Эта статья содержитъ любопытныя свѣдѣнія о 2 главныхъ религіяхъ Японіи: древнѣйшей и національной, т. наз. Синто или Ками и Буккьйо, т. е. буддизмѣ. Автору удалось во время своей поѣздки въ Японію познакомиться съ главными началами религіи Синто, посѣтить храмы приверженцевъ этой религіи, а также вступить въ сношенія съ буддійскими священнослужителями, видѣть Буддійскіе храмы и монастыри.—Рец. на кн. А. С. Фамицина: Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ съ рисунками и нотными примѣрами. Спб. 1890.

Русское Обозрѣніе. — Октябрь. *Вл. С. Соловьевъ*: Первобытное язычество, его живые и мертвые начатки (окончаніе). Въ этихъ заключительныхъ главахъ авторъ излагаетъ на основаніи Калевалы и книги Н. Н. Харузина (Русскіе Лопари, Тр. Этн. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., кн. X), разсказы и современныя изслѣдованія о чародѣяхъ лопарскихъ (нойдахъ), волшебномъ бубнѣ и о вліяніи христіанства на вѣрованія лопаря (гл. V—X). Гл. XI посвящена религіи Аккадійцевъ—древнихъ обитателей Мессопотаміи. Гл. XII заключаетъ въ себѣ конечные выводы. Не можемъ пройти молчаніемъ, что г. Соловьевъ нѣсколько неточно понялъ одинъ изъ вопросовъ, поднятыхъ г. Харузинымъ. Г. Соловьевъ, считая разрѣшеніе вопроса о времени появленія нойдовъ, какъ особаго класса, «невозможной задачей», говоритъ: «нашъ авторъ (т. е. г. Харузинъ) совершенно напрасно опредѣляетъ время этого выдѣленія нойдовъ, которые будто бы стали отдѣльнымъ классомъ только въ XVII в.» (стр. 489). Между тѣмъ, г. Харузинъ на указанной страницѣ (215) задается не вопросомъ времени, а вопросомъ «какъ возникъ и развился среди Лопарей шаманизмъ?» Рѣшая этотъ вопросъ, онъ указываетъ, что «въ XVII в. нойды, какъ особый классъ, успѣли уже зародиться, въ иныхъ мѣстностяхъ Лапландіи успѣли даже вытѣснить прежнихъ семейныхъ жрецовъ» (215). Очевидно, эта фраза и была принята г. Соловьевымъ въ ложномъ смыслѣ. Между тѣмъ смыслъ ея тотъ, что въ XVII в. нойды уже представляли особый классъ, а не тотъ, что «особые колдуны появились только въ XVII в.», какъ понялъ г. Соловьевъ (490 стр.). Не вполнѣ основательнымъ кажется, намъ также упрекъ, дѣлаемый авторомъ г. Харузину, въ томъ, что послѣдній выдѣляетъ родовую религію, «какъ самостоятельный отдѣлъ лапонской религіи», и не связываетъ ее съ культомъ камней — сейдовъ (490). Въ «Русскихъ Лопаряхъ» мы находимъ эту связь: Сейды и Сайво сопоставлены (см., напр., стр. 216).—Рец. на Мухаммеданскую космогонію г. Архангельскаго. Казань 1889.

Странникъ—Янв. Обычай гаданія наканунѣ св. Андрея (30-го ноября) въ Малороссіи (изъ „Кишин. Еп. В.“).—Индійскіе факиры и Вааловы пророки („Яр. Еп. В.“).—Янв.—іюль. *К. Поповъ*. „Водяники“ и „Сухарники“,—очерки изъ быта старообрядцевъ Сарат. губ.—Іюнь—

іюль. Вѣрованія инородцевъ-остяковъ Нарымскаго края („Том. Еп. В.").— Окт. Народно-религіозныя воззрѣнія, повѣрья и обряды у чувашъ.

Сѣверный Вѣстникъ.—Октябрь. *С. Пономаревъ*: Очерки и пересказы. Среди новоселовъ. (Оконч.; нач. см. Сѣв. Вѣстн. IX, 1890).— Рец. на кн. П. Ровинскаго: Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія.—Исторія.—Этнографія.—Археологія.—Современное положеніе. т. I, Спб. 1888.—Ноябрь. Областной отдѣлъ. *А. А. Исаевъ*. Съ переселенцами.—Рец. на кн. О. Пешеля: Народовѣдѣніе. Пер. Э. Ю. Петри. СПБ. 1890.

Творенія святыхъ отцовъ.—I. Въ прибавленіи статья архим. Антонія: «Древнее ученіе египетской религіи о богахъ, о безсмертіи человѣческой души и странствованіи ея послѣ разлученія съ тѣломъ».

Чтенія въ обществѣ любителей дух. просвѣщенія. — Іюль. *П. Б—въ*. Мнимые слѣды тотемизма въ религіи древнихъ евреевъ. Сентябрь. *П. Свѣтловъ*. Видѣніе херувимовъ (по Vigouroux).

Юридическій Вѣстникъ.—Ноябрь. *П. Н. Обнинскій*. Въ области суевѣрій и предразсудковъ (очеркъ изъ быта современной деревни). Въ этой статьѣ авторъ излагаетъ дѣло по убійству мужемъ и женой матери жены, въ которую по предположенію убійцъ вселился чертъ. Въ этой «сравнительно бойкой и цивилизованной мѣстности» распространено вѣрованіе, что бѣсъ, вселившись въ человѣка, портитъ и мучитъ его. Для изгнанія употребляется надѣваніе «пахальнаго хомута», чтеніе извѣстныхъ молитвъ, сдавливаніе горла и т. п. Окруженные толпой зрителей, убійцы, желая избавить мать отъ бѣса, до тѣхъ поръ душили ее, пока она не скончалась. Смерть жертвы была приписана бѣсу—«бѣсъ убилъ». Толпа, наблюдавшая истязанія *бѣса*, разошлась.

Zeitschrift für Ethnologie. 1. *Ингвальдъ Ундсетъ*: III. Древнѣйшія формы мечей. Между прочимъ, сообщенія объ изданіяхъ: *Штребель*: Древняя Мексика. *Штюбель, Рейссъ и Коппель*: Культура и производство у южно-американскихъ народовъ. *Зегеръ*: Путевыя письма изъ Мексики. *Кюбари*: Этнографическія замѣтки о Каролинскихъ островахъ. *Кюнъ*: Шпревальдъ и его населеніе. *Циммеръ*: Доисторическіе окрашенные глиняные сосуды Шлезіи. Изъ отчетовъ о сообщеніяхъ отмѣчаемъ: *Эстенъ* (Oesten). Славянская „civitas" и находки въ Фельдбергѣ (Мекленбургъ). —2, *Ингвальдъ Ундсетъ*: IV. О древнихъ колесницахъ. Въ протоколахъ засѣданій Берлинск. Общ. Антропологіи, Этнологіи и первобытной Исторіи обращаютъ на себя особое вниманіе этнографовъ отчеты о слѣдующихъ сообщеніяхъ: *Гиртъ*: О царскихъ могилахъ въ центральной Азіи. *Вирховъ*: Происхожденіе и форма саксонскаго дома въ восточной и западной Гольштиніи. *Леманъ*: Объ отношеніи египетской системы счисленія къ вавилонской. *Гиртъ*: Исторія домашней кошки въ Египтѣ. *Рау*: Орудія косьбы.—3. *Эренрейхъ*: Сообщеніе объ экспедиціи въ Бразилію. *Дёрпфельдъ*: О происхожденіи греко-римскихъ мѣръ изъ вавилонскаго локтя.

Отчеты между прочимъ о слѣдующихъ изданіяхъ: *Крауса*: Свадебная поѣздка Мехмеда (Smailagic' Meho); народное эпическое произведеніе южнославянскихъ магометанъ. *Его-же*: Народныя вѣрованія и религіозные обряды южныхъ славянъ. Изъ отчетовъ о сообщеніяхъ въ засѣданіяхъ Бер. Общ. Ант. отмѣтимъ: *Мюллера*: Оружія австралійскихъ жителей. *Ольсгаузенъ*: Исторія шпоры. *Шуманъ*: О славянскихъ могилахъ въ Помераніи. *Лемке*: Украшенія крышъ домовъ въ восточной Пруссіи. *Бартельсъ*: Готтентотскій богъ (саранча). *Его-же*: Яванская игра Вайангъ. *Ольсгаузенъ*: Древняя торговля янтаремъ на Кимврійскомъ полуостровѣ. —4. *Ингвальдъ Ундсетъ:* V. Объ италійскихъ погребальныхъ урнахъ съ изображеніемъ умершаго. *Гейнъ*: Древнепрусская хозяйственная исторія до эпохи рыцарскихъ орденовъ. Изъ замѣтокъ объ изданіяхъ: *Бушанъ*: Германцы и Славяне. Среди протоколовъ засѣданій — отчеты: объ обсужденіи реферата *Ольсгаузена:* Древняя торговля янтаремъ. *Вигфуссонъ:* О мѣновомъ оборотѣ у исландцевъ. *Рау*: Орудія косьбы. *Іенушъ*: Дославянскія и славянскія находки въ Губенскомъ округѣ. *Шуманъ*: О славянскихъ могилахъ въ Помераніи. *Дёрпфельдъ:* О происхожденіи грекоримскихъ мѣръ изъ вавилонскаго локтя. *Бухольцъ*: О нѣкоторыхъ раскопкахъ славянскихъ могилъ.

3. Газеты.

Астраханскія Г. В.—79. Китайскій Судъ. Нѣсколько данныхъ о юридическомъ положеніи преступника, ярко обрисовывающихъ нравы китайцевъ.

Астраханскія Еп. В. — 8, 11. *А. Солнцевъ*. Изъ религіозно-нравственной жизни киргизовъ Внутр.-Букеев. Орды. — 9. О происхожденіи и значеніи церковнаго обычая начинать богослуженіе въ день св. Пасхи въ полночь и о нѣкоторыхъ другихъ пасхальныхъ обычаяхъ. — 11. Откуда ведетъ начало обычай, по которому родители не присутствуютъ при браковѣнчаніи своихъ дѣтей. — 17, 19, 20. Отступничество крещеныхъ татаръ Астрахан. губ. въ магометанство.

Владимірскія Еп. В. — 7. Начало христіанства въ странѣ Суздальской.

Волжскій Вѣстникъ. — 215. Замѣтка г. Смирнова объ „Этнографическомъ Обозрѣніи“. — 217. „Справедливъ-ли былъ Харузинъ къ Ханской ставкѣ?“—замѣтка библіографическаго характера.—218. „Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ“,— библіографическая замѣтка о брошюрѣ И. Смирнова, носящей то-же названіе.—220. О прибытіи въ Казань французскаго путешественника, члена Парижскаго Географическаго Общества, Шарля Рабо. Шарль Рабо везетъ съ собою большую этнографическую коллекцію зырянъ и остяковъ, которая чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ выставлена въ Парижѣ. Экспедиція начата съ окрестностей Казани, затѣмъ путешественники перевалили чрезъ Уралъ по Сибиря-

ковской дорогѣ и достигли басейна р. Оби; собранная коллекція является дополненіемъ къ имѣющейся уже коллекціи финскихъ племенъ.—Въ корреспонд. изъ Глазова сообщается „о борьбѣ съ кумышкой“, объ отбираніи у Вотяковъ трубъ для варки ея (собрано немного болѣе 10 т. штукъ, тогда какъ предполагалось до 20 т.), высказываются мнѣнія о недѣйствительности этой борьбы: борьба эта тѣмъ труднѣе, по увѣренію корреспондента, что вести ее придется не съ самимъ вотякомъ, а вотячкою.—**234.** Ст. „Минусинскій Музей“ содержитъ историческія данныя о происхожденіи этого музея.—**237** Мѣстные инородцы—остяки (перепечатано изъ Русскихъ. Вѣдом.). **-249.** Тобольскій губернскій музей Сообщаются свѣдѣнія объ открытіи этого музея. Тобольскій музей имѣетъ библіотеку болѣе чѣмъ въ 600 том., коллекцію, которая уже въ 1889 г. состояла болѣе чѣмъ изъ 4037 предметовъ каменнаго, бронзоваго вѣка, татарской культуры и проч. Этнограф. залъ сверху отдѣланъ оригинальнымъ орнаментомъ, скомпонованнымъ по рисункамъ вышивокъ на одеждѣ остяковъ и самоѣдовъ. „Принадлежности домашняго быта, культа, охоты и рыболовства, пишетъ К. Г., даютъ полное понятіе о жизни остяковъ и самоѣдовъ“.—**257** Сарапульскій уѣздъ (о преслѣдованіи варенія „кумышки“). Вареніе кумышки связано съ вѣрованіями Вотяка, ее варятъ предъ началомъ работъ, въ праздники, во время бѣдствій; вареніе кумышки объясняется не одними экономическими соображеніями, ея дешевизной сравнительно съ водкою, но и тѣмъ, что ей приписывается символическое значеніе, и при моленіяхъ кумышка считается необходимою принадлежностью.—**274.** Извѣстіе о русскомъ путешественникѣ въ вост. Азію, Грумъ-Гржимайло.—**275, 281.** Изъ Волжской Старины, *Н. Загоскинъ*, —**284.** Рец. *И. Смирнова* на „Живую Старину“, журналъ Отдѣленія Этнографіи И. Р. Геогр. Общ.—**286.** Докладъ проф. А. И. Якобія о посѣщеніи Канинскаго полуострова.

Вологодскія Г. В.—42—46 и 48. Ст. „Свадебный день въ Кадниковскомъ уѣздѣ“, кромѣ описанія свадебнаго церемоніала, заключаетъ въ себѣ свадебныя пѣсни, величанія и причитанія, относящіяся къ этому дню.

Восточное Обозрѣніе. 37. Реценз. на «Художественно-этнографическіе рисунки Сибири», издав. П. М. Кошаровымъ въ Томскѣ (№№ 1—14). **38.** *В. Брониславскій.* Ученая экспедиція по Зап. Сибири,—о путешествіи члена париж. географ. общ. Шарля Рабо для изслѣдованій въ области этнографіи (среди чувашъ, черемисовъ, и остяковъ), географіи и естественной исторіи. **38—39.** *И. П—въ.* На развалинахъ столицы монгольскихъ хановъ (результаты экспедиціи въ верховье р. Орхона доцента Гельсингфорскаго универ. д-ра А. Гейкеля).

Донская Пчела. 80. Браки въ Китаѣ и условія законности браковъ. Сочетанія бракомъ умершихъ.

Донская Рѣчь. 105. Историческая пѣсня о взятіи Стеньки Разина (Русская Старина).—**109.** Историческія пѣсни: 1) о Ермакѣ Тимоѳееви-

чѣ, 2) о вторженіи Карла XII въ Россію и о пораженіи его подъ Полтавой, и 3) о добычѣ казаковъ (Русская Старина).

Донскія Е. В.—17. «Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго». Манычская станица. Около нея земляная насыпь (старинная), курганъ «Княжной», въ которомъ была найдена мѣдная статуйка, и три кургана наз. «Три караула».—**18.** То-же. Станицы Заплавская и Бесергеневская. Находящіеся около нихъ курганы: Кособоковъ, Арчашный, Бузиновъ и много другихъ.—**19.** То-же. Мелеховская станица; около нея курганы: Караульный и Острый и Татарское городище.—Станица Раздоры. **20.** — То-же. Перечень кургановъ и вообще „урочищъ, находящихся подлѣ Раздорской станицы. Обычай служить паннихиду на мѣстѣ стараго городка". Кулачки.—Кочетовская станица. Перечень кургановъ, находящихся подлѣ нея.

Дѣловой Корреспондентъ 160. Засѣданіе Уральскаго Общества любителей естествознанія. Сообщеніе г. Лебедзинскаго о божествѣ остяковъ, обитающихъ въ верховьяхъ Сѣверной Сосьвы.

Екатеринбургскія Еп. В.—5. Откуда ведетъ начало обычай, по которому родители не присутствуютъ при браковѣнчаніи своихъ дѣтей.

Екатеринославскія Г. Вѣд. — 72, 76. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Днѣпровскимъ порогамъ, *Ив. Каргопольцова.* Авторъ замѣтокъ, сообщая нѣкоторыя географическія и историческія данныя, относящіяся къ мѣстностямъ, прилегающимъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, передаетъ и нѣкоторыя преданія мѣстнаго населенія. Такъ, напримѣръ, среди лоцмановъ существуетъ преданіе о томъ, что въ старину всякая лоцманская дѣвушка, прежде чѣмъ выйти замужъ, должна была одна отправиться на ночь на „Сѣдлачь" (Сѣдлецъ—одинъ изъ камней). Объ островѣ Сурскомъ разсказываютъ, что возвращавшіеся съ добычей Запорожцы зарыли тамъ свою ладью со всѣмъ находящимся въ ней добромъ. Въ замѣткѣ есть указанія на составъ, обычаи и занятія населенія. — **80.** Изъ путевыхъ замѣтокъ по Кавказу. *Ив. Акинфіевъ.* (Продолженіе статьи, печатавшейся въ №№ 56, 58 и 63.) Въ главѣ: „Возвращеніе изъ Сванетіи", которая напечатана въ этомъ нумерѣ, находятся преимущественно топографическія данныя.

Енисейскія Еп. В.—12. Село Богучанское Енис. губ. (о тунгусахъ, занятіяхъ ихъ, умствен. и нравствен. развитіи, о религіоз. ихъ воззрѣніяхъ и народной медицинѣ; интересно, между прочимъ, повѣріе богучанца, что „деревян. огонь, добываемый треніемъ, спасаетъ ту мѣстность, гдѣ огонь разложенъ, отъ эпизоотіи*).

*) Ср. *Эд. Тайлора*: „Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи" (пер. Е. Валицкаго), стр. 346 и слѣд.

Иркутскія Губ. Вѣд. 37. Заѣзжій „интеллигентъ" о деревнѣ въ Тупкѣ (по поводу „Очерковъ быта населенія Вос. Сибири" Н. М. Астырева въ іюльской книгѣ „Рус. Мысли").

Иркутскія Еп. Вѣд. 27—33. Миссіонерское дѣло въ Иркут. и Вер-

холен. окр. (о бурятахъ). **34—35.** Отчетъ о состояніи Забайкальской дух. миссіи за 1889 г. (о бурятахъ).

Кавказъ 149. Зобъ въ Сванетіи. Въ статьѣ много интересныхъ фактовъ, касающихся образа жизни въ Сванетіи.—**166.** Сельское хозяйство въ Эриванской губ.—**174.** Духоборы въ Ахалкалакскомъ у. Здѣсь подробно раскрываются домашній бытъ и религіозныя воззрѣнія духоборовъ переселенныхъ въ уѣздъ въ 40 годахъ.—**215.** Курды-Езиды въ Карской области. Переселенные изъ Вана, они занимаются теперь главнымъ образомъ скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ. Ихъ религія — смѣсь христіанскаго, еврейскаго и магометанскаго ученій.

Казанскія Г. В. 96. „Казанская научно-промышленная выставка".—Описаніе отдѣла Антрополого-Археологическаго и всѣхъ выставленныхъ въ немъ предметовъ, и подробноо описаніе археологической карты Казанской губ.

Казанскій Биржевой Листокъ. 190. *М. Констанскій.* Казанская научно-промышленная выставка. Веревочно-канатный промыселъ въ Ирбитскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Данныя о количествѣ посѣва конопли, о числѣ станковъ и кустарей.—**194.** Разныя разности. „Откуда пошло гаремное плѣненіе мусульманскихъ женщинъ. Исторія о потерѣ ожерелья женой Магомета, Айшей.—**197.** Разныя разности. Китайскій судъ. Юридическое положеніе отвѣтчика. Китайскіе законы.—**213.** ⁂ Нужды кустарей Павловскаго района. Свѣдѣнія о кустаряхъ и кустарныхъ промыслахъ въ Павловскомъ районѣ Горбатовскаго у. Нижегородской губ. Промыслы: выдѣлка столовыхъ ножей, перочинныхъ, ножницъ, топоровъ и пр., замочный промыселъ. Распространеніе промысла въ селахъ обратно пропорціонально величинѣ надѣла. Организація промысла и спеціализація. Экономическое положеніе кустарей. Мѣры, необходимыя для поднятія его.—**216.** Преступленія изъ суевѣрія (корресп.) Сообщеніе о вырытіи трупа псаломщика Василія Ѳедорова, въ селѣ Обвалѣ Чембарскаго у. и о зарытіи его въ трясинѣ для предотвращенія засухи, такъ какъ онъ былъ пьяницей.—**223.** Смѣсь. Выкраденный покойникъ. Сообщеніе объ отрытіи трупа опойцы и о погребеніи его въ болотѣ вслѣдствіе всеобщаго убѣжденія, что это прекратитъ засуху и повлечетъ за собою дождь. — **227.** *Н. Л—дъ.* Изъ поѣздки на Сѣверный Уралъ. Общая картина Сѣвернаго Урала. Его коренные обитатели. Въ предгорьѣ Урала. Инородческіе поселки. Промыслы. Кочеванья. Вогулы.—**228.** *Н. Л—дъ.* То-же. Юрты Вогуловъ. Семейный бытъ. Положеніе женщины. Болѣзни. Праздиества. Браки. Религіозный культъ. Лѣсованье. Вѣрованія. Жрецы.—**231.** Смѣсь. Новое открытіе относительно Іерусалима. Новыя данныя для его древнѣйшей исторіи.—**233.** Областная хроника. Яранскій уѣздъ, Вятской губерніи (корресп.). Языческое мольбище Черемиссъ съ жертвоприношеніями, около деревни Куръ-сола. — Екатеринбургъ — корресп. *Лебедзинскаго.* Сообщеніе о божествѣ (идолѣ) остяковъ, видѣнномъ имъ

на берегу рѣки Ленсіи, притока рѣки Сосьвы, на Уралѣ. – **235.** *И—аевъ.* Братчинка въ Лаишевскомъ уѣздѣ. Праздникъ молодежи, совершаемый наканунѣ праздника Козьмы и Даміана. Устройство ея. Пѣсни и игры.— **245.** Письмо изъ Петербурга. Сообщеніе А. А. Исаева о наблюденіяхъ его по кустарной промышленности лѣтомъ 1890 г. въ нижнемъ Тагилѣ, Екатеринбургѣ и Тулѣ. Гигіеническія условія занятія. Задолженность кустарей и имъ зависимость отъ скупщиковъ.

Калужскія Г. В. — **71.** Народныя повѣрья. Фельетонъ по поводу статьи Д. Н. Анучина, напечатанной въ Этнографическомъ Обозрѣніи (I кн. 1889). Авторъ фельетона разсказываетъ о своихъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ с. Осиновыхъ Гаяхъ, Кирсановскаго уѣзда. Изслѣдованіе касается вопроса о домовомъ, о представителѣ нечистой силы—Сатанѣ, его главныхъ помощникахъ—Любостаѣ и Фармазонѣ. Точно также авторъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о представленіи жителей этой мѣстности о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ и насѣкомыхъ, о разныхъ мелкихъ повѣріяхъ и объ обычаѣ, въ силу котораго мать, заспавшая ребенка, отправляется по ночамъ въ церковь, гдѣ продолжаетъ молиться до тѣхъ поръ, пока ей не покажется, что Богородица показываетъ ей ребенка совершенно чистымъ, тогда какъ раньше онъ ей представлялся окровавленнымъ. (Тамб. Г. Вѣд.).—**72.** *С. К—овъ.* Краткіе этнографическіе очерки Тарусскаго уѣзда. Очеркъ этнографическихъ свѣдѣній, собранныхъ по программѣ И. О. Л. Е., А. и Э., авторъ составилъ на основаніи только устныхъ сказаній. Въ 72 нумерѣ помѣщено начало демонологіи Тарусскихъ жителей, именно представленіе Тарусцевъ о домовомъ.—**87.** Продолженіе статьи *С. К—ова.* Демонологія Тарусцевъ: ихъ представленіе о лѣшемъ, водяномъ и русалкахъ. Значеніе колдуновъ.

Киргизская Газета (особое прибавл. къ „Акмол. Обл. Вѣд.). — **36.** Обѣднѣніе киргизовъ (съ санитарной точки зрѣнія). Статья представляетъ нѣсколько выдержекъ изъ очерка Копальскаго уѣзд. врача И. С. Колбасенко: „Киргизы Семирѣченской Области", помѣщенаго въ „Вѣстникѣ Обществ. Гигіены".—**41.** Жизнь и нравы китайцевъ (изъ брошюры Г. Д. „Между Востокомъ и Западомъ"). — Чертова изба (сказка): „Когда люди стали строить себѣ дома, чортъ явился къ Богу за разрѣшеніемъ и себѣ построить избу, такъ какъ и онъ желаетъ жить въ домѣ. Богъ ему сказалъ: „Ступай въ лѣсъ, и тамъ я тебѣ разрѣшаю вырубить всѣ деревья, не прямыя, но и не кривыя, не высокія, но и не низкія, и построить себѣ изъ нихъ домъ по своему желанію". Чортъ отправился на поиски, но нигдѣ не нашелъ подходящихъ деревъ, которыя ему разрѣшено было взять; наконецъ, подъ вечеръ, онъ нашелъ лишь одно дерево, которое ему показалось не прямымъ, но и не кривымъ, не высокимъ но и не низкимъ. Усталый и раздосадованный, онъ явился къ Богу и жаловался ему, что онъ тщетно проходилъ цѣлый день, такъ

какъ нашелъ всего одно дерево, изъ котораго не выстроишь себѣ избы, почему и просилъ Господа указать ему другой способъ. Богъ-же ему отвѣтилъ: „Ты видишь, что для тебя не выросли деревья; поэтому ты не долженъ имѣть на землѣ дома, а скитаться на ней всегда безъ крова, какъ бѣглецъ".

Кормчій.—35. Одинъ изъ нашихъ предразсудковъ (считать худымъ для себя предзнаменованіемъ встрѣчу съ духов. лицомъ, избѣгать ея и отплевываться при ней).—45. Какъ смотрѣть на явленія злыхъ духовъ.

Костромскія Г. В.—39. *I. Д. Преображенскій.* Сообщенія о курганахъ, находящихся на берегу Волги подъ селомъ Минскимъ.

Крымскій Вѣстникъ.—196. Засѣданіе Таврической ученой архивной коммиссіи 5 сентября 1890 г. Сообщеніе о раскопкахъ кургановъ: въ с. Шульговкѣ Мелитопольскаго у., въ имѣніи Нестроева—Золотого кургана, въ имѣніи Талаевой, въ им. Генкеля, въ им. Сочеванова, въ Мангушѣ; о раскопкахъ караимскаго кладбища въ ущельѣ Табана-Дере. — 200. Раскопка кургановъ близъ Симферополя. О раскопкахъ „Золотого" кургана и о раскопкахъ Киммерійскихъ могилъ.—210. Смѣсь. Интересныя раскопки. Сообщеніе о разрытіи Шлиманомъ 10 могилъ IV в. до Р. Хр. и одной VI в. и о найденныхъ тамъ предметахъ.

Литовскія Еп. В.—14. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальныхъ обычаевъ („Подол. Е. В.").—16. Происхожденіе церковнаго обычая начинать пасхальное богослуженіе въ полночь.

Московская Иллюстрированная Газетка.—91. Всякая всячина. Шаманы. О привязанности Айгунскихъ инородцевъ къ своимъ шаманамъ.— 103. Всякая всячина. Новая секта „стригуновъ" въ Уфимскомъ краѣ.— „Новое племя", Веддахи, открытое на о. Цейлонѣ Пауленъ и Сарасеномъ.—132. Дневникъ. Каста нищихъ въ Нанкинѣ, основанная императоромъ Гунгъ-Ву. — 176. Дневникъ. Еще не описанное индѣйское племя. Объ открытіи въ Калифорніи, въ округѣ Колорадо, полковникомъ Гольбердомъ доселѣ неизвѣстнаго индѣйскаго племени.

Московскія Вѣдомости.—243. *Ф. Г.* Корреспонденція изъ Нальчика. Незначительныя свѣдѣнія о жизни кабардинцевъ, ихъ занятіяхъ земледѣліемъ и ихъ домашней обстановкѣ.—246. Въ отдѣлѣ смѣси свѣдѣнія о Китайскомъ судѣ, его характерныя черты—отсутствіе защиты, дарованіе свободы преступнику до дня казни и невозможность для него скрыться; „ямынь"—зданіе суда; приговоры; „летучій судъ".—250. *И. Мауринъ.* — „Шанхай". Дѣленіе города на три квартала: Американскій Англійскій и Китайскій,, и жизнь въ каждомъ изъ нихъ.—251. *Ф. Г.* Корреспонденція изъ долины Ріона. Нѣсколько словъ объ осетинахъ и имеретинцахъ, ихъ жилищахъ и занятіяхъ земледѣліемъ. — 252. Въ отдѣлѣ смѣси приведенъ примѣръ суевѣрія негровъ. — 265. *Гульбатъ* (псевд.) „Дождь"—грузинская легенда. Въ ней изображена любовь Тамары къ сыну греческаго вельможи и воспитаннику ея отца — Плинію.

Отецъ не даетъ согласія на ихъ бракъ, такъ какъ уже раньше помолвилъ дочь за другаго. Тамара открываетъ свое горе одному старцу отшельнику; онъ началъ молиться, и Тамара, чудомъ была превращена въ лилію, спутники Тамары, видя ея исчезновеніе и не вѣря въ чудо, обыскали весь монастырь и, не найдя Тамары, убили старца и подожгли его обитель. Плиній, найдя на мѣстѣ монастыря только поле угля и пеплу, посреди котораго росла бѣлая лилія, сталъ горько плакать, и, когда слезы его капали на окружающіе камни, лепестки лиліи желтѣли отъ ревности, когда же онѣ падали на лилію, то краснѣли отъ счастья. Плинія же, послѣ пламенной молитвы, Богъ обратилъ въ дождь. Въ прежнее время существовалъ обычай, въ случаѣ засухи, набирать корзины лилій растущихъ вокругъ оставленной церкви, и разбрасывать ихъ по полямъ и садамъ, при этомъ дѣвушки пѣли пѣснь-молитву Тамары, кончающуюся призываніемъ Плинія, который всегда является въ видѣ дождя. Авторъ слышалъ о способности этихъ лилій то желтѣть, то краснѣть, изъ чего дѣвушки устроили нѣчто въ родѣ гаданья съ цѣлью узнать чувства суженаго.—**268.** *В. Желиховская.* „Древнее племя Майя".—Корреспонденція изъ Лондона. Приводятся разсказы путешественниковъ по Центральной Америкѣ Ле-Плонжъ объ исчезнувшемъ племени Майя, ихъ постройкахъ, образованности, домашней утвари. Въ концѣ статьи говорится о существующемъ будто-бы и понынѣ племени Карибовъ-чертопоклонниковъ, ихъ языкѣ, нравахъ, вѣрованіяхъ и жертвоприношеніяхъ.—**277.** *К. Случевскій.* „Долина Виледи".—Корреспонденція изъ Вологодской губерніи. Нѣсколько словъ о жителяхъ этой долины, женскіе костюмы, гробницы. Воспоминаніе о чуди: чудскія кладбища, городокъ, „чудское дворище". „Погибельницы" — ямы, сидя въ которыхъ, чудь отбивалась отъ славянъ, и гдѣ гибла послѣ неудачной обороны.—**279.** Въ отдѣлѣ смѣси описаніе обычая выбора невѣстъ Китайскому богдыхану.—**284.** *К. Случевскаго*—Корреспонденція изъ с. Ильино-Подомское, Вологод. губ. Льноводство. Костюмъ крестьянъ по берегу Виледиселянскаго общества, (поверхъ одежды, поверхъ тулуповъ зимой крестьяне надѣваютъ бѣлыя полотняныя „верховицы", а на головахъ носятъ бѣлые колпаки). Охота на зайца, рябчика и бѣлку. Игнорированіе гигіены „врачей".—**289.** *Его-же*—Корреспонденція изъ Сольвычегодскаго уѣзда. (Особенность сѣверныхъ рѣкъ. Невѣрность оффиціальныхъ географическихъ картъ. Дороги).—**294.** Некрологъ М. Веске.—**295.** *И. К. Голубевъ.* Корреспонденція изъ Березова. Свѣдѣнія объ Остякахъ, происхожденіе названія этого племени; татарское вліяніе, жилища, наружность, пища Остяковъ; свадьбы и погребеніе; простота нравовъ и добродушіе.—**301.** *Его-же*—Корреспонденція изъ с. Черевкова (Волог. г.). Описаніе пути и нѣкоторыя свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ. Мѣстныя орудія: горбуша, сарапулька. (Сарапулька—широкая деревянная, длиной въ 4 вершка, гребенка, концы которой приподняты и образуютъ нѣчто въ родѣ черпака, имѣющаго рукоять; разстояніе между зубцами гребенки въ величину крупной ягоды.

Такъ какъ ягодъ въ лѣсахъ тутъ видимо-невидимо, то стòитъ только, наклонившись, провести этимъ черпакомъ по ягоднымъ кустамъ, и вы, съ однимъ взмахомъ руки, получаете цѣлую кучу ягодъ и притомъ самыхъ лучшихъ и чистыхъ, потому что тѣ чтò не дозрѣли, равно какъ и листья кустарниковъ сидятъ на своихъ стержнекахъ гораздо крѣпче спѣлой, крупной ягоды и въ сарапульку не попадаютъ. Подобнымъ способомъ, безо всякаго труда, въ полчаса времени, возможно набрать цѣлый четверикъ ягоды, и чтò же? Одна волость, одно селеніе пользуется сарапулькой, другая знаетъ ее, видѣла, и предпочитаетъ собирать ягоду попрежнему— руками.—**313**. Въ отдѣлѣ „Внутреннія извѣстія". Описаніе этнографической выставки Средней Африки въ Варшавѣ; интересны предметы, дающіе представленіе о жизни негритянскихъ племенъ, обитающихъ на западномъ берегу Африки.—**315**. Въ отдѣлѣ „Петербургскія вѣсти", краткое содержаніе сообщенія Ѳ. М. Истомина о Печерскомъ краѣ, сдѣланнаго имъ въ Географическомъ обществѣ.—**318**. Въ отдѣлѣ смѣси замѣтка „Китайская письменность", излагающая исторію этой письменности и указывающая на ея разнообразіе въ настоящее время. — Въ отдѣлѣ „Театральныя и музыкальныя извѣстія" замѣтка о статьѣ Ю. Н. Мельгунова о русской народной музыкѣ (Этнографическое Обозрѣніе № 3, за 1890 г.).—**321**. Въ отдѣлѣ смѣси замѣтка о Китайской печати, собраніе народныхъ пѣсенъ въ сборники. — **322**. *N. W.* Библіографическая замѣтка о историко-этнографическомъ очеркѣ К. К. Абазы: „Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы".

Примѣчаніе. Обзоръ остальныхъ газетъ, за недостаткомъ мѣста, отложенъ до слѣдующей книжки. *Ред.*

---

4. НОВЫЕ ТРУДЫ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЛАТЫШСКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Интересъ, вызванный среди образованныхъ латышей къ родной поэтической и бытовой старинѣ трудами И. Спрогиса и Ф. Трейланда, въ настоящее время оживляется снова новыми програмами и воззваніями, издаваемыми мѣстными обществами: 1) Научной Коммиссіею Рижскаго Латышскаго Общества (Rigas Latveešu Zinibas Komisija [1]), 2) научнымъ отдѣломъ Митавскаго Латышскаго Общества (Jelgawos Latweešu Beedribas Rakstneecibas nodal'a [2]) и 3) Латышскимъ литературнымъ Обществомъ [3]) (Lettisch-Literärische Gesellschaft), состоящимъ нынѣ уже 25 лѣтъ

---

[1]) Циркулярное приглашеніе къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ, разосланное въ мартѣ мѣсяцѣ 1888 года.

[2]) См. латышскую газету „Austrums", № 7, за 1890 годъ, стр. 907—909.

[3]) Общество издало особую програму по миѳологіи латышскаго народа, обнародованную въ мѣстныхъ латышскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Срв. мою статью объ изученіи латышской миѳологіи въ Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. Общ. Томъ XXI.

подъ предсѣдательствомъ А. Биленштейна д-ра филологіи и пастора въ Добленѣ, въ Курляндіи (срв. Düna-zeitung за 1890 г., № 276).

Въ латышской и нѣмецкой литературѣ за послѣдніе годы (1888—1890) вышло нѣсколько новыхъ сочиненій и статей, заслуживающихъ вполнѣ вниманія любителей инородческой этнографіи Россіи. На латышскомъ языкѣ изданы были слѣдующія книги и статьи, во-первыхъ, сборники пѣсенъ и вообще народнаго творчества:

1) *М. Аронъ. Наши народныя пѣсни* (Mūsu tautas dzeesmas). Митава. 1888. 8°. XIII+351 стр.

2) *Латышскія народныя пѣсни* (Latveešu tautas dzeesmas) въ 5 выпускѣ Сборника, издаваемаго Рижской Научной Коммиссіею. Рига. 1889. 8°. 113+VII. стр.

Первый изъ этихъ сборниковъ, составленный г. Арономъ, не претендуетъ ни на научную полноту, ни на новость сообщаемыхъ пѣсенъ и примѣчаній къ нему, такъ какъ книга написана къ извѣстному случаю, именно къ 3-му пѣвческому празднеству въ Ригѣ [1]). Объемистые сборники Трейланда и Спрогиса не распространялись такъ далеко въ народѣ, какъ въ 1845 году сборникъ пѣсенъ Битнера, изданный въ 8 томѣ „Магазина“ Латышскаго Литературнаго Общества. (Magazin, herausg. von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft). Книга Арона могла служить удобнымъ сборникомъ текстовъ къ народнымъ мелодіямъ, извѣстнымъ деревенскимъ пѣвицамъ и пѣвцамъ, тѣмъ болѣе, что она печатана по старой ороографіи и нѣмецкими буквами, какъ молитвенники. Нужно сожалѣть, что г. Арономъ не обращено никакого вниманія на пѣсни латышей инфлянтскихъ уѣздовъ, Витебской губерніи, извѣстныя хотя-бы изъ сборничка г. барона Мантейфеля въ 14 томѣ упомянутаго выше „Магазина“ (1879, стр. 162—206). Порядокъ размѣщенія пѣсенъ у Арона слѣдующій:

1. О пѣніи. 2. Сиротка. 3. Отецъ и мать. 4. Отечество (Tēwu zeme). 5. Чужане—женихи (Tautu dēli): a) о конѣ; b-c) о женихахъ. 6. О невѣстахъ (tautu meitas): a) о вѣнкѣ; b) о покрывалѣ (wilnainite); c) о приданомъ, d) о цвѣтахъ; e) о приданомъ скотѣ; f-g) о невѣстахъ. 7. Свекровь и мать. 8. Милочка (лигавина) и женихъ-молодоженый (tauteetis). 9. Вдовецъ и вдова. 10. Холопъ и холопка (kalps un kalpone). 11. Господа. 12. Назидательныя пѣсни. 13. Братецъ и сестрица. 14. Пѣсни о братѣ. 15. Пѣсни о сестрѣ. 16. Людскіе пересуды. 17. Злыдень и слезы (L'auna deena, asavas). 18. Дѣтскія пѣсни. 19. Крестинныя пѣсни. 20. Похоронныя пѣсни. 21. Пѣсни рабочихъ: a) когда мелютъ; b) когда молотятъ; c) при полевыхъ работахъ; d) при сѣнокосѣ; e) общія. 22. Пѣсни о пахарѣ. 23. О пчеловодствѣ. 24. Пѣсни, примѣненныя къ раз-

---

[1]) Срв. Описаніе этого празднества, составленное латышскимъ лекторомъ въ Дерптѣ Г. И. Лаутенбахомъ „Latweešu trešee wispārīgee dzeedāšanas swētki Rigā no 18 lidz 21 junijam 1888 g. Rigā 1888.

нымъ праздникамъ года. 25. Ивановскія пѣсни. 26. О растеніяхъ: a) дубъ и липа; b) другія деревья, жито, цвѣты и т. д. 27. О животныхъ. 28. Море. 29. Двина. 30. Рига. 31. О божествахъ: a) Богъ; b) Лайма; c) Пѐрконсъ; d) Солнце (Saule); e) Божьи сыновья и солнечныя дѣвы; f) мѣсяцъ; g) мать вѣтровъ; h) мать путей и дорогъ. 32. Воинскія пѣсни. 33. Сатирическія пѣсни. 34. Гулевыя пѣсни (dzīru dzeesmas). 35. Разныя (šis un tas).

Второй сборникъ народныхъ пѣсенъ обнародованъ въ Запискахъ Латышскаго Общества въ Ригѣ, въ 1889 году, и составляетъ особый 5-ый выпускъ этого изданія. Изъ краткаго предисловія, написаннаго извѣстнымъ издателемъ и редакторомъ газеты Balss (Голосъ) А. Веберомъ, предсѣдателемъ научной коммиссіи, видно, что кромѣ отпечатанныхъ въ этой книгѣ 1377 народныхъ латышскихъ пѣсенъ (большею частію четверостишій) въ архивѣ общества сохраняется еще болѣе 26,000 пѣсенъ. Въ настоящемъ сборникѣ помѣщены пѣсни записанныя: 1) Въ Лубанской волости М. Цельминемъ; 2) въ окрестностяхъ Крейцбурга, Унгермуйжи и Штокмансгофа г. Яномъ Штейнбергомъ; 3) въ окрестностяхъ Фридрихштадта (Jaun-jelgava) и Таурнкалня г. Я. Граудинемъ и 4) въ окрестностяхъ Мезотена г. Я. Свильпе.

Пѣсни въ новомъ сборникѣ помѣщены въ томъ порядкѣ, котораго держится И. Я. Спрогисъ въ книгѣ: «Памятники латышскаго народнаго творчества» (Вильно 1868), относящейся къ *Кокнесе*, родинѣ Спрогиса, на границѣ трехъ губерній Лифляндской, Курляндской и Витебской. Безъ сомнѣнія, новые тексты, записанные приблизительно въ той-же мѣстности, какъ и пѣсни Спрогиса, редакторомъ новаго сборника должны-бы быть сравниваемы съ его сборникомъ, чтобы выяснить: 1) на какомъ діалектѣ эти пѣсни нынѣ еще распѣваются, 2) вѣрно-ли вообще изображается Кокенгузенскій говоръ въ сборникѣ 1868 года, 3) какъ отличается латышская рѣчь въ Унгермуйжѣ, Штокмансгофѣ и Крейцбургѣ отъ Кокенгузенскаго говора и отъ языка латышей-католиковъ въ такъ называемыхъ инфлянтскихъ уѣздахъ Витебской губерніи—Динабургскомъ, Рѣжицкомъ и Люценскомъ. Равнымъ образомъ тексты, записанные въ Курляндіи и т. д., должны бы быть сравниваемы съ другими изданіями латышскихъ народныхъ пѣсенъ—Трейланда (родомъ изъ Циравы, въ Курляндіи) 1873 года и особенно съ сборникомъ Митавскаго Латышскаго Литературнаго Общества 1874—1875 гг. Держась порядка распредѣленія пѣсенъ, принятаго г. Спрогисомъ, издатель новаго сборника не потрудился даже указать читателямъ имѣются-ли у него пѣсни на *всѣ* *) подраздѣленія, встрѣчаемыя у Спрогиса, и отвѣтить намъ на вопросы: a) что должно считаться пѣсеннымъ ва-

*) Многихъ подраздѣленій Спрогиса, именно, въ новомъ сборникѣ нѣтъ, отчего и указатель необходимъ.

ріантомъ, b) какъ относятся длинные пѣсни-романсы у латышей къ коротенькимъ четверостишіямъ.

На многіе недостатки новаго сборника указано уже г. Ss. въ статьѣ газеты Deenas Lapa, за 1889 годъ, въ №№ 136 и 137. Объ отношеніяхъ длинныхъ пѣсенъ (зингесъ) къ короткимъ пѣснямъ (дзіесмасъ) писали въ 1835 г. Н. Катерфельдтъ въ V томѣ Магазина Латышск. Литер. Общества въ Митавѣ и А. Бецценбергеръ въ «Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte und Renaissance-Literatur». Neue Folge. Bd. I, стр. 277—278. Короткія пѣсенки — четверостишія представляютъ изъ себя во многихъ случаяхъ передѣлки и сокращенія изъ длинныхъ пѣсенъ, напоминающихъ часто по содержанію и поэтическимъ символамъ и оборотамъ литовскую дайну (l. c. стр. 278). Генетически-историческій принципъ распредѣленія латышскихъ пѣсенъ долженъ быть основанъ на болѣе древнихъ длинныхъ зингесъ, имѣющихъ свои строго опредѣленныя мелодіи, изданіе коихъ для настоящаго времени и было-бы гораздо желательнѣе, чѣмъ повтореніе изданія текстовъ болѣе или менѣе уже раньше извѣстныхъ.

3) *Игры для дома и школы, собранныя В. Самомъ и К. Тарзеромъ.* (Rotalas mājai un skōlai krājuši W. Sams un K. Tarzeers). Вольмаръ, 1890. 8°. 32 стр.—Къ оригинальнымъ латышскимъ играмъ и хороводамъ относится только отдѣленіе А. №№ 1—27, на стр. 6—15. Изъ латышскихъ оригинальныхъ «роталъ» № 6—„рѣдьку копать“ встрѣчается у Литовцевъ подъ названіемъ „рѣпу копать“, у русскихъ игра „рѣдька“ описана у Сахарова. II, стр. 59 — 60. (Срв. мои матеріалы по этнографіи латышей Витебской губерніи, стр. 121—122). № 16 „цыплятъ ловить“— литовск. „лауминѣть“. № 21 «играть въ кружки», по-латышски riput, описано уже Трейландомъ. Сборникъ матер. II, 1887, стр. 25. Во всякомъ сулчаѣ эта брошюрка г. Тарзера и Сама (извѣстныхъ уже читателямъ изъ сборника латышскихъ сказокъ и легендъ г. Ѳ. Трейланда), можетъ служить матеріаломъ для изслѣдованій объ играхъ латышей и литовцевъ.

4) Малоизвѣстная сказочная литература Латышей обогатилась новымъ трудомъ *П. Берзиня*, который издалъ первый выпускъ своего сборника подъ заглавіемъ «Latweešu teikas iz Maleenas», въ Ригѣ, въ 1888 г. 31 стр. in 8°. Сборничекъ этотъ состоитъ изъ 17 сказокъ, представляющихъ изъ себя любопытные варіанты къ болѣе или менѣе полнымъ пересказамъ Трейландовскаго сборника. Такъ напр., на стр. 28—29 помѣщены два разсказа о Перконѣ и вельнѣ (чортѣ): а) Разъ дѣвушка шла въ лѣсъ ягоды собирать. На возвратномъ пути поднялся сильный громъ (перконсъ). На дорогѣ она увидѣла маленькую черную птицу, которая, боязно трепеща, пищала. Наконецъ птичка вѫлетѣла дѣвушкѣ на плечо. Дѣвушка изъ жалости положила птичку себѣ подъ пазуху. Сразу сталъ громъ гремѣть и молнія сверкать, такъ что дѣвушка не могла идти ни назадъ, ни впередъ. Дѣвицѣ стало страшно, и она вскричала: Боже, спаси! Только что она произнесла эти слова, какъ изъ-подъ пазухи у нея вывалился черный

клубокъ. Молнія крестообразно ударила въ эту минуту въ клубокъ, и клубокъ исчезъ. Очнувшись отъ страшнаго испуга, дѣвушка пошла дальше, сунула руку за пазуху, но черной птички уже не было. Дома разсказала, что пережила. Мать только ей говорила: это былъ самъ недобрый, котораго перконсъ убилъ — b) Въ мызѣ С. жилъ сердитый и корыстолюбивый баринъ. Хотя у него уже было много добра, много мызъ и людей, но все же его корыстолюбію не было границъ. Около полуночи, когда всѣ спали, онъ вышелъ на перекрестокъ и три раза посвисталъ. Сейчасъ чортъ былъ на мѣстѣ и спросилъ: что прикажешь, другъ?—Денегъ, отвѣчалъ баринъ.

— Отдашь душу, и получишь денегъ, имущества и всего, чего ты только желаешь.—Дамъ за себя десять душъ, только дай денегъ.—Вспомни, что обѣщалъ, сказалъ чортъ и ушелъ. Баринъ, возвратившись домой, нашелъ комнату полною золотыхъ денегъ. Въ стойлѣ стояло шесть вороныхъ коней. Обрадованный баринъ поѣхалъ въ Ригу. Рижскіе господа удивляются, откуда у него такъ много денегъ, но еще болѣе его конямъ, равныхъ коимъ ни у кого нѣтъ. Ѣдетъ баринъ домой. На дорогѣ встрѣчается онъ съ нищимъ, который проситъ его подвезти съ собою. Но баринъ кричитъ: дай дорогу! такой оборванецъ не смѣетъ сидѣть въ моей каретѣ. Нищій подошелъ къ нему и сказалъ: ты меня ужò попомнишь! Баринъ засмѣялся и поѣхалъ дальше. Подъ вечеръ на небѣ появилась черная туча (melna tūce). Загремѣлъ громъ (перконсъ). Барину стало страшно, и онъ гналъ коней, что только было силы. Вдругъ онъ увидѣлъ, что по дорогѣ бѣжитъ маленькій черный козленокъ; прибѣжалъ къ каретѣ и блеетъ. Баринъ думаетъ: будетъ хорошее жаркое, и взялъ его къ себѣ въ карету, Слуга Янъ испугался, ибо онъ зналъ, что баринъ взялъ къ себѣ въ карету самого недобраго (nelabo), который превратился въ козленка, чтобы скрыться отъ перкона. Хочется ему сказать барину, что онъ самого чорта въ карету взялъ; но въ это мгновеніе по всему небу распростерлась черная туча, сверкнула молнія, и перконъ такъ громко загремѣлъ, что Янъ со страху обомлѣлъ. Когда Янъ очнулся, уже не было ни барина, ни козленка, а на мѣстѣ кареты и шестерни—шесть кучъ моху. Въ то-же самое время подошелъ и нищенка и говоритъ: видишь, такъ случается съ тѣми, которые съ чортомъ въ сдѣлку вступаютъ!

Другія сказки озаглавлены такимъ образомъ: I. Бездна *Сомовъ*. Сомы или Сами - это злые духи воды, которые живутъ въ озерахъ и бездонныхъ болотахъ, на половину рыбы, на половину змѣи, съ человѣчьей головой. Срв. ливское слово sōm̄al (samal), множ. ч. означающее мохъ, эстск. sammal. II. О кормленіи земляныхъ божковъ (zemes deewiñi). III. О королѣ змѣй. IV. Ключъ головного черепа. V. Божье кольцо. Въ древности, въ Розгавскомъ бору, жилъ сильный богатырь, который уже много разъ тягался съ пукисами (хлѣбными драконами) и болотными чертями и ихъ переборолъ. Онъ зазнался и часто хвастался, что онъ сможетъ перебороть самого Бога (deewu). Разъ поздно вечеромъ въ жилище силача во-

шелъ старенькій человѣчекъ, сильно согнутый, и просился переночевать. Силачъ ему позволилъ это. Но когда старичокъ свою ободраную одежду снялъ, силачъ увидѣлъ на его пальцѣ кольцо, которое такъ чудесно блестѣло, какъ солнечные лучи. Силачу хотѣлось завладѣть этимъ кольцомъ. Когда старичокъ заснулъ, онъ его убилъ, кольцо снялъ и тѣло мертвое унесъ въ Мелупе (т. е. черную рѣчку) и бросилъ его въ Чубинѣкскій омутъ. Надѣвши кольцо на палецъ, силачъ хотѣлъ уйти. Но вдругъ въ деревьяхъ стала буря выть. Перконъ такъ сильно сталъ гремѣть и метать молніи, что силачъ со страху остановился. Ужаснымъ голосомъ закричали на него: «Несчастный, что ты сдѣлалъ!“ Силачъ взглянулъ на кольцо и съ испугомъ увидѣлъ, что изъ него выростаетъ громадная мѣдная цѣпь. Пытался силачъ со всею силою стряхнуть съ себя цѣпи и убѣжать, но не могъ. Мѣдныя путы обвивали его все тѣснѣе. Невидимые духи увлекли его въ омутъ, и тамъ на днѣ приковали силача къ камню. Убитый старикъ показался и говорилъ: «изъ-за перстня ты меня убилъ, оставайся за это на вѣки сторожить этотъ перстень до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь встрѣтится, кто у тебя его отниметъ». Такъ силачъ много вѣковъ уже лежитъ въ омутѣ и ожидаетъ освобожденія. Черезъ сто лѣтъ одинъ разъ онъ выходитъ изъ бездны и показывается людямъ. Но до сихъ поръ еще никто такой не нашелся, кто бы перенялъ у него кольцо. Послѣдній разъ силача видѣла дѣвушка, которая на берегу рѣки пасла коровъ. Въ омутѣ вдругъ стала колыхаться вода, и изъ нея вышелъ большой, большой человѣкъ, въ блестящей одеждѣ, съ мѣдною цѣпью вокругъ шеи. Онъ жалостно умолялъ дѣвушку, протягивая къ ней руки и поднося перстень, но она со страху занемогла и только услышала, что цѣпь зазвенѣла и вода всплеснула. Но когда она посмотрѣла въ ту сторону, она уже никого больше не увидала. На томъ мѣстѣ, гдѣ силачъ прицѣпленъ, вода вертится безпрестанно и увлекаетъ каждаго въ бездну, кто только приближается. Окрестные жители, коимъ это сказаніе хорошо извѣстно, въ омутѣ этомъ никогда не моются и дѣтямъ строго запрещено близко подходить. VI. О богатырѣ Лингрунѣ (wirsaitis Lingrunis). VII. Божьи гусли. (Deewa kokle). VIII. Вѣковая сосна въ Антахъ (Ontu mūža preede). IX. О волкодлакахъ. [Kà wilkac'i (wilkatas) cēlušees]. X. О медвѣдѣ. Варіантъ къ извѣстному разсказу о происхожденіи медвѣдя, приведенному въ моей статьѣ о литовскихъ легендахъ (Этн. Об. VI, 143). XI. О превращеніи хозяина въ волкодлака. XII. Отчего Алуксне названа была Марьинымъ зàмкомъ Marienburg (Marijaspili). XIII. Чортовы камни. Желѣзные люди стали строить Алуксненскій замокъ, но недоставало у нихъ камней. Они заключили договоръ съ чортомъ, которому за то нужно было отдать половину зàмка. Тогда дьяволъ и началъ носить камни за море въ Алуксне и работалъ до пота, такъ что въ камняхъ никогда недостатка не было. Разъ чортъ, перебравшись черезъ море съ большой ношею камней, на дорогѣ встрѣтилъ свою невѣсту «смерть» (nāwi, вин. пад. отъ nāwe)

сталъ съ ней бесѣдовать и не замѣтилъ, что въ бесѣдѣ прошла уже почти вся ночь. Въ тотъ самый моментъ, когда «nāwe» чорту (вельну) помогала камни подымать къ себѣ на плечи, въ ближнемъ домѣ запѣлъ пѣтухъ. Чортъ не могъ удержать ихъ, и такъ его ноша, т. е. камни, разсыпались по землѣ, гдѣ они еще нынче видны въ деревнѣ Луры. Чортъ, увидѣвъ, что онъ свое дѣло проигралъ, больше въ Алуксне не показался. Также и «нāве», т. е. смерть, опоздавшая до пѣтуховъ въ могильный холмъ попасть, осталась сидѣть и плакать на разсыпанныхъ камняхъ, на которыхъ старые люди около полудня ее часто видѣли собственными глазами. XIV. Разсказъ, записанный Берзинемъ, о пуакисахъ (см. Сборникъ Трейланда, стр. 99—104), представляетъ варіантъ къ 3-ей были, записанной И. Спрогисомъ. У Берзиня пукисъ добывается хозяиномъ Габраномъ отъ чорта въ видѣ чорной птицы. Хлѣба и всего добра у него много, только Габранъ не соблюдаетъ условій, и отъ произнесенія имени Бога пропадаетъ пукисъ. Въ разсказѣ Спрогиса пукисъ просто убѣжалъ и исчезъ. Въ Алуксненскомъ варіантѣ онъ улетаетъ на крышу, и домъ зажигается. Сосѣди прибѣгаютъ тушить пожаръ, но чѣмъ болѣе они льютъ, тѣмъ сильнѣе горитъ. Сгорѣлъ не только домъ, но и все имущество, собранное пукисомъ въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, которыя онъ пробылъ у Габрана, и Габранъ сталъ опять нищимъ. XV О Перкунѣ и вельнѣ, см. выше. XVI. О бѣломъ царѣ (par baltokēninu). XVII. О двухъ братьяхъ; сказка эта записана съ соблюденіемъ звуковыхъ особенностей мѣстнаго говора «Малавитовъ».

5) Извѣстнымъ изслѣдователемъ латышской и литовской діалектологіи *проф. А. Беценбергеромъ* въ Кенигсбергѣ издана была книга подъ заглавіемъ: «Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner» [1]), посвященная одной весьма немногочисленной вѣтви латышскаго племени, такъ называемымъ прусскимъ латышамъ или Курсинѣк'амъ. Латыши Курляндскаго «Нерунга» сами себя называютъ не иначе, какъ Курсенѣки или Курсинѣки, Kuren, Leute aus dem Kurenlande, т. е. люди, пришедшіе изъ Корской земли, изъ Курляндіи. Переселенія происходили не только въ 15 и 16 вѣкахъ, но также и раньше, какъ это подробнѣе изложено авторомъ на стр. 116—117 (276—277) его трактата. Еще раньше, въ 1888 году, имъ же изданы были спеціальные этюды [1])о языкѣ этихъ прусскихъ латышей, заключающіе въ себѣ не только сводъ всѣхъ прежнихъ изслѣдованій этого діалекта, но и разработку новаго діалектологическаго матеріала, собраннаго Беценбергеромъ на мѣстѣ во время неоднократныхъ поѣздокъ его въ Нидденъ, Прейль, Шварцортъ, Пиллкоппенъ и Саркову и т. д.—въ восточной Пруссіи, и въ Обербартовѣ, Нидербартовѣ, Руцавѣ и Преекульнѣ—въ Курляндіи. Въ этихъ и другихъ мѣстностяхъ Мемельскаго

[1]) Stuttgart. 1889, въ „Forschungen zur deutschen Landes-und Volkskunde", изд. А. Кирхгофомъ, томъ III, вып. 4.

округа рыбаки-латыши говорятъ по-латышски, по курляндски (срв. стр. 103 и слѣд.) только въ домашнемъ быту; въ школѣ употребляется нѣмецкій, въ церкви литовскій языкъ. Бецценбергеръ не ограничился одними діалектологическими наблюденіями, но исчерпалъ свой предметъ и въ историко-этнографическомъ. географическомъ, археологическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Трудъ его можетъ служить образцомъ спеціальнаго сборника описаній инородцевъ Россіи (см. Отчетъ Имп. Р. Географическаго Общества за 1887 годъ, стр. 47: „желательно составленіе такой книги, которая могла-бы представить собой собраніе свѣдѣній о всѣхъ населяющихъ Россію инородцахъ, съ приложеніемъ къ ней рисунковъ и этнографической карты)". Не входя въ подробности содержанія книги Бецценбергера, заслуживающей передачи на русскій языкъ, конечно въ извлеченіи и извѣстной обработкѣ, мы укажемъ на резюме его изслѣдованій по исторіи населенія Нерунга на стр. 116—118 и на его любопытные выводы, сдѣланные на основаніи словъ, заимствованныхъ латышами изъ русскаго и изъ финно-ливскаго (срв. сказанное имъ на страницѣ 107-й о словѣ dabūt русск. „добыть" и друг.). Въ языкѣ латышей курляндскаго Нерунга встрѣчаются нѣкоторые ливизмы, которые указываютъ на то, что латыши переселились сюда уже послѣ того, какъ мирное сліяніе ливскаго и латышскаго элементовъ на родинѣ ихъ, въ Курляндіи, было окончено. Но при этомъ нужно принять въ соображеніе, что латыши, переселившіеся въ Пруссію, тогда еще не подверглись русскому вліянію, на что указываетъ отсутствіе слова dabūt въ словарѣ прусскихъ латышей. Изъ ливизмовъ, указаныхъ Бецценбергеромъ, не всѣ одинаково распространены въ языкѣ русскихъ латышей. Слова: *laulát* бракосочетать, *núja* палка, *puiks* молодецъ, парень, встрѣчаются также у латышей инфлянтскихъ Витебской губерніи, у которыхъ *saksinis*—юго-западный вѣтеръ и *sâminis*—сѣверо-западный вѣтеръ неизвѣстны. На страницѣ 116-й Бецценбергеръ рисуетъ исторію населенія курляндскаго (Корскаго, т. е. Kurische) Нерунга слѣдующимъ образомъ: «Подъ конецъ каменнаго вѣка и вѣроятно также во время литовскихъ войнъ число населенія этихъ мѣстностей значительно уменьшилось. Только на югѣ оно сохранилось въ значительномъ числѣ по разнымъ причинамъ. Въ болѣе позднее мирное время Нерунгъ сталъ обращать на себя вниманіе сосѣдей латышей, оттого что они особое пристрастіе имѣли къ рыболовству Вообще латыши въ рыболовствѣ болѣе были развиты, чѣмъ литовцы и Замляндцы. Даже и теперь еще литовцы-рыбаки отъ Мемеля до Нимерзата употребляютъ латышскую рѣчь, которая служитъ въ восточной Пруссіи, такъ сказать, рыбацкимъ языкомъ» (см. подробнѣе l. c. стр. 117).

Изъ сообщеннаго мною здѣсь видно, что новѣйшій трудъ Бецценбер-

---

[1]) Помѣщенные подъ заглавіемъ, „Ueber die Sprache der preussischen Letten" въ Магазинѣ Латышскаго Литературнаго Общества, въ томѣ 17, и какъ отдѣльное сочиненіе, вышедшее въ Гёттингенѣ въ 1888 году.

гера о латышахъ Нруссіи, не только образцовая монографія о Курляндскомъ Нерунгѣ, но заключаетъ въ себѣ попытку къ разрѣшенію нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ этнологическихъ вопросовъ, напр., о происхожденіи древней Корси и времени сліянія ливскаго племени съ латышскимъ въ Курляндіи и т. п. Слишкомъ мало затронуты авторомъ отношенія латышскаго племени къ прусскому, почти совсѣмъ не обращено на антропологическіе вопросы (оттого, молъ, что они мѣшанцы, с.р. 119). Мало слишкомъ сообщается (стр. 120 и слѣд.) о бытѣ, обычаяхъ и повѣріяхъ Куровъ-латышей, которые вообще, по его словамъ, одинаково вмѣстѣ съ литовцами сходятся съ нѣмецкими и славянскими жителями Восточной Пруссіи. Но, сообщая свои выводы, авторъ слишкомъ мало приводитъ этнографическаго матеріала для изученія семейнаго быта, бытовой обрядности и юридическихъ обычаевъ. Наконецъ, Бецценбергеръ, какъ и въ прежнихъ своихъ трудахъ, не позаботился снабдить свой трудъ необходимыми указателями предметовъ, мѣстностей и названій лицъ, что значительно облегчило-бы пользованіе этой монографіею. Составленіе русскаго свода и извлеченія содѣйствовало бы болѣе широкому распространенію этого ученаго трактата о любопытной отрасли латышскаго племени, извѣстной русскому читателю уже со времени появленія Сравнительнаго Словаря Императрицы Екатерины.

Э. Вольтеръ.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ БИБЛІОГРАФІИ.

УКАЗАТЕЛЬ

этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ изданіяхъ овъ ихъ основанія.

Сост. *А. А. Ивановскій.*

(Продолженіе).

Сибирскій Вѣстникъ *).

1818 г. *I.* Картина Сибири: сравненіе пріобрѣтенія Сибири съ Новымъ Свѣтомъ; походъ Ермака для покоренія оной; воинскія хитрости Ермака; участь его и сподвижниковъ; достопамятности Ермакова на Сибирь похода.—Путешествіе на Тигирецкіе бѣлки или горы, вѣчнымъ снѣгомъ покрытыя.—О древнихъ Сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ: обозрѣніе оныхъ и сравненіе съ от-

---

*) Съ 1818 г. по 1824 г. „Сибирскій Вѣстникъ“ издавался Григоріемъ Спасскимъ въ С.-Петербургѣ (тип. Іос. Іоаннесова); съ 3-го сентября 1864 г. по 15 октября 1868 г. Б. А. Милютинымъ въ Иркутскѣ; съ 1885 г. до настоящаго времени—В. П. Картамышевымъ въ Томскѣ.

крытыми въ Новомъ Свѣтѣ; заключеніе о начертаніяхъ и надписяхъ. — Изображеніе обитателей Сибири: народы, кочующіе въ верху рѣки Енисея (Койбалы, Моторы, Арины, Камасинцы, Качинцы, Сагайцы, Белтиры, Бирюсы и Каргинцы); отличительныя черты каждаго народа; сравненіе ихъ вида и нарѣчій; мѣстопребываніе ихъ; причина кочевой жизни; вѣра; торжественный годовой праздникъ; шаманы; нравы кочующихъ и удовольствія ихъ; пѣсни, сказка и музыка; пляска; борьба; супружество, обряды онаго; родины; хозяйство, скотоводство, землепашество. *II*. Путешествіе въ Китай сибирскаго козака Ивана Петлина въ 1620 году, описанное подъ заглавіемъ: „Роспись Китайскому Государству и пообинскому и инымъ Государствамъ жилымъ и кочевымъ улусамъ и великой Обѣ рѣки и дорогамъ". — Примѣчаніе къ путешествію Козака Петлина, отъ издателя. *II*, *III*. Путешествіе отъ Сибирской линіи до города Бухары въ 1794 г. и обратно въ 1795 г. (выбрано изъ записокъ г. Бурнашева, сообщенныхъ издателю Начальникомъ Колывановоскресенскихъ заводовъ г. Оберберггауптманомъ и Кавалеромъ П. К. Фроловымъ): цѣль путешествія; выборъ для онаго людей; путеслѣдованіе чрезъ Киргизскую степь; развалины Джаты-кала и дѣвичьяго города; теплицы; прибытіе въ г. Бухару; положеніе Бухаріи, почва, климатъ, рѣки; историческія замѣчанія о Бухаріи; жители: Бухарцы, Узбеки, Персіане, Киргизы, Авганцы, Лезгинцы, Армяне и Жиды; описаніе г. Бухары; общее статистич. и политич. раздѣленіе Бухаріи; народонаселеніе; земледѣліе, промышленность, торговля; вѣсъ, монета; языкъ, вѣра, нравы, обычаи, болѣзни; состояніе Правленія въ Бухаріи; государственныя учрежденія; законы; судопроизводство; государственные доходы; военный порядокъ; возвратъ путешественниковъ въ свое отечество.—О древнихъ развалинахъ въ Сибири: Аблайкида, семи палатъ, Джалинъ-обо; о древнихъ развалинахъ въ Киргизъ-Кайсацкой степи; остатки городовъ: Джанкента, Джатыкала, Джуванъ-ана, Бѣлянъ-ана и Татагая; развалины зданій на берегахъ Нуры и Якшикуна. *III, IV*. Путешествіе по южнымъ Алтайскимъ горамъ въ 1809 году. *IV*. Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента и обратно въ 1800 году.—Памятники древностей въ Сибири сѣверной и восточной: предметы обожанія сѣверныхъ народовъ; шаманскій камень; ледяная пещера; верхній каменный столпъ; шаманскій столпъ; Забайкальскія развалины древнихъ зданій и остатки укрѣпленій.

1819 г. *V кн.* Изображеніе обитателей Сибири (продолж.; см. выше, кн. I). *V*, *VI*. Обозрѣніе Монголіи: введеніе къ Монголамъ письменъ; раздѣленіе ихъ на древнихъ и новыхъ Монголовъ; зависимость ихъ отъ Китая; служба; чины; торговля, промышлен-

ность; Джасаки; число народа; введеніе къ Монголамъ Шигемоніева закона; счисленіе времени; священныя книги; ученіе; множество боговъ; переселеніе душъ; нравственность; духовенство; идолослуженіе; шаманство; правленіе у Монгольскихъ народовъ; обыкновенія и законы; законныя книги; повелѣнія Галдана Хаантайджи; тангутскія и монгольскія письмена; употребленіе ихъ; филологическое изысканіе о монгольскихъ буквахъ; монгольская словесность; описаніе главной Бурятской кумирни. *VII.* О Чудскихъ копяхъ въ Сибири. *VII*, *VIII*. Дневныя записки переводчика Путимцева, въ проѣздъ его отъ Бухтарминской крѣпости до Китайскаго города Кульжи и обратно, въ 1811 году. *VIII*. Примѣчанія къ путешествіямъ на Тигирецкіе бѣлки и по южнымъ Алтайскимъ горамъ (см. I, III и IV кн.).

1820 г. *IX*. О ламайскихъ амулетахъ. *IX*, *X*. Киргизъ-Кайсаки Большой, Средней и Меньшей орды: о прежнемъ и нынѣшнемъ мѣстопребываніи Киргизъ-Кайсаковъ; о чиноначаліи и правленіи Киргизъ-Кайсаковъ и о происшедшихъ въ ихъ ордахъ разныхъ перемѣнахъ; о природныхъ свойствахъ Киргизъ-Кайсаковъ, ихъ нравахъ, пищѣ, одеждѣ, жилищахъ, женахъ, дѣтяхъ и разныхъ увеселеніяхъ; о болѣзняхъ, врачеваніи оныхъ и обрядахъ при похоронахъ. *IX*, *XI*. Извлеченіе изъ описанія экспедиціи, бывшей въ Киргизскую степь въ 1816 г. (описаніе получено отъ самаго сочинителя И. П. Шангина). Х. Отрывокъ изъ путешествія г. Адамса къ Ледовитому морю для отысканія мамута (т. е. мамонта) изъ „Journal du Nord“, 1870, № XXXII, p. 633. — Идиге, — киргиз. сказка. *XI*. Новыя извѣстія о находимыхъ въ Сибири костяхъ чужеземныхъ животныхъ. — Разсмотрѣніе книги подъ названіемъ: „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ актовъ Правительства и другихъ достовѣрныхъ источниковъ“. Спб., въ тип. Шнора, 1810 г. — Путешествіе Ѳедора Исаковича Байкова въ Китай съ 1654 по 1658 г. — Примѣчанія издателя къ путешествію въ Китай Ѳ. И. Байкова. *XII*. О переходѣ Тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарію, — сочиненіе Китайскаго Князя Цишія, переведенное съ кит. подлинника Надвор. Совѣтн. С. В. Липовцовымъ. — Промышленность въ Сѣвер. Сибири. — Жилища и образъ жизни обитателей Сѣвер. Сибири.

1821 г. *XIII*. Извѣстіе о новонайденной Лѣтописи Сибирской: „О взятіи Сибирскія земли атаманами и козаками Ермакомъ Тимофѣевымъ съ товарищи“. — Двѣ совершенно сходныя надписи въ Сѣвер. Америкѣ и въ Запад. Сибири (изъ „Neue allgemeine geographische Ephemeriden, herausgegeben von Dr. Bertuch“; Weimar, 1820, B. VII, St. IV, p. 487—492. — Замѣчанія о торговлѣ

Бухарцевъ. *XIII*, *XVI*. Телеуты или Бѣлые Калмыки: происхожденіе Телеутовъ, жилища, наружный видъ, нравы, одежда, пища и питіе, промыслы, упражненія (т. е. занятія) женщинъ, образованность, времясчисленіе, вѣра, общественное и частное жертвоприношеніе, сватовство, калымъ, похищеніе женъ, свадебные обряды, разводъ. *XIII*, *XIV*, *XVI*. *Липовцевъ*. Обозрѣніе Зюнгаріи. *XIV*. *Анастасевичъ*. Путешествіе Кс. Ѳадея Машевскаго изъ Иркутска въ Нерчинскъ 1817 г. (изъ „Miesiecznih Polocki", 1818 г., № VIII, стр. 298--306). – Лѣтопись Сибирская, поименованная въ IX томѣ Исторіи Государства Россійскаго Строгановскою.—*Анастасевичъ*. Камчатскіе обычаи (извлеченіе изъ рукописи, помѣщенное въ Литературной Газетѣ-Варшавской, 1821 г., № 6): юрты, описаніе камчадальской свадьбы; похороны у камчадаловъ; земледѣліе; описаніе сочинителева ѣздоваго снаряда (экипажа). — Любопытное вооруженіе г. Тобольска противъ нашествія Калмыковъ въ 1646 году (выписанное изъ Лѣтописи Сибирской, сочиненной Ильею Черепановымъ).—Извѣстіе о новѣйшей Лѣтописи Сибирской, сочиненной Ильею Черепановымъ. *XIV*, *XV*. *Н. В. Сушковъ*. О сибирскихъ соляныхъ промыслахъ. *XV*. О забайкальскихъ достопамятностяхъ, — сочиненіе П. А. Словцова въ отвѣтъ на вопросъ: „Какія есть городища въ Иркутской губ.?" напечатанное въ V кн. „Казанскаго Вѣстника" 1821 г.—Нѣчто о жизни кочующихъ въ Сибири народовъ. *XV*, *XVI*. *Гр. Спасскій*. Исторія плаваній россіянъ изъ рѣкъ Сибирскихъ въ Ледовитое море. I гл.: Первое извѣстіе о самоедской землѣ; строеніе города Мангазеи; плаваніе на кочахъ изъ Обской губы въ Мангазею; предпріятіе общества тамошнихъ купцовъ и промышленниковъ; плаванія изъ Бѣлаго моря въ Березовъ и Мангазею; воспрещеніе плаванія по Ледовитому морю (1598—1620 гг.). II гл.: Козаки открываютъ рѣки: Лену, Яну, Индигирку, Алазею и Колыму; плаванія изъ нихъ въ Ледовитое море; обложеніе ясакомъ Якутовъ, Юкагировъ и Чукчей; богатый соболями Якутской уѣздъ; промышленность моржовыми зубами (1630 — 1650 гг.). III гл.: Козаки обходятъ Чукотскій Носъ и чрезъ то разрѣшаютъ, что Азія не соединена съ Америкою; злоключенія козака Булдакова; сухопутная дорога на р. Анадыръ; открытіе Ходынцевъ, Анауловъ, Коряковъ и Камчадаловъ. IV гл.: Важность р. Амура для Россіи; грабежи на Ленѣ и Оленекѣ; открытіе земли или острововъ на Ледовитомъ морѣ противъ устьевъ Колыма, Яны и Индигирки.—Посольство изъ Тобольска къ Бушухту-хану Зюнгарскому въ 1691 году. *XVI*. *Гр. Спасскій*. Объ употребленіи въ пищу вмѣсто хлѣба нѣкотораго рода земель и растеній, преимущественно Исландскаго мха.—Сибирскій Лабиринтъ,—пещера въ

18 вер. отъ Нижнеудинска, вверхъ по р. Удѣ (изъ „Erheiterungen Jahrgang 1816, 4 Heft, p. 363—367).

1822 г. *XVII*. Тункинскія минерал. воды (о бурятахъ). *XVII*, *XVIII*. Повѣствованіе о Сибири, переведенное съ латинской рукописи XVII стол. (двѣ рукописи въ Имп. С.-Петерб. Публич. Библ.: I — изъ собранія Залускаго подъ заглавіемъ: „Relatio de Sibiria, qua continetur notitia dictae provinciae: et littoris Oceani Glacialis, et Orientalis; a portu S. Michaëlis Archangeli usque ad Chinam, sive Cataium. Jtem de Calmucis Nomadibus: et quaedam narratiunculae: de Gemmariorum, Metalliorum (metallariorum) et Alchimistarum fraudibus. Scripta anno 1681. Aeternúm soli gloria tota Deo". II—изъ собранія Дубровскаго: „Historia de Sibiria sive notitia Regnis (Regni) Sibiriae et littoris Oceani Glacialis et Orientalis: idem (item) de Calmucis Nomadibus et nonnullae narratiunculae de gemmariorum, metallorum (metallariorum) et Alchimistarum fraudibus. Anonymi autographum circa anno (annum) MDCLXXX). *XVII*, *XVIII* и *XIX*. Путешествіе Геденштрома по Ледовитому морю и островамъ онаго, лежащимъ отъ устья Лены къ Востоку. — Исторія плаваній Россіянъ изъ рѣкъ Сибирскихъ въ Ледовитое море: плаваніе на добель-шлюпкѣ и ѣзда на собакахъ Лейтенанта Лаптева между устьями Лены и Енисея; злоключенія его и бывшихъ съ нимъ людей; прибытіе въ города Туруханскъ и Енисейскъ. *XVIII*. *П. Л. Яковлевъ*. Отрывокъ изъ путешествія въ Бухарію въ 1820 и 1821 гг. *XVIII*, *XIX*. О началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ и о заведеніи въ Пекинѣ Россійской церкви и духовной миссіи *XVIII*, *XIX*, *XX*. Тунгусы: историч. свѣдѣнія о Сибирскихъ Тунгусахъ вообще и о Забайкальскихъ въ особенности; принятіе Забайкальскими Тунгусами Христіанской вѣры; состояніе у сихъ Тунгусовъ Шигемоніевой и Шаманской вѣры; нравы и обыкновенія Тунгусовъ; пища ихъ, одежда и жилища; число Тунгусовъ; управленіе ими; промыслы ихъ, свадьбы, родины, похороны, увеселенія, письмена, языкъ. *XIX*. Путешествіе Армянскаго Царя Гетума къ Бату (Батыю) и къ Мангу-Хану въ лѣто Армянскаго счисленія 703 и 704, отъ Рож. Хр. 1254 и 1255 (на армян. яз. съ русск. переводомъ).—Выписка изъ разныхъ сочиненій о путешествіи Армянскаго царя Гетума къ Мангу-Хану. *XX*. Примѣчанія къ путешествію царя Гетума къ Бату и Мангу-Хану. — Путешествіе геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по о—вамъ Ледовитаго моря въ 1811 и 1812 гг. — Замѣчанія о древностяхъ въ Киргизъ-Кайсацкой степи (см. выше, II и III).—О неудачной войнѣ Манджуровъ съ Мяозами.

1823 г. *I*, *II*. Краткое описаніе Бухаріи и Хивы (сія статья

доставлена почтеннѣйшимъ Издателемъ „Отечествен. Записокъ", который получилъ ее отъ самовидца изъ Астрахани). *I—IV*. Путешествіе Архимандрита Софронія Грибовскаго отъ Пекина до Кяхты въ 1808 году: отъѣздъ изъ Пекина, прибытіе на степь Гоби въ Монголію, путеслѣдованіе чрезъ Монголію и Гигеневы владѣнія до Куреня (Урги), описаніе сего мѣста, пріемъ членамъ миссіи отъ хана, переѣздъ отъ Куреня до Кяхты, пребываніе на Кяхтѣ, замѣчанія о Монголіи. *I—III, V—IX*. Взглядъ на Даурію и въ особенности на Нерчинскіе горные заводы въ 1820 году: общее понятіе о Дауріи, климатъ, рѣки, озера, минерал. воды, качество земли, народонаселеніе, нравы, число и родъ жителей, промышленность, управленіе и пр. II. Объ отношеніяхъ Россійскихъ Князей къ Монгольскимъ и Татарскимъ Ханамъ отъ 1224 г. по 1480 г. *III*. О законахъ нѣкоторыхъ восточныхъ Сибирскихъ инородцевъ. *IV*. Дневныя записки Е. Ѳ. Тимковскаго, во время пребыванія въ Пекинѣ, съ 1 дек. 1820 г. по 15 мая 1821 г. *VII—IX, XV*. Описаніе береговъ Ледовитаго моря отъ устья Яны до Баранова камня. *VIII*. О старинныхъ вещахъ, найденныхъ въ Гумешевскомъ рудникѣ. *IX*. Разграбленіе Киргизами Русскаго каравана, шедшаго въ Бухарію въ 1803 г. *IX, X*. Письма Аб. Ремюза о Китайскихъ ученыхъ и о вліяніи ихъ на Государственное правленіе (извлеч. изъ рукописнаго сочиненія, напечат. въ „Лѣтописяхъ Словесности и Художествъ", Парижъ 1820 г., I т., стр. 188). *X*. Общее обозрѣніе мѣстоположенія Киргизъ — Кайсацкой степи (извлеч. изъ записокъ Г. Гавердовскаго). *X—XII*. Журналъ, веденный въ Пекинѣ, по случаю прибытія изъ Россіи Посланника Николая Гавриловича Спофорія, отправленнаго по Высочайшему Его Царскаго Величества указу въ 1676 г., царствованія Китайскаго Хуандія Кансія въ 15-ое лѣто: Государю Кансію отъ Президента Монгольскаго Трибунала Амукулана съ прочими всеподданѣйшій докладъ о прибытіи отъ Россійскаго Бѣлаго Царя Посланника, о привезенномъ нынѣ листѣ и объ обратномъ отправленіи присланнаго курьера; отчетъ посланныхъ по сему дѣлу чиновниковъ; дѣло, предложенное Богдо-Хану Кансію, царствованія его въ 16-ое лѣто, отъ Князя Фуцюаня, съ прочими, внесенное къ нимъ отъ Президента Монгольскаго Трибунала Амукулана, присланное къ нему отъ Солонскаго Правителя Будзилдая. *X, XIV, XVI*. Путешествіе къ Алтайскимъ Калмыкамъ: Корюнское селеніе; калмыцкія юрты при р. Ярголѣ и на берегу Чарыша, близь устья р. Каны. *XI*. *П. Наумовъ*. Извлеченіе изъ письма г. Шмидта о нѣкоторыхъ предметахъ касательно исторіи и литературы Монгольской. *XII*. Краткія замѣчанія о Ламутахъ, Тунгусахъ и Юкагирахъ (сіи замѣчанія извлечены изъ записокъ д-ра Сѣверной экспе-

диціи Кибера, находившагося въ Нижнеколымскѣ съ 1821 года). *XIII*, *XIV*. О возмущеніяхъ, бывшихъ въ Дзюнгаріи и Малой Бухаріи (перев. съ китайскаго изъ книги, называемой: „Си-юй-вынь-дзянь-лу“, т. е. „Записки о земляхъ, лежащихъ близь западной границы Китая“): возмущеніе и погибель Дзюнгаровъ въ 1754 г.; возмущеніе и погибель Амурсаны въ 1755г.; возмущеніе Джаганъ-ходжи и Хань-ходжи 1755—1758 гг. *XIV*. О происхожденіи и исторіи Арзасидовъ (соч. Сенъ-Мартеня). *XV*. О винокуреніи въ Камчаткѣ, производившемся изъ такъ называемой сладкой травы.— Бухарскіе лѣкаря (изъ путешествія въ Бухарію Д. Еверемона).— Краткое описаніе собранія Китайскихъ картинъ, находящихся въ С.-Петербургѣ. *XVI*. Извлеченіе изъ записки о политическихъ сношеніяхъ Христіанскихъ Государей, а особливо Французскихъ Королей съ Монгольскими Ханами,—соч. Аб. Ремюза.—Журналъ Анадырской команды сержанта Андреева, веденный во время путешествія по о—вамъ Ледовитаго океана.

1824 г. *I*. О сходствѣ начертаній, найденныхъ въ Сибири на камняхъ, съ таковыми-же, найденными въ Германіи. *I—IV*. Сибирская лѣтопись Саввы Есипова: о сибирской странѣ и народахъ; о сибирскихъ царѣхъ и князѣхъ; о Сибири, чего ради Сибирь наречеся вся страна; о княженіи прочихъ сибирскихъ князей; о царѣ Кучумѣ; о вѣрѣ царя Кучума; о пришествіи Ермаковѣ и прочихъ въ Сибирь; о посланіи Кучумомъ сына своего Маметкуля на Русскіе вои; о взятіи улуса Карачи; о взятіи городка Атика Мурзы; о пораженіи Маметкуля и его войска; о бѣгствѣ Кучума изъ града Сибири; о шествіи Ермака съ товарищи во градъ Сибирь; о прибытіи во градъ Сибирь Остяцкаго князца Бояра; о убіеніи козаковъ на рыбной ловлѣ подъ Ябалакомъ; о посланіи къ Государю въ Москву атамана съ ясакомъ и отпискою; о взятіи въ плѣнъ Маметкуля; о приходѣ князя Сейдака Бекбулатова съ воинствомъ на Кучума; о храбрости Ермаковѣ и взятіи Назима Остяцкаго городка; о прибытіи въ Сибирь воеводъ князя Болховскаго и Ивана Глухова и о гладѣ; о посланіи царевича Маметкуля къ Москвѣ; о убіеніи атамана Кольцова и съ нимъ 40 человѣкъ; о приходѣ Карачи подъ градъ Сибирь и о побѣдѣ надъ нимъ; о смерти Ермаковѣ и съ нимъ бывшихъ козаковъ; о походѣ козаковъ къ Руси; о приходѣ во градъ Сибирь Алея и Сейдека; о приходѣ изъ Москвы воеводы Мансурова; о пришествіи Остяковъ подъ Усть-городокъ; о пришествіи Остяковъ подъ городокъ съ кумиромъ; о поставленіи града Тюмени и церквей Божіихъ; о поставленіи града Тобольска и церквей Божіихъ; объ отправленіи въ Москву Сейдека и Карачи; о покушеніяхъ царя Кучума противъ русскихъ; о распространеніи Христіанскія вѣры въ Сибири и о поставленіи

градовъ; объ исправленіи лѣтописи; о Кипріанѣ и другихъ Архіепископахъ Тобольскихъ и о внесеніи въ синодикъ убіенныхъ козаковъ. *I—VI, VIII—X.* Буряты или Братскіе: о происхожденіи Бурятовъ, занятіи ими нынѣшнихъ мѣстъ за Байкаломъ и покореніи ихъ Россіянами; о природныхъ свойствахъ Бурятовъ, ихъ нравахъ, пищѣ, одеждѣ и жилищахъ; о скотоводствѣ и земледѣліи; о звѣриныхъ промыслахъ, верховой ѣздѣ и оружіи; о разныхъ упражненіяхъ, обрядахъ и увеселеніяхъ; о свадьбахъ Бурятовъ, рожденіи и воспитаніи дѣтей; о болѣзняхъ, леченіи оныхъ и обрядахъ погребанія; о Шегемоніевой и Шаманской вѣрѣ; о бурятскомъ языкѣ и письменахъ; азбука Монгольская и Калмыцкая; о раздѣленіи, числѣ и управленіи Бурятовъ и о Бурятскомъ духовенствѣ. *II.* О древней медали, вывезенной изъ Бухаріи,—соч. акад. Келлера. *II—V. Докторъ Киберъ.* Извлеченіе изъ дневныхъ записокъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія и наблюденія, собранныя въ болотныхъ пустыняхъ сѣверо-восточной Сибири. *VI—XIV.* Историческія и статистическія записки о мѣстахъ, лежащихъ при рѣкѣ Амурѣ: взглядъ на первоначальные подвиги Россіянъ при р. Амурѣ; домогательства Китайцевъ на завладѣніе Амуромъ; средства, употребляемыя противъ нихъ Россіянами; отправленіе на Амуръ въ качествѣ посла окольничаго Головина; переговоры его съ Китайцами; содержаніе заключеннаго съ ними трактата; опредѣленіе въ Китай чрезвычайныхъ и полномочныхъ посланниковъ; опредѣленіе границъ между Россіею и Китаемъ; трактатъ Россіи съ Китаемъ 14 іюня 1728 года; свѣдѣнія о р. Амурѣ, о нынѣшнемъ состояніи сопредѣленныхъ съ оною мѣстъ и народовъ, тамъ обитающихъ, *VII.* Замѣчанія на статью подъ названіемъ: „Нѣкоторыя свѣдѣнія о Бухаріи“, напечатанную въ „Отечествен. Запискахъ“, 1821 г. *VIII.* Описаніе Сунгума въ восточной части Тибета. *IX, X. Д-ръ Киберъ.* Чукчи.—О китайскомъ тапирѣ. *XI.* О способѣ считать по суставамъ пальцевъ, употребляемомъ на Востокѣ. *XI, XII.* О воспитаніи у Китайцевъ,—соч. Г. Фюлжанса Фреснеля. *XIII, XIV.* О Татарахъ (рѣчь Президента Бенгальскаго Общества Сира Вилліама Джонеса въ торжеств. собраніи онаго Общества 21 февр. 1788 г.).

1864 г. 9, 10. Путь чрезъ Россію и Сибирь въ Китай (впечатлѣнія англійскаго туриста). **15.** Наши торговые интересы въ Китаѣ. **16.** О крестьянскихъ выборахъ. **17.** О сельскихъ перевозахъ. **19.** О Гилякахъ.

1865 г.—20. Сообщеніе Новгородской гавани съ Суй-фуномъ.—**22.** Преступленія въ Енисейской губ.—**31.** О возстаніи Дунганъ.—**34.** Значеніе Яблоннаго хребта.—**36.** Тайши,—этнограф. очеркъ изъ бурятской жизни.—**46.** Сохондо (въ Дауріи).—**48, 49.** О земле-

дѣлія въ Нерчинско-заводскомъ округѣ.—**50.** О торговлѣ съ Китайскими владѣніями на границѣ Минусинскаго окр.—**54.** О торговлѣ съ Монголіей.—**59—61.** О шаманствѣ въ Сибири.

1866 г.—1. Этнографическая выставка въ Москвѣ. — **8, 9.** Сунгарійская экспедиція (статьи гг. Кропоткина и Усольцева въ VIII кн. „Записокъ Сибир. Отд. И. Рус. Геогр. Общ.").—**13.** Русская торговля въ Японіи.—**14.** Послѣдствія изслѣдованія южной части въ Приморской области (труды гг. Будищева, Тимрота, Романова и Гельмерсена).—**16, 17.** Отдаленный сѣверъ Россіи: Анадырскій острогъ.—**17.** Торговля въ южныхъ портахъ Русской Манчжуріи.—**18, 20.** Шаманство у Гилякъ.—Замѣтки объ Якутахъ Батурскаго—и Мегинскаго улусовъ.

1867 г.—17. О Бурятахъ, живущихъ по сѣверо-западную сторону Байкала.

1868 г.—6. О Бурятскихъ кочевьяхъ.—**7—10** Гижигинскій край.

1885 г.—1. Корр. изъ Бійска—о столкновеніяхъ старообрядцевъ съ окружною полиціею. — **2.** Корр. изъ Бійскаго окр. о борьбѣ на Алтаѣ между мѣстными крестьянами-старожилами и переселенцами.—**3.** О распространеніи христіанства между гольдами, гиляками, тунгусами, якутами, ороченами, чукчами, коряками и самогирцами.—Фактъ людоѣдства въ Туруханскомъ краѣ (изъ „Енис. Губ. Вѣд.").—Корр. изъ Омска—объ обязательныхъ для киргизовъ земскихъ повинностяхъ. — Изъ „Тобол. Губ. Вѣд.„ извлечены нѣкоторыя свѣдѣнія о кустарной промышленности въ Тобол. губ.—**3—11, 15, 17, 26.** Движеніе переселенцевъ. — **4.** Сельскіе банки. — Къ вопросу о водномъ пути изъ Сибири въ Европу (перепеч. изъ „Москов. Вѣд." статья Д. Завалишина по поводу проекта Сибирякова о соединеніи водныхъ системъ рѣкъ Оби и Печоры).—Корр. изъ Бійска—о набѣгахъ китайскихъ киргизовъ на рус. киргизовъ. — Корр. изъ Омска—о киргиз. податяхъ. — **6.** Наша торговля въ Китаѣ. — **8.** Законъ о раскольникахъ.—**8—10.** Землевладѣніе въ Сибири.—**10.** Археологич. раскопки (о раскопкахъ И. Савенкова на Базайской стоянкѣ, близь Красноярска).—**11.** Корр. изъ Тюмени—о переселенцахъ. — Изъ записокъ А. О. Дюгамеля—о киргизской степи (изъ „Рус. Архива", 1885 г., № 7). — **12.** Обратное переселеніе крестьянъ изъ Сибири.—Крестьян. надѣлы въ Сибири.—Корр. изъ Баянъ-аула—о джетакахъ.—**16—20, 27.** Россія въ сибир. степяхъ. — **17.** Замѣтки по поводу обратнаго возвращенія молоканъ-переселенцевъ съ Амура (изъ „Моск. Вѣд.").—**21.** Мірскіе крестьян. сборы.—**23, 26.** Тобольская губ. въ 1884 г. (статист. очеркъ).—**24—25.** Народные промыслы въ Сибири.—**24.** Школы въ Нарымскомъ краѣ.—**25.** Переселенческое движеніе въ 1885 г.—**27.** Къ вопро-

су о переселеніяхъ. — **28.** Настоящее экономическое положеніе сельскаго населенія Томской губ.—**29, 30, 33.** *М. Черняевъ.* Отъ Тихаго Океана до Урала (пут. замѣтки). — **31.** Промышленность въ Сибири.—**32.** По поводу реформъ въ Степномъ краѣ. — Пути сообщенія въ Зап. Сибири. — **33.** Енисейская губ. въ 1884 г. (статист. очеркъ).

1886 г.—1. Лекція Н. М. Пржевальскаго въ Семипалатинскѣ о путешествіи по Китаю.—**3.** Корр. изъ Павлодара — объ образованіи киргиз. мальчиковъ.—**5.** Торговыя сношенія на крайнемъ сѣверѣ Сибири (изъ „Сибир. Газ.").—О жизни на южн. Сахалинѣ (изъ газ. „Владивостокъ").—**5, 8, 11, 15, 19, 21, 23, 29, 38, 42.** Отъ Тобольска до Обдорска (пут. замѣтки).—**7.** Объ экспедиціи, снаряженной Академіей Наукъ на Ново-Сибирскіе острова. — **8.** Корр. изъ с. Алтайскаго—о появленіи среди калмыковъ пророка Лупцинъ-Пиринла, китайскаго подданнаго, монгола, задумавшаго подчинить себѣ или возвратить въ кит. подданство калмыковъ.—**16—17.** Статистика въ Сибири.—**17.** *Свящ. Орфеевъ.* О суевѣріяхъ и предразсудкахъ инородцевъ Минусин. окр. (изъ „Енис. Еп. Вѣд.").—О количествѣ населенія на о—вѣ Сахалинѣ.—**21.** Корр. изъ Павлодара: монополія киргизовъ.—**24** О проводникѣ среди чуйскихъ калмыковъ (изъ „Том. Еп. Вѣд."). — **27.** Путешествіе флорентин. ученаго Ст. Соммье, ученика извѣстнаго этнолога Мантегацца, черезъ Россію въ Сибирь.—**28.** Корр. изъ Минусинска—о курганахъ въ степяхъ Минусин. окр. и находимыхъ въ нихъ плитахъ.—**32.** Кустарные промыслы въ Забайкальской обл.—**33.** Алтайскій округъ (хозяйственно-этнографич. очеркъ).—**35.** Инородцы въ Томской губ. — **40.** Женщины-врачи въ инородческихъ мѣстахъ.—**43**. Экспедиція Г. Н. Потанина.—**44.** Библ. зам. о кн.: „Матеріалы для изученія юридич. обычаевъ киргизовъ. Вып. I. Матеріальное право. Изд. Семипалат. обл. статист. комитета".—**45.** Объ открытіи перваго инородческаго училища для остяковъ и самоѣдовъ въ Абалакскомъ монастырѣ (въ Якут. обл.).—**50.** Населеніе Уссурійскаго края. — **51** Дунганское поселеніе въ Чуйской долинѣ, Семирѣч. обл.—Торговля въ Забайкал. обл. — **59.** Сватовство въ с. Мостовкѣ, Ялутур. окр., Тобол. губ.—**61.** Корр. изъ Минусин. окр.—объ остаткахъ стариннаго укрѣпленія между степными рѣчками Кашыштой и Сырали.—**62.** Корр. изъ Коканда—объ индусахъ городовъ Ферганы, Заравшанскаго окр. и другихъ областей. – Наша миссія въ Китаѣ. — **66.** Дѣятельность Миклухи-Маклая.—Однодневная перепись въ городахъ Якут. обл.—**68.** Узбеки Джазакскаго и Ура-тюбинскаго уѣздовъ.—**70, 75, 88.** По Иртышу (пут. зам.). — **75.** Корр. изъ Сургута — о больныхъ инородцахъ.—Экономич. бытъ инородцевъ Маріин. окр. Томской

губ.—**88**. Полярная экспедиція д-ра Бунге.—**89**. Населеніе по р. Зеѣ (изъ газ. „Владивостокъ").—**94**. Каменный вѣкъ на сѣверѣ Сибири. **96**. Сахалинъ (изъ ст. Щербакова въ „Нов. Врем.").— Пути сообщенія въ Якут. обл.—**97**. Петропавловскіе татары.— **98**. Письмо Габріеля Бонвало, помѣщ. въ „Journal de Débats", о впечатлѣніяхъ путешествія по Мервскому оазису.—**99**. Инородческіе писаря. — О матеріалахъ и сообщеніяхъ, доставляемыхъ крестьянами въ Имп. Рус. Геогр. Общ.—Возвращеніе Г. Н. Потанина въ Иркутскъ через Кяхту.—**103**. Письмо изъ Сургута— о звѣропромышленности въ Тобольской губ.—**105**. Законы для инородцевъ.—**108**, **114** Одинъ изъ городовъ Сред. Азіи (Коканцъ).—**109**. Докладъ А. М. Позднѣева: „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи", чит. въ этногр. отд. И. Р. Г. Общ.—**110**. Объ изслѣдованіи древностей Крыма въ окрестн. Симферополя.—**111**. Современное положеніе Пріамурскаго края (изъ „Недѣли", ст. Абрамова).—**112**. О мѣрахъ къ охраненію отечественныхъ древностей (предложеніе предсѣдателя Имп. Археол. Ком. къ митроп. Исидору). — **114**. Подчиненіе инородческихъ волостей крестьян. чиновникамъ.— **116**. Къ вопросу объ инородцахъ. — О папуасахъ (по лекціямъ Миклухи-Маклая).

1887 г.—**2**. Начало почтовыхъ сообщеній Евр. Россіи съ Сибирью и въ Сибири (изъ тобол. архив. дѣлъ). — **5**. Казаки Зап. Сибири.—Къ переселенч. движенію.—**6**. Письмо Дм. Клеменца объ археол. раскопкахъ въ Минусинскомъ окр.—**7**, Старообрядческій скитъ въ Пруссіи (изъ „Совр. Изв."). — **7**, **27**. Туркестанскій край.—**7**—**8**. Первыя въ Сибири школы и театръ (изъ тобол. архивовъ).—**9**. Лекція Г. Н. Потанина о своемъ 3-лѣтнемъ путешествіи по Сѣв.-Западной Монголіи и Юго-Западному Китаю.— **15**. Полярная экспедиція д-ра А. А. Бунге.—**16**. Преданія о г. Кузнецкѣ.—**16**, **44**, **61**, **90**, **112**. По переселенч. вопросу. — **21**. Выдержки изъ кн. Катрфажа „Introduction à l'etude des races humaines" („Введеніе къ изученію человѣческихъ племенъ").— **27**. Два священныхъ озера Алтая: „Алтайдынкіндічі" („пупъ Алтая"), въ верш. р. Каракова, и Кенгинское.—О выставкѣ бытовыхъ и этнографич. картинъ Алтайскаго края художн. А. Э. Мако. — **29**. Въ ст. „Новыя мѣстныя изслѣдованія" передается содержаніе 2-хъ статей: 1) г. Кириллова, описывающаго свою поѣздку въ Нижне-Ангарскъ, Баргузин. окр., на Байкалѣ и 2) г. Приклонскаго „О шаманствѣ у Якутовъ" („Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ.," т. XVII, №№ 1 — 2). — **33**. Письмо С. Кузнецова объ археолого-этнографич. выставкѣ въ Томскѣ. — **36**. Борьба съ буддизмомъ.—**39**, **51**, **53**. Мѣры къ заселенію Сибири

въ первую половину царствованія Екатерины II.—**42—43**. Этнографич. выставка въ Томскѣ. — **43**. Интересный обычай у киргизовъ (о „тамырствѣ“).—**44, 46, 49**. Дальній Востокъ (экономич. положеніе Пріамур. края, Примор. обл., о-ва Сахалина и Камчатки).—**47**. Торговое пароходство на дальнемъ Востокѣ.— Соляные промыслы Зап. Сибири (изъ „Вѣст. Финансовъ“).—**47—49**. *С. Кузнецовъ*. Поѣздка на большое моленіе черемисъ.—**51**. О заселеніи Южно-Уссурійскаго края.—**57**. Браки ссыльныхъ на житье и на водвореніе. — **58, 84**. *А. Аргентовъ*. Пятнадцать лѣтъ въ Нижнеколымскомъ краѣ (объ юкагирахъ, якутахъ и чукчахъ).—**62**. Изслѣдованіе экономич. быта сибир. крестьянъ.—**63**. Русско-китайская торговля. — **66, 74, 83, 86, 89, 92, 95, 98, 104, 107**. Движеніе переселенцевъ. — **67**. Горная жертва (у сагайцевъ). — **67, 70, 75, 78, 81, 83**. Очерки (этнограф.) Сыръ-Дарьинской обл.—**72**. Памятники доисторич. временъ: курганы („тумулусы“), стоячіе камни („менгиры“), круги изъ камней („кромлехи“) и дольмены. — **77**. Киргиз. праздникъ (Рамазанъ-айтъ, 11 — 13 іюня).—**78—80**. Алтайскіе калмыки. **80** Сухопутная торговля съ Китаемъ.—**83**. Екатеринбургскій музей.—**88**. Экспедиція для изслѣдованія экономич. положенія крестьянъ Вост. Сибири.—**94, 97**. Экономич. бытъ инородцевъ Кумышской инородной управы 2-й части (Барн. окр. Томской губ.).—**111**. Калмыцкая войнишка (объ алтайскихъ калмыкахъ).—**114**. Нужды сельскаго хозяйства въ Сибири.—**115**. Корр. изъ Нарым. края—о мѣстныхъ промыслахъ.—**118**. Переселенч. дѣло въ прошломъ столѣтіи.—**128**. Мнимыя выгоды крестьян. извознаго промысла.—**132**. Въ ст. „Новая книга о Китаѣ“ сдѣланы выдержки изъ кн. Кудинова „Въ чужихъ краяхъ. Путешествіе по Монголіи и Китаю“.—**134**. Домогательства алтайскихъ калмыковъ. — **141**. Движеніе переселенцевъ черезъ Томскъ въ лѣто 1887 г. — **145**. Совѣстные суды въ степныхъ областяхъ. — Котиковый промыселъ. — **151**. Соляная промышленность въ Сибири.—Нѣсколько дней на берегу Кореи.

1888 г.—3. Дѣятельность переселенч. отряда. — Библ. зам. о „Справочномъ словарѣ по географіи, этнографіи и исторіи“, составленномъ Заводскимъ-Краснопольскимъ (Красноярскъ, 1887 г.)—**4, 13**. Письма о Туркестанѣ.—**4**. Женщина на Востокѣ (изъ лекцій А. В. Елисѣева „О положеніи женщины на Востокѣ“). — **5, 25, 53, 66, 69**. Къ переселенч. вопросу. — **17** Охрана сибир. лѣсовъ.—**18**. Возможность оказать переселенцамъ существенную помощь.—По поводу закона о раскольникахъ.—**21**. Сельское хозяйство въ Сибири.—**22**. Библ. зам. о кн. Р. Маака „Вилюйскій окр. Якутской обл.“ — **28**. Земельный вопросъ на Алтаѣ. — **32**. Рыбная торговля на Ирбитской ярмаркѣ и сибир. рыболовство.—

Прошлое и настоящее казачьей школы на Амурѣ.—**47**. Торговыя сношенія Россіи съ Сред Азіей.—**47**. Степные киргизы.—**47—48**. Путевыя замѣтки по Алтаю.—**48**. Сибир. сектанты.—**50**. Лѣсной промыселъ въ Каинскомъ округѣ.—**53, 61, 62, 79**. Южно-Уссурійскій край. — **60**. Русскіе, иностранцы и инородцы на крайнемъ Сѣверѣ. — **62, 67, 75**. Сельскія школы Томскаго и Маріинскаго округовъ.—**66**. Борьба съ расколомъ въ Бійскомъ окр.—**68**. Древне-русская торговля съ Сибирью черезъ Карское море. — **71**. Шведскія стѣны въ Тобольскѣ.—**84**. Архивное богатство въ Сибири.—**86**. Школьное дѣло въ Енисейской губ.—**88**. Расколъ въ Томской губ.—**91, 97**. Къ исторіи столѣтняго существованія низшихъ учеб. заведеній въ Сибири. — **92**. Наплывъ Китайцевъ въ Пріамурскій край. — **99**. Упадокъ рыбной промышленности въ Сибири.

Сибирская Газета.

1881 г.—2. *Кн. Костровъ*. Народныя преданія татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ.—**3**. По поводу сибир. торговли и торговыхъ путей сообщенія.—**4, 6, 14**. Очеркъ движенія населенія въ г. Томскѣ и въ Томской губ. съ 1870 по 1878 г.—**8**. О лѣсоистребленіи.—**12**. Некрологъ князя Н. А. Кострова, немало поработавшаго для сибир. этнографіи.—Библ. зам. о «Статистическомъ описаніи сибирскаго казачьяго войска», составленномъ Ѳ. Усовымъ Спб., 1879 г.).—**15**. Въ ст. «Сибирь въ столицѣ» сообщаются свѣдѣнія о путешествіяхъ Потанина, Пѣвцова и Ядринцева.—**15—18**. Тобольская губ. наканунѣ 300-лѣтней годовщины завоеванія Сибири.—**16**. Корр. изъ Оренбурга—о барантачахъ.—Новый взглядъ на экспедицію Норденшильда.—**18**. Объ отношеніяхъ русскихъ къ сибир. инородцамъ.—Отъ Томска до Кузнецка (дорожныя замѣтки).—**19**. Отъ Кузнецка до Кузедѣевскаго аула (дорож. зам.).—**20**. Отъ Кузнецка до Тогула.—**21, 22**. Инородцы Нарымскаго края (объ остякахъ).—**26**. Инородцы Тобольской губ. (объ остякахъ и самоѣдахъ).—**27**. Улучшеніе земледѣлія на Амурѣ.—**27—29, 33, 35**. Лѣсная глушь (Пинчугская и Кежемская волости Енис. губ., составляющія такъ наз. Богучанскій край; см. выше газ. «Сибирь», 1877 г. №№ 2 и 3).—**28, 31, 41, 43**. Уголокъ Алтая (изъ пут. замѣтокъ).—**29**. Помощь переселенцамъ.—**31**. Киргизы Зайсанскаго приставства (Семипал. обл.),—этнограф. очеркъ.—**32, 33, 36, 41, 42**. Павлодарскій уѣздъ Семипалат. обл. (экономич. очеркъ).—**34**. Инородцы и сибир. торговля.—**35**. Трехсотлѣтіе Сибири. **38, 39, 42, 43**. *А. Адріановъ*. Путешествіе на Алтай и за Саяны.

1882 г.—**3**. Выборъ улуснаго головы (картинка изъ якутск. жизни).—**3, 6, 19**. Статист. замѣтки о бытѣ крестьянъ Алтайскаго окр.—**5**. Ревизія степныхъ областей.—Рыбная ловля у пороговъ Ангары.—**8**. Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимоѳеевъ, покоритель Сибири.—**8, 10**. Минусинскій публич. мѣстный музей въ 1881 г. —**11**. Якутскіе казаки.—**13**. Новый годъ у китайцевъ.—Байга у киргизовъ.—Каторга на о-вѣ Сахалинѣ.—Русскіе колокола у гиляковъ.—**14**. Школы въ Нарымсомъ краѣ.—Колымскій край (Якут. обл.).—**15**. Крестьянское общественное управленіе.—**15, 17—19, 21, 32—34, 36, 38—40**. Отъ Благовѣщенка до Николаевска (пут. замѣтки).—**16, 17**. Б л. зам. о 1-мъ и 2-мъ выпускахъ «Очерковъ Сѣв.-Западной Монголіи», Г. Н. Потанина.—**21, 23**. Эмильская долина и торгоуты,—этнограф. очеркъ.—**25**. На нашихъ степныхъ окраинахъ.—**29**. Нарымскіе промышленники. —**32**. Переселенческій вопросъ.—Предсмертный дневникъ Де-Лонга, начальника парохода «Жанетты».—**34**. Къ вопросу о возрастномъ составѣ населенія Томской губ.—**40**. Русская культура и инородцы.—**41**. Инородческій вопросъ.—**41—43**. Самоходы (изъ наблюденій надъ переселенч. движеніемъ).—**43**. Лѣсное хозяйство въ Зайсанскомъ приставствѣ (Семипал. обл.).—**45**. Движенія населенія въ Семирѣч. обл.—**46**. Одна изъ причинъ бродяжества.—Сельская медицина въ Сибири.—**47**. Внутренніе сибир. пути сообщенія.—**48**. Библ. зам. о ст. Замысловскаго «Занятіе русскими Сибири» («Жур. Мин. Нар. Просв.», 1882 г., окт.).

1883 г.—**6**. Инородцы Туринскаго окр.—Пелымъ и Конда (сѣвер. часть Турин. окр.).—**7**. Успѣхи миссіонеровъ въ средѣ бурятъ.—**12**. Библ. зам. объ очеркѣ А. Пругавина изъ области русскаго народ. сектанства—«Немоляки» («Вѣст. Евр.», 1883 г., февр.).—**13**. Промышленный курганъ—центръ земледѣл. района. —Нѣсколько словъ о нормѣ надѣла на Алтаѣ.—**17**. Инородцы Туруханскаго края.—**26**. Приливъ переселенцевъ.—Богучанскій край (въ Енис. губ.).—**26, 28, 30—40**. Сѣверная глушь (захолустья Енис. губ.).—**29**. Ходоки (о переселенцахъ).—**33**. Переселенцы въ Красноярскѣ.—**37**. Наши недоразумѣнія съ китайцами. —**41**. Къ вопросу о сельской медицинѣ.—**42**. Какъ намъ быть съ переселенцами?—**43, 44, 48, 51, 52**. Енисейская губ. (къ моменту 300-лѣтняго юбилея Сибири),—стат. очеркъ.—**52**. Кое-что объ Енисейскомъ музеѣ.

1884 г.—**2**. Устои сибирской деревни (письмо изъ Ишима, Тобол. губ.).—**7, 9, 11**. Уголокъ далекаго сѣвера (рыбачье селеніе Нижне-Колымскъ, Якут. обл.). Описаны жилища якутовъ, обстановка ихъ, пища, занятія, брач. обряды, преданія, сказки и пр.—**8**. Грамота царя Бориса Ѳедоровича объ основаніи г. Томска.

—**8, 10, 14, 16, 19, 22, 24**. *А. Адріановъ.* Путешествіе на Алтай и за Саяны.—**11**. Задачи сибир. оффиц. печати (собираніе свѣдѣній географич., топографич., историч., археологич., этнографич. и др.).—Краткій отчетъ по Минусинскому мѣстному музею.—**21**. *Грюнбекъ.* Отъ Югорскаго Шара до Обдорска.—Библ. зам. о статьѣ И. Б. «Сектанты Минусинскаго окр.» («Дѣло», 1884 г., мартъ). —**24**. Музей въ Семипалатинскѣ.—**26**. Помощь переселенцамъ.— Отъ Александровскаго завода до Нерчинскаго (пут. замѣтки).— **28**. Самоходы (изъ Ишима, Тобол. губ. о переселенцахъ). — **29**. *А. Адріановъ* Курганографія Сибири.—**34, 35**. Экономич. вопросы Сибири. **41**. Ссыльный вопросъ въ Якутской обл.—**43, 47, 49, 51, 52**. Якуты,—этнограф. очеркъ.—**46, 48, 50, 51**. По Иртышской линіи (отъ Устькаменогорска до Омска; описаніе казачьихъ поселковъ).—**47** Судьба киргиз. интернатовъ.

1885 г.—**1, 4**—**6**. По Иртышской линіи (оконч.).—**4, 5, 9, 13, 14, 16, 20, 23**. Жалкіе потомки славныхъ предковъ (характеристика быта якут. казаковъ).—**6**. Къ инородческому вопросу на Алтаѣ — **14**. О мѣрахъ къ улучшенію сельско-хозяйственнаго быта на Бельагачѣ (изъ Семипалат.).—**18**. О преобразованіи интернатовъ въ сельско-хоз. школы.—**19**. Изъ киргиз. сказаній: легенда объ основаніи Баянъ-аула (между гг. Павлодаромъ и Каркаралами, Семип. обл.).—**23**. Археологическія находки въ Минусинскомъ окр.—**24, 27, 30, 37**. Экономич. состояніе крестьянъ на Алтаѣ.—**27**. *Г. Потанинъ.* «Каданъ-Сюме», ламайскій монастырь въ Амдо.— **32—36**. Общинное землевладѣніе.—**36**. Сельскія народныя школы. —**38, 43, 45**. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Койбальской степи.— **39—40**. Ссылка, какъ факторъ экономич. жизни Сибири.—**39**. Мотивы якутской дѣйствительности.—**44**. Къ переселенч. вопросу. —**44, 49**. Изъ дѣятельности переселенч. отрядовъ.—**46**. Отчеты о засѣданіяхъ Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.—**48**. Обь-Енисейскій каналъ и его значеніе.—**51**. Семейные раздѣлы.—*Девятовъ*: По поводу семейныхъ раздѣловъ и нѣкоторыхъ другихъ явленій въ экономич. жизни минусинскаго крестьянина.

1886 г—**1, 4**. Мотивы якутской дѣйствительности (гостепріимство по обычаю).—**2**. Корр. изъ Семипалатинска о проѣздѣ и лекціи путешественника Пржевальскаго.—**3**. О постановкѣ рыбнаго промысла.—«На неводахъ»,—замѣтки туриста.—**4**. Магди на Алтаѣ.—**8**. Отъ Югорскаго Шара до Обдорска (изъ журнала Грюнбека, посланнаго А. М. Сибиряковымъ для изслѣдованія оленнаго пути между Югорскимъ Шаромъ и Обдорскомъ).—**9**. Наша торговля въ При-тянь-шаньскомъ краѣ.—**16**. Корр. изъ с. Озерно-Кузнецовскаго—о знахаряхъ.—Главныя занятія населенія Забайкальской области.—**17**. Человѣкъ каменнаго періода въ Сибири.—

20. Корр. изъ Усть-Каменогорска—о грубомъ и варварскомъ отношеніи къ инородцамъ.—**21**. Экономич. положеніе киргизской степи. —Киргизская байга.—**22**. *А. Адріановъ*. Собираніе памятниковъ сибир. древности. — **23**. Корр. изъ с. Озерно-Кузнецовскаго — о предразсудкахъ больныхъ лихорадкою. — **24**. Заимочники Каменнаго Алтая (Каменнымъ Алтаемъ, или просто Камнемъ, мѣстные жители называютъ ту часть Алтайскаго окр., гдѣ расположены кочевья калмыковъ-теленгетовъ).—**25**, **30**, **38**, **41**. *Г. Потанинъ*. «Уголокъ Монголіи»: Хотоны, поиски ихъ; Хочжамгулъ и его семья; хотонскій словарь и легенды; Баяръ и его юрта; красавица Сэмэнъ и ея «пузыри»; монгольская соха и люлька; кормятъ-ли русскія женщины дѣтей грудью и совершается-ли у насъ надъ дѣтьми обрѣзаніе; зеркало красавицы Сэмэнъ; дороги изъ Кобдо въ Кошагачъ; святыя дѣвы дюрбютовъ; Ногонъ-дарихе и ея юрта; поклоненіе святой дѣвѣ и практичность ея родителей; самозванный святой и пр.—**26**. Библіогр. зам. о соч. Э. Гранстрема: «Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи», С.-Петерб., 1886.—**28**. Существуетъ-ли въ Сибири община?—Библ. зам. о ст. Н. Ядринцева: «Бухтарминскіе каменьщики» въ 1 кн. «Сибир. Сборника» (прилож. къ «Вост. Обозр.»). — **30**. Корр. изъ с. Озерно-Кузнецовскаго объ отношеніяхъ киргизовъ къ зем. засѣдателямъ.—**33**. Неудачная попытка къ экономич. изслѣдованію Сибири.—**34**. Попытки насажденія частной поземельной собственности на Амурѣ.—**42**. Крестьянское самоуправленіе.—Отъ Тюмени до Томска (пут. замѣтки).—**44**. Научное значеніе Минусинскаго музея.—**45**. Инородческій вопросъ.—**47**. Колонизація Акмолинской обл.—Необходимые торговые пути въ Якутской обл.—**49**. Отчетъ о засѣданіи Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., въ которомъ были сдѣланы сообщенія: *М. А. Шестаковымъ* — «По статистикѣ движенія киргиз. населенія» и *докт. Путиловымъ*— «Къ вопросамъ мѣстной антропологіи».—Содержаніе реферата Н. Л. Гондатти о вогулахъ, читаннаго имъ въ засѣд. Общ. Люб. Ест., Антр. и Эти.—**51**. Джайляу—лѣтнія стойбища киргизовъ.—**52**. О мѣрахъ къ поднятію благосостоянія Калымскаго края.—Замѣтка о докладѣ Н. Л. Гондатти (въ Отд. этнографіи И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.) объ обычаѣ чествованія медвѣдя, распространенномъ у инородцевъ Сибири и Сѣв. Америки и изученномъ имъ у самоѣдовъ, остяковъ и манзовъ, населяющихъ берега устья Оби *).

1887 г.—**1**. Киргизскіе гимназисты-пансіонеры. — **5**. Публичная лекція *Г. Н. Потанина*, читанная имъ въ Томскѣ (о пребываніи экспедиціи въ Ордосѣ). —**7**. Затрудненія въ нашемъ земледѣльче-

---

*) См «Извѣстія И. Общ. Любит. Естествозн., Антр. и Этногр.“ (при Моск. универс.), т. 48, в. 2, стр. 74, и Этногр. Обозр.“ IV, 101.

скомъ хозяйствѣ.—**10**. Можно-ли крещеныхъ инородцевъ переводить на крестьянское положеніе?—Отношенія Китая къ европейцамъ (изъ рѣчи проф. Позднѣева на актѣ Петерб. унив.).—**11**. Опаиваніе инородцевъ и эксплоатація ихъ.—Къ этнографич. выставкѣ въ Томскѣ.—**13**. О джатачествѣ въ Киргиз. степи.—О важности собиранія памятниковъ старины.—**15**. Объ этнограф. выставкѣ въ Томскѣ.—**17**. *С. Кузнецовъ*. Языческій праздникъ у черемисъ.—Корр. изъ Верхоленска—о курганахъ и кладоискателяхъ *).

1888 г.,—7. Библ. зам. о «Сибир. Сборникѣ» (прилож. къ «Вост. Обозр.» 1887 г.), въ которомъ помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: «Полярныя страны Сибири», замѣтки и наблюденія въ Колымскомъ окр., *П. Рябкова*, знакомящія съ положеніемъ вырождающагося русскаго населенія крайняго сѣв.-востока; переводныя статьи: изъ *Оскара Пешеля*—о сибир. инородцахъ, изъ *Рошера*—объ европейскихъ колоніяхъ и изъ *Вамбери*—«Передвиженія и судьбы тюркскаго народа»; «Природа и жизнь на южныхъ берегахъ оз. Балхаша», *Краснова*; «Библіограф. указатель книгъ и статей о тюркахъ Енисейской губ.», *Катанова*.—**10**. Способы разверстки крестьянами платежей и земельныхъ угодій (въ Барнаул. вол., Бійскаго окр., Томской губ.).—**11**. Корресп. изъ Барнаул. вол. Бійскаго окр.—о сопротивленіи старообрядцевъ при взысканіи съ нихъ сборовъ на духовенство.—**12**. О брошюрѣ врача Н. В. Путилова: «О совмѣстной жизни сартъ и русскихъ» (изд. Зап.-Сиб. отд.).—**17**. Артели «совошниковъ» (слово «совошникъ» произошло отъ «совка», желѣз. инструмента, имѣющаго видъ палки съ желобкомъ на концѣ, которымъ производится проба качествъ сыпучихъ тѣлъ).—**18**. Преобразованіе сельской медицины въ Сибири.—**25**. Киргизъ о «Киргизской Газетѣ» (приб. къ «Акмол. Обл. Вѣд.»).—**27**. Общественныя запашки въ Сибири.—*Д. Клеменцъ*. Экскурсія въ область научныхъ вопросовъ (по поводу юбилея Москов. Археол. Общ.).—**28**. Еще объ общественныхъ запашкахъ.—*М. Костинъ*. Г. Н. Потанинъ (біограф. очеркъ).—**31**. Маралій промыселъ въ Бійскомъ окр.—**34**. Корр. изъ Якутска—о бѣдственномъ положеніи якутовъ.—О спаиваніи американцами нашихъ полудикихъ инородцевъ (камчат. чукчей).—**36**. Фактъ людоѣдства въ Туруханскомъ краѣ.—**41**. О путешествіи въ Зайсанскій край съ антропол. и этнограф. цѣлями А. А. Ивановскаго.—**44**. Экономич. положеніе крестьянъ Верхоленскаго окр.—Охраненіе крестьянами своихъ лѣсовъ (изъ Бійскаго окр.).—Ундурга (село

*) Годъ оканчивается 17-мъ номеромъ; дальнѣйшее изданіе газеты, по распор. министра Внутр. Дѣлъ, пріостановлено на 8 мѣсяцевъ.

въ Забайкальѣ),—изъ пут. замѣтокъ.—**46**. Необходимость изслѣдованія промысловъ въ Сибири.—**48**. Орѣховый промыселъ около Томска.—**51**. *А. Ордынскій*. О цѣлебныхъ растеніяхъ въ Сибири.— Корр. изъ Балаганска — объ экономич. положеніи крестьянъ.— Корр. изъ Бухтарминскаго края — о раскольникахъ. — **53**. Корр. изъ Бухтармин. края — о занятіяхъ жителей и главныхъ промыслахъ ихъ.—**56**. Томскій университетъ и инородцы. — Къ характеристикѣ торговыхъ операцій въ Верхоленскомъ краѣ: закабаленіе бурятъ *).

(*Продолж. будетъ*).

СМѢСЬ.

Мелкія этнологическія замѣтки.

Вѣра въ метаморфозъ и ея значеніе (*окончаніе*) [1]).

Мы установили значеніе, которое имѣетъ вѣра въ метаморфозъ, на основаніи данныхъ относительно Вотяковъ. Высказанныя нами предположенія подкрѣпляются фактами, которые предоставляетъ въ наше распоряженіе народная поэзія родственныхъ Вотякамъ племенъ – Маньзовъ и Лопарей. Заимствуемъ изъ книгъ нашихъ московскихъ собратовъ по изученію финскаго міра, Н. Л. Гондатти и Н. Н. Харузина, нѣсколько такихъ фактовъ. Мотивъ метаморфоза является однимъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ въ миѳологическомъ и героическомъ эпосѣ Маньзовъ. „Оборачиваются“ боги въ борьбѣ между собою и въ другихъ случаяхъ: полумъ—торумъ принимаетъ видъ семивершинной березы (которой и до сихъ поръ воздаютъ поклоненіе Маньзы), ас-ях-торумъ оборачивается чайкой, аяс-торумъ — лебедемъ, тахт-котль-торумъ — ястребомъ (Гондатти — „Слѣды. языч. у инор. С.З. Сибири“ 19–21 [2]). Оборачиваются богатыри и обыкновенные смертные: Казымскій богатырь оборачивается тетеревомъ, чтобы принести жалобы нуми, дочь его оборачивается сорокой, спасаясь отъ преслѣдованія жениха (Ib. 22); дочь тахт-котль-ойка, спасаясь отъ преслѣдованій богатыря, который хотѣлъ взять ее себѣ въ жены, оборачивается соболемъ, горностаемъ и жучкомъ (Ib. 27—28); дѣвушка, похищенная мір-суснэ-хумомъ, оборачивается волкомъ, чтобы дать ему возможность переправиться черезъ рѣку (Ib. 31). Эта свойственная людямъ и антропоморфнымъ духамъ способность къ метаморфозу объясняетъ, какъ и въ вотяцкомъ міровозрѣніи, нѣкоторыя темныя стороны вѣрованій маньзовъ. Мы видили, какъ у вотяковъ метаморфозъ объясняетъ пребываніе антропоморфнаго духа въ водѣ. Тождественное явленіе имѣетъ мѣсто и у Маньзовъ. Антропоморфный духъ воды, Аутья одыръ, выполняетъ свою функцію, живя въ видѣ большой щуки на Обской губѣ (ib. 20).

Такъ-же, какъ и у Вотяковъ, превращеніе имѣетъ мѣсто при рѣшеніи вопроса о происхожденіи предметовъ видимаго Маньзу міра. Одни изъ этихъ предметовъ произошли путемъ превращенія людей по ихъ собственному почину, другіе по волѣ высшихъ существъ. Мать богатырей *Урине* съ горя о гибели

---

*) Послѣ № 56-го изданіе газеты прекращено.

[1]) См. „Этногр. Обозр.“ VI, 231. На стр. 232, строка 3 сверху, вм. *сложился смыслъ*, должно быть: *сложилась мысль*.

[2]) Оттискъ изъ VIII кн. „Трудовъ Этногр. Отдѣла И. Общ. Л. Ест. Антр. и Этногр.“ („Извѣстія“ Общ. т. 48, в. 2), стр. 49—73.

семи сыновей сама превращается въ камень, который и теперь лежитъ на р. Сартынъ-ja (ib. 38). Другіе камни образовались изъ людей, превращенныхъ въ нихъ богами: Нōръ-ойке обращалъ въ камень богатырей, которые нападали на его владѣнія (ib. 20); нѣкоторые камни возникли путемъ превращенія богатырей, которые замыслили вступить въ борьбу съ богами (ib. 36). Между живыми существами людьми ранѣе были сорога сырокъ (Salmo Vimbu) — обращены въ птицу полумъ-торумомъ (ib. 26), въ жучка кэръ-хомлакъ превращаются души умершихъ (39 Ср. вот. кулэмъ-бубыли); лебедь былъ также ранѣе человѣкомъ и принялъ настоящій видъ по волѣ Нуми, медвѣдь явился изъ человѣка, котораго прокляла мать (ib 55).

Въ Лопарской космогоніи, какъ и въ космогоніи Маньзовъ, также замѣтно стремленіе объяснить происхожденіе вещей путемъ превращенія въ нихъ людей и духовъ. Камни — сейды обязаны своимъ происхожденіемъ обратившимся въ нихъ нойдамъ [3]). Дикіе олени образовались отъ превращенія въ нихъ отца съ сыномъ послѣ того, какъ жена не выполнила случайно одного требованія ухода за ребенкомъ („Р. Лоп.“ 345). О превращеніи человѣка въ медвѣдя разсказываетъ сказка, записанная г. Островскимъ (Изв. И. Р. Г. О. 1889, IV, 328).

Факты, извлеченные нами изъ книгъ г.г. Гондатти и Харузина, показываютъ, что разсказы о превращеніяхъ помогаютъ намъ до нѣкоторой степени разобраться въ финскихъ представленіяхъ о происхожденіи вещей и отношеніи космическихъ духовъ къ управляемымъ стихіямъ. Накопленіе возможно бóльшаго относящагося сюда матеріала изъ области финнскаго народнаго творчества дастъ, думаемъ мы, возможность болѣе точно фурмулировать космогоническія и космологическія идеи древнихъ и современныхъ финновъ.

И. Смирновъ.

Превращеніе въ дерево.

(*Великорусскій мотивъ*) *).

Крапивушка стрекучая,
Свекры моя журливая:
Журила невѣстку со двора долой,
Вывела въ чистó поле
И поставила къ *рябинушкѣ*.
Мимо шелъ добрый молодецъ,
Дивовался на рябинушку.
Пошелъ молодецъ къ своей матери,
Онъ сталъ сказывать:
— „Мать ты моя, мать родная,
Ужъ я видѣлъ диво дивное:
Стоитъ въ полѣ рябинушка,
Безъ вѣтра шатается,
Безъ росы обливается.
— „Сынъ ты мой, поди возьми саблю вострую
И сруби въ полѣ рябинушку“.
Взялъ сынъ саблю вострую
И пошелъ рубить рябинушку.
Онъ разъ ударилъ, она охнула;
А въ другой разъ ударилъ, она сказала:
— „Срубилъ мужъ женѣ буйну голову“.
Пошелъ сынъ къ своей матери
— „Мать ты моя, мать родная,
Теперь ты мнѣ не есть мать,
А лютая змѣя, лютоѣдошница, бездѣтышница“.
Пошелъ сынъ въ нову гореньку къ своимъ дѣтушкамъ,
Онъ сталъ ихъ качать, прибаюкивать:
— „Спите, дѣтушки, спите, милыя,
Теперь у васъ нѣтъ матери,
А у меня молодой жены“.

(Калужск. губ., Тарусинскій у.).

Сообщила В Х.

---

[3]) Нѣкоторые прибрежные камни обязаны своимъ происхожденіемъ обращеннымъ въ нихъ сыновьямъ слѣпого великана. Н. Харузинъ: „Русскіе Лопари,“ 347. „Труды Этногр. Отдѣла“, кн. X. („Извѣстія И. О. Л. Ест., Антр. и Этногр. т. 66“.

*) См. „Этн. Об. III, 42, 50—52, 211; VI, 234. Варіантъ къ сообщенному нами въ VI кн. „Этн. Обозр.“ малорусскому мотиву о превращеніи въ *тополь* приведенъ еще въ „Кіев. Стар.“ 1890, нояб. 208. *Ред.*

Дьяволъ — творецъ солнца.

(*Торгоутское сказаніе*).

Къ многочисленнымъ дуалистическимъ повѣріямъ о мірозданіи, сгруппированнымъ и обслѣдованнымъ главнымъ образомъ акад. А. Н. Веселовскимъ въ его „Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха", а также и въ „Этнограф. Обозр." (кн. V, стр. 32 — 48 и кн. VI, стр 4 и 139), можетъ служить дополненіемъ слѣдующее краткое сказаніе о дьяволѣ—творцѣ солнца, слышанное мною въ 1889 г. у тарбагатайскихъ торгоутовъ, въ горахъ Уръ-Копаръ, юговосточномъ отрогѣ Тарбагатая.

„Богъ, сотворившій землю (*казыр*)[1]—*Бурхун-бакчі*. Съ самаго начала Бурхун-бакчі находится въ постоянной враждѣ съ дьяволомъ (*шулма*). Когда создана была Богомъ земля, но не было еще людей, дьяволъ хотѣлъ уничтожить ее. Для этого онъ сдѣлалъ три солнца и думалъ ими сжечь землю. Но Бурхун-бакчі покрылъ ее всю водою. Долго *шулма* боролся съ Бурхун-бакчі изъ-за первенства, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ уступить ему. Тогда Бурхун-бакчі оставилъ только одно солнце, другія-же два низвергнулъ въ пропасть и, назвавъ это мѣсто *халунширмы*, т. е. адомъ, сдѣлалъ его мѣстомъ жилища дьявола. Дьяволъ однако по-временамъ и теперь еще не оставляетъ своей прежней попытки сжечь землю; объ этомъ можно судить по тѣмъ тремъ солнцамъ, которыя иногда появляются на небѣ" (рѣчь идетъ, очевидно, о т. наз. ложныхъ солнцахъ).

А. Ивановскій.

Легенды о колосѣ и о маннѣ небесной.

Сказанія о хлѣбномъ колосѣ, которыя были затронуты въ „Этногр. Обозрѣніи" (VI, 11 и VII, 77), нашли себѣ, какъ извѣстно, широкое распространеніе какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. По однимъ изъ нихъ—„прежде зерна покрывали стебель ржи отъ верхушки до земли; кто то, принявъ это растеніе за ненужное, сталъ ногой ошмыгивать зерна, и они всѣ осыпались; прибѣжала *собака* и стала просить оставить для нея; только и осталось, сколько теперь есть на колосѣ". По другимъ сказаніямъ, „въ старое время *вмѣсто снѣга падала съ неба бѣлая мука*. Одна женщина подтерла своего ребенка тѣстомъ, и съ той поры вмѣсто муки сталъ падать *снѣгъ*". Изъ сказаній такого рода, какъ уже указано было, извѣстны: великорусское, малорусское, болгарское, польское, монгольское, малоазіатское и др. Мною въ 1889 г. въ Тарбагатайской обл. Китайской имп. записанъ *торгоутскій* варіантъ такого же рода сказаній,—варіантъ, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не появлявшійся въ печати. Содержаніе его слѣдующее: „Мужчина и женщина созданы Богомъ (*Бургун-бакчі*) одновременно. Вмѣстѣ съ людьми Богъ создалъ и лошадей. Пищею для тѣхъ и другихъ служила сначала трава. Но люди уничтожали ее въ такомъ громадномъ количествѣ, что ло-

---

[1] Земля, по вѣрованію торгоутовъ, держится на огромномъ сѣромъ быкѣ (*кӧк-буху*). Землетрясеніе (*казыркутыльня*) бываетъ тогда, когда этотъ быкъ пошевелится. Вѣтеръ (*салькін*)—это дыханіе сѣраго быка. Конца земли никто не видалъ, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сходится съ небомъ (*охтургу*), такъ жарко въ продолженіи всего года, что нельзя приблизиться къ нему даже на нѣсколько сотъ верстъ. (Отмѣтимъ кстати, что верста (*нэгдунэхазыр*) измѣряется торгоутами крайне оригинальнымъ способомъ, именно при помощи свиста. Разстояніе между человѣкомъ, издавшимъ свистъ, и той крайней точкой земной поверхности, куда этотъ свистъ донесется, и есть верста. Такой-же способъ измѣренія версты мнѣ приходилось встрѣчать и у киргизовъ въ Саурскихъ горахъ, на Чиликтинской долинѣ и въ Тарбагатаѣ).

шадямъ не оставалось ничего. Тогда Богъ, оставивъ траву въ пищу лошадямъ, людямъ сталъ посылать съ неба *муку* (*кујр*). Ею питались первые люди до тѣхъ поръ, пока родившійся у нихъ сынъ не достигъ пятилѣтняго возраста. Мальчикъ этотъ однажды, въ отсутствіе отца и матери, сидя на постели, совершилъ нѣчто такое, чего въ кибиткѣ (*гір*) совершать никоимъ образомъ не позволительно. Мальчикъ испугался и, желая скрыть слѣды своего преступленія, спряталъ вещественныя улики въ мѣшокъ, на-половину наполненный мукой. Богъ, разсерженный такимъ поступкомъ мальчика, всю муку, какая находилась на землѣ, превратилъ въ *снѣгъ*. И съ неба послѣ этого вмѣсто муки сталъ падать также снѣгъ. Наступилъ на землѣ голодъ, грозившій людямъ смертью. Но тутъ является спасительницей человѣка *собака* (*нохä*). Она также голодала вмѣстѣ съ людьми; наконецъ, видя, что приближается смерть, она жалобнымъ воемъ стала умолять Бога спасти ее и дать ей хоть какую-нибудь пищу, указывая въ то-же время на свою полнѣйшую невиновность и непричастность въ непристойномъ поступкѣ виновника всего—мальчика. Тронутый просьбою собаки, Богъ послалъ ей съ неба одно зерно. Изъ этого зерна, тотчасъ-же посаженнаго въ землю, мало-по-малу и разросся тотъ хлѣбъ, которымъ питались и теперь питаются люди".

Совершеніе поступка, подобнаго совершенному мальчикомъ, и до сихъ поръ, должно замѣтить, считается у торгоутовъ страшнѣйшимъ грѣхомъ, не находящимъ себѣ, кромѣ старческой слабости, никакого оправданія. Кибитка, въ которой этотъ грѣхъ совершится, должна въ продолженіи дня сдѣлать *семь* перекочевокъ, причемъ на каждомъ мѣстѣ остановки вбивается въ землю *деревян. колъ*. Число семь и деревян. колъ играютъ здѣсь роль потому, что, по преданію, первые люди, лишившись муки, въ семи мѣстахъ искали ее и, замѣчая оставляемое мѣсто, въ каждомъ втыкали по деревян. колу. Но и по совершеніи семи перекочевокъ, въ такой кибиткѣ нельзя жить, прежде чѣмъ она не будетъ освящена ламой.

Киргизскій варіантъ того же сказанія представляетъ собою странное соединеніе легендарныхъ мотивовъ.

„Люди и лошади сотворены Богомъ одновременно. Тѣ и другія питались сначала травою. Но лошади съѣдали ея такъ много, что людямъ не оставалось почти ничего. Тогда Богъ, по просьбѣ людей, сталъ посылать имъ съ неба крупу. Они мѣшали ее съ водою и ѣли. Огня, чтобы сварить пищу, тогда еще не было на землѣ [1]). Прошло нѣсколько лѣтъ. Родъ людской размножился до сорока человѣкъ: тридцать взрослыхъ и десять дѣтей, изъ нихъ девять дѣвочекъ и одинъ семилѣтній мальчикъ. Мальчикъ этотъ сидѣлъ однажды одинъ въ юртѣ и, играя, нечаянно напакостилъ. Чтобы скрыть свой поступокъ отъ родныхъ, онъ собралъ все на лопаточку и спряталъ въ *кап* (мѣшокъ) съ крупой. Разсердился Богъ, что мальчикъ такъ осквернилъ его небесную пищу, и пересталъ посылать людямъ съ неба крупу, а вмѣсто нея сталъ падать оттуда бѣлый снѣгъ. Всю крупу, какая оставалась еще у людей, они скоро съѣли, и насталъ голодъ. Начали они тогда ѣсть лошадей, но пришло время, и ихъ не стало—всѣхъ съѣли. Началось тутъ у нихъ людоѣдство. Каждый день съѣдали по человѣку. Кто дольше всѣхъ проспитъ утромъ, того и съѣдятъ. Наконецъ, и люди всѣ съѣдены, остался только одинъ человѣкъ. Страшный, престрашный былъ онъ: росту сорокъ аршинъ, весь лохматый, глазъ одинъ, три ноги, уши ниже плечъ висятъ. Когда оставалось на землѣ только пять человѣкъ, онъ, боясь, что когда нибудь проспитъ утромъ, и его съѣдятъ, ночью всѣхъ задушилъ и утащилъ ихъ отсюда (урочище Оп-Чиликъ въ Тарбагатаѣ) на Мусъ-тау („ледяная гора"—высшая точка Саурскихъ горъ, вѣчно покрытая снѣгомъ). Тамъ онъ сидѣлъ и

[1]) О происхожденіи огня, по сказанію киргизовъ, см. замѣтку ниже.

ѣлъ ихъ; хватило ему ихъ только на недѣлю, а потомъ и для него насталъ голодъ. Ровно девять лѣтъ онъ просидѣлъ безъ пищи, не двигаясь съ мѣста. Исхудалъ, истощалъ, тонокъ сталъ, какъ палка. Наконецъ, всталъ онъ и пошелъ опять сюда, на старое мѣсто. Приходитъ и видитъ, что весь Оп-Чиликъ засѣянъ хлѣбомъ и одна юрта стоитъ. Вошелъ онъ въ нее, а тамъ сидитъ съ собакой молодая дѣвушка. Сталъ онъ ее разспрашивать, откуда она. Она разсказала, что была еще маленькой дѣвочкой, когда люди стали ѣсть другъ-друга. Она на другой-же день тогда убѣжала съ этой собакой въ горы и спряталась тамъ въ пещерѣ. Никто не замѣтилъ ея бѣгства. Питалась она каждый день только однимъ хлѣбнымъ зерномъ, которое ей приносила собака. А собакѣ Богъ давалъ въ день по два зерна; одно она съѣдала сама, а другое отдавала ей, дѣвушкѣ. Видя, наконецъ, что никого уже не осталось на Оп-Чиликѣ, она вышла сюда и поселилась здѣсь. Собака все продолжала приносить ей по одному зерну. Тогда она стала ѣсть по зерну черезъ день, а въ тѣ дни, когда не ѣла, садила зерна въ землю. Изъ нихъ-то и разросся хлѣбъ. Одноглазъ женился на этой дѣвушкѣ, и снова родъ людской сталъ размножаться"[1]). **А. Ивановскій.**

Къ вопросу о колосѣ и маннѣ небесной добавимъ, что библіографическія указанія, сдѣланныя въ „Этногр. Обозр." (VI, 11—12; VII,77), можно пополнить еще слѣдующими: *Сумцовъ*, Очерки исторіи ю.-рус. апокрифич. сказаній и пѣсенъ, стр. 80—81 (Кіевъ 1888, изъ „Кіев. Старины" 1887). *Веселовскій*, Разысканія въ обл. рус. дух. стих. VI—X, 315; срв. то:же II,, 60—61. *Аѳанасьевъ*, Нар. рус. легенды, стр. VIII; Поэтич. воззр. I, 482. Сборникъ мат. по этногр., изд. при Дашковск. Этногр. Музеѣ въ Москвѣ (подъ ред. В. Ѳ. Миллера), II, 43—44. „Wisła" 1887, 148, и Biblioteka „Wisły", t. IV, 98 (*Z. Wasilewski:* „Jagodne". Warsz. 1889). Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej (Krakow), III, 23, 97; VI, 321. *Pajek*. C'rtice iz dus'evnega žitka s'tajerskih slovencev (v Ljubljani, 1884), стр. 177, срв. 137. Кромѣ того, кажется, о томъ же есть рѣчь у Терещенка („Бытъ р. нар.") и у Гримма (D. Märchen).

Вл. Каллашъ.

Происхожденіе огня.

(*По сказанію киргизовъ*).

„Было время, когда люди не знали огня (*отъ*); но потомъ они увидѣли, что безъ огня имъ плохо. Они стали просить Бога послать имъ съ неба огонь. Богъ какъ-бы не понялъ ихъ просьбы и сотворилъ для нихъ солнце (*кунь*) и мѣсяцъ (*ай*). Между людьми былъ тогда самымъ умнымъ *дуана*[2]) Фрукъ. „Безъ огня намъ нельзя жить", говорилъ онъ Богу.—„Я далъ вамъ огонь", отвѣчалъ Богъ, „днемъ вамъ свѣтитъ солнце, ночью—луна". Умный Фрукъ объяснилъ Богу, что правда, что людямъ нельзя жить безъ солнца и луны, но нельзя также жить и безъ того огня, который въ холодъ согрѣвалъ-бы ихъ, на которомъ они могли-бы сварить себѣ пищу и т. п. Тогда Богъ послалъ дуану Фрука въ адъ. Тамъ ему дали маленькую искорку. Отъ этой искорки и распространился огонь между всѣми людьми".

Ал. Ивановскій.

---

[1]) Объ одноглазѣ см. „Этногр. Обозр." IV, 25—43 и 94—95; VI, 236.

[2]) О „дуанахъ" (киргиз. шаманахъ) см. *Г. Н. Потанина:* „Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи", вып. II, стр. 81.

Дикіе люди.

Въ замѣткѣ о былинномъ эпизодѣ боя отца съ сыномъ (Этн. Об. V. 257) г. Каллашемъ были привлечены къ сравненію между прочимъ малорусскія сказки о дикихъ людяхъ. Указаны, именно, варіанты Рудченка и Мошинской. Мы можемъ сообщить 3-й варіантъ, представляющій своего рода интересъ.

„Розбився корабль; два чоловіка на досці прибилися до острова, а на тому острові нема людей нічого. Коли пришла женщина води брать съ колодою, у шерсті; пищить до іхъ: ідіть, мовъ, за мною; а вони іі не розбирають; і забрала вона іхъ; вона іхъ боїться, а вони іі. Пришли туди – нема нічого, тільки одни яблуки; ні огню, ні соли, ні хліба—вода е (есть); дичини багато, та тільки яблуки ідять. Почали шукать кремéню, найшли кремень; викресали огню, давай класти дровъ, дичину ту скубти, пекти, поживать, зъ глини горшки ліплять, а дикі дивляться та думають: і що то вонó е (je)? І прожили вони півтора года—не знали якъ перейти; найшли переходъ, обмілъ—такъ вони повтікали голі і іхъ до царя представили, а царь велівъ дать імъ нагараду“.

(Зап. въ 1889 году отъ неграмотной старухи Степаниды Кошовой въ с. Дружковкѣ, Бахмутск. уѣзда, Екатериносл. губ.).

М. Н. Васильевъ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

— 22-го октября текущаго года состоялось открытіе Географическаго Отдѣленія, состоящаго при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Настоятельная потребность въ расширеніи познаній чисто географическихъ, касающихся всѣхъ странъ вообще, преимущественно же Россіи и Азіи, давно уже чувствуется въ обществѣ. Правда, въ Россіи существуетъ уже Императорское Русское Географическое Общество въ Петербургѣ и это почтенное Общество, такъ много потрудившееся надъ изученіемъ Россіи, имѣетъ свои отдѣлы въ Тифлисѣ, Омскѣ и Иркутскѣ. Но Россія такъ обширна и свѣдѣнія о ней сравнительно такъ мало разработаны, что еще много найдется дѣла, желающимъ заняться ея изученіемъ. Вотъ почему новооткрытое Географическое Отдѣленіе Импер. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этнографіи надо привѣтствовать отъ души и пожелать полнаго успѣха его начинающейся дѣятельности. Цѣли, намѣченныя Географическимъ Отдѣленіемъ, слѣдующія: 1) Собираніе матеріаловъ по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія, преимущественно Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ,—матеріаловъ по картографіи, гипсометріи, по изученію морей, озеръ, рѣкъ, горъ, почвъ, произведеній различныхъ областей, по климатологіи, біологической, медицинской, коммерческой, исторической географіи, промышленному землевѣдѣнію, статистикѣ и т. д. 2) Организація экспедицій и экскурсій для изученія различныхъ мѣстностей, какъ въ чисто научныхъ, такъ и прикладныхъ цѣляхъ. 3) Устройство засѣданій для обмѣна мыслей и наблюденій по различнымъ вопросамъ научнаго и прикладного землевѣдѣнія, его изученія и элементарнаго преподаванія,—для научныхъ сообщеній и отчетовъ по географической литературѣ и для распространенія географическихъ свѣдѣній. 4) Изданіе трудовъ отдѣленія и тѣхъ сочиненій и картъ, опубликованіе коихъ будетъ признано полезнымъ, а также основаніе, если окажется возможнымъ, періодическаго журнала по землевѣдѣнію. 5) Устройство географическихъ выставокъ для ознакомленія съ произведеніями различныхъ странъ и областей, съ картографическими географическими и статисти-

ческими изданіями, фотографическими и другими видами мѣстностей, инструментами и приборами по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія и учебными пособіями по географіи, а также, если окажется возможнымъ, устройство постояннаго Географическаго музея и библіотеки. 6) Сношенія съ различными учрежденіями и лицами, какъ въ Россіи, такъ и за границей, по предметамъ, касающимся занятій отдѣленія.—Какъ всякое начинающееся дѣло, Географическое Отдѣленіе нуждается въ сочувствіи и поддержкѣ всего общества, которыя могутъ выражаться какъ въ матеріальномъ вспомоществованіи, такъ и въ посильной помощи по части составленія коллекцій, картъ, плановъ, и фотографій, присылки матеріаловъ и т. п.—22-го октября Отдѣленіе имѣло свое первое засѣданіе, на которомъ происходили выборы въ должностныя лица. Предсѣдателемъ отдѣленія выбранъ проф. Д. Н. Анучинъ, товарищами предсѣдателя: А. Л. Линбергъ и Н. Л. Гондатти; исправляющимъ должность секретаря—А. А. Ивановскій.

— Вопросъ объ учрежденіи въ Казани публичнаго педагогическаго и научно-промышленнаго музея, по сообщенію газетъ близится къ практическому осуществленію, благодаря пожертвованію мѣстной капиталисткой О. С. Александровой 500 тыс. руб. и дома на этотъ предметъ.

— По сообщенію газетъ, Импер. Публичная Библіотека намѣрена заняться составленіемъ систематическаго каталога русскихъ книгъ и музыкальныхъ сочиненій, появившихся въ Россіи отъ начала печатанія; къ нему ежегодно будутъ издаваться потомъ продолженія.

— Въ настоящее время началъ свои дѣйствія „Московскій Библіографическій Кружокъ“, уставъ котораго утвержденъ 31 іюля 1890 г. Задача кружка весьма полезна, но въ то же время чрезвычайно трудна. Цѣль его составляетъ: а) обстоятельное изслѣдованіе и подробное описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и рукописей; б) содѣйствіе правильной разработкѣ отечественной библіографіи въ отношеніи системы и методовъ, а также развитію и распространенію разнообразныхъ техническихъ знаній, имѣющихъ отношеніе къ книжному дѣлу. Для достиженія этой цѣли кружокъ намѣренъ: а) собирать матеріалы по русской библіографіи, разработывать ихъ и издавать систематическіе каталоги рукописей, книгъ церковной и гражданской печати, періодическихъ изданій, иностранныхъ книгъ о Россіи, а равно издавать и другіе библіографическіе труды; б) составить библіотеку спеціально библіографическаго характера; в) собирать книги и предметы, знакомящіе съ книжнымъ дѣломъ, для составленія библіографическаго музея; г) устраивать публичныя чтенія и выставки по своему предмету; д) входить въ сношенія съ владѣльцами библіотекъ и сообщать требуемыя свѣдѣнія по книжному дѣлу; е) способствовать по возможности сохраненію частныхъ библіотекъ покупкою ихъ или инымъ путемъ. Нельзя не пожелать возможно большаго успѣха этому въ высшей степени полезному дѣлу.

— Результаты VIII-го Съѣзда Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей, бывшаго въ С.-Петербургѣ отъ 28 декабря 1889 года до 7 января 1890 года, изложены въ изданной уже брошюрѣ: „VIII Съѣздъ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей“. СПБ. 1890.

Въ 8-мъ отдѣлѣ („Географія и Антропологія“) помѣщены слѣдующія сообщенія, имѣющія отношеніе къ этнографіи: 1) Д. Н. Анучина—„О совмѣстной работѣ русскихъ ученыхъ по географіи и этнографіи“; 2) Д. П. Никольскаго—„О башкирахъ“; 3) А. Н. Харузина—„О типѣ киргизовъ“; 4) И. Остроумова—„О необходимости снаряженія экспедиціи къ вогуламъ“; 5) Ѳ. М. Истомина—„Объ этнографическомъ изученіи Печерскаго края“; 6) Э. Ю. Петри—„Въ киргизской степи“. Кромѣ того, изъ протоколовъ восьмого отдѣла (Географіи и

Антропологіи) мы усматриваемъ, что на съѣздѣ были сдѣланы още слѣдующія сообщенія, относящіяся къ этнографіи: 1) М. И. Кулишера—„О миграціяхъ"; 2) Н. Ю. Зографа—„Предварительныя свѣдѣнія о его антропологическихъ работахъ по великоруссамъ Ярославской, Костромской и Владимірской губерній"; 3) А. С. Хаханова—„О древнѣйшихъ предѣлахъ разселенія грузинъ въ Малой Азіи"; 4) А. А. Ивановскаго—„О результатахъ путешествія въ Тарбагатай"; 5) Д. Н. Анучина—„Къ исторіи первобытной культуры"; 6) Д. Н. Анучина—„О составленіи общаго сочиненія по географіи и этнографіи Россіи" и „О выработкѣ руководства для изслѣдованія географіи и этнографіи Россіи"; 7) Кн. В. И. Масальскаго—„Объ этнографической картѣ Карской области"; 8) З. А. Блюмъ—„О результатахъ антропологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ"; 9) П. Ф. Лесгафта—„О значеніи антропологическихъ изслѣдованій"; 10) А. В. Елисѣева—„О доисторическихъ обитателяхъ Южно-Уссурійскаго края".

Мы, слѣдовательно, видимъ, что на послѣднемъ (VIII) съѣздѣ естествоиспытателей было сдѣлано всего 16 сообщеній, имѣющихъ прямое отношеніе къ этнографіи (кромѣ того, нѣсколько сообщеній могущихъ, также имѣть, хотя и отдаленное, отношеніе къ ней).

Отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества

Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Императ. Московскомъ Университетѣ.

Обширная область нашего Отечества съ многочисленными народами, входящими въ его составъ и стоящими на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ цивилизаціи, представляетъ собою неисчерпаемый кладъ для науки, въ особенности для исторіи культуры. Неудивительно поэтому, что изученіе народностей Россіи въ бытовомъ отношеніи принимаетъ въ послѣднее время все болѣе широкіе и серьезные размѣры, и число изслѣдователей народнаго быта увеличивается съ каждымъ годомъ во всѣхъ концахъ Россіи. Работы этихъ дѣятелей на пользу Отечества и науки до послѣдняго времени оставались почти незамѣченными вслѣдствіе того, что онѣ или разбрасывались по разнымъ періодическимъ изданіямъ, преслѣдующимъ иныя цѣли, или наполняли собою громадные томы ученыхъ Обществъ, тоже мало извѣстные и не всегда доступные большому кругу читателей.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, сознавая необходимость особаго органа, который бы являлся посильнымъ выразителемъ развивающейся этнографической науки въ Россіи, приступило съ 1889 года къ изданію при Отдѣлѣ Этнографіи журнала подъ названіемъ:

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

который предлагается вниманію просвѣщенныхъ соотечественниковъ, интересующихся научнымъ изученіемъ Россіи.

Президентъ Общества, проф. **Д. Анучинъ.**
Предсѣдатель Отдѣла Этнографіи, проф. **Всев. Миллеръ.**
Секретарь Отдѣла Этнографіи **Н. Янчукъ.**
Секретарь Общества **Н. Гондатти.**

періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ казаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ **„Смѣси“** сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ **„Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“** помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также **приложенія**: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.—въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес.

Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%. Допускается разсрочка по соглашенію.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехническій Музей*) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва).

Статьи и матеріалы для помѣщенія въ журналѣ просятъ адресовать: Москва, Политехническій Музей, въ редакцію *„Этнографическаго Обозрѣнія“*.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ *):

Кн. I. Отъ редакціи.—О задачахъ русской этнографіи, проф. *Д. Н. Анучина*.—О нойдахъ (шаманахъ-колдунахъ) у древн. и соврем. лопарей, *Н. Н. Харузина*.—Свадебные обычаи Ахалцихскихъ армянъ, *В. Н. Акимова*.—О черничкахъ, *В. Н. Свѣтъ*.—Замѣтка о народной медицинѣ, *П. М. Богаевскаго*.—Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья, *Г. И. Куликовскаго*. — Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ (гл. I), *В. В. Каллаша*.—Библіографія: ученыя и справочныя изданія (15 книгъ), обзоръ журналовъ и газетъ.—Извѣстія и замѣтки.

Кн. II. Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ, проф. *В. Ѳ. Миллера*.—Добавленіе о грузинскихъ переводахъ иранскихъ эпическихъ произведеній, *А. С. Хаханова*.—Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомск. у. Тамб. г., *А. П. Звонкова*.—Палій и Мазепа въ народной поэзіи, *В. В. Каллаша*.—Оскаръ Кольбергъ, по поводу его 50-лѣтн. юбилея (съ портретомъ), *Н. А. Янчука*.—Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытн. обществѣ (гл. II), *В. В. Каллаша*.— Тушины, *А. С. Хаханова*.— Библіографія: обзоръ новыхъ книгъ (7 кн.), ученыхъ изданій, журналовъ и газетъ.—Извѣстія и замѣтки.

Кн. III. Частныя и общественныя гульбища на Дону, *А. А. Казмина*.—Семейная община у грузинъ, *Н. Л. Абазадзе*. — Празднованіе Новаго года у грузинъ, *А. С. Хаханова*. — Сила родительскаго проклятія по народнымъ раз-

---

*) Первыя 3 книги вышли въ 1889 г. безъ предварительной подписки. Счетъ книгъ ведется отъ начала изданія.

сказамъ, *П. В. Иванова*, съ замѣткою *Н. А. Янчука*.—Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя, *Е. Р. Романова*.— Двѣ статьи о киргизскихъ пѣсняхъ (съ прилож. нотъ): ст.I, *М. В. Готовицкаго*; ст. II, *Р. А. Пфеннига*. — Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай, *А. А. Ивановскаго*. — Изъ матеріаловъ по этнографіи сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ: національныя божества, *В В. Кандинскаго*. — Этнографическія замѣтки (сонъ-трава, розмай-зилье, жемчужная трава, васильки, обжинки, Спасова борода, символика краснаго цвѣта, татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины), *Н. Ѳ. Сумцова*. — Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ (гл. III), *В. В. Каллаша*.—Библіографія: книги и ученыя изданія (отчеты о 14 книгахъ); обзоръ журналовъ и газетъ.—Смѣсь: Къ вопросу о народной медицинѣ, *Н. Я.* Мелкія этнологическія замѣтки (6 замѣтокъ о былинахъ; зам. къ бѣлорус. снотолкователю; о превращеніи въ растенія и деревья; журъ; сонъ трава), *В. В. Каллаша*.—Извѣстія и замѣтки.—Приложенія: 1) киргизскія и сартскія пѣсни, 2) напѣвы ихъ.

Кн. IV. Отъ редакціи.—Дагестанская народная правда, *М. М. Ковалевскаго*.—Кавказскія сказанія о циклопахъ, *В. Ѳ. Миллера*.—Похоронные обряды Обонежскаго края, *Г. И. Куликовскаго*.—Воронъ въ народной словесности *Н. Ѳ. Сумцова*.—Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинск. народа, *М. К. Васильева*.—О культѣ медвѣдя, преимущественно у сѣверныхъ инородцевъ, *Н. М. Ядринцева*.— Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ, гл. I—III, *П. М. Богаевскаго*.—Къ этнографіи башкиръ, *П. С. Назарова*.—Некрологи: Г. I. Минейка, Н. Г. Первухина, Д. З. Бакрадзе.—Библіографія: отчеты о 17 книгахъ и ученыхъ изданіяхъ; обзоръ журналовъ и газетъ.—Смѣсь: Девы и Каджи, *А. Грена*. Мелкія этнологическія замѣтки: 1) половы; 2) укрощеніе змѣй; 3) сонъ-трава. *В. В. Каллаша*.—Извѣстія и замѣтки.

Кн. V. О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій, *Эдв. Тайлора*.—Къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ, *Александра Веселовскаго*. — Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII вв. *М. Запольскаго*.—Заклинанія противъ чаръ, *В. Б. Антоновича*.— Очерки религіозныхъ представленій вотяковъ, гл. *IV—V. П. М. Богаевскаго*.—Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, *В. Ѳ. Миллера*.—Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ, *Н. Ѳ. Сумцова*.—Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, *П. И.*—Чувашская свадьба, *В. И. Ашмарина* и *Е. С. Шкапскаго*.— Некрологи: Н. П. Барсова, М. П. Веске и О. Кольберга.—Библіографія: отчеты о 13 книгахъ; обзоръ журналовъ и газетъ.—Прибавленіе къ библіографіи: Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія, *А. А. Ивановскаго*.—Смѣсь: Pro domo sua (отвѣтъ „Рус. Филологич. Вѣстнику" на возраженіе по поводу замѣтокъ о рус. былинахъ), *Владим. Каллаша*. Мелкія этнологическія замѣтки (о былинахъ; о татуированіи и окрашиваніи труповъ; Кожемяка—Янъ Усмошвецъ; Чоботько). *Его-же*.—Къ вопросу объ укрощеніи змѣй. *Н. Ѳ. Сумцова*.—Извѣстія и замѣтки.

Кн. VI. Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. — О свадебныхъ платежахъ и о приданомъ у кавказскихъ горцевъ, *Л. В. Малинина*.—Очерки Кирсановскаго уѣз., Тамбов. губ., *В. Н. Бондаренко*.—Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярослав. губ. *А. Балова*.—Къ вопросу о русской народной музыкѣ, *Ю. Н. Мельгунова*. — Литовскія легенды, *Э. Вольтера*.—Очеркъ жизни и трудовъ М. П. Веске, проф. *И. Н. Смирнова*.– Библіографія: отчеты о 19 книгахъ; обзоръ журналовъ и газетъ. Прибавленіе къ библіогр.: Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія, *А. А. Ивановскаго*.— Смѣсь: Къ вопросу о прозвищѣ былиннаго Ильи, проф. *А. Соболевскаго*. Вѣра въ метаморфозъ и ея значеніе, проф. *И. Н. Смирнова*. Пѣсенные мотивы о превращеніяхъ, *М. К. Васильева*. Кирикъ и Улита, *Г. Р. Шидловскаго* и *Хаханова*. Одноглазый людоѣдъ (вотяцк. легенда).—Извѣстія и замѣтки.

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1891 году.

Подписка на 1891 г. (13-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои требованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ Редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая. [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы: I. Матеріалы. II. Изслѣдованія и замѣтки. III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о проподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ изданіи Русскаго Филологическаго Вѣстника принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессоры и преподаватели): А. И. Александровъ, К. Ю. Аппель, С. К. Буличъ, А. С. Будиловичъ, Р. Ѳ. Брандтъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, С. Н. Брайловскій, И. М. Бѣлорусовъ, Я. И. Горожанскій, ак. Я. К. Гротъ, К. Я. Гротъ, М. П. Карпинскій, Н. И. Ивановъ, Е. П. Карскій, П. А. Кулаковскій, Л. Н. Майковъ, В. Н. Мочульскій, В. А. Истоминъ, И. С. Некрасовъ, М. П. Петровскій, Н. И. Петровъ, А. А. Потебня, С. В. Преображенскій, Н. В. Рузскій, М. П. Савиновъ, А. И. Соболевскій, И. Н. Созоновичъ, П. А. Сырку, Г. К. Ульяновъ, М. Е. Халанскій, А. А. Шахматовъ, Н. В. Шляковъ, В. А. Яковлевъ и др.

Русск. Филол. Вѣстн. г-мъ Мин. Народн. Просв. рекомендованъ для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній. М. Н. Пр., а Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для фунд библіот. Дух. Семинарій. Цѣна за 1880 г., 1881 и 1882 по 5 (пяти) р, за 1883, 1885, 1887, 1888 и 1889 по 7 р.; 1884 и 1866 гг. въ продажѣ нѣтъ.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ*.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

1891 г. „МЕДИЦИНА“. ГОДЪ 3-й.

Изданіе, посвященное всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены, будетъ выходить, въ объемѣ 2-хъ листовъ, а лѣтомъ 1-го листа, четыре раза въ мѣсяцъ, а именно:

1) Самостоятельныя статьи, лекціи и предварительныя сообщенія русскихъ авторовъ и переводныя статьи и лекціи иностранныхъ авторовъ по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, по всѣмъ отдѣламъ общественной и частной гигіены, эпидеміологіи, судебной медицины и гидрологіи, а также по общей патологіи, фармакологіи, анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи. 2) Общіе обзоры по различнымъ медицинскимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи медицины. 4) Новости медицины изъ русской и иностранной литературы. 5) Статьи и замѣтки по народной, особенно русской медицинѣ. 6) Критика и библіографія медицинскихъ книгъ, статей, больничныхъ отчетовъ и изданій, могущихъ чѣмъ либо интересовать врачей. 7) Научныя корреспонденціи, хроника и мелкія извѣстія объ ученыхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, слухи и выдержки изъ газетъ, имѣющіе исключительно научный интересъ, а также правительственныя распоряженія, могущія чѣмъ либо интересовать врачей. 9) Частныя объявленія и публикаціи, за исключеніемъ рекламъ, о вновь вышедшихъ медицинскихъ книгахъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—Редакція, Гороховая, д. № 40 и книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейная, д. № 48; Москва, книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, д. Кохъ, противъ Университета.

Подписная цѣна за годовое изданіе **ПЯТЬ** рублей, съ доставкой и пересылкой **ШЕСТЬ** рублей.

Статьи высылаются на имя редактора д-ра мед. Степана Михайловича Васильева (С.-Петербургъ, Гороховая, д. № 40).

Оставшіеся экземпляры „**МЕДИЦИНЫ**“ за 1889 г. продаются по **4** руб. съ пересылкой; экземпляры же за 1890 г. по **ШЕСТИ** рублей. Въ 1890 г. былъ помѣщенъ подробный отчетъ о сообщеніяхъ, сдѣланныхъ на десятомъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ.

Труды Этнографическаго Отдѣла (11 книгъ) содержатся въ слѣдующихъ томахъ „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“ *).

Изв. т.

VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. Ц. 3 р.

XII. (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей. Ѳ. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII. (кн. 3), вып. 1 и 2, 1874 г., по 1 р. 15 к.

Содержаніе. Вып. 1: Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. Статьи: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, *Ст. Верковича.*—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, *Н. Г. Керцелли.*—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, *А. Л. Дювернуа.*—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ *Н. А. Поповъ*,—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), *Колоусека.*—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, *А. Примѣрова.*—7) Домашній бытъ Маріупольскихъ грековъ *А. Анторинова.*—8) О пермякахъ, *П. Вологдина.*—9) Свадебные обычаи у болгаръ, *Жинзифова.*—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, *Анастасьева.*—11) Проэктъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. *Засъ-Касселя.*—12) Этнографическія замѣтки, *Н. Г. Керцелли.*—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., *К. Попова.*—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, *Н. Г. Керцелли.*—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., *Дударева.*—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 г., *Е. В. Барсова.*—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана-Майдори, совершаемаго бурятами, *Н. Г. Керцелли.*—18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, *Е. В. Барсова.*—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, *Е. В. Барсова.*—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., *Е. П. Добрынкиной*, съ замѣткой *Е. В.* Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, *Н. А. Покровскаго.* — 22) Юрьевъ день, *Е. В. Барсова.*—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., *Квашнина-Самарина.*

Вып. 2. Зыряне и Зырянскій край, *К. А. Попова.*

XXVIII, (кн. 4). Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. Ц. 2 р

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, *Н. А. Попова.*—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ *П. В. Шейна*, съ замѣчаніями *В. Ѳ. Миллера.*—3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ *В.* и *А. Зенковичей.*—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, *Е. В. Барсова.*—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, *Ф. Д. Нефедовъ.*—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., *Е. П. Добрынкиной.*—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели, *Е. В. Барсова.*—8) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ «Нижегородск. Сборникѣ», *И. Ф.*

---

*) Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей), а также въ книжныхъ магазинахъ коммиссіонеровъ Общества А. Карцева и А. Суворина. Первыя 2 книги, изд. Дашкова, остались въ незначительномъ количествѣ только у издателя (Москва, Публичный и Румянцевскій Музеи).

Кудрявцева. — 9) Охотничье право собственности у Зырянъ, *К. А. Попова.*—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., *А. Ѳ. Можаровскаго.*—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., *П. М. Апостольскаго.*—12) Башкирское преданіе о лунѣ, *Л. В. Лосіевскаго.*— 13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера *П. М. Апостольскаго.*—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, *В. Ѳ. Миллера.*

XXX, (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. П. Е. Ефименка. Ц. 4 р.

Часть 1: Описаніе внутренняго и внѣшняго быта. 2 р. 50 к.

Часть 2: Народный языкъ и словесность. Ц. 1 р. 50 к.

XL, (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII, (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. Ц. 4 р.

Вып. 1. Статьи: 1) Потеряла ли законную силу бытущая старина въ сознаніи русскаго народа? *Н. А. Покровскаго.*—2) Малорусская свадьба въ Константиновск. у., Сѣдлецкой губ., *Н. А. Янчука.* — 3) Приговоры и причеты о табакѣ, *П. В. Шейна.*—4) О гиляцкомъ языкѣ. Д-ра *Зеланда.* (2 р.).

Вып. 2. Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ). *В. Ѳ. Миллера.*—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). *Его-же.*—3) А. Л. Дюверниа (некрологъ). *Его-же* —4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. *Е. А. Покровскаго.*—5) О юридическомъ бытѣ татовъ. *М. М. Ковалевскаго* —6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. *Н. Л. Гондатти.*—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.—зап. Сибири. *Его-же.*—7) Программа для собиранія этнографич. свѣдѣній, сост. *Н. А. Янчукомъ.*—Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. *М. Н. Харузинымъ.* (2 р.).

LXI, (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (съ прилож. портрета М. Н. Харузина), в. I. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Памяти М. Н. Харузина. *В. Ѳ. Миллера.*—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи. *П. М. Богаевскаго.*—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. *В. Кандинскаго.*—4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ. *А. Паппе.* — 4) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. *А. П. Звонкова.*—6) Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. *П. И. Астрова.*—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). *Н. А. Янчука.*— 8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. *А. Кельсіева.* — 9) Изъ русской народной космогоніи, передано *С. Я. Деруновымъ.*—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. *Николая Харузина.*—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. *В. П. Тихонова.*—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. *В. Н. Аршинова.*—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго).— 14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. А. Янчука).

LXVI, (кн. 10). Русскіе Лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Николая Харузина (съ рисунками и картой). Ц. 3 р. 50 к.

LXIX. (кн. 11). Сборникъ свѣдѣній, вып. 2 (см. объявленія) Ц. 2 р.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03461